

АНТИЧНАЯ ЛИРИКА

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаяв Б. М.
Конрад И. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева Н. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Рензов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. В.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

АНТИЧНАЯ ЛИРИКА

ПЕРЕВОДЫ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО И ЛАТИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1968

Вступительная статья

С. Шервинского

Составление и примечания

С. Апта и Ю. Шульца

АНТИЧНАЯ ЛИРИКА

Говоря «античная лирика», мы разумеем лирику двух не только разных, но и весьма различных народов — греков и римлян. Поэзия римская — в прямой зависимости от греческой, но это не продолжение и не копия: у римской поэзии немало своих национальных черт. Объединение лирики греческой и римской в единое понятие лирики «античной» оправдано общностью культуры языческого рабовладельческого общества, заложившей основы культуры Средиземноморья, то есть в большой мере новой Европы.

У поэзии греков и римлян различна и судьба. Римской поэзии лучше была обеспечена жизнь в последующих веках. В таких странах, как Италия или Франция, древнеримская культура, по существу, никогда не угасала, даже тогда, когда восторжествовало христианство и когда эти цветущие, богато цивилизованные области оказались ареной варварских нашествий. Даже в самые глухие годы раннего средневековья она теплилась в монастырских кельях и только ждала времени, когда ее произведения снова станут насущным хлебом филологов и поэтов. У более древней поэзии греков не было этой относительно счастливой обеспеченности. Если Гомер и Геспод уцелели в общем крушении Эллады, то лирика греков, за малыми исключениями, почти целиком пропала. В Византии ранней греческой лирикой интересовались преимущественно ученые, извлекая из нее нужные им грамматические примеры, которые для нас и остаются иногда единственным материалом, дающим понятие о том или ином поэте.

Непоправимый удар античному литературному наследию нанесла гибель Александрийской библиотеки.

Приходится собирать остатки древней греческой лирики, как колосья в поле после снятия урожая, воссоздавать утраченное по отдельным

фрагментам. Пусть же читатель, стремящийся познакомиться с лирикой Древней Эллады, помедлит в недоумении и печали среди этого беспощадного опустошения, не удивляясь тому, что наряду с немногими счастливо сохранившимися образцами его вниманию будут предложены обрывки, обломки, по которым ему трудно будет составить себе понятие о целом. Впрочем, иные краткие стихотворения лишь кажутся фрагментами, — на самом деле они так были написаны.

Ранее VII века до н. э. лирика, принадлежавшей определенным авторам, в Элладе не существовало. Народ, конечно, пел, но еще не писал. То было время, когда за поэтом-лириком не стояло никаких литературных предшественников.

Зато народное творчество было в расцвете. По всей Греции, по азийскому побережью, по островам Архипелага певцы-рапсоды разносили эпос Гомера, навсегда ставший для античной поэзии сокровищницей тем и словесного выражения. А рядом с профессиональными певцами девушки и юноши, по случаю возвращения весны, сбора винограда или просто сопровождая свои полудетские игры, распевали нехитрые песенки, как у всех народов на земле.

Такие песни, как «О ласточке» или об игре в «черепашу», — вот те узенькие просветы, через которые мы заглядываем в мир греческой народной лирики древнейших времен.

Начиная с VIII и тем более VII века правомочно уже говорить о греческой лирике как о выделившемся жанре литературной поэзии. VII век был временем формирования эллинского политического единства на основе сосуществования ряда отдельных, нередко враждовавших друг с другом племен, из которых рано выдвинулись на культурную арену дорыне, понтийе, эолийцы. Они нахлынули с востока и с севера и теперь осваивали малоазийский берег, острова и гавани греческой земли. В этом процессе вырабатывался дух воинственной предприимчивости. В общем подъеме громко заявила о себе лирическая поэзия, связанная уже с определенными, иногда полумифическими именами. Смутной тенью проходит в памяти человечества образ певца Орфея.

В развитии искусств тех отдаленных времен не наблюдается параллелизма. Когда народ успел уже создать величайший из эпосов мира, когда и лирика с быстротой неслыханной достигла высокого уровня, другие искусства Греции были еще в периоде становления. Арханчская Ника Архерма кажется принадлежащей эпохе куда более ранней, чем стихи того времени.

Мы впали бы в ошибку, подумав, что тот или иной жанр лирики был бесспорно первым по времени в развитии греческой поэзии. «Мелика», то есть песенный жанр, появился примерно одновременно с поэзией «ямбической», нередко окрашенной сатирически; тогда же возникла поэзия «гимнов», то есть хоровая лирика религиозного или хвалебного рода;

вступил в свои права и элегический дистих (двустипше), нашедший позже широкое применение в элегии и эпиграмме. О возможности какого-либо хронологического уточнения тут говорить не приходится.

Особенно горестна утрата столь многих мелических произведений. В них наиболее выражено было личное лирическое начало. В дошедших до нас такая прозрачность и непосредственность чувств, какая может быть лишь у поэзии, еще не удалившейся от своего прямого источника — поэзии народной.

Мелическая лирика была связана неразрывно со струнной музыкой. Исполняя стихи-песни, поэт брал лиру (кифару), садился и пел, держа ее на коленях и перебирая струны пальцами или плектром. Лира издавала чистый и звонкий, но скудный для нашего современного слуха звук, даже когда к лире добавлено бывало еще несколько струн, превращавших ее в «барбитон».

Мелическая лирика означала имела свое топографическое средоточие: недалекий от азийского побережья остров Лесбос с главным городом Митиленой. На этом обширном и богатом острове, заселенном племенем эолийцев, культура приобрела некоторые своеобразные черты. Женщине предоставлялась на Лесбосе значительная свобода, между тем как в Аттике того же времени женщины были подчинены строгим нормам эллинского «домостроя».

На Лесбосе, как, впрочем, и в некоторых других местах Греции, рано возникли свои музыкально-поэтические студии, куда приезжали учиться из разных областей эллинского мира.

Одну из таких студий возглавляла, в конце VII — начале VI века, знаменитая поэтесса Сафо (точнее — Сапфо). Она родилась на Лесбосе, и только раз ей пришлось уехать временно в изгнание по причинам политическим. Сафо была замужем, знала радости материнства. Она жила в условиях утонченной роскоши. Прекрасная собой, гениально одаренная женщина достигла преклонных лет в окружении своих постоянно сменявшихся учениц. С ними ее связывала восторженная дружба, находившая выход в пламенных, страстных стихах. Для некоторых она сочиняла свадебные песни — эпиталамы. Предание о том, что Сафо покончила с собой из-за несчастной любви к некоему Феону, — досужий вымысел позднейшего времени.

Судьба сохранила для нас один из шедевров великой зачинательницы эллинской мелики, озаглавленный у нас «Гимн Афродите» (античная лирика не применяла названий). Кто бы ни был адресатом этих стихов, его бессмертно чувство поэтессы, выраженное с чудесной музыкальностью и стройностью. Другой шедевр Сафо «Богу равным кажется мне по счастью // человек...», через пятьсот лет переведенный на латинский язык Катуллом, может по праву считаться классическим образцом поэзии любви. Сохранившиеся в большом количестве фрагменты свидетельст-

вуют, что умная, многосторонняя поэтесса способна была и на сатирические и на философские высказывания. Она откликалась и на житейские события. Читатель найдет среди ее стихов и чуткие воссоздания природы, как, например, в стихотворении «Пещера нимф».

Рядом с родоначальницей любовной лирики возвышается ее современник, тоже Lesbосец, поэт Алкей. Судя по стихам, он был влюблен в свою знаменитую соотечественницу, но она ответила ему отказом, заключенным в суровое четверостишие.

Алкей и Сафо делят между собой славу основоположников эллинской мелики, но они очень различны. Сафо прежде всего — женщина. Алкей всецело мужествен. Политическая борьба заполняет помыслы поэта. Меч в руке сменяет пиршественную чашу. Призывы постоять за родину, то есть за Lesbос, чередуются с резкими инвективами против политических противников. Алкей одновременно с Сафо был изгнан, когда правителем стал Питтак, глава противоположной партии. Прощенный Питтаком, он возвратился и дожил до глубокой старости, отмеченной, судя по его стихам, усталостью от жизненной борьбы. Среди его наследия не могут не привлечь внимания два стихотворения: «Буря» и «Буря не унимается», где живописуется буря на море, не без политической аллегории, или столь примечательное и в познавательном отношении стихотворение о доме, где все готово для военного предприятия, где дом «Медью воинской весь блестит...».

Непосредственность мироощущения и художественная верность дали стихам Сафо и Алкея силу пережить тысячелетия. Мы и сейчас читаем их стихи почти как современную поэзию.

Следуя за композицией тома, то есть обозревая сначала мелику, перебросим мост через целое столетие. За пределами эолийского Lesbоса мы встретимся с поэтом, чье имя достаточно хорошо известно каждому. Мы имеем в виду ионийца Анакреонта, творчество которого не связано с каким-либо определенным местом — поэт переходил от одного правителя к другому до самой старости. Анакреонт, от стихов которого остались только фрагменты,— левец вина, любви, земных радостей, прекрасных юношей. Его поэзия полна призывов к веселью и вместе с тем вздохов о скоропреходящей молодости, о бренности жизни. Тематика Анакреонта узка, но популярность в последующие века огромна. Она оказала влияние на всю мировую лирику. Образовался специфический «анакреонтический» жанр, обязанный, впрочем, своим возникновением больше сборнику поддельных стихов в духе Анакреонта, созданных уже в римскую и даже византийскую эпоху. У нас слава Анакреонта подкреплена рядом переводов Пушкина.

Наиболее видный представитель ранней «хоровой» лирики — поэт VII века до н. э. Алкман. Несколько сохранившихся стихотворений дают возможность восстановить в общих чертах жизнь и образ поэта. Родив-

нии в Азии, Алкман перебрался в Спарту и здесь утратил обычное для азийцев пристрастие к роскоши и усвоил стиль жизни своей второй родины. В стихотворении «Как-нибудь дам я треногий горшок тебе...» он выражает вкусы вполне «спартанские»: его удовлетворяет «подогретая каша», нища земледельца и воина. Но в душе у приемного спартанца таились родники истинно поэтического мироощущения. Пересеченные ущельями суровые высоты Тайгета внушили Алкману строки редкой красоты. Он чутко прислушивается и присматривается к природе. При чтении его стихотворения «Спят вершины высоких гор...» невольно вспоминаются «Горные вершины...» Лермонтова. Но основное в творчестве Алкмана — это тексты песен, писанных им для девичьих хоров. Алкман был руководителем певческой школы девушек, — пожалуй, точнее назвать ее по-современному «хоровой капеллой». Суровый спарта-нец нашел для этих хоровых песнопений много женственной мягкости, и свежесте их не может не пленять.

Хорошая лирика непосредственно после Алкмана не дала выдающихся представителей. Впоследствии, к концу VI столетия, она нашла широкое применение на театре, составив лирические части трагедии, преобладавшие еще у Эсхила над речевыми текстами драмы. При исполнении хоровой лирики в качестве сопровождения применялась флейта в форме длинной двойной дуды.

Жанр «гимнов», то есть торжественной лирики, носил сперва преимущественно религиозный характер, но к V веку в значительной степени утратил его. Светскими одами-гимнами прославил себя и свою родину величайший лирик того времени Пиндар (521—441 гг. до н. э.). В отличие от таких лириков, как Алкей, он чуждался политических конфликтов, как внутренних, так и международных. Пиндар неизменно сохранял сознание всеэллинского единства. Он пользовался единодушным признанием. Характер его поэзии и личный характер обеспечили ему дружбу с видными деятелями и государями различных областей. Широта политических воззрений сочеталась у Пиндара с последовательной позицией миролюбца, и это не могло не привлекать к нему сердца народа. К сожалению, наше представление о творчестве Пиндара односторонне. Известно, что его лирические произведения были разнообразны. Они исполнялись под музыку при различных обстоятельствах, от храмовых церемоний до застольного веселья. Надо думать, что такие стихи-песни бывали писаны стилем и языком сравнительно простым. Этого нельзя сказать о тех его произведениях, которые нам знакомы. От Пиндара до нас дошли полностью только его «Эпипикии», числом 45, — похвальные гимны в честь победителей в конских ристаниях на всенародных играх — истмийских, лифийских и других. В Древней Греции победа на спортивном состязании почиталась крупным патриотическим событием, — победитель отстаивал честь своего племени, своего «полиса».

Нередко соотечественники увековечивали его подвиг, ставили ему памятник при жизни. Такого рода памятникам соответствуют оды Пиндара.

На поэзию Пиндара падает тенью вся та масса подражаний его стилю, какие возникли в новой европейской поэзии, особенно в торжественном одописании XVIII века. Но отрешимся от этой вторичности восприятия,— все равно поэтика его эпиникий представляется нарочитой, стиль — высокопарным. Не удивительно, что литературная наставница Пиндара, беотийская поэтесса Коринна, неоднократно побеждала его на поэтических состязаниях — она писала понятным народу стилем и языком.

Уже у древних есть указания на то, что Пиндар был малодоступен для своих современников, и это не требует доказательств. В его мифологических отступлениях много мотивов из редких непопулярных мифов, причем, излагая их, поэт пользуется намеками, угадать смысл которых не каждый в состоянии. Всякие недомолвки ведут к недоступности смысла, к выставлению напоказ своей образованности. Это удовлетворяет самолюбие слушателя и угождающего ему автора. А между тем именно мифологические отступления составляют главную массу эпиникий. Непосредственное обращение к герою дня большею частью бывает кратким. Благодаря недоговоренности эти отступления теряют в повествовательности, хотя довольно многословны. Сам Пиндар говорит в одной из од:

Дел великих всегда многословна хвала;
Но из многого малое любит мудрец
В разнообразной приять красоте...

Благородные, морально возвышенные мысли, разумные поучения носителям власти вкраплены в мудреный, полный пафоса текст,— ими оправдывается общая легковесность Пиндаровых эпиникий.

Пиндар — первый из поэтов, относившийся к своему творчеству, как профессионал: он писал стихи по заказу общины или отдельных лиц и получал денежное вознаграждение. Нельзя сказать, чтобы эта сторона деятельности не ощущалась в стиле его одописания. Прославление победителей неизбежно приводило к налету лести,— так Пиндар проложил дорогу многим «воспевателям» сильных мира сего. Однако возвышенный пафос Пиндара много благороднее, чем угодливость обычных придворных стихотворцев.

Эпиникии Пиндара написаны сложными, сменяющимися размерами и разделены на строфы и антистрофы, что сближает их с хорами трагедий. Пышное, хотя и искусственное словотворчество, богатая, роскошная образность, наконец, вообще то особое превосходство, какое бывает лишь у высокодаренных и законченных мастеров своего дела, закономерно ставят Пиндара на вершину греческой лирики V столетия.

В этом столетии завершилось разобщение лирики с музыкой, лира и флейта перестали быть непременными участниками исполнения стихов. Этот процесс был постепенным и неравномерным: уже в VII столетии поэты стали свои стихи записывать, тогда же начали появляться в стихах обращения к «читателю».

Распространенным жанром древнейшей лирики были и «ямбы». Название определяется размером стиха, который впоследствии, в своем топическом варианте, стал излюбленным метром русской поэзии. Этот размер с его энергичической поступью был приспособлен к выражению не столько пылких и нежных переживаний, сколько таких эмоций, где давался выход трезвой или ожесточенной, нередко едкой и насмешливой мысли.

Отцом ямбической лирики считается Архилох, он же был, по-видимому, и изобретателем ямба как метра. Годы его деятельности приходится на то время, когда Сафо и Алкей еще не родились, то есть на вторую половину VIII и первую половину VII века. Архилох был как раз из тех новоселов Архипелага, чье вторжение изменило культурный облик Греции. Его жизнь, поскольку можно проследить ее по сохранившимся стихотворениям и фрагментам,— это военные налеты, это подвиги, но и грубые выходы наемного воина-моряка, это трудная, полная опасностей повседневность. Обозначается и характер зачинателя ямбической лирики: Архилох был человек дикий, страстный, воюка и драчун, мстительный и жестокий, мастер выпить, охотник до случайных женщин. Судьба у него была не только беспокойная, но и несчастливая. В личной жизни его произошла драма: он полюбил девушку из богатой семьи. Ее отец сперва обещал Архилоху выдать за него дочь, но потом передумал. Если бы он мог предвидеть, какой грязью обольет оскорбленный жених и его самого, и его неповинную дочку, он, вероятно, предпочел бы все же отдать ее домогателю. Рассвирепевший поэт не погнушался, видимо, и прямой клеветой. Позднейшие времена романтизировали происшедшую семейную распрю: создалась легенда, будто скомпрометированная ямбами Архилоха девушка покончила с собой, и даже не одна, а будто бы вместе с сестрою.

Архилох отразил в своей поэзии то, чему научила его жизнь,— твердость духа перед лицом опасности, спокойное признание силы обстоятельств. Архилох не был избалован жизнью, и его стихи чужды ее очарований. Язык его стихов груб, порою непристоеп. Все это весьма далеко от мелкой героического и нежного Лесбоса. Никакой лиры не можем мы представить себе в руках Архилоха, только резкую фригийскую дудку. Но так и видишь, как он своей мускулистой ногой притоптывает на каждом «сильном» слого ямба,— обычный прием при исполнении ямбических стихов.

В стихах Архилоха — энергия молодых народных сил, так и рвущихся в бой. Искренность его предельна. Архилох — это примитивный, первичный двигатель культуры. Кроме того, он не только создатель ямба. Иногда поэт сменяет его, в пределах одного и того же стихотворения, на другие метры. Это заставляет предполагать, что он обладал даром импровизации, что перемена метра или даже выдумка нового стихотворного ритма была для него делом мгновения. В сохранившемся наследии Архилоха чистых ямбов не так много.

Архилох не чужд и «элегического дистиха», то есть сочетания одной строки гекзаметра с одной строкой стиха, который обычно неправильно называют «пентаметром». Об этой форме дает нам понятие двустишие Пушкина:

Слышу, умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

Стихи, писанные такой формой, назывались в античности «элегиями». Тогда термин «элегия» не означал непременно стихотворения с печальным содержанием. Правда, и в Греции элегии не полагалось, как застольной песне, славить чувственные радости бытия, но раздумья, обычно присущие элегии, еще не определили ее как жанр. В эллинистическое время любовная тема широко зазвучала в элегической лирике. Пусть во времена аттической гегемонии, в классическом V веке, элегия была еще второстепенным жанром, — вскоре она стала господствующим. Длинный ряд поэтов прославил этот род поэзии в эллинистическое время. Элегию полюбили в Риме. А потом, в эпоху Возрождения, — на искусственной латыни — элегия получила свое второе рождение. Немало элегий создано и европейскими поэтами нового времени.

Элегия обычно имела спокойное течение, она приспособлена была к выражению серьезных мыслей, морализированию, рассуждению; ею удобно было пользоваться и для приветственных выступлений. Простой язык элегий ничего общего не имеет с пышностью Пиндаровых эпипикий и предвещает будущие достоинства ораторского стиля. В отличие от мелики, слагавшейся на различных диалектах, элегия писалась неизменно на понтийском. Исполнялись элегии еще в VI столетии под аккомпанемент флейты. Для этого приглашался специальный флейтист или флейтистка, иногда же сам поэт играл в перерывах декламации.

Среди древнегреческих элегиков читатель встретит знакомые ему имена. Таков Тиртей, ставший символом поэзии, воодушевляющей воинов на битву.

Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополчения,
Родину-мать от врагов оберегая в бою, —

эти строки могли бы служить эпиграфом ко всему творчеству Тиртея. Предание говорит, что Тиртей, хромой школьный учитель, был прислан спартамцам в насмешку, когда они, повинувшись оракулу, попросили своих союзников — афинян дать им полководца. Но оракул не ошибся: Тиртей своими стихами сумел воодушевить спартанских воинов и обеспечил Спарте победу.

Писал элегии и Солоп, известный законодатель Афин, одна из обаятельных фигур эллинистической древности. На элегиях Солона в известной мере отразилась его деятельность. В его стихах видна глубокая вера в «благозаконие». Он сурово обличает пороки, но не в плане сатиры, а лишь морального увещания. В заслугу себе Солон ставит то, что никогда не стремился к тирании, не шел путем насилия, не поощрял дурных людей, — из-за этого он нажил себе врагов. Стихи Солона «Моей свидетельницей пред судом времен...», подводющие итог его государственной деятельности, исполнены величия. Мы не можем не сокрушаться, что из его поэмы о Саламине, содержащей сто стихов, время сохранило всего восемь. Политическая пламенность этих восьми строк заставляет еще горше сожалеть об утрате остальных.

По имени не так широко известен, но поэтически значителен эллик VI века Феогнид. Это один из немногих относительно пощаженных временем: из созданного им уцелело около ста пятидесяти более или менее цельных стихотворений (не все, однако, в этом наследии достоверно). Феогнид — поэт-скептик, он мучается неразрешенными вопросами бытия, он в недоумении своем дерзко обращается к самому Зевсу. Он недоволен миром, он сердится. Его стихи, обращенные к юноше Кириу, — наставления, исходящие из глубокого, почти родительского чувства. Политическая пристрастность придает стихам Феогнида особую напряженность. Едва ли многие соотечественники могли сочувствовать его даровитым, но в высшей степени антидемократическим элегиям. Некоторые стихи, приписываемые Феогниду, повторяют стихи Солона, — это доказывает, что и древние, составляя поэтические сборники, не могли порою разобраться в наследии своих давних поэтов.

Отцом элегии любовной считается Мимнерм (VI в.). Ему принадлежит знаменитая, часто повторяемая строка:

Что за жизнь, что за радость, коль нет золотой Афродиты!

Кроме первой элегии, начинающейся этим стихом, в ничтожном по количеству уцелевшем наследии Мимнерма нет прямой любовной тематики, зато много обычной скорби о быстропроходящей юности, о неверности человеческого счастья. Каждый, кто дожил до старости, не может не оценить таких строк, как:

Старость презренная, злая. В безвестность она нас ввергает,
Разум туманит живой и повреждает глаза.

Мимнерм стал образцом для многих элегиков александрийского направления и элегиков римских. Древние упоминают, что Мимнерм был и выдающимся музыкантом.

Поэты-элегики не ограничивали себя однажды полюбившейся поэтической формой, поэтому определение «элегик» следует понимать лишь как указание на главную, характерную линию в их творчестве.

Некоторые элегики, не ограничиваясь любимой ими формой, остались в истории поэзии главным образом как изобретатели новых стихотворных размеров. Таков Фалек (III в.), создавший особый одиннадцатисложный стих, носящий его имя и широко применявшийся в поэзии римской. Таков Гиппонакт, своеобразный поэт, неудачник и бедняк, изобретший для своей горько-насмешливой поэзии «хромой ямб». Таков Асклепиад, чье имя сохранено в названии особой строфической системы.

Не меньшим разнообразием отличался и жанр эпиграммы. Эпиграмма близка к элегии по простоте и сжатости языка, а также по преимущественному пользованию элегическим дистихом. Само название жанра многое раскрывает в его особенностях. «Эпиграмма» означает «надпись». Если при слове «мелика» перед нами возникает образ ноющего поэта с лирою в руках, то термин «эпиграмма» вызывает в воображении гладь мраморной плиты с вырезанными на ней буквами.

Эпиграммы не носили в древности непременно острого характера, не «вцеплялись в глаза», как эпиграммы нового времени. Античная эпиграмма — это коротенькое стихотворение, относящееся к какому-нибудь определенному человеку, обстоятельству, местности, предмету. Среди эпиграмм много надгробных, так называемых «эпитафий», много и эротических. Есть философские эпиграммы, — они составляют раздел «гномов», — есть и социально заостренные.

Нет возможности даже бегло охватить ту массу эпиграмм, какие сохранились до нашего времени, главным образом благодаря популярности этого рода лирики в эллинистическую, римскую и даже ранневизантийскую эпоху, когда из них были составлены обширные сборники. Знакомая с эпиграммами, представленными в настоящем томе, читатель отметит, что в эпиграмматическом роде упражнялись не только такие выдающиеся поэты, как, например, Феокрит, автор III века, знаменитый своими «буколическими», то есть пастушескими идиллиями, но и писатели, чью славу составили сочинения совсем иного плана: среди эпиграмматиков он найдет и философа Платона, и прозаика Луккиана, и комедиографа Менапдра, и поэта-ученого Каллимаха, директора Александрийской библиотеки.

Характер эпиграмматического творчества и само его происхождение из надписи определяет его отношение к музыке. Эпиграмма не пелась и музыкой, как правило, не сопровождалась.

Вступая в эллинистический период, то есть к началу III века, древнегреческая лирика — и не только одна лирика — успела растерять лучшие свои ценности. Это было участью всего эллинского искусства. Мелика замолкла первой. Что же касается элегии и эпиграммы, то эти два рода лирики пришлось по вкусу новой эпохе, особенно в своем любовном и сатирическом аспекте, и закономерно перешли из измельчавшей Эллады в новорожденный центр культуры — Рим, где и мелика вскоре получила великолепное, хотя и вторичное развитие.

Лирика Древнего Рима обзорнее, нежели греческая. От нее сохранилось если не все, то многое, и крупнейшие поэты представлены с завидной полнотой. Кроме того, вообще развитие римской поэзии шло этапами, более явственно уловимыми.

Греция была овеяна духом музыки. Без лиры или флейты в течение нескольких веков не существовало лирической поэзии. Народная песня продолжала потаенно звучать в произведениях мелики, хотя и утратив с нею непосредственную связь.

Римский народ вообще не был музыкален. До нас не дошло ни единой древнеримской народной песни, хоть и есть указания, что какие-то песни пелись, — по-видимому, больше военные. Не было у римлян и своего Гомера. Римская поэзия развилась из подражания греческим предшественникам, но, и не питая своих корней источниками народного творчества, не имея законных предков, смогла достичь высоты, достойной великого народа.

Расцвет римской лирики приблизительно совпадает с правлением Августа. Этот период обычно называют «золотым веком» римской поэзии: именно в эти годы писали самые прославленные поэты — Вергилий, Гораций, Овидий. Но наше современное восприятие готово отдать предпочтение поэту, творившему еще только в преддверии «золотого века» — Каю Валерию Катуллу.

Катулл, живший в первой половине I столетия до н. э., был, как Цицерон, по слову Тютчева, «застигнут ночью Рима», то есть сменой республиканского строя единовластием. Когда Цезарь перешел Рубикон и подходил к Вечному городу, республиканец Катулл встретил его вызывающей эпиграммой:

Меньше всего я стремлюсь тебе понравиться, Цезарь,—
Даже и знать не хочу, черен ли ты или бел.

В этой эпиграмме и других стихах, гневно язвивших соратников Цезаря, — не только политическая позиция юного поэта, но и проявление его

характера. Катулл привез с собою из северной Вероны простодушие и прямолинейность. Впоследствии выпады против Цезаря были милостиво ему прощены. Трудно решить, пренебрегал ли Цезарь колкостями поэта или опасался его едкого языка, но факт тот, что поэтические дерзости Катулла сошли ему с рук.

Обжившись в столичной атмосфере Рима, Катулл вскоре стал центром небольшого, но одаренного кружка сверстников. Стихи, обращенные к Лицинию Кальву и другим друзьям, невольно приводят на память отношение Пушкина к лицейским товарищам. Вообще в темпераменте и многих чертах лирики Катулла замечается сходство с нашим великим поэтом.

Молодые литераторы во главе с Катуллом были увлечены греческой поэзией эллинистической эпохи. Тогда старые ценители литературы недоверчиво называли их «новаторами». Таковыми они и были на самом деле. Сам Катулл переводил александрийца Каллимаха. Но он отдал дань и древнейшей лирике Эллады: перевел, как уже было сказано, мелический шедевр Сафо, применив впервые на латинском языке «сапфическую» строфу. Он ввел и другие, новые для римской поэзии, размеры: одиннадцатисложный стих Фалека и «хромой ямб» Гиппонакта. Греческая лирика была для Катулла вовсе не предметом слепого подражания — ему при его одаренности незачем было кому-либо «подражать», — но поэтической школой. В смысле выработки литературного языка и стихотворной техники у поэтов I века до н. э. были и свои отечественные предшественники: драматурги Плавт и особенно Теренций, в тепле многих веков считавшийся образцом классической латыни. У сочленов кружка Катулла обязательным считалось превосходное знание стихосложения и стилистики. За Катуллом даже утвердился эпитет «doctus». Но нет ничего ошибочнее такого определения, если принимать его за основную характеристику. У Каллимаха основой поэзии была именно ученость. У Катулла — она лишь средство владения мастерством, а настоящая стихия его лирики — непосредственное чувство, отклик на все явления жизни, особенно личной. Это естественно, поскольку то было время, когда внимание стало пристально сосредоточиваться на индивидуальном, человеческом.

Все находило отражение в легких, остроумных, изящных, порою малопристойных, порою грубоватых, часто едко сатирических «безделках», как любил называть свои стихи их молодой автор. Приходится с грустью подчеркивать молодость поэта: как и многих гениальных людей, Катулла постигла ранняя смерть, — он умер от неизвестной нам причины, едва перейдя тридцатилетний возраст. Может быть, виновата была изнуряющая жизнь, которую вел Катулл, оказавшись в Риме, — вспомним, какой пример распущенности подавал в свои юные годы сам Цезарь. Но, может быть, причиной быстрого упадка сил была и несчастная, мучительная

любовь. То была злосчастная страсть, но благодаря ей Катулл оказался в ряду самых выдающихся авторов любовной лирики.

Стихи, обращенные к Лесбии, отражают все перипетии его любви, о которой даже трудно сказать, была ли она взаимной, и если да, то долго ли. Имя «Лесбия» — поэтический псевдоним Клодия — напоминает нам о далекой мелике Лесбоса. Лесбия принадлежала к небогатой и обеспеченной семье, но сама постепенно скатывалась к неразборчивому разврату, и это доставляло глубокое страдание вольному в стихах, но по существу целомудренному поэту.

Цикл стихов, обращенных к Лесбии или относящихся к ней, вызвал впоследствии, особенно в эпоху Ренессанса, множество подражаний и отражений. Даже в искусственных ренессансовых имитациях лирические стихи Катуллы не теряют своего изящества. Следует заметить, что тогда особенно ценились именно «изящные» произведения поэта, — его стихи, где тема любви принимает поистине драматические тона и достигает силы потрясающей, оставались в тени.

В стихах Катуллы перед нами проходит, вернее, мелькает повседневность этого просвещенного кружка грекофильствующих «новаторов», беспечных юношей, ютящихся в многоэтажных домах с дешевыми квартирами, литераторов, у которых «одна паутинка в кармане», которым, будучи приглашенными «откушать», лучше прийти с собственным обедом, приправленным смехом и остротами. Одна из забав — сочинение экспромтов, то, что мы назвали бы «бу-риме», если бы античность применяла рифму. Стихи Катуллы так живы и точны, что чувствуешь себя как будто возлежащим за скудным столом этой веселой молодежи. Кружок Катуллы — прообраз будущих литературных богем.

Целый ряд лирических произведений Катуллы выходит за рамки любви к Лесбии, отношений с друзьями и ранних политических инвектив. Таковы «Эпиталамы», особенно посвященная бракосочетанию Виннии и Манция, где выступает характерная для римской поэзии черта: слияние греческой поэтики с реалиями итальянской жизни, — в этой эпиталаме, вслед за традиционным призыванием бога Гименея, идет обширная вставка с «фесценинскими шутками», весьма откровенными, составившими неотделимую часть римских свадеб.

Преждевременная смерть брата вызвала несравненную по чувству и нежности элегию поэта. Эта элегия показывает, насколько Катулл был достойным преемником греческих элегиков и не менее достойным предвестником элегиков римских.

В целом новшество лирики Катуллы и вся деятельность «новаторов» была тем ферментом, который разрушал прежние, устаревшие эпико-драматические формы древнейшей поэзии Рима и обновлял ее новой, как бы весенней свежестью.

Катулл прожил в Риме всего пять-шесть лет. Кроме выезда на Восток в свите префекта, Катулл еще один раз оторвался от своей столичной жизни, чтобы посетить родную виллу на берегу озера Гарда. В двух стихотворениях, относящихся к этому посещению, запечатлелась мягкая, умевшая любить душа поэта.

Горацию было лет десять, когда скончался Катулл. Таким образом, творчество этих крупнейших поэтов-лириков разделено промежутком всего в каких-нибудь двадцать лет или даже того меньше. Между тем они могут по праву служить представителями двух сильно друг от друга отличных эпох, как политических, так и литературных. Ко времени, когда Гораций был облечен в тогу «мужа», республика фактически перестала существовать. Жизнь Горация прошла в кругу просвещенных людей века Августа, то есть того времени, когда народившийся абсолютизм создавал предпосылки к грядущим векам цезаризма с его мировым охватом, с его самовластием военных деятелей, со сменой ярких индивидуальностей, которые, будучи на императорском престоле, иногда возвышались единичными благородными фигурами, но чаще покрывали Рим позором и обливали кровью. Близость к окружению Августа наложила печать на содержание и общий тон его произведений.

Катулл мало заботился о личной славе и своем положении в обществе. Гораций, наоборот, отлично сознавал, какую роль призван он сыграть в истории римской поэзии, понимал, кому и чему служит. Если эпоха Катулла — время становления, исканий, радостной молодости искусства, то эпоха Горация — это уже зрелость со всеми ей присущими качествами. Язык, выработанный опытом ранних авторов и новаторами Катуллова кружка, достиг у Горация совершенной чистоты и ясности, мастерство стиха вышло из состояния первых достижений. В лирике Горация ощущается тот стиль, который с полным правом может называться «классическим», с преобладанием типического над характерным.

После Катулла в лирику Горация входил, как в обширный благоустроенный атрий, где приятная прохлада граничит с холодом. Но была ли холодность общим свойством дарования Горация? Совсем другие возможности обнаруживаются у этого сдержанного лирика, как только он впе пределы лирического жанра. Об этом говорят две книги написанных им в молодые годы «Сатиры», где наблюдательность, острота, юмор, характерность выказались во всей полноте своего реализма.

Приходится думать, что Гораций, поэтическую славу которого составили главным образом «Оды», то есть стихи, самым названием указывающие на мелических предков, не обладал специфическими качествами лирика, если, конечно, ограничивать понятие «лирики» самовыявлением душевной жизни поэта. Тем не менее историк Квинтиллиан считал Гора-

ция единственным лириком Рима. Высочайшее совершенство формы, близость к образцам древней лесбийской мелики, видимо, заставляли предпочесть возвышенную спокойную музу Горация непосредственным, столь часто дерзким стихам Катулла.

Четырем книгам «Од» предшествовало, кроме «Сатир», издание также написанных в ранней молодости «Эподов». В этих небольших и перовых по стилю произведениях чувствуется прямая связь с ямбами Архилоха. Нет сомнения, что в восприятии Горация, и не его одного, древнейшие ямбы, созданные тому назад шестьсот лет, так же, как и мелика Алкея и Сафо, жили еще полноценной жизнью. Они еще могли служить не только школой мастерства, но и методом эстетического мировосприятия.

«Эподы» с их миротворческой тенденцией заслужили Горацию высокую оценку со стороны видных авторитетов того времени, и сын вольноотпущенника был принят в близкий к Августу круг вельмож Мecenата, с которым вскоре оказался связанным прочной дружбой на всю жизнь. Но для нас очевидны недостатки этих молодых произведений. Делая поправку на античность, мы не будем ставить в упрек автору грубость и непристойность некоторых эподов — это было, кроме того, оправдано и примером Архилоха, — но нельзя не признать, что некоторые эподы растянуты, другие недостаточно остры. К ним приходится относиться как к переходному жанру между яркостью и остроумием «Сатир» и строгой, чистой лирикой «Од».

«Оды» в большом количестве посвящены Мecenату, которому Гораций обязан был не только введением в высшие литературные круги, но и личным материальным благосостоянием. Эта двойная зависимость окрашивает некоторые оды оттенком, близким к льстивости. Но мы не должны забывать общую обстановку того времени с его покровителями и прихлебателями. Гораций в этом обществе держался все же с достоинством, Август даже выражал недовольство, что поэт мало обращается лично к нему.

Оды подбирались и издавались самим автором. Их четыре книги, из них лучшие — вторая и третья. В четвертой чувствуется, что поэту прискучивает однажды избранная им лирическая форма поэзии, — Гораций тогда уже отходил от этого жанра в пользу поэзии эпистолярной — «посланий», пмеющих то обзорно-литературный, то поучительный характер и нередко представляющих собою дружеские беседы в письмах на различные, часто философские темы.

Среди «Посланий» наиболее известно «Послание к Пизонам», содержащее наставление в поэтическом искусстве («De arte poetica») и проложившее дорогу литературной дидактике Буало.

Материал «Од» разнообразен. Однако общий тон их един. В них нет

или очень мало «лирического волнения». Поэт умеет оставаться и в пределах выражения чувств на той «золотой середине», которую он одобрял с морально-философских и житейских позиций. Зато в «Одах» много раздумий, мыслей о невозвратности молодости и краткости жизни в духе Апокроста. Поэт не чуждается немало наслаждений, чувственных утех, между ними и утех любви, но напрасно стали бы мы искать в его уравновешенных стихах такой страстности, такого накала чувств, как у его образца, лесбосской волшебницы Сафо. Не было у него и своей Лесбии. Одной чертой «Од» Август мог быть доволен: «Оды» свободны от эротической соблазнительности.

Немало од Гораций посвятил политической теме. Среди них неизбежные для поэта с подобным положением похвалы Августу. Многие из них объясняются и тем обстоятельством, что Августу, через Мecenата, поэт был обязан мирным и обеспеченным существованием, особенно ценным им потому, что в прошлом у него было политическое пятно: он был в рядах армии Брута.

Гораций благодарно принимал дары из рук бывших политических противников, проявлял безоблачно спокойную удовлетворенность жизнью — в нем не обнаружить и крупинки революционного, активно альтруистического темперамента. Горациева «золотая середина» позволяет трактовать себя не только положительно, но и отрицательно.

Гораций находит, однако, и яркие выразительные средства, когда дело идет о победах римского оружия.

Гораций подолгу жил в своем поместье, подаренном ему Мecenатом. Живописная и уютная природа, пасущиеся стада, сельские работы изображаются Горацием в красках буколической идиллии, и это придает одам прелесть если не полной правдивости, то тонкого чувства красоты окружающего мира.

Особой заслугой своей Гораций считал введение им в римскую поэзию стихотворных форм эллинической метрики. Действительно, в одах постоянно применяется то сапфическая строфа, то Алкеева, то Асклепиадова, и неизменно «логэадические», то есть смешанные формы стихосложения. Нельзя не оценить все звуковое богатство стиха Горация, хотя справедливость требует отметить, что эвфония и в стихах Катуллы достигала уже редкой изысканности. Сознание всего сделанного им для римской поэзии позволило Горацию написать знаменитое стихотворение, условно называемое «Памятник» (ода 30 книги III), которое вызвало в поэзии новых времен целый ряд подражаний, у нас — Державина и Пушкина. Само оно было частично заимствовано у Пиндара.

Лирика Рима никогда впоследствии не достигала совершенства Горация. Не будем же подчеркивать некоторых мало для нас привлекательных черт поэта. Этому умному, тонкому, доброжелательному, миро-

любивому баловню фортуны мы простим многое за все то, чем он обогатил последующие века.

В эпоху Августа в Риме была представлена и «Элегия», причем рядом самых выдающихся поэтов. Двое из них, Тибулл и чуть более молодой Проперций, были только элегиками; третьим был один из величайших поэтов мировой литературы — Овидий, чье творчество далеко выходило за пределы элегического жанра.

Элегии Тибулла и Проперция имеют больше точек соприкосновения, нежели различий. Нередко двустихие одного легко принять за двустихие другого. Их объединяет общее следование за александрийской элегией — путь, проложенный уже Катуллом. Нам трудно уяснить степень их несамостоятельности, поскольку от поэзии александрийцев почти ничего не сохранилось. Очевидный элемент александрицизма — вкрапление в стихи мифологических мотивов, причем у Проперция в большем количестве, чем у Тибулла. Другая черта, идущая от александрийского вкуса, — преобладание любовной темы.

Оба римские элегика воспевают своих возлюбленных. У Тибулла их две: сперва Делия, затем Немесида. Нельзя сказать, чтобы эти образы были обаятельны, — корысть ржавчиной ложится на их молодость и красоту. Воспетая Проперцием Цинтия — просвещенная, понимающая в стихах и музыкальная девушка, по-видимому, из куртизанок. Чувство к ней Проперция относительно горячее, нежели пассивно-лирическое отношение Тибулла к его героиням. Мы едва ли сделаем ошибку, если применим к Тибуллу термин «сентиментальность». Эта черта сказывается у него и в отношении к жизненным наслаждениям. Он видит их в мирной сельской жизни, в деревенском труде, в простоте быта, — нетрудно усмотреть в таком настроении общность с Феокритовыми и Вергилиевыми буколиками, тоже вызванными к жизни побегом просвещенного горожанина в искусственную атмосферу «трианонов». Поэзия Тибулла очень ровна, чиста, благоговяща. Она избличает в авторе прекрасные черты характера, которые могут показаться и «прекраснодушием». Несколько бóльшая страстность Проперция вызывает неровность в его поэтическом стиле, то риторическом, то как будто простом, — может быть, сказывается невысокое, провинциальное происхождение поэта.

У обоих римских элегиков, наряду с известной растянутостью, особенно у Тибулла, немало столь удачных строк, что иные из них вошли в литературу как навсегда запомнившиеся поэтические формулы. Этим сказано, что дарования обоих поэтов были выдающимися, и мастерство владения литературной формой обеспечивало их стихам долговечность. Нам, читателям столь отдаленной от них эпохи, Тибулл и Проперций доставляют еще и познавательную радость. В их элегиях отражается

бытовая жизнь Рима с такой свежестью, что мы чувствуем себя как бы и не отделенными от них двумя тысячами лет.

Третий элегик Рима — Овидий — пользуется всемирной славой. Его поэма «Метаморфозы» изумляет богатством воображения и блистательностью поэтических качеств. Но и элегии поэта заслужили признание веков не напрасно. Они составляют три больших цикла. Первый, жизне-радостный, любовный, — плод молодых лет, второй и третий отражают ссылку поэта. Первый цикл, так называемый «Amores», в общем, близок по типу к элегиям Тибулла и Проперция. Их героиня Коринна — едва ли реально существовавшая женщина, — скорее, собирательный образ. Овидий был еще больше, чем Гораций, лишен прямого лирического дарования. Любовь в его элегиях — это лишь тема, повод для создания стихов, увлекательно свежих, полных юмора и наблюдательности, но никак не πλήнние восхищенной или отчаявшейся души. Александринизм чувствуется в «Amores», пожалуй, больше, чем даже у Проперция, он переполняет элегии Овидия мифологией и риторикой. Однако исключительность таланта и блеск мастерства ставят Овидия-элегика в то положение победителя, когда его уже не судят.

Поздние элегии Овидия явились результатом постигнутой им жизненной катастрофы. Все, вероятно, знает судьбу поэта, о ней неоднократно напоминал нам Пушкин. Август подверг Овидия жестокой каре, основная причина которой так и осталась неизвестной. Официально инкриминируя ему эротическую вольность его ранних сочинений, особенно поэмы «Искусство любви», он сослал поэта на западное побережье Черного моря, в глухой городок, где Овидий и умер в постоянной тоске по Риму. Оттуда-то, из скифских Том, Овидий и посылал в Рим свои скорбные и умоляющие о милости элегии, которые объединены в пять книг под общим названием «Печальные». С ними смыкается цикл «Посланий к Понта». Элегии, написанные в ссылке, — вопль о спасении, по рядом с этим превосходное поэтическое воспроизведение жизни в скифском захолустье.

Следующий период римской поэзии, именуемый «серебряным веком», обнимает время, приблизительно соответствующее I веку н. э. Рим переживает эпоху, быть может, самую кровавую и развращенную. Болезнь, разложившая впоследствии могучий организм Римской империи, будто проявляется здесь в первой бурной вспышке — это дни Нерона, Тиберия, Калигулы, Домициана. Чистая лирика, и так не слишком свойственная римской душе, в этот период вовсе смолкает. Нарождаются и развиваются новые для Рима жанры поэзии: продолжает жить сатира нравов, в пределах, допустимых цензурой абсолютизма, а наряду с ней быстро завоевывает первенствующее положение уже знакомый нам по греческой, особенно эллинистической эпохе жанр эпиграммы.

Первым голосом в толпе римских эпиграмматистов был поэт Марциал. Можно смело сказать, что эпиграмматическое наследие Марциала перетягивает на чаше весов все остальное, созданное римскими остроумцами в этом жанре. Марциал был родом из Испании. Это характерно для времени: в римскую литературу именно с I века н. э. стали вступать представители «провинций», достигавших, впрочем, культурного уровня столицы. Последние годы жизни он провел на родине, бежав из Рима, где изменились к тому времени политические обстоятельства и где он потерял своих покровителей.

Причисление Марциала к лирике весьма условно. Если лирика действительно — самовыражение души, то тем менее достоин Марциал лирического венка. Его душа обнажена достаточно откровенно в четырнадцати книгах его высокоталантливых мелочей. Но никакая степень таланта не может в наших глазах оправдать всей низменности его поэзии. В ней виден, конечно, не только автор, видно и то клонящееся к упадку общество, на потребу которому он сочинил свои не всегда чистоплотные творения. Марциал принял на себя роль литературного пошляка при императорах и вельможах, которых случай возвел прямо из рабской убогости на высшие ступени общественной лестницы. А кто не знает, что именно такие выскочки более, чем кто-либо, требуют угождения. И Марциал проявил настоящее искусство «поэтической рептилии».

То он забавляет читателя невинными домашними мелочами, вроде описания всяких яств и напитков, то едко высмеивает кого-нибудь, а это всегда приятно человеческой злобности. Но не это главное. Главное то, что он — развратен. Сам? Трудно сказать. Но он не мог не понимать, почему над табличками его стихов таким румянцем вспыхивают щеки и у подростков, и у матерей семейств, и у молодых девушек. Каких только уроков нет в его эпиграммах! Это прямой ответ циника на требования прощелыг и доброхотных проституток, в каких постоянно претращалось высшее общество столицы.

Но почему все же всемирная слава? Ответ — в пользу поэта. Марциал — не Барков. Марциал — это и Вольтер, и Рабле, и даже отчасти Пушкин, столько истинного блеска в его сатирической едкости, в его неиссякаемом остроумии, в поэтической точности его «зарисовок», в краткости, доступной лишь высокому литературному дарованию. Человечество при проверке временем частенько готово извинить поэтам нравственные пороки, особенно в области эротической, ради их других достоинств. Приходится принимать Марциала, каков он есть, и при этом быть уверенным, что его поэзия всегда найдет ценителя.

Богатейший, но замутненный поток эпиграмм Марциала заканчивает лучший, классический период римской поэзии.

Далее следуют те века, которые обычно объединяют термином «Рим упадка». Политически это несомненно так. Но в то же упадочное время возникают новые поэтические явления, во многом предрешающие особенности последующей литературной эпохи. Поэзия повторяет зады классики, но наряду с этим такие поэты, как Авсоний, или Тиберийан, или Клавдиан, дарят нам произведения, непохожие на произведения предшественников. Особенно «Мозелла» Авсония говорят нам о новом видении мира и новых потребностях читателя.

Но мы уже в пределах V столетия. Скоро Рим падет как великая держава, расколется на две половины, и в обеих империях поэзия потечет по новому, христианскому руслу, чтобы вскоре достигнуть расцвета в гимнах церкви.

С. ШЕРВИНСКИЙ

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИРИКА

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

НА ГРОБНИЦУ МИДАСА

Медная дева, я здесь возлежу на гробнице Мидаса,
И до тех пор, пока воды текут и леса зеленеют,
На орошенном слезами кургане его пребывая,
Я возвещаю прохожим, что это Мидаса могила.

ДАР АПОЛЛОНУ

Феб-повелитель! Гомер за твои вдохновенья прекрасный
Дар тебе этот принес; ты же дай ему вечную славу.

РОДОССКАЯ ПЕСНЯ О ЛАСТОЧКЕ

Прилетела ласточка
С ясною погодою,
С ясною весною.
Грудка у нее бела,
Спинка черпешькая.
Что ж ей ягод не дашь
Из дому богатого?
Дашь ли в чашке ей вина,
Сыру ли на блюдечке
И пшенички?
И от каши ласточка
Не откажется. Уйти ль нам или же получим?
Открой, открой скорее дверцу ласточке,
Перед тобой не старики, а деточки.

ЭЙРЕСИОНА

Смоквы приносит
И сдобные булки
Нам Эйресциона,
Светлого меда в горшке
И масло для умащения,
Добрую чару вина, —
Угостился и спи, опьяненный.

ДИОНИСУ

О, гряди, Дионис благой,
В храм Элеп,
В храм святой,
О, гряди в кругу харит,
Бешено ярый,
С бычьей ногой,
Добрый бык,
Добрый бык!

А П Т Е М А

Где розы мои?
Фалки мои?
Где мой светлоокный месяц?
— Вот розы твои,
Фалки твои,
Вот твой светлоокный месяц.

Х Е Л И Х Е Л И Н А

— Черепаха-иряха, что творишь в кругу?
— Из шафрана милетского шарф я тку.
— Как погиб, открой, этот отпрыск твой?
— Сел на бела коня, да и в море плашмя.

ЛОКРИЙСКАЯ ЛЮБОВНАЯ

О, что терплю! Не предавай меня, молю.
Уйди! Пора! Вот он войдет к несчастной...
Встань!
Уж близок день. Взгляни в окно: не брезжит ли
Рассвет?

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ VII—IV ВЕКОВ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ВОЗЛИЯНИЕ

Льем вино — музам в честь,
Дщерям Памяти — в честь,
И водителю муз —
Сыну Лето — в честь.

К ЗЕВСУ

Зевс, ты всех дел верх,
Зевс, ты всех дел вождь!
Ты будь сих слов царь;
Ты правь мой гимн, Зевс.

К САПФО

Сапфо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной! Очень мне хочется
Сказать тебе кой-что тихонько,
Только не смею: мне стыд мешает.

ВЕСНА

И звенят и гремят
вдоль проездных дорог
За каймою цветов
многоголосые
Хоры птиц на дубах
с близких лагун и гор;
Там вода с высоты
льется студеная,
Голубеющих лоз —
всходов кормилица.
По побережью камыш
в шапках зеленых спит.
Чу! Кукушка с холма
гулко-болтливая
Все кукует: весна.
Ласточка птенчиков
Под карнизами крыш
кормит по улицам,

Хлопотливо мелькнет
в трепете быстрых крыл,
Чуть послышится ей
тонкое теньканье.

К АПОЛЛОНУ

Когда родился Феб-Аполлон, ему
Златою митрой Зевс повязал чело,
И лиру дал, и белоснежных
Дал лебедей с колесницей легкой.

Слал в Дельфы сына — у касталийских струй
Вещать уставы вечные эллинам.
Бразды схватив, возница гонит
Стаю на север гиперборейский.

Сложив хвалебный в оные дни пеан,
Велят дельфийцы отрокам, с пением
И пляской обходя треножник,
Юного звать в хороводы бога.

Гостил год целый в гиперборях Феб —
И вспомнил храм свой. Лето горит: пора
Звучать треножникам дельфийским.
Лёт лебединый на полдень клонит.

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает щекот славий.
Ласточки щебет звончей. Цикада

Хмельней стрекочет, не о своей глася
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.

К ГЕРМИЮ

Славься, Гермий, царь на Киллене! Сердце,
Майин сын, тебя мне велит восславить,
На святых горах от владыки мира
Тайно зачатый.

К АФИНЕ

Афина-дева, браней владычица!
Ты, что обходишь свой коронейский храм
По заливым лугам священным —
Там, где поток Коралийский плещет!

К ЭРОТУ

Всех сил бессмертных юный тот бог страшней,
Кого — богиня в легких сандалиях —
От златокудрого Зефира
Радуга нам родила, Ирпда.

К ДИОСКУРАМ

Вы, богатыри, Полидевк и Кастор,
Леды сыновья и владыки Зевса,
Восстаньте нам от земли Пелопа
Властью благою.

Пронесетесь вы по земным просторам,
По приволью вод на конях летучих,
Чудом на скаку от прискорбной смерти
Смертных спасая.

Высоко поверх корабельных скáмей
Вот сверкнули вы на тугих канатах,
В тягостную ночь проливаясь светом
Черному судну.

ГИМН РЕКЕ ГЕБРУ

Гебр, близ Эны, ты, красивобережный,
В пурпурную зыбь убегаешь к морю,
Пенясь и гремя, по фракийским гребням,
Славный купаньем.

Девушки кругом у волны толпятся,
Ласковые руки бегут по бедрам.
Словно маслом стан натирая, нежат
Кожу водою.

ВИНА ЕЛЕНЫ

Но жива молва — от тебя, Елена,
Цепь недобрых дел заплелась Приаму
На погибель всем: Илион не ты ли
Испепелила?

Не такую взял Эакид невесту,
Всех богов созвал он на свадьбу. Деву
Нежную увлек из чертогов моря
К дому кентавра

На желанный брак. Развязала пояс
Девичий любовь, порадев Пелею
И красе морей, перенде. Только
Год обернулся,

Родила она полубога-сына,
Рыжим скакунам удальца-возницу,
А Елена град и народ фригийский
Страстью сгубила.

ГИМН МИТИЛЕНАМ

Ныне гимном тебя
славлю, земля,
нежных питомцев мать:
С цветом граждан могли
поле держать
в первых рядах дружин;

О себе думы нет;
   выпал им долг —
   каждый по-мужнему,
 С той же волей, что муж
                                 дело вершил,
   мужеством мужем был.
 Будь я мудрым, как бог,
                                 будь одарен
   мыслью провидящей,
 Волоска б одного
                                 наперекор
   Зевсу не вырвать мне.
 Мужи зрелые мы,
                                 в свалке судеб
   нам по плечу борьба,
 Но не мудро ввергать
                                 отроков пыл
   в ярость смятенных битв.
 Что ж они? — Чуть на град
                                 грозной ордой
   вдруг навалился враг,
 Вспыхнув детской душой,
                                 не оробев,
   в руки мечи — и в бой!

* * *

Что из кувшина чёрпать большим ковпом?
 К чему усилье? Я убеждал тебя
 Не проводить со мною праздно
       Дни, опьяняясь вином и песней.

Зачем страшиться моря? Как мóрок злой,
 Пройдет морозный холод предутренний,
 Нам бы на борт взойти скорее —
       В руки кормило, подпоры вырвать.

И от причала прочь, повернув ладью
 Навстречу ветру. С легкой душой тогда
 Мы предавались бы веселью,—
       То-то бы пить и гулять на славу!

А ты, бессильно руку на мой рукав
Повесив, кличешь: «Мальчик, подушку мне
Под голову! Певец, такую
Песней меня не заманишь в море».

БУРЯ

Пойми, кто может, буйную дурь ветров!
Валы катятся — этот отсюда, тот
Оттуда... В их мятежной свалке
Носимся мы с кораблем смоленным,

Едва противясь натиску злобных волн.
Уж захлестнула палубу сплошь вода;
Уже просвечивает парус,
Весь продырявлен. Ослабли скрепы.

БУРЯ НЕ УНИМАЕТСЯ

Что делать, буря не унимается,
Срывает якорь яростью буйных сил,
Уж груз в пучину сброшен. В схватке
С глубио кипящей гребут, как могут.

Но, уступая тяжким ударам волн,
Не хочет больше с бурей бороться струг:
Он рад бы наскочить на камень
И погрузиться на дно пучины.

Такой довлсет жребий ему, друзья,
И я всем сердцем рад позабыть беду,
И с вами разделить веселье,
И насладиться за чашей Вакха.

Тогда нас гибель ждет неминуемо,
Безумец жалкий сам ослепит себя —
Но мы...

НОВЫЙ ВАЛ

Под взметом ветра новый взъярился вал.
Навис угрозой тяжких трудов и бед.
Натерпимся, когда на судно
    Бурно обрушится пенный гребень.

Дружней за дело! И возведем оплот,
Как медной броней, борт опояшем мы,
Противоборствуя пучине,
    В гавань надежную бег направим.

Да не поддастся слабости круг борцов!
Друзья, грядет к нам буря великая.
О, вспомните борьбу былую,
    Каждый пусть ныне стяжает славу.

Не посраммим же трусостью предков прах,
В земле под нами здесь упокоенных:
Они воздвигли этот город
    На благоденствие нам, потомкам.

Но есть иные — люди, не властные
В своих желаях. Темным страстям служа,
Их опозоренные руки
    Предали город рукам таким же.

К МИТИЛЕНЯНАМ

Он знай шагает по головам, а вы
Безмолвны, словно оцепенелые
Жрецы перед загробной тенью,
    Грозно восставшей из мрака мертвых.

Пока не поздно, вдумайтесь, граждане,
Пока поленья только чадят, дымясь,
Не мешкая, глушите пламя,
    Иль запылет оно пожаром.

* * *

Метит хищник царить,
Самовластвовать зарится,
Все вверх дном повернет,—
Накренились весы. Что спим?

* * *

Ни грозящим кремлем
Не защититесь вы,
Ни стеной твердокаменной:

Башни, града оплот,—
Бранники храбрые.
Ты киркой шевели,
Каменотес,
Бережно хрупкий пласт:

Не осыпал бы с круч
Каменный град
Буйную голову!

* * *

Медью воинской весь блестит,
Весь оружием убран дом —
Арею в честь!

Тут шелома как жар горят,
И колышутся белые
На них хвосты.

Там медяные поножи
На гвоздях поразвешаны;
Кольчуги там.

Вот и панцири из холста;
Вот и полные, круглые
Лежат щиты.

Есть булаты халкидские,
Есть и пояс и перевязь;
Готово все!

Ничего не забыто здесь;
Не забудем и мы, друзья,
За что взялись!

* * *

Пить, пить давайте! Каждый напейся пьян,
Хоть и не хочешь, пьянствуй! Издох Мирсил.

К ГОРОДУ МИТИЛЕНАМ

Как проходимец, страстно мечтающий
По знатым барам запросто хаживать,
Тебя не съел он и, бытуя
Трудно, в домашнем кругу был сносен.

Когда же в буйстве высокомерия,
Упившись властью, стал лиходейничать,
Как все безумцы-лиходен,—
Мы не стерпели его безумья.

Не раз скользили мы над погибелью,
Но повернулось все к стародавнему:
С оскоминою эта сладость,
Да не бывает добра без худа.

* * *

Не помню, право,— я малолетком был.
Когда милы нам руки кормилицы,—
Но знаю, от отца слышал я:
Был возвеличен он Пентилидом.

Пусть злорадетель родины свергнут им:
Меланхр низвергнут! Но низвергатель сам
Попрал тирана, чтоб тираном
Сесть царевать над печальным градом.

* * *

Всенародным судом
Отдали вы
Родину бедную,
Злополучный наш град,
В руки — кому ж?
Родины пасынку!

Стал тираном Питтак,
Города враг,
Родины выродок.

* * *

Ты был мне другом — спречь одним из тех,
Кого послаще потчевать — козочкой,
Молочной свинкою — пригоже,
Как неспроста нам велит присловье...

* * *

Нам сказать бы ему: флейта он сладкая,
Да фальшиво поет дудка за пиршеством.
Присоседился он к теплым приятелям,
В глотку льет заодно с глупою братней.

За женою он взял, кровной атридянкой,
Право град пожирать, словно при Мёрсиле,
Пока жребий войны не обратит Арей
Нам в удачу. Тогда — гневу забвение!

Мы положим конец сердце нам гложущей
Распре. Смуту уйдем. Поднял усобицу
Олимпиец один; в горе народ он ввел,
А Питтаку добыл славы желанной звон.

* * *

Не всегда продувной
Бестней был Питтак
И беспечен умом.
Нам, главарям, клялся,
На алтарь положи
Руку, а сам берег
Злорадетелей родины,
И за тем лишь глядел,
Как бы предатели
Не открылись его
Давним союзникам.

* * *

За кружкой кружку — только бы бражничать...
И днем и ночью полон весь дом вином.
Он песни пьяные горланит,
И умолкает глагол закона.

Тех буйных оргий не позабыл и Гирр,
Когда внезапно бурно возвысился:
Он ночи напролет в разгуле...
Только и слышно — черпак по днищу.

И ты, пропойцы темное детище,
Такою взыскан славой и почестью,
Какие подобают мужу
Доблести кровной, честного рода.

АЛКЕЙ В СВАТИЛИЩЕ ГЕРЫ

1

Там оградили жители Лёсбоса
Большой участок, издали видимый,
И жертвенники для служенья
Установили богам блаженным.

Там призывают Зевса-Дарителя,
Там славословит Геру Эолни,
Живой исток рождений,— третьим
Славят безрогого Диониса.

Склоните ж, боги, благословенный слух
К молениям нашим, дайте же, дайте нам
От этой тягости изгнанья —
Сердцу скорбящему избавленье.

И пусть обрушит ярость эриния
На сына Гирра,— некогда братству он
Над кровью овна клялся свято
Недругам друга вовек не выдать.

Иль биться насмерть и под мечами пасть
За землю — к славе временщиков лихих,
Или, до корня истребив их,
Бремя безвременья спясть с народа.

Брюхан же властный наедине с собой
Не вел беседы — душу не выпросив,
Он, клятвы попирая, жадно
Жрет Митилены, как жрал их Мёрсил

2

.....
«Пусть на землю падет. В уединении
Глухо ночь проведет. Пусть на урочище
За высокой оградой Геры
Непорочным пребудет в святилище».

Так живу я, горюю, — как деревенщина
Захолустья. В мечтах слышу глашатая
Зов привычный, меня на вече
Зычно кличущий: «Агесилая сын!»

Кличет, в думу зовет. Клич этот слышали
И отец мой, и дед. Слушали, старились
Между склок и раскола граждан.
Грустно! Сам же себя обездолил я.

В эту глушь убежал, словно Онóмаклес,
Уподобился здесь волку-отшельнику
В пору междоусобий. Распряю
Не к добру затевать, коль родник один.

Я, сойдя с корабля на землю черную,
У блаженных богов скрылся в обителю,
Вдалеке от тревог мятежных —
И на сходбищах только бываю я:

В длинных платьях текут хоры лесбиянок,
Меж собой в красоте там состязаются.
Клики. Жен ежегодный праздник.
Завываний священных повторный глас.

ПОСЛАНИЕ ПИТТАКУ

Какой, поведай, бог соблазнил тебя,
Злодей, ответить: «Мне не представился
Предлог тебя вернуть». Где совесть,
Что неповинного ты караешь?

Но чист мой демон. Или ты мнишь: отказ
Твой сумасбродный звезды не слышали
На небесах? Умолкни! Небо
Тьмы наших бедствий моли ослабить.

Твой праздник жизни — время твое прошло.
Плоды, что были, дочиста собраны.
Надейся, жди: побег зеленый
Отяжелеет от пышных гроздий.

Но поздно, поздно! Ведь от такой лозы
Так трудно зреет грузная кисть, склоняясь.
Боюсь, до времени нарядный
Твой виноград оборвут незрелым.

Где те, кто прежде здесь пребывал в трудал?
Ушли. Не гнать бы от виноградников
Их прочь. Бывалый виноградарь
С поля двойной урожаи снимает.

О ЛИДИЙЦАХ И ПИТТАКЕ

Зевс, в лихне дни неудач лидийцы
Нам две тысячи золотых давали,
Только бы войти мы смогли всей спллой
В город священный.

Благ от нас они не видали. Толком
Не узнали нас. Насулила много
Хитрая лиса, улизнуть лелея
Втайне надежду.

* * *

От пределов земли
Меч ты принес домой;
Рукоять на мече
Кости слоновой,
Вся в оправе золотой.
Знать, вавилонянам
Воин пришлый служил
Доблестью эллинской!
Ставкой — жизнь. Чья возьмет?
И великана ты
Из царевых убил,
Единоборствуя,
Чей единый был дрот
Мерю в пять локтей.

Моим поведай: сам уцелел Алкей,
Доспехи ж взяты. Воров аттический,
Кичась, повесил мой заветный
Щит в терему совоокой Девы.

ДРУГУ МЕЛАНИППУ

Пей же, пей, Меланипп,
До забвения пей со мной.
Если рок в Ахеронт,
В эту грустную мглу, меня
Окунул, — что мечтать,
Будто к солнцу вернемся вновь!
Полно, так высоко
Заноситься умом не нам.
И Сизиф возомнил
Превзойти здравый толк людской:
Смерть надменно смирить.
Но принудил бахвала рок.
Хоть и был царь хитер,
Безвозвратно, покорно вновь
Переплыть Ахеронт.
И придумал ему Кронид
Небывалую казнь,
Неизбывный Сизифов труд,
Там, под черной землей.
Не горюй же о смерти, друг.
Ты же ропщешь, — к чему?
Плачь не плачь — неминуем путь.
Нам без жалоб терпеть
Подобает утрату. Пусть
Свирепеет буря
И безумствует север. Мы
Будем пить и хмелеть:
Нам лекарство от зол — вино.

З И М А

Дождит отец Зевс с неба ненастного,
И ветер дует стужею севера;
И стьнут струйки дождевые,
И замерзают ручьи под вьюгой.

Как быть зимой нам? Слушай: огонь зажги,
Да, не жалея, в кубки глубокие
Лей хмель отраднѣй, да теплее
По уши в мягкую шерсть укройся.

* * *

Будем пить! И слей
Время зажечь:
Зимний недолог день.

Расписные на стол,
Милый, поставь
Чаши глубокие!

Хмель в них лей — не жалеи!
Дал нам вино
Добрый Семелин сын

Думы в кубках топить...
По два налей
Полные каждому!

Благо было б пачать:
Выпить один.—
И за другим черед.

Л Е Т О

Сохнет, други, гортань,—
Дайте вина!
Звездный ярится Пес.

Пекла летнего жар
Тяжек и лют;
Жаждет, горит земля.

Не цикада — певец!
Ей нипочем
Этот палящий зной:

Все звенит да звенит
В чаще ветвей
Стрекотом жестких крыл.

Все гремит, — а в лугах
Злою звездой
Никнет сожженный цвет.

Вот пора: помирай!
Бесятся псы,
Женщины бесятся.

Муж — без сил: иссушил
Чресла и мозг
Пламенный Сирнус.

* * *

Черплет пз кубков мы
Негу медвяную,
С негой медвяною
В сердце вселяются
Ярого бешенства
Оводы острые.

* * *

Мнится: все бы нам пить да пить!
Сладко в голову бьет вино, —
А там — хоть плачь!

Тяжким облаком ляжет хмель.
В мыслях — чад, на душе — тоска.
Себя коришь,

Сожалеешь невесть о чем,
И веселый не весел зов:
«Ну пей же! Пей!»

* * *

К чему раздумьем сердце мрачить, друзья?
Предотвратим ли думой грядущее?
Вино — из всех лекарств лекарство
Против унынья. Напьемся ж пьяны!

* * *

Из душистых трав и цветов пахучих
Ожерелнем окружите шею
И на грудь струей благовонной лейте
Сладкое мирро!

* * *

Позовите мне, други,
Приятного сердцу Мепона!
Без него же невесело мне
На попойке веселой.

* * *

На седую главу —
Буйная бед
Мало ль извела? —

Лей мне мирро! На грудь,
В космах седых,
Лей благовонное!

* * *

Помпят в Спарте Аристодема
Крылатое слово; в силе слово то.

Царь сказал: «Человек — богатство».
Нет бедному славы, чести — нищему.

* * *

...общий лесбийяне
Большой земли участок отрезали,
Красивый для богов бессмертных,
Всюду на нем алтари расставив.

Отца богов призвав милосердного,
Затем почтенную эолийскую
Богиню-мать, всего начало,
Третьим — Диониса-Сыроядца.

Призвавши также бога Кемелия..
Так ныне дружелюбно склоните слух
К заветам нашим: от страданий
Тяжких в изгнании нас спасите.

На сына ж Гирра впредь да обрушится
Эриний злоба: мы все клялись тогда,
Заклав овец, что не изменим
В веки веков нашей крепкой дружбе:

Но пль погибнем, землей закутавшись,
От рук всех тех, кто правил страной тогда,
Иль, их сразивши, от страданий
Тяжких народ наконец избавим.

А он, пузатый, не побеседовал
С душой своей, но без колебания,
Поправ погами нагло клятвы,
Жрет нашу родину, нам же...

ГИМН АФРОДИТЕ

Радужно-престольная Афродита,
Зевса дочь бессмертная, кознодейка!
Сердца не круши мне тоской-кручиной!
Сжался, богиня!

Ринься с высей горних, — как прежде было:
Голос мой ты слышала издали;
Я звала — ко мне ты сошла, покинув
Отчье небо!

Стала на червонную колесницу;
Словно вихрь, мела ее быстрым лѣтом,
Крепкокрылая, над землею темной
Стая голубок.

Так примчалась ты, предстояла взорам,
Улыбалась мне несказанным ликом...
«Сáпфо! — слышу. — Вот я! О чем ты молишь?
Чем ты болеешь?»

Что тебя печалит и что безумит?
Все скажи! Любовью ль томится сердце?
Кто ж он, твой обидчик? Кого склоню я
Милой под иго?

Неотлучен станет беглец недавний;
Кто не принял дара, придет с дарами;
Кто не любит ныне, полюбит вскоре —
И безответно...»

О, явись опять — по молитве тайной
Вызволить из новой напасти сердце!
Стань, вооружась, в ратоборстве нежном
Мне на подмогу!

* * *

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос

И прелестный смех. У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу, уж я не в силах
Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.

Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.

Но терни, терни: чересчур далёко
Все зашло...

* * *

Близ луны прекрасной тускнеют звезды,
Покрывалом лик лучезарный кроют,
Чтоб она одна всей земле светила
Полною славой.

* * *

Сверху низвергаясь, ручей прохладный
Шлет сквозь ветви яблонь свое журчанье,
И с дрожащих листьев кругом глубокий
Сон истекает.

Приди, Киприда,
В чаши золотые, рукою щедрой
Пировой гостям разливая нектар,
Смешанный тонко.

ПЕЩЕРА НИМФ

Вы сюда к пещере, критяне, мчитесь,
К яблоневоу роще, к священным нимфам,
Где над алтарями клубится облак
Смол благовошних,

Где звенит в прохладе ветвей серебристых
Гулкий клоч, где розы нависли сенью
И с дрожащих листьев струится сошно
Томная дрема.

Там на луговине цветущей — стадо.
Веет ароматами трав весенних,
Сладостным дыханьем аписа, льется
Вздых медушницы.

Ты любила там пировать, Киприда,
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар — богов напиток
Благоуханный.

К БРАТУ ХАРАКСУ

Если ты не к доброй, а к звонкой славе
Жадно льнешь, друзей отметаешь дерзко, —
Горько мне. Упрек мой — тебе обуза:
Так уязвляя,

Говоришь и пыжишься от злорадства.
Упивайся ж досыта. Гнев ребенка
Не преклонит сердце мое к поблажке —
И не надейся.

Оплошаешь. Старую птицу в петли
Не поймать. Дозналась, каким пороком,
Щеголя, прежде болел, какому
Злу я противлюсь.

Лучшее найдется на белом свете.
Помыслы к иному направь. Поверь мне,
Ум приветливостью питаю, — ближе
Будем к блаженным.

МОЛЕНИЕ К ГЕРЕ

Предо мной во сне ты предстала, Гера,
Вижу образ твой, благодати полный,
Взор, который встарь наяву Атридам
Дивно открылся.

Подвиг завершив роковой Арея
И причалив к нам от стремнин Скамандра,
Им отплыть домой удалось не прежде
В Аргос родимый,

Чем тебя мольбой, и владыку Зевса,
И Тиноны сына склонить сумели.
Так и я тебя умоляю: дай мне
Вновь, как бывало,

Чистое мое и святое дело
С девственницами Митилей продолжить,
Песням их учить и красивым пляскам
В дни твоих празднеств.

Если помогли вы царям Атридам
Корабли поднять, — заступись, богиня,
Дай отплыть и мне. О, услышь моление
Жаркое Сапфо!

К АНАКТОРИИ

Конница — одним, а другим — пехота,
Стройных кораблей вереницы — третьим...
А по мне — на черной земле всех краше
Только любимый.

Очевидна тем, кто имеет очи,
Правда слов моих. Уж на что Елепа
Нагляделась встарь на красавцев... Кто же
Душу пленил ей?

Муж, губитель злой благолепия Трои.
Позабыла все, что ей было мило:
И дитя и мать — обуяна страстью,
Властно влекущей.

Женщина податлива, если клопит
Ветер в голове ее ум пестойкий,
И далеким ей даже близкий станет,
Анактория.

Я же о тебе, о далекой, помню.
Легкий шаг, лица твоего сиянье
Мне милей, чем гром колесниц лидийских
В блеске доспехов.

Знаю, не дано полноте желаний
Сбыться на земле, но и долей дружбы
От бывлой любви — утоленья сердцу
Лучше забвенья.

ГОНГИЛЕ

Мне Гонгила сказала:
«Быть не может!
Иль виденье тебе
Предстало свыше?»

«Да, — ответила я, — Гермес —
Бог спустился ко мне во сне.
К нему я:
«О владыка, — взмолилась, —
Погибаю.

Но клянусь, не желала я
Никогда преизбытка
Благ и счастья.
Смерти темным томленье
Я объята,

Жаждой — берег росистый, весь
В бледных лотосах, видеть
Ахерона,
В мир подземный сойти,
В дома Аида».

* * *

Я к тебе взываю, Гонгила, — выйди
К нам в молочно-белой своей одежде!
Ты в ней так прекрасна. Любовь порхает
Вновь над тобою.

Всех, кто в этом платье тебя увидит,
Ты в восторг приводишь. И я так рада!
Ведь самой глядеть на тебя завидно
Кипророжденной!

К ней молюсь я...

К Ж Е Н Щ И Н А М

Им сказала: женщины, круг мне милый,
До глубокой старости вспоминать вам
Обо всем, что делали мы совместно
В юности светлой.

Много мы прекрасного и святого
Совершили. Только во дни, когда вы
Город покидаете, изнываю,
Сердцем терзаясь.

* * *

Твой приезд — мне отрада. К тебе в тоске
Я стремилась. Ты жадное сердце вновь —
Благо, благо тебе! — мне любовью жжешь.

Долго были в разлуке друг с другом мы,
Долгий счет прими пожеланий, друг, —
Благо, благо тебе! — и на радость нам.

* * *

Мнится, легче разлуки смерть, —
Только вспомню те слезы в прощальный час,

Милый лепет и жалобы:
«Сапфо, Сапфо! Несчастны мы!
Сапфо! Как от тебя оторваться мне?»

Ей в ответ говорила я:
«Радость в сердце домой неси!
С нею — память! Лелеяла я тебя.

Будешь помнить?.. Припомни все
Невозвратных утех часы, —
Как с тобой красотой услаждались мы.

Сядем вместе, бывало, вьем
Из фиалок и роз венки,
Вязи вяжем из пестрых первин лугов, —

Нежной шей живой убор,
Ожерелья душистые, —
Всю тебя, как Весну, уберу в цветы.

Мирром царским волну кудрей,
Грудь облив благовоньями,
С нами ляжешь и ты — вечерять и петь.

И прекрасной своей рукой
Пирный кубок протянешь мне:
Хмель медвяный подруге я в кубок лью...»

* * *

Стоит лишь взглянуть на тебя, — такую
Кто же станет сравнивать с Гермионой!
Нет, тебя с Еленой сравнить не стыдно
Золотокудрой,

Если можно смертных равнять с богиней...

* * *

Между дев, что на свет
солнца глядят,
вряд ли, я думаю,
Будет в мире когда
хоть бы одна
дева столь мудрая.

* * *

Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам...

* * *

...Те, кому я
Отдаю так много, всего мне больше
Мук причиняют.

* * *

Венком охвати,
Дика моя,
волны кудрей прекрасных...

Нарви для венка
нежной рукой
свежих укропа веток.

Где много цветов,
тешится там
сердце богов блаженных.

От тех же опи,
кто без венка,
прочь отвращают взоры...

* * *

Эрос вновь меня мучит истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей.

* * *

Издалуче, из отчих Сард
К нам стремится она мысль, в тоске желаний.

Что таить?
В дни, как вместе мы жили, ты
Ей богиней была одна!
Песнь твою возлюбила Аригнота.

Ныне там,
В нежном сонме лидийских жеп,
Как Селена, она взошла —
Звезд вечерних царицей розоперстой.

В час, когда
День угас, не одна ль струнт
На соленое море блеск,
На цветистую степь луна сиянье?

Весь в росе,
Благовошный дымится луг;
Розы пышно раскрылись; льют
Сладкий запах апис и медуница.

Ей же нет,
Бедной, мира! Всю ночь она
В доме бродит... Аттиды пет!
И томит ее плен разлуки сирой.

Громко нас
Кличет... Чуткая ловит ночь
И доносит из-за моря,
С плеском воды, непонятных жалоб отзвук.

* * *

Дети! Вы спросите, кто я была. За безгласную имя
Не устают возглашать эти у ног письма.
Светлой деве Латоны меня посвятила Ариста,
Дочь Гермоклида; мне был прадедом Саппеад.
Жрицей твоей, о владычица жеп, величали Аристу;
Ты же, о ней веселясь, род наш, богиня, прославь.

* * *

Тело Тимады — сей прах. До свадебных игр Персефона
Свой распахнула пред ней сумрачный брачный чертог.
Сверстницы, юные кудри отсекши острым железом,
Пышный рассыпали дар милой на девственный гроб.

* * *

У меня ли девочка
Есть родная, золотая,
Что весенний златоцвет —
Милая Клеида!
Не отдам ее за все
Золото на свете.

* * *

И какая тебя
    так увлекла,
        в сполу одетая,
Деревенщина?
Не умеет она
    платья обвить
        около щиколки.

* * *

Срок настанет: в земле
    Будешь лежать,
Ласковой памяти
Не оставя в сердцах.
    Тщетно живешь!
Розы Пьерри
Лень тебе собирать
    С хором подруг.
Так и сойдешь в Аид,
Тень без лица, в толпе
    Смутных теней,
Стертых забвением.

* * *

Кто прекрасен — одно лишь нам радует зрение,
Кто ж хорош — сам собой и прекрасным покажется.

* * *

Я роскошь люблю;
    блеск, красота,
        словно сияние солнца,
Чаруют меня...

* * *

...но своего
    гнева не помню я:
Как у малых детей,
    сердце мое...

* * *

Покрывал этих пурпурных
Не отвергни, блаженная!
Из Фокеи пришли они,
Ценный дар...

* * *

Киферея, как быть?
    Умер — увы! —
        нежный Адонис!
«Бейте, девушки, в грудь,
    платья свои
        рвите на части!»

* * *

Критянки, под гимн,
Окрест огней алтарных
    Взвивали, кружась,
Нежные ноги стройно,
    На мягком лугу
Цвет полевой топтали.

* * *

Уж месяц зашел; Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...
Одной мне уснуть на ложе!

* * *

Ты мне друг. Но жену
в дом свой введи
более юную.
Я ведь старше тебя.
Кров твой делить
я не решусь с тобой.

* * *

А они, хвалясь, говорили вот что:
«Ведь онять Дориха-то в связь вступила,
Как и мечтала».

* * *

Ты, Киприда! Вы, nereиды-девы!
Братний парус правьте к отчизне милой!
И путям пловца и желаньям тайным
Дайте свершенье!

Если прежде в чем прегренил — забвенье
Той вине! Другьям — утешенье встречи!
Недругам — нечаль... Ах, коль и врагов бы
Вовсе не стало!

Пусть мой брат сестре не откажет в чести,
Что воздать ей должен. В былом — бывое!
Не довольно ль сердце мое крушилось
Братней обидой?

В дни, когда его уязвляли толки,
На пирах градских ядовитый ропот:
Чуть умолкнет молвь — разгоралось с новым
Рвеньем злоречье.

Мне внемли, богиня: утешь страдальца!
Странника домой приведи! На злое
Темный кипь покров! Угаси, что тлеет!
Ты нам ограда!

* * *

С амвросией там
воду в кратере смешали,
Взял чашу Гермес
черпать вино для бессмертных.
И, кубки приняв,
все возлиянья творили
И благ женху
самых высоких желали.

СВАДЬБА АНДРОМАХИ И ГЕКТОРА

...Глашатай пришел,
Вестник Идэй быстроногий, и вот что поведал он:
. . . . .
Слава по Азии всей разнеслася бессмертная:
«С Плакии вечнобегущей, из Фивы божественной
Гектор с толпою друзей через море соленое
На кораблях Андромаху везет быстроглазую,
Нежкую. С нею — немало запястий из золота,
Пурпурных платьев и тканей, узорчато вышитых,
Кости слоновой без счета и кубков серебряных».
Милый отец, услышавши, поднялся стремительно.
Вести дошли до друзей по широкому городу.
Мулв немедля в повозки красивоколесные
Трои сыны запрягли. На повозки пародом всем
Жены взошли и прекрасолодыжные девушки.
Розно от прочих Приамовы дочери ехали.
Мужики коней подвели под ярмо колесничное,—
Все молодые, прекрасные юности . . . . .
. . . . . закурились ладаном.
В радости жены вскричали, постарше которые,
Громко мужчины неаи затащили пленительный,
Звали они Дальновержца, прекрасного лирика,
Славили равных богам Андромаху и Гектора.

* * *

Пели мы всю ночь про твою, счастливец,
Про ее любовь и девичьим хором
Благовоннолонной невесты с милым
Славили ночи.

Но не все ж тебе почивать в чертоге!
Выйди: светит день, и с приветом ранним
Друга ждут друзья. Мы ж идем дремотой
Сладкой забыться.

К АЛКЕЮ

Когда б твой тайный помысл невинен был,
Язык не прятал слова постыдного, —
Тогда бы прямо с уст свободных
Речь полилась о святом и правом.

* * *

Мать моя говорила мне: [Доченька]:
«Помню, в юные дни мои
Ленту ярко-пунцовую
Самым лучшим убором считали все,
Если волосы черные;
У кого ж белокурые
Кудри ярким, как факел, огнем горят,
Той считали к лицу тогда
Из цветов полевых венок».
Ты ж велишь мне, Клеида, тебе достать
Пестро шитую шапочку
Из богатых лидийских Сард,
[Что прельщают сердца митиленских дев,],
Но откуда мне взять, скажи,
Пестро шитую шапочку?
Ты на наш митиленский [народ пеняй,],
Ты ему расскажи, не мне
О желание своем, дитя.
У меня ж не проси дорогую ткань.
О делах Клеонактидов,
О жестоком изгнании —
И досюда об этом молва дошла...

АРТЕМИДЕ

Преклоняю я колена,
 Артемида, пред тобой,
 Русой дочерью Зевсса,
 Ланестрельною богиней,
 Зверовластницей лесной!
 Снизойди на оный берег,
 Где крутит волну Лефей,
 Взором ласковым обрадуй
 Город страждущих мужей:
 Ты найдешь достойных граждан —
 Не свирепых дикарей.

ДИОНИСУ

Ты, с кем Эрос властительный,
 Афродита багряная,
 Черноокие нимфы
 Сообща забавляются
 На вершинах высоких гор, —
 На коленях молю тебя:
 Появись и прими мою
 Благосклонно молитву.
 Будь хорошим советником
 Клеобулу! Любовь мою
 Не презри, о великий царь,
 Дионис многославный!

* * *

Клебула, Клебула я люблю,
К Клебулу я как бешеный лечу,
Клебула я глазами проглочу.

* * *

О дитя с взглядом девичьим,
Жду тебя, ты же глух ко мне:
Ты не чуешь, что правишь мной, —
Правишь, словно возница!

* * *

Глянул Посидеон на двор,
В грозных тучах таятся дождь,
И гудит зимней бури вой
Тяжко-громным раскатом.

* * *

Не сули мне обилье благ,
Амалфеи волшебный рог,
И ни сто, да еще полста,
Лет царить не хотел бы я
В столбленной Тартессе.

* * *

Бросил пар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.

Но, смеясь презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глазует.

* * *

...бросился я
в ночь со скалы Левкадской
И безвольно ношусь
в волнах седых,
пьяный от жаркой страсти.

* * *

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

* * *

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удаляя?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своеправно не скачи.

Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

* * *

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

* * *

На пиру за полной чашей
Мне несносен гость бесчинный:
Охмеленный, затевает
Он и спор, и бой кровавый.
Мил мне скромный собеседник,
Кто, дары царицы Книда
С даром муз соединяя,
На пиру беспечно весел.

* * *

Дай воды, вина дай, мальчик,
Нам подай венков душистых,
Поскорей беги,— охота
Побороться мне с Эротом.

* * *

По три венка на пирующих было:
По два из роз, а один —
Венок навкратидский.

* * *

Десять месяцев прошло уж,
как Мегист наш благодушный,
Увенчав чело лозю,
тянет сусло слаще меда.

* * *

Пирожком я позавтракал,
отломивши кусочек,
Выпил кружку вина, — и вот
за пектиду берусь я,
Чтобы нежные песни петь
нежной девушке милой.

* * *

Люблю, и словно не люблю,
И без ума, и в разуме.

* * *

Свежую зелень петрушки
в душистый венок заплетая,
Мы посвятим Дионису
сегодняшний радостный праздник.

* * *

С ланью грудною,
извилисторогою,
мать потерявшею
В темном лесу,
боязливо дрожащая
девушка схожа.

* * *

Что ты бежишь от меня
как на крыльях, натерши духами
Тощие перси, пустые,
как дудки пастушьей свирели?..

* * *

О Левкастида!
Я двадцатиструнную
лирой владею:
Ты же владеешь
цветущею юностью,
дева!

* * *

А кто сражаться хочет,
Их воля: пусть воюют!

* * *

Бросив щит свой на берегах
Речки прекрасноструйной...

ДАРЫ ДИОНИСУ

С тирсом Геликопиада, а следом за нею и Главка
И Ксантиппа, спеша к Вакхову хору примкнуть,
Сходят с пригорка. Венки из плюща и плоды винограда
С тучным ягненком несут в дар Дионису они.

МОЛИТВА ГЕРМЕСУ

К Теллию милостив будь и ему, за его приношение,
Даруй приятную жизнь, Майи божественной сын.
Дай ему в деме прямых и правдивых душой Эвошимов
Век свой прожить, получив жребий благой от судьбы

НА «ТЕЛКУ» МИРОНА

Дальше паси свое стадо, настух, чтобы телку Мирона,
Словно живую, тебе с прочим скотом не угнать.

П И Р У Ю Щ И М

Мил мне не тот, кто, пируя, за полную чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Кириды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселее в пиру.

НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ

1

Мужествен был Тимокрит, схоронённый под этой плитою.
Видно, не храбрых Арей, а малодушных щадит.

Об Агафоне могучем, погибшем в бою за Абдеру,
 Весь этот город, скорбя, громко рыдал у костра,
 Ибо среди молодежи, сраженной кровавым Ареем
 В вихре жестокой борьбы, не было равных ему.

Тебя я больше всех друзей, Аристоклид, жалею;
 Ты юность отдал, край родной от рабства охраняя.

* * *

С болью думаю о том я,
 Что краса и гордость женщины
 Все одно лишь повторяет
 И клянет свою судьбу:
 «Хорошо, о мать, бы было,
 Если б ты со скал прибрежных,
 Горемычную, столкнула
 В волны синие меня!»

* * *

Нежный Гиг средь нас посился,
 Точно юный бог блаженный,
 И, тряся фракийской гривой,
 Приводил нас всех в восторг,
 Что же с ним теперь случилось?
 Устыдись, злодей цирюльник!
 Ты состриг такой прекрасный
 Нежный цвет его кудрей,
 Золотых, как луч заката,
 Золотых, как мед пчелиный,
 Тех кудрей, что так чудесно
 Оттепiali нежный стап.
 Но теперь — совсем он лысый,

А венец кудрей роскошный
Брошен мерзкими руками
И валяется в пыли.
Грубо срезан он железом
Беспощадным, я ж страдаю
От тоски. Что будем делать?
Фракия от нас ушла!

* * *

Три времени в году — зима
 И лето, осень — третье,
 Четвертое ж — весна, когда
 Цветов немало, досыта ж
 Поесть не думай...

* * *

Спят вершины высокие гор и бездн провалы,
 Спят утесы и ущелья,
 Змеи, сколько их черная всех земля ни кормит,
 Густые рои пчел,
                         звери гор высоких
 И чудища в багровой глубине морской.
 Сладко спит и племя
 Быстролетающих птиц.

* * *

Часто на горных вершинах, в то время как
                         Праздник блестящий тешил бессмертных,
 В чашу из золота, в кружку огромную, —
                         У пастухов подобные кружки, —
 Выдлив львицу рукою бестрепетной,
                         Сыр ты готовила острый, огромный...

* * *

Не деревенщина-мужик ты,
Не простака и не дурачина,
Не из фессалийских стран,
Не эриспхеец, не пастух ты, —
Родом ты из Сард высоких!

* * *

Как-нибудь дам я треногий горшок тебе, —
В нем собирай ты различную пищу.
Нет еще жара под ним, но наполнится
Скоро он кашей, которую в стужу
Любит всеядный Алкман подогретою.
Он разносолов различных не терпит,
Ищет он пищи попроще, которую
Ест и народ...

* * *

Вот семь столов и столько же сидений.
На тех столах — все маковые хлебцы,
Льняное и сезамовое семя,
И для детей в горшочках — хрисокола.

* * *

Он уж подаст бобовую нам кашу,
И плод вощаный пчел, и хидрон белый.

П А Р Ф Е Н Е Й

.....
Убитого Полидевком.
Не Ликайса лишь в числе усопших я вспомню, —
Вспомню Энарсфора с быстроногим Себром,

Многомощного Бокола,
В ярких латах Гиппофоя,
И Эвтейха-царя, и Аретия
С Акмоном, славным меж полубогов.

Скея, пастыря дружин
Великого, и Эврита,
В битвах стойкого бойца,
И Алкона — всех их, храбрых,
Не забудет песнь моя.
Сломили Судьба и Порос
Тех мужей, — старейшие
Меж богов. Усилья тщетны.

На небо взлететь, о смертный, не пытайся,
Не дерзай мечтать о браке с Афродитой,
Кипрскою царицей, или
С дочерью прекрасной Порка,
Бога морского. Одни страстноокне
Входят хариты в Кронидов дворец.

Из мужей сильнейшие —
Ничто. Божество над всеми
Царствует. Другьям богов
Оно посылает блага,
Как из почвы бьющий ключ.
Врагов же смиряет. Силой
Грозной некогда пошли
На Зевсов престол Гиганты.
Вой был тщетен. От стрелы одни погибли,
И от мраморного жернова — другие.
Всех Анд их ныне принял,
Их, что собственным безумьем
Смерть на себя навлекли. Замышлявшие
Зло претерпели ужасный конец.

Есть богов бессмертных мечь.
Блажен, кто с веселым духом,
Слез не зная, дни свои
Проводит. А я блистанье
Агидó пою. Гляжу,
Как солнце блестит: его нам
Агидо дает познать.

Но мне ни хвалить прекрасной,
Ни хулить не позволяет та, что хором
Словно правит. Ведь сама она меж прочих
Выдается, словно кто-то
Посреди коров поставил
Быстрого в беге коня звонконогого,
Сходного с быстролетающим сном.

Не видишь? Вон пред нами конь
Енетский. Агесихоры
Волосы, моей сестры
Двоюродной, ярко блещут
Золотом беспримесным.
Лицо же ее серебро —
Но что еще тут говорить?
Ведь это — Агесихора!
После Агидо вторая красотою, —
Колаксаев конь за приз с ибенским спорит.
Поднимаются Плеяды
В мраке амбросийной ночи
Ярким созвездьем и с нами, несущими
Плуг для Орфрии, вступают в битву.

Изобилем пурпура
Не нам состязаться с ними.
Змеек нестрых нет у нас
Из золота, нет лидийских
Митр, что украшают дев
С блистающим томно взором.
Пышнокудрой нет Нанно
С Аретою богоподобной,
Нет ни Силакиды, ни Клисисеры:
И, придя к Энесимброте, ты не скажешь:
«Дай свою мне Астафиду!
Хоть взглянула б Япфемида
Милая и Дамарета с Филиллою!»
Агесихора лишь выручит нас.

Разве стройнопогая
Не с нами Агесихора?
Стоя возле Агидо,
Не хвалит она наш праздник?
Им обeim, боги, вы

Внемлите. Ведь в них — начало
И конец. Сказала б я:
«Сама я напрасно, дева,
Хором правя, как сова, кричу на крыше,
Хоть и очень угодить хочу А́бтис:
Ибо всех она страданий
Исцелительница наших.
Но желанного мира дождался
Только через Агесихору девы».

Правда, пристяжной пришлось
Ее потеснить без нужды.
Но на корабле должны
Все кормчему подчиняться.
В пенье превзошла она
Сирен, а они — богини!
Дивно десять дев поют,
С одиннадцатью равняюсь.
Льется песнь ее, как на течениях Ксаифа
Песня лебеди; кудрями золотыми...

* * *

Я песу тебе с молитвой
Тот венок из златоцветов
Вместе с кипером прелестным.

* * *

А он на флейте будет нам
Мелодию подыгрывать.

* * *

Звонкоголосые, нежно поющие девы, не в силах
Ноги носить меня в пляске... О, если бы я красноперым
Был зимородком, богами любимым,— тогда бы бесстрашно
Я с гальционами вместе носился над пенной волною!

* *

Слова и мелодию эту
Сочинил Алкман-певец,
У куропаток заимствовав их.

* * *

Знаю все напевы я
Птичьи...

* * *

Тщетно крик все девушки подняли,
Как стая, в которую ястреб влетел.

* * *

Златокудрая Мегалострата,
В девах блаженная,
Явила нам
Этот дар сладкогласных муз.

* * *

И сладкий Эрос, милостью Киприды,
Исходит вновь, мне сердце согревая.

* * *

Нет, не Афродита это, Эрос это бешеный дурочится, как
мальчик.
Сердце, берегись его! Несется по цветущим он верхушкам
кипериска...

* * *

Гелнос, сын Гиперионов, в чашу пошел золотую,
Чтоб, реку Океан переплывши, достигнуть
Глубины обиталища сумрачной Ночи священной,
Чтобы мать увидеть, супругу законную, милых детей.
Сын же Зевсов пенником пошел в многотенную
Рощу лавровую...

* * *

...Ибо царь Тиндарей,
Жертвы богам принося, о Киприде не вспомнил,
Радость дарящей. В гневе дочерей его
Двубрачными сделала и трибрачными богиня,
И мужебесжными...

* * *

Много, много яблок кидонских летело там в колесницу
к владыке,
Много и миртовых листьев,
Густо сплетенных венков из роз и гирлянд из фиалок.

* * *

Не по правде гласит преданье:
Не взошла ты на палубу судна,
Не плыла ты в Пергам троянский.

* * *

Муза, о войнах забудь и вместе со мною восславь
И свадьбы богов, и мужей обеды пышные, и блаженных
пиры!

* * *

Песнь всенародную в честь харит
Надо петь лепокудых,
Фригийский напев применяя,
Нежный напев, —
При наступленье весны.

* * *

Муза, звонкую песнь
ты заведи,
песнь любовную,
Про самосских детей, —
с лирою в лад,
с лирою певучею.

* * *

...больше всего
Игры и песни приятны Аполлону,
Горе и тяжкие стоны — Анда удел.

* * *

Бесполезно и вовсе не пужно
О тех, кто умер,
Рыдать.

* * *

К умершему никто у нас не знает благодарности.

* * *

Мой Эвриал, спнеоких Харит дитя,
Их, дивнокудых, зазноба, Кипридою
И мягковзорой Пейто ты вращен среди
Роз, ароматом полных.

* * *

Только весною цветут цветы
Яблонь кидонских, речной струей
Щедро питаемых, там, где сад
Дев необорванный. Лишь весною
И плодоносные почки набухшие
На виноградных лозах распускаются.
Мне ж никогда не дает вздохнуть
Эрос. Летит от Киприды он, —
Темный, вселяющий ужас всем, —
Словно сверкающий молнией
Северный ветер фракийский,
Душу мне мощно до самого дна колышет
Жгучим безумием...

* * *

Эрос влажно мерцающим взглядом очей
Своих черных глядит из-под век на меня
И чарами разными в сети Киприды

Крепкие вновь меня ввергает.
Дрожу и боюсь я прихода его.
Так на бегах отличавшийся конь неохотно под
старость
С колесницами быстрыми на состязанье идет.

* * *

И горю, как долгою ночью горят
Звезды блестящие в небе.

* * *

Мирты, и яблони, и златоцветы,
Нежные лавры, и розы, и фиалки.

* * *

И соловьев
полная звуков заря
будит, бессонная.

* * *

На дереве том,
на верхние его,
утки пестрые сидят
В темной листве:
много еще
там яркозобых пурпурниц
И алькион быстрокрылых...

* * *

Из камней
Гладких ту сушу создали руки людей,
Где лишь хищные стаи рыб
Раньше паслись среди улиток.

Г О В О Р И Т   Г Е Р А К Л

Белоконных сыновей
Молионы убил я,—
Сверстников, крепко сращенных друг с другом
Храбрых. В яйце родилися серебряном
Вместе они.

* * *

Кассандра, Приама дочь,
Синеокая дева в пышных кудрях,
В памяти смертных живет.

* * *

Боюсь, чтоб чести у людей
Не купить ценой нечестья пред богами.

* * *

Чья жизнь уж погасла, для тех
Найти невозможно лекарства.

СОСТЯЗАНИЕ ГЕЛИКОНА
С КИФЕРОНОМ

Цел он давнее сказанье
О пещере, где куреты
Благодатного младенца,
Зевса, выкормили втайне
От обманутого Реей
Злоизмысливого Крона.

С той поры высокочтима
У бессмертных мать-богиня.
Так он цел. Мгновенно муза
Побудила олимпийцев
Бросить камешек судейский
В златоблещущие урны.

Боги встали, порадели
Киферону. Тотчас Гермий
Возгласил громоподобно
О победе, и овчину
Небожители венками
Разукрасили счастливцу.

Но под бременем обиды
Геликон рванул ревниво
Гладкосточенную глыбу:
Подалась гора, — и ринул
С воплем жалобным громаду
На теснившийся народ...

ДОЧЕРИ АСОПА

Муз фиалкоувенчаных
Дар поведаю — песнями
Славословить бессмертных.

О ту пору, как Зевс-отец,
Благ податель, избрал одну
Асопиду-Эгину: срок
Ей придет, — будет счастлива
На путях громовержца.

Оракул Асопу

«Трех дочерей Зевс возлюбил,
Зевс — отец и вселенной царь,
Трех увлек владыка морей
Посейдон, двух преклошил
Феб на брачное ложе,

И могучий Гермий одну,
Майи сын. Так Эроса зов
Властно завлек волю богов
Тайно войти в дом девяти:
Дев похитить — избраниц.

Будет пышен сев матерей.
Рок им судил: племя родить —
Род героев-полубогов.
Так говорю. Ведомо так.
Так пророчит треножник.

Сан мой высок. Вверили мне
Храм пятьдесят грозных монах
Кровников. Здесь, в месте святом,
Я, Акрефэй, призван вещать
Правды верное слово.

Дал Аполлон некогда в дар
Эвониму право вещать;
На треножник Феба воссев,

Эвонима сверг Ири́ей,
Стал преемником вещим
Посейдона сын, Ирней!
Орион эти земли взял,
Мой родитель. На́ небе он,
Вознесенный, ныне звездой
Нам во славе сияет.

Непреложно слово мое.
Все, что знаю, — знаю от них.
Ты же, друг, о родич богов,
Сбрось тревог безрадостный груз,
Будь подобен бессмертным».

Так говорил вещий святой.
И, слезу роняя из глаз,
Прикоснулся к правой руке
Прорицателя бог Асон
С лаской. Речью ответил.

* * *

Дела героев и героинь
На ионийский лад я пою.

* * *

Я Миртиде
Ставлю в упрек звонкоголосой:
Спорить за приз с Пиндаром ей —
Женщине — смысл был ли какой?

ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕРВОЙ ИСТМИЙСКОЙ ОДЕ

(*Колеснице Геродота Фиванского*)

Строфа I

Мать моя, труд для тебя, для Фив золотошитных
 Всем я трудам предпочту, и Делос крутой
 Пусть на меня не гневится, хоть должен был песню
 Раньше сложить я ему.
 Что сердцам благородным дороже, чем мать и отец?
 Ради них отступи, Аполлонова сень!
 Песни окончу обе я по воле богов.

Антистрофа I

И длиннокудрого Феба прославию я в пляске
 Между приморских селян, где Кеос вода
 Вкруг обтекает, и будет воспет перешеек
 Истм, огражденный волной.
 Шесть венков подарил он на играх Кадмейской
 стране,
 Дар прекрасно-победный, для родины честь.
 Сын был Алкменой здесь рожден; был тверже, чем
 сталь.

Эпод I

В страхе пред ним
 У псов Герионовых лютых
 Шерсть вздымалась.

Ныне хвалу Геродоту
С его колесницей
Четвероконой сложу.
Он не доверил узды своей
Чужой руке — и за то
Я вплету ему похвалу
С Иолаем и Кастором
В гимн хвалебный.
Этих двух героев нам
Лакедемон и Фивы родили,
Возниц сильнейших.

ПЕРВАЯ ПИФИЙСКАЯ ОДА

(Колеснице Гиерона Этнейского)

Строфа I

О золотая лпра! Общий удел Аполлона и муз
В темных, словно фиалки, кудрях.
Ты основа песни, и радости ты почин!
Знакам, данным тобой, послушны певцы,
Лишь только запевам, ведущим хор,
Дашь начало звонкою дрожью.
Язык молний, блеск боевой угашаешь ты,
Вечного пламени вспышку; и дремлет
Зевса орел на его жезле,
Низко к земле опустив
Быстрые крылья,—

Антистрофа I

Птиц владыка. Ты ему на главу с его клювом
кривым
Тучу темную сама излила,
Взор замкнула сладким ключом—и в глубоком сне
Тихо влажную спину вздымает он,
Песней твоей покорен. И сам Арей,
Мощный воин, песнею сердце свое

Тешит, вдруг покинув щетинистых копий строй.
Чарами души богов покоряет
Песни стрела из искусных рук
Сына Латоны и дев —
Муз пышногрудых.

Эпод I

Те же, кого не полюбит Зевс,
Трепещут, услышав зов
Муз-пиерид; он летит над землей
И над бездной никем не смиренных морей.
Тот всех больше, кто в Тартар страшный
низвергнут, противник богов,
Сам стоголовый Тифон. Пещера в горах
Встарь, в Киликийских, его воспитала, носившая
много племен,
Ныне же Кумские скалы, омытые морем,
И Сицилийской земли пределы
Тяжко гнетут косматую грудь.
Этна — столп небосвода,
Снежно-бурная Этна, весь год
Ледяников кормилица ярких.

Строфа II

Там из самых недр ее неприступного пламени ключ
Бьет священной струей. И текут
Днем потоки рек, испуская огнистый дым;
Ночью же блеском багровым пышет огонь;
Глыбами скалы вниз он, вращая, мчит
С грохотом, с грозным шумом в бездну пучины морской.
Страшный ток Гефеста чудовищный этот зверь
Ввысь посылает. И дивное диво
Это для всех, кто увидит сам;
Диво для всех, кто об этом
Слышит рассказы.

Тому, кто в Этне связан лежит, с темнолистых вершин
Вплоть до самой подошвы горы,
Острый край утесов согбенную спину рвет.
Если мог бы угодным стать я тебе,
Зевс! Посещаешь эту вершину ты,
Этих стран богатых чело. И теперь
Град соседний именем этой горы нарек
Славный строитель его. Это имя
Крикнул глашатай пифийских игр,
Где победил Гперон
В конском ристанье.

Эпод II

Если задумали люди плыть
В далекий по морю путь,
Будет на радость великую им,
Если дует им ветер попутный. Тогда
Будет плаванью их наверно дарован удачный
конец.
Так же и этой победой ныне дана
Верная впредь нам надежда, что будет наш город
отныне богат
Славой коней и венков, и на звонких
пирушках
Будет его восхваляться имя.
Феб Ликкийский, ты, Делоса царь,
Любишь Кастальский ты ключ
Близ Парнаса. Даруй в этот край
Ты мужей отважных и сильных!

Строфа III

Доблесть людей — от воли богов. Лишь от них
Мудры мы, и они нам дают
Мощь, и силу рук, и искусство речей. Теперь
Я хочу одного лишь мужа воспеть.
Крепко надеюсь я, что, не дрогнув, в цель
Мощным взмахом дрот меднощекый метну.

Пусть летит он дальше, чем стрелы моих врагов.
Этому мужу грядущее время
Счастье пускай принесет и даст
Много богатств, а скорбь
Пусть он забудет!

Антистрофа III

Вспомнит пусть он, сколько тяжких походов и битв
перенес

Он душой непреклонной. За то
Высшей чести волей богов удостоен был
Он, и чести такой никто не имел
Между мужей Эллады. В удел ему
Дан богатства пышный венец. Но, на бой
Ныне сам пойдя, повторил Филоктетов рок.
Стал перед ним, как пред другом, сгибаться
Тот, кто был горд. Говорит молва,
Будто герои, богам
Равные силой,

Эпод III

С Лемноса сына Поанта встарь
С собой привели; он был
Рапой терзаем, но славный стрелок.
И данайцев трудам положил он конец,
Град Приамов разрушив. Телом был слаб, но был
избран судьбой.

Пусть с Гиероном в грядущем будет всегда
Бог-совершитель. И пусть ниспошлет ему случай
благой,
чтобы все

Мог он желанья исполнить. В дому Дейномена,
Муза, воспой мне коней четверку
Славных. Ведь там не будет чужда
Радость отцовских побед.
Так начни же! Мы Этны царю
Сочиним приветствия песню.

Этот град для сына, вместе с свободой, создашем
богов,

Сам отец, Гиерон, заложил.
Он заветы Гилла хранит. Ведь Памфила род,
Также род Гераклидов, тех, что живут
Возле вершин Тайгетских, хотят всегда
Свой закон дорийский хранить, как велел
Им Эгний. Род их блаженный Амиклы взял
Некогда, с Пинда сойдя. Белокопным
Тиндара детям, конейщикам,
Стал этот род с той поры
Славным соседом.

Антистрофа IV

Зевс-вершитель! Людям всем, что живут близ
аменской струи,
Счастье вместе с владыками их
Дай в удел, чтоб всюду людей правдивая речь
Их хвалила. Всегда с подмогой твоей,
Верно ведущей сына своею рукой,
Муж-властитель пусть направляет народ
Свой к согласью, к миру, почетом венчав его.
Пусть же в домах остается пуннец,
Смолкнет тирренов военный клич!
Вспомнят пусть Кумский морской
Бой многостонный.

Эпод IV

Что претерпели они в тот день,
Когда сиракузян вождь
Их расцветавшую юность поверг
С кораблей быстроходных в пучину морей,
Спас Элладу от тяжких рабства оков. Я хотел бы
теперь
Дружбу афинян стяжать, воспев Саламин,
Спарте же песню сложу я про бой Киферонский,
где пал перед ней

Строй криволуких лидийских стрелков.

Огласится

Пусть полноводный Гимеры берет
Новой победы хвалой

В честь Дейномена храбрых сынов.

Эта песнь — им награда за то,
Что врагов бежали дружины.

Строфа V

Если песнь свою размерить разумно и в краткую речь
Вложить многим деяньям хвалу,
Меньше будет трогать тебя пересуд людской.
Слух пресытиться может. Быстрых надежд
Пыл погасает. Часто гнетет
Душу граждан весть о заслугах чужих.
Все же лучше зависть, чем жалость, терпеть. Стремись
К благу всегда. И народ свой кормилом
Правь справедливым. И свой язык
Ты на правдивой, без лжи,
Куй наковальне.

Антистрофа V

Если даже чуть оступишься ты, то за много тебе
Это будет всегда зачтено.
Ты для многих страж. И свидетелей много есть
Всем поступкам твоим, и добрым и злым.
Пылу благу верен навек пребудь.
Если ж хочешь доброй молве ты внимать,
Щедрым будь всегда. И рулем направляй корабль,
Ветром попутным свой парус наполнив.
Пропускам тех, кто наживы ждет,
Друг, не вверяйся. Молва
Славы посмертной

Эпод V

Только одна лишь пройденный путь
Людей, что ушли давно,
Может певцам показать и раскрыть

Летописцам. О Крезовой ласке жива
Весть попыне. О том, кто сердцем безжалостен был
и людей
В медном быке сожигал — то был Фаларид, —
Слава дурная идет. Не звучит на форминге под крышей
домов

Имя его на пирах молодежи веселых.
В жизни удачу стяжать — награда
Первая. Дар второй — заслужить
Добрую славу себе.
Тот, кто их и приял и достиг,
Получил венец наивысший.

ДЕВЯТАЯ ПИФИЙСКАЯ ОДА

Строфа I

Согласуя с харитами стройными песнь,
Меднощитного славить хочу
Победителя в играх пифийских,
Телесикрата, мужа блаженного,
Коневластной Кирены красу.
Из долин ветрошумных Пеллона
Сын Латоны кудрявый ее
В дни былые похитил. В золотой
Колеснице он деву лесную увез
И владеть ей назначил землей
Многостадной, обильной плодами,
Чтоб жила в цветущей, желанной
Третьей отрасли суши.

Антистрофа I

Приняла среброногая
Афродита делийского гостя
И, касаясь легкой рукой,
С богозданной свела колесницы.
Им обоим пад сладостным ложем

Стыд любовный она пролила,
Сочетая в общении брачном
Дочь Гипсея могучего — с богом.
Он тогда горделивых лапифов царем
Был, второй Океанова рода герой.
Родила, меж утесами славного Пинда,
Дочь Геп, наяда Креуса, его
В наслаждении брачном с Пенеем.

Эпод 1

И Гипсей себе вырастил дочь,
Белорукою деву Кирену.
Ни станка, в обе стороны ткущего пить,
Ни забавы с подругами сладкой
На домашних пирах не любила она,
Но с мечом или дротиком медным
Выходила на диких зверей
И, сражая их, долгий, счастливый покой
Доставляла отцовским стадам,
И друг ложа, пленительный сон,
Ненадолго сходил к пей на очи
Перед самой только денницей.

Строфа II

Аполлон, стрел далеких метатель,
Шел, с колчаном широким на плечах,
И увидел однажды ее,
Как со львом-великаном боролась
Безоружная дева одна.
Призывает он тотчас из дому Хиропа:
«Сын Филеры, священный свой грот
Покидай и дивись на отвагу
И великую силу жены!
Вот в какую борьбу
С безмятежным вступила челом!
Сердце в ней не страшится,
И душа не смущается страхом.
Кто из смертных такую родил,
От какого родился корня?..

Гор тенистых ложбины — жилище ее;
Ей утехой — безмерная сила.
Но прилично ли славной рукой
Мне коснуться ее и с ложа любви
Плод медовый сорвать?..»
И суровый кентавр,
Прояснивши улыбкой сердитую бровь,
Богу речью ответил такую:
«Тайный ключ для священной любви —
Убеждения мудрое слово.
Феб, считается это за стыд
У богов и равно у людей —
Первый раз без боязни, открыто
Приступать ко любовному ложу.

Эпод II

У тебя, недоступного лжи,
Увлечение понудило страсти
Это слово сказать! Но зачем
Тебе спрашивать, царь,
От кого родилась эта дева?
Предназначенный всякому делу конец,
Все пути тебе знаемы в мире.
Ясно видишь ты, сколько земля
Даст нам листьев зеленых с весною,
Сколько в море и в реках клубится песков
От ударов ветров и от волн;
Что свершается, что свершится,
Все ты знаешь. Но, если и с мудрым
Состязаться я должен, скажу.

Строфа III

Ты в долину пришел, чтобы стать
Этой девы супругом. Ее унесешь
Через море в Зевесов прекраснейший сад.
Там владычицей града поставишь ее,
Весь собравши народ островов

На холму, окруженном полями.
Ныне примет священная Ливия,
Средь обширных красуясь лугов,
Благосклонно супругу прекрасную
В золотые чертоги свои.
Чтоб законную власть разделять,
Часть земли ей дарует она,
Не лишенную многих богатств
В плодовых деревьях и стадах.

Аугустрофа III

Там родит она сына, которого славный Гермес,
Взяв от матери милой,
К трону Гор золотому и к Гее спесет:
На колени к себе посадив,
Будут нектар по каплям они
И амброзию в ротик младенцу вливать —
И бессмертным его сотворят,
Как Зевес или Феб непорочный,
Чтобы лучшею радостью был
Он для милых родных и друзей,
Был защитником стад, и пускай
У одних он «ловцом и хранителем паств»,
У других — «Аристеем» зовется».
Говоря так, Хирон преклоняет его
К наслаждению брачным союзом.

Эпод III

Если боги спешат, вмиг окончено дело;
Их коротки пути: в тот же день
Все свершилось — они сочетались
В разукрашенном златом ливийском чертоге,
Где под властью Кирены — прекраснейший
город,

Знаменитый искусством бойцов.
И в Пифоне божественном ныне
Вновь прекраснопцветущее счастье
В дар приносит ей сын Карнеады.
Победив, он прославил Кирену.

Благосклонно она его примет,
Как из Дельф — в край родной,
Жен прелестных страну,
Принесет он желанную славу.

Строфа IV

Дел великих всегда многословна хвала;
Но из многого малое любит мудрец
В разнovidной приять красоте.
Своевременный труд первенствует над всем.
Июлая когда-то не презревшим это
Семпвратные видели Фивы.
Как меча острем,
Эврисфею он голову спял,
Там по смерти сокрыли его
Под землю, в могиле
Знаменитого Амфитриона возницы.
Там кадмейцев посеянных гость,
Его дед по отцу, поселенец
Белоконных фиванских полей, почивал.

Апистрофа IV

Сочеталась любовью Алкмена разумная
С ним и с Зевсом и свету дала,
Раз единый зачав, двух сынов,
Победителей ратную силу.
И пускай будет нем, кто уста
Для хвалы Геркулеса замкнет,
Кто не вспомнит стократ вод диркейских,
Воспитавших его с Ификлеем.
Им хочу за добро, по обету,
Я хвалебною песнью воздать.
Чистый огонь сладкозвучный харит
Пусть меня не оставит. Скажу я:
На мегарском холму и в Эгине
Этот град Телесикрат
Гласным подвигом трижды прославл.

Потому, будет друг или педруг
Кто из граждан ему, пусть не скроет во тьме
Перед всеми свершенного славного дела;
Пусть последует старца морского совету,—
Он сказал, что от полного сердца
Справедливо хвалить и врага
За прекрасный поступок.
Я не раз победителем видел тебя
И во время Паллады торжество годовых:
Верно, каждая дева безмолвно
Ненаглядным супругом тебя, Телесикрат,
Или сыном мечтала иметь...

Строфа V

И в кругу олимпийских борцов,
И на играх глубоководливой земли,
И в туземных агонах встречал я тебя,—
И теперь я хочу утолить
Песнопения жажду, и вновь
Понуждает желанье меня
Славу предков твоих пробудить.
Расскажу, как за дочерью славной Антея,
За прекраснокудрявою девою ливийской,
Женихи приходили ко граду Ирасы.
Много лучших мужей соплеменных,
Много сильных из чуждой земли
Обладать ею думали — всех
Красотой она дивной пленяла.

Антистрофа V

В цвете юности златовспичанной
Наливавшийся плод им хотелось сорвать.
Но отец ей готовил в уме
Брак славянец: он слышал тогда
Об аргивском Данае, который —
И не минуло дня половины —
Всем своим сорока восьми девам

Без раздумья супругов нашел.
Целый хор он их выставил в ряд
На пределы арены и вмиг
Состязанием в беге решить приказал,
Кто из юных героев —
Сколько их ни явилось в зятя —
В жены деву какую возьмет.

Эпод V

Так достойного мужа нашел
И ливнец для дочери мплой.
Он у меты, последней паградой,
Разодегую пышно поставил ее
И сказал, обращаясь ко всем:
«Тот возьмет, кто, других упредив,
До одежд ее первый коснется».
Алексідам крылатый тогда,
Легконогий свой бег совершив,
Деву милую за руку взял
И повел чрез собрание конных номадов.
Много разных венков и ветвей
Все бросали ему. Так и прежде
Был крылатой победе он другом не раз.

* * *

...Пленяет разум
Сладкой неволей отрада кубков полных.
Бьется сердце, шепчет мне: «Близка любовь...»

Ты сам, Дионис, нам вливаешь в грудь отвагу.
Мы высоко залетели мыслью, други!
Мы сокрушаем в мечтах своих твердыни:
Над вселенной побежденной мы царим!

Палаты — все в золоте, все в кости слоновой;
Много богатств корабли тропой лазурной,
Много пшеницы везут нам из Египта:
Так за кубком над вселенной мы царим.

Нет ни тучных стад, ни злата; нет и тканей пурпуровых.
Только в сердце есть веселье, сладкий мир.
Есть и муза нежных песен, — да в сосудах беотийских
Гроздьев нектар!

ЮНОШИ, ИЛИ ТЕСЕИ

Строфа I

Волны грудью синей рассекая,
Море критское триера пробегала,
А на ней, к угрозам равнодушный,

Плыл Тесей и светлые красую
Семь юниц, семь юных понийцов...
И пока в угоду Деве браней
На снявший парус бореады
Налегали девы, Афродита,
Что таит соблазны в диадеме,
Меж даров ужасных жало выбрав,
В сердце Миносу-царю его вонзила,
И, под игом страсти обезволен,
Царь рукой ланит коснулся девы,
Эрибен с ласкою коснулся...
Но в ответ потомку Пандиона:
«Защити» — юница завопила...
Обернулся витязь, и, сверкая,
Заметались темные зеницы;
Жало скорби грудь ему произило
Под ее блистающим покровом,
И уста промолвили: «О чадо
Из богов сильнейшего — Крониды:
У тебя бушуют страсти в сердце,
Да рулем не правит совесть, видно,
Что герой над слабыми глумится.

Антистрофа I

Если жребий нам метали боги
И его к Аиду Правда клошит,
От судьбы мы не уйдем, но с игом
Произвола царского помедли.
Вспомни, царь, что если властелином
Зачат ты на ложе Зевса дочерью
Феникса, столь дивно нареченный,
Там, на склонах Иды, то рождением
И Тесей не жалок: Посейдону
Дочь меня Питфсева родила,
Что в чертоге выросла богатом,
И на шире брачном у невесты
Золотое было покрывало,
Неренд подарок темнокосых.
Говорю ж тебе и повторяю,
О кипсийских ратей повелитель,
Или ты сейчас же бросишь сам

Над ребенком плачущим глумиться,
Иль пускай немеркнувшей денницы
Мне сиянья милого не видеть,
Если я сорвать тебе позволю
Хоть одну из этих нежных веток.
Силу рук моих изведай раньше —
А чему потом случиться надо,
Это, царь, без нас рассудят боги».

Эпод I

Так доблестный витязь сказал и умолк;
И замерли юные жертвы
Пред этой отвагою дерзкой...
Но Гелиев зять в разгневанном сердце
Узор небывалый выводит,
И так говорит он: «О Зевс, о отец
Могучий, коль точно женою
Рожден я тебе белоручкой,
С небес своих молнию сыну
Пошли ты, и людям на диво
Пусть огненной сыплется гривой!
Ты ж, мощный, коль точно Эфра
Тебя колебателью суши
Дала, Поссидону, в Трезене,
Вот эту златую красу,
Которой десница сняла,
Отважно в отцовский чертог снизойдя,
Вернешь нам из дальней пучины.
А вземлет ли Кроний сыновней мольбе,
Царь молний, увидишь немедля...»

Строфа II

И внял горделивой молитве Кронид,
И сыну, без меры могучий,
И людям на диво почет он родит.
Он молнией брызнул из тучи,—
И, славою полный, воспрянул герой,
Надменное сердце възыграло,
И мощную руку в эфир голубой
Воздел он, а речь зазвучала;

Вещал он: «Ты ныне узрел, о Тесея,
Как взыскан дарамп отца я.
Спускайся же смело за долей своей
К властителю тяжко гремящих морей,
И, славой Тесея бряцая,
Заросшая лесом земля загудит,
Коль так ей отец твой державный велит».
Но ужас осплнить Тесея не мог:
Он за борт, он в море шагает,—
И с лаской приемлет героя чертог,
А в Миносе мужество тает:
Триперу велит он на веслах держать,—
Тебе ли, о смертный, судьбы избежать?

Алистрофа II

И снова по волнам помчалась ладья,
Покорна устам бореады...
Да в страхе теснилась афинян семья,
Бросая печальные взгляды
На пену, в которой сокрылся герой;
И в волны с сияющих линий
Горячие слезы сбегали порой
В предчувствии тяжких насилий...
Тесея ж дельфины, питомцы морей,
В чертог Посейдона примчали,—
Ступил за порог — и отпрянул Тесея,
Златого Нерее узрев дочерей:
Тела их как пламя сияли...
И локоны в пляске у дев развились,
С них ленты золотые каскадом лились...
И, мерным движеньем чаруя сердца,
Сребрились их гибкие ноги,
Но гордые очи супруги отца
Героя пленяли в чертоге...
И, Гере подобясь, царица меж дев
Почтила Тесея, в порфиру одев.

Эпод II

И кудри герою окутал венец:
Его темно-розовой гущей
Когда-то для брачного шира

Ей косы самой увенчала Киприда,
Чаруя, златые увила.
И чудо свершилось... для бога оно
Желанье, для смертного чудо:
У острой груди корабельной —
На горе и думы кносийцу —
Тесей неведом появился...
А девы, что краше денницы,
Восторгом объаты неожиданным,
Веселые крики подъяли,
А море гудело, пеан
Товарищей их повторяя,
Что лился свободно из уст молодых —
Тебе, о Делосец блаженный,
Да будешь ты спутником добрых,
О царь хороводов родимых!

МОЛИТВА НИКЕ

К славному хору картеян, владычица Ника, Паллапта
Многоименная дочь, ласково взоры склоняй
И Вакхилиду-кеосцу увенчивай чаше, богиня,
На состязаниях муз кудри победным венком.

* * *

В поле за стенами града святилище это Зефиру,
Щедрому ветру, воздвиг муж благодарный Эвдем,
Ибо Зефир по молитве его от праха колосьев
Легким дыханьем своим зерна отвеять помог.

* * *

Скорпион под любым
камнем тебе
может попасться, друг:
Бойся жала его.
Скрытность всегда
хитрости яд таит.

* * *

Вспомни то, что сказал
как-то Адмет:
«Добрых люби душой,
Но от низких держись
дальше: они —
неблагодарные».

* * *

Пей же вместе со мной,
вместе люби,
вместе венки плети
И безумствуй, как я;
вместе со мной
благоразумен будь.

* * *

Вот что прекрасней всего из того, что я в мире оставил:
Первое — солнечный свет, второе — блестящие звезды
С месяцем, третье же — яблоки, спелые дыни и груши.

* * *

Я — служитель царя Эниалия, мощного бога.
Также и сладостный дар муз хорошо мне знаком.

* * *

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье!

* * *

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостонная грянет работа.
В бое подобном они опытны боле всего —
Мужи-владыки Эвбеи, копейщики славные...

* * *

Чашу живее бери и шагай по скамьям корабельным.
С кадей долбленых скорей крепкие крышки снимай...
Красное черпай вино до подонков. С чего же и нам бы
Стражу такую нести, не подкрепляясь вином?

* * *

Носит теперь горделиво саниц мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.

* * *

Скорбью стелющейся крушась, ни единый из граждан,
ни город
Не пожелает, Перикл, в пире услады искать.
Лучших людей поглотила волна многошумного моря,
И от рыданий, от слез наша раздулася грудь.
Но и от зол неизбежных богами нам послано средство:
Стойкость могучая, друг,— вот этот божеский дар.
То одного, то другого судьба поражает: сегодня
С нами несчастье, и мы стонем в кровавой беде,
Завтра в другого ударит. По-женски не падайте духом,
Бодро, как можно скорей, перетерпите беду.

* * *

Все человеку, Перикл, судьба посылает и случай.

* * *

Если, мой друг Эсимид, нарекания черни бояться,
Радости в жизни едва ль много изведаеть ты.

* * *

Если б его голова, милые члены его,
В чистый одеты покров, уничтожены были Гефестом.

Я ничего не поправлю слезами, а хуже не будет,
Если не стану бежать сладких утех и пиров.

* * *

Жарко моляся средь волн густокудрого моря седого
О возвращенье домой...

* * *

Главк, до поры лишь, покуда сражается, дорог наемник.

* * *

Очень много ворон смоковница горная кормит,
Всем Пасифила гостям, добрая, служит собой!

* * *

Накосоа были столпами Аристофонт и Мегатим,
Ньпе в себе ты, земля, держишь, великая, их.

* * *

Кудри скрывавший покров Алкибия с себя низлагает,
В брак законный вступив, Гере-владычице в дар.

О ФАССОСЕ

...как осла хребет,
Заросший диким лесом, он вздымается.
Невзрачный край, немилый и перадостный,
Не то что край, где плещут волны Сириса.

* * *

Ни ямбы, ни утехы мне на ум нейдут.

* * *

В свои объятья взяли волны души их.

* * *

Мне дела нет до Гига многозлатного.
Чужда мне зависть, на богов не сетую
И царской власти не ищущу величия,—
Все это далеко от взора глаз моих.

* * *

Из дочерей Ликамба только старшую.

* * *

Своей прекрасной розе с веткой миртовой
Она так радовалась. Тенью волосы
На плечи ниспадали ей и на спину.

* * *

... старик влюбился бы
В ту грудь, в те миррой пахнущие волосы.

* * *

Не стала бы старуха миррой мазаться.

* * *

И ты, владыка Аполлон, виновников
Отметь и истреби, как истребляешь ты.

* * *

Главк, ты видишь: глубь морская всколыхнулась от волны
И нависли грозно тучи над Гирейскою скалой.
То — знак бури! Страх на сердце: мы застигнуты врасплох.

* * *

Предоставь все божьей воле — боги часто горемык,
После бед к земле иршикших, ставят на ноги опять,
А стоящих низвергают и лицом склоняют ниц.
И тогда конца нет бедам: в нищете и без ума
Бездомовниками бродят эти люди на земле.

* * *

Мне не мил стратег высокий, с гордой поступью стратег,
С дивно-пышными кудрями, с гладко выбритым лицом!
Пусть он будет низок ростом, пусть он будет кривоног,
Лишь бы шел он твердым шагом, лишь бы мощь в душе
таил.

* * *

Кто падет, тому ни славы, ни почета больше нет
От сограждан. Благодарность мы питаем лишь к живым, —
Мы, живые. Доля павших — хуже доли не найти.

* * *

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встречу их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи.
Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

* * *

Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын,
Таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс.
И как сложатся условия, таковы и мысли их.

* * *

Леофил теперь начальник, Леофил над всем царит,
Все лежит на Леофиле, Леофила слушай все.

* * *

И упасть па... и прижаться животом
К животу, и бедра в бедра...

* * *

Можно ждать чего угодно, можно верить всему,
Ничему нельзя удивиться, раз уж Зевс, отец богов,
В полдень ночь послал на землю, заградивши свет лучей
У сияющего солнца. Жалкий страх на всех напал.
Всё должны отныне люди вероятным признавать
И возможным. Удивляться нам не нужно и тогда,
Если даже зверь с дельфином поменяются жильем
И милее суши станет моря звучная волна
Зверю, жившему доселе на верхах скалистых гор.

* * *

...Бурной посимый волпой.
Пускай близ Салмидесса ночью темною
Взяли б фракийцы его
Чубатые, — у них он настрадался бы,
Рабскую нищу едя!
Пусть взяли бы его, закованного,
Голого, в травах морских,

А он зубами, как собака, лязгал бы,
Лежа без сил на песке
Ничком, среди прибое волн бушующих.
Рад бы я был, если б так
Обидчик, клятвы растоптавший, мне предстал,—
Он, мой товарищ былой!

* * *

Пророк несложный меж богов великий Зевс,—
Сам он над будущим царь.

* * *

Что в голову забрал ты, батюшка Ликамб,
Кто разума лишил тебя?
Умен ты был когда-то. Нынче ж в городе
Ты служишь всем посмешищем.

* * *

О Зевс, отец мой! Ты на небесах царишь,
Свидетель ты всех дел людских,
И злых, и правых. Для тебя не все равно,
По правде ль зверь живет иль нет.

ГИМН ГЕРАКЛУ

Тенелла!
Светлопобедный — радуйся, о царь Геракл,—
Тенелла --
                    светлопобедный —
И сам, и Полай твой — два копейщика! —
Тенелла!
Светлопобедный — радуйся, о царь Геракл!

* * *

Внимай, дитя, над всем — один властитель: Зевс.
 Как хочет, так вершит гремящий в небесах.
 Не смертным разум даи. Наш быстротечен день,
 Как день цветка, и мы в неведенье живем:
 Чей час приблизил бог, как жизнь он пресечет.
 Но легковерная надежда всех живит,
 Напрасно преданных несбыточной мечте.
 Один считает дни: «Вот, вот...», другой — года.
 «Едва мигует год, — мнит каждый, — и ко мне
 Богатства притекут и прочие дары».
 Но вот один в когтях у старости — конец!
 А цель — все впереди. Других сразил недуг,
 Иных в бою Арей-воитель сокрушил:
 Их шлет уже Аид в предвечный мрак земли.
 Тех — море унесло... Как гнал их ураган
 И грозные валы багрово-мрачных вод!
 Погибли. А могли спокойно жить они.
 Тот затянул петлю. О, горькая судьба!
 По доброй воле, сам, отвергнул солнца свет.
 Все беды палицо, — но Керам нет числа,
 И смертных горести ни выразить, ни счастье.
 Но если бы они послушались меня,
 Мы б не любили зла и горя не несли б,
 Порывом яростным влекомые в беде.

* * *

О мертвом, если б были мы разумнее,
 Не дольше б горевали мы, как день один.

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:
 Одну из хрюшки он щетинистой слепил —
 Все в доме у такой валяется в грязи,
 Разбросано кругом,— что где, не разберешь.
 Сама ж — немытая, в засаленном плаще,
 В навозе дни сидит, нагуливая жир.

Другую из лисы коварной создал бог —
 Все в толк берет она, сметлива хоть куда,
 Равно к добру и злу ей ведомы пути,
 И часто то бранит, то хвалит ту же вещь,
 То да, то нет. Порыв меняется что час.

Иной передала собака верткий нрав.
 Проныра — ей бы все разведать, разузнать,
 Повсюду нос сует, снует по всем углам,
 Знай лаает, хоть кругом не видно ни души.
 И не унять ее: пусть муж угрозы шлет,
 Пусть зубы вышибет булыжником в сердцах,
 Пусть кротко, ласково упраскивает он —
 Она и у чужих в гостях свое несет.
 Попробуй одолеть ее крикливый нрав!

Иную, вылепив из комьев земляных,
 Убогою Олимп поднес мужчине в дар,
 Что зло и что добро — не по ее уму.
 И не поймет! Куда! Одно лишь знает — есть.
 И если зиму Зевс суровую послал,
 Дрожит, а к очагу стул пододвинуть лень.

Ту из волны морской. Двоится ум ее:
 Сегодня — радостна, смеется, весела.
 Хвалу ей воздает, увидев в доме, гость:
 «Нет на земле жены прекраснее ее,
 Нет добродетельней, нет лучше среди людей...»
 А завтра — мочи нет; противно и взглянуть.
 Приблизиться нельзя: беснуется она,
 Не зная удержу, как пес среди детей,
 Ко всем неласкова, ни сердца, ни души,
 Равно — враги пред ней иль лучшие друзья.
 Так море иногда затихнет в летний день:

Спокойно, ласково, отрада морякам —
Перой же, грозное, бушует и ревет,
Вздыхая тяжкие, ударные валы.
Похожа на него подобная жена
Порывов сменою, стихийных, словно Понт.

Иной дал прав осел, облезлый от плетей;
Под брань, из-под кнута, с большим трудом она
Берется за дела — кой-как исполнить долг.
Пока же ест в углу подальше от людей —
И ночью ест и днем, не свят ей и очаг,
А вместе с тем, гляди, для дел любовных к ней
Приятелю-дружку любому вход открыт.

Иную сотворил из ласки — жалкий род!
У этой ни красы, ни прелести следа,
Ни обаяния — ничем не привлечет.
А к ложу похоти — неистовый порыв,
Хоть мужу своему мерзка до тошноты.
Да вороватостью соседям вред чинит
И жертвы иногда не в храм несет, а в рот.

Иная род ведет от пышного коня:
Заботы, черный труд — ей это не под стать,
Коснутся мельницы, взять в руки решето,
Куда там! — труд велик из дому выместь сор.
К печи подсесть — ни-ни! От копоти бежит.
Насильно мил ей муж. Привычку завела
Купаться дважды в день и трижды, коль досуг.
А умощениям — ни меры, ни числа.
Распустит локонов гривастую волну,
Цветами обовьет и ходит целый день.
Пожалуй, зрелище прекрасное жена,
Как эта, для иных; для мужа — сущий бич!
Конечно, если он не царь или богач,
Чтоб тешиться такой ненужной мишурой.

Иную сотворил из обезьяны Зевс:
Вот худшее из зол, что дал он в дар мужам:
Лицом уродлива. Подобная жена
Идет по городу — посмешище для всех.
И шея коротка; едва-едва ползет;
Беззаядая, как жердь. Увы, бедняга муж!
Что за красотку он обвить руками рад!

На выдумки ж хитра, уверткам счету нет.
Мартышка чистая! Насмешки ж — нипочем.
Добра не сделает, пожалуй, никому.
Но занята одной лишь думой день-деньской:
Какую пакость бы похуже учинить.

Иную — из пчелы. Такая — счастья дар.
Пред ней одной уста злословия молчат:
Растет и множится достаток от нее;
В любви супружеской идет к закату дней,
Потомство славное и сильное родив.
Средь прочих жеп она прекрасней, выше всех,
Пленяя прелестью божественной своей,
И не охотница сидеть в кругу подруг,
За непристойными беседами следя.
Вот лучшая из жен, которых даровал
Мужчинам Зевс-отец на благо, вот их цвет.
А прочие — увы! — по промыслу его
И были бедствием, и будут для мужей.

Да, это зло из зол, что женщиной зовут,
Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —
Хозяин от жены без меры терпит зло.
И дня не проведет спокойно, без тревог,
Кто с женщиной судьбу свою соединил,
И голод вытолкнет не скоро за порог;
А голод — лютей враг, сожитель — демон злой.
Чуть муж для праздника повеселиться рад —
Во славу ль божию иль там почтить кого,—
Жена, найдя предлог, подымет брань и крик.
Верь, у кого жена, тому не к дому гость.
Заезжего с пути радушне не ждет,
И та, что с виду всех невинней и скромней,
Как раз окажется зловреднее других.
Чуть зазевался муж... а уж соседи здесь:
Злорадствуют над тем, как слеп он и как прост,
Свою-то хвалит всяк — похвал не перечеть,
Чужую, не скупясь, поносит и бранит.
Хоть участь общая, — о том не знаем мы;
Ведь это зло из зол зиждитель создал, Зевс,
Нерасторжимые он узы наложил
С тех пор, когда одни сошли в подземный мрак
В борьбе за женщину — герои и вожди.

* * *

«Кагдавл по-меонийски, по-людски — Гермий! —
Так звал он: — Майи сын, ценной своры
Начальник, друг ночных воров, спаси, милый!»

* * *

Гермес Килленский, Майи сын, Гермес, милый!
Услышь поэта! Весь в дырах мой плащ, дрогну.
Дай одежку Гиппонакту, дай обувь!
Насынь червопцев шестьдесят в кошну — веских!

* * *

Ты не дал мне хламиды шерстяной, теплой
В подарок перед стужей, ни сапог прочных;
И, полуголый, мерзну я зимой лютой.

* * *

Богатства бог, чье имя Плутос, — знать, слеп он!
Под кров певца ни разу не зашел в гости
И не сказал мне: «Гиппонакт, пока тридцать
Мин серебра тебе я дам; потом — больше».
Ни разу так он не зашел в мой дом: трус он.

* * *

Привольно жил когда-то он, тучнел в неге,
Из тонких рыб ел разносолы день целый;
Как евнух откормился, как каплун жирный,
Да все наследство и проел. Гляди, нынче
В каменоломне камни тешет, жрет смоквы
Да корку черную жует он — корм рабий.

* * *

Я злу отдам усталую от мук душу,
Коль не пришлешь ты мне ячменных круп меру.
Молю не медлить. Я ж из круп сварю кашу.
Одно лекарство от несчастья мне: каша!

* * *

Художник! Что ты на уме, хитрец, держишь?
Размалевал ты по бортам корабль. Что же
Мы видим? Змей ползет к корме с носа.
Наворожишь ты на пловцов, колдун, горе,
Зане проклятым знаменьем судно метишь!
Беда, коль змием уязвлен в пяту кормчий!

* * *

Прошу, любезный, не толкайся! Пусть барин
Не в духе пыше — знаю: не дерись все же!

* * *

Два дня всего бывают милы нам жены:
В день свадьбы, а потом в день выноса тела.

* * *

Скоро ль воспрянете вы? Когда ваше сердце забьется
Бранной отвагой? Ужель, о нерадивые, вам
Даже соседей не стыдно? Вы мыслите, будто под сенью
Мира живете, страна ж грозной объята войной.

.....
Требует слава и честь, чтоб каждый за родину бился,
Бился с врагом за детей, за молодую жену.
Смерть ведь придет тогда, когда мойры прийти ей назначат.
Пусть же, поднявши копьё, каждый на битву спешит,
Крепким щитом прикрывая свое многомощное сердце
В час, когда волей судьбы дело до боя дойдет.

* * *

Сам ведь Кроннион, супруг прекрасноуветчашной Геры,
 Зевс, Гераклидам вручил город, нам ныне родной.
 С ними, оставив вдали Эрней, обдуваемый ветром,
 Мы на широкий простор в землю Пелопона пришли.

* * *

Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,
 Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:
 «Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
 Спарты всерадостный град на попечение даю,
 Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
 Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
 Только благое вещают и правое делают дело,
 Умыслов злых не тая против отчизны своей,—
 И не покинет народа тогда ни победа, ни сила».
 Так свою волю явил городу нашему Феб.

* * *

Доля прекрасная — пасть в передних рядах ополченья,
 Родину-мать от врагов обороняя в бою;
 Край же покинуть родной, тебя вскормивший, и хлеба
 У незнакомых просить — напгорчайший удел.
 Горе тому, кто бродить обречен по дорогам чужбины
 С милой женою, детьми и престарелым отцом.

Впавший в нужду человек покрыл свое имя позором,—
Кто ему дверь отперет, кто же приветит его?
Всюду несутся за ним восклицанья хулы и презренья,
Как бы ни был именит, как бы красой ни сиял.
Если скиталец такой нигде не находит приюта,
Не возбуждает ни в ком жалости к доле своей,
Биться отважно должны мы за милую нашу отчизну
И за семейный очаг, смерти в бою не страшась.
Юноши, стойко держитесь, друг с другом тесно
сомкнувшись,

Мысль о бегстве душе будет отныне чужда.
Мужеством сердце свое наполнив, о ранах и смерти,
Подстерегающих вас, не помышляйте в бою.
Не покидайте своих товарищей, старших годами,
Духом отважных, но сил прежних лишённых,—
увы!
Разве не стыд, не позор, чтобы, предан врагам молодежью,
Первым в передних рядах воин лежал пожилкой,
Весь обнаженный, и прах подметал седой бородою,
Срам окровавленный свой слабой прикрывши
рукой?

Право же, зрелища нет на свете ужасней, чем это;
И у кого из людей слез не исторгнет оно?
Тем же, чьи юны года, чьи цветут, словно розы, ланиты,
Все в украшенье, все впрок. Ежели юноша жив,
Смотрят мужи на него с восхищеньем, а жены с любовью;
Если он пал — от него мертвого глаз не отвесьть.

* * *

Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла,
Будьте бодры, еще Зевс не отвратился от нас!
Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых
бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины—
Милыми, как нам милы солнца златые лучи!
Опытны все вы в делах многослезного бога Арея,
Ведомы вам хорошо ужасы тяжкой войны,
Юноши, вы и бегущих видали мужей и гонящих;
Зрелищем тем и другим вдоволь насытились вы!
Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступать между передних бойцов,

В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
Труса презренного честь гибнет мгновенно навек:
Нет никого, кто бы мог до конца рассказать все мученья,
Что достаются в удел трусу, стяжавшему стыд!
Трудно решиться ведь честному воину с тылу ударить
Мужа, бегущего вспять с поля кровавой резни;
Срамом покрыт и стыдом мертвец, во прахе лежащий,
Сзади пронзенный насквозь в спину копыя острием!
Пусть же, широко шагнув и ногами в землю упершись,
Каждый на месте стоит, крепко губу закусив,
Бедро и голени снизу и грудь свою вместе с плечами
Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукою пусть он потрясает могучую пику,
Грозный шелома султан над головой всколебав;
Пусть среди подвигов ратных он учится мощному делу
И не стоит со щитом одаль летающих стрел;
Пусть он идет в рукопашную схватку и длинную пикой
Или тяжелым мечом насмерть врага поразит!
Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан—о султан, шлем—о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется
с врагами.

Стиснув рукою копые или меча рукоять!
Вы же, гимниты, иль здесь, или там, под щиты припадая,
Вдруг осыпайте врагов градом огромных камней
Или мечите в них легкие копыя под крепкой защитой
Воинов тех, что идут во всеоружьи в бой!

* * *

Я не считаю достойным ни памяти доброй, ни чести
Мужа за ног быстроту или за силу в борьбе,
Если б он даже был равен киклонам и ростом и силой,
Или фракийский Борей в беге им был превзойден,
Если б он даже лицом был прелестней красавца Тифона,
Или богатством своим Мида с Киниром затмил,
Если б он был величавей Танталова сына Пелопя,
Или Адратов язык сладкоречивый пмел,
Если б он славу любую стяжал, кроме воинской славы,—
Ибо не будет вовек доблестным мужем в войне
Тот, чьи очи не стерпят кровавого зрелища сечи,
Кто не рванется вперед в бой рукопашный с врагом:

Эта лишь доблесть и этот лишь подвиг для юного мужа
Лучше, прекраснее всех смертными чтимых наград.
Общее благо согражданам всем и отчизне любимой
Муж приносит, когда между передних бойцов,
Крепости полный, стоит, забывая о бегстве постыдном,
Жизнь и стойкий свой дух битве вверяя в борьбе,
Бодрость соседа в строю возбуждая отважною речью:
Вот какой муж на войне доблестью славен всегда!
Грозные вражьи фаланги он в бегство тотчас обращает,
Быстро смиряет один бурную сечи волну!
Если он жизни лишится, в передних рядах пораженный,
Город, народ и отца доброю славой покрыв,
Спереди множество ран на груди могучей зияют:
Панцирь и выпуклый щит всюду пробиты копьем,—
Плачут по нем одинаково юные люди и старцы,
Город родной удручен тяжкою скорбью по нем,
Славится всюду могила его среди народа, и дети,
Дети детей и весь род славой покрыты навек.
Добрая слава и имя его никогда не погибнут:
В царстве Анда живя, будет бессмертен тот муж,
Коего сгубит ужасный Арей среди подвигов ратных,
В жарком бою за детей и за родную страну.
Если ж удастся ему избежать усыпляющей смерти
И, врагов победив, ратную славу стяжать,
Старый и юный его уважают, и, радостей жизни
Полную чашу испив, в мрачный Лид он идет.
Славится он среди граждан, старея; никто не дерзает
Чести или праву его сколько-нибудь повредить.
Юноши, сверстники, старцы повсюду в собраниях народа
Друг перед другом спешат место ему уступить.
Этой-то доблести ратной высоких пределов достигнуть
Всякий душою стремись, не избегая войны!

* * *

Вперед, о сыны отцов, граждан
Мужами прославленной Спарты!
Щит левой рукой выставляйте,
Копьем потрясайте отважно
И жизни своей не щадите:
Ведь то не в обычаях Спарты.

САЛАМИН

Все горожане, сюда! Я торговый гость саламинский,
 Но не товары привез,— нет, я привез вам стихи.

Быть бы мне лучше, ей-ей, фолегандрием или сикинитом,
 Чем гражданином Афин, родину б мне поменять!
 Скоро, гляди, про меня и молва разнесется дурная:
 «Этот из тех, кто из рук выпустили Саламин!»

На Саламин! Как один человек, за остров желанный
 Все ополчимся! С Афин смоем проклятый позор!

БЛАГОЗАКОНИЕ

Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
 И по решению других присно-блаженных богов.
 Ибо хранитель такой, как благая Афина Паллада,
 Гердая грозным отцом, длани простерла над ней.
 Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
 Граждане сами не прочь город великий сгубить.
 Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
 Жребий печальный: испытают чашу несчастий до дна.
 Им не привычно спесивость обуздывать и, отдаваясь
 Мирной усладе пиров, их в тишине проводить,—
 Нет, под покровом деяний постыдных они богачут
 И, не щадя ничего, будь это храмов казна

Или народа добро, предаются, как тати, хищенью,—
 Правды священный закон в пренебрежение у них!
 Но, и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было:
 Пусть хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!
 Будет тот час для народа всего неизбежною раной,
 К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
 Рабство ж пробудит от дремы и брань и раздор межусобый:
 Юности радостный цвет будет войной унесен...
 Благозаконье же всюду являет порядок и стройность,
 В силах оно наложить цепь на неправых людей,
 Сгладить неровности, наглость унижить, ослабить
 кичливость,
 Злого обмана цветы высушить в плоть до корней,
 Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
 И разномыслия делам вместе со злобной враждой
 Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинает
 Всюду, где люди живут, разум с порядком царить,

СЕДМИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет,
 Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои;
 Если же бог доведет до конца седмицу вторую,
 Отрок являет уже признаки зрелости нам.
 В третью у юноши быстро завьется, при росте всех членов,
 Нежный пушок бороды, кожи меняется цвет.
 Всякий в седмице четвертой уже достигает расцвета
 Силы телесной, и в ней доблести явствует знак.
 В пятую — время подумать о браке желанном мужчине,
 Чтобы свой род продолжать в ряде цветущих детей.
 Ум человека в шестую седмицу вполне созревает
 И не стремится уже к неисполнимым делам.
 Разум и речь в семь седмиц уже в полном бывают расцвете,
 Также и в восемь — расцвет длится четырнадцать
 лет.
 Мощен еще человек и в девятой, однако слабеют
 Для веледобрестных дел слово и разум его.
 Если ж десятое бог доведет до конца семиплетье,
 Ранним не будет тогда смертный конец для людей.

К МИМНЕРМУ

Нет, хоть теперь убедись, исключи это слово из песни
И не гневись, что тебя лучше я выразил мысль,
Лигнастид! Пожелай, изменив свою злую молитву,
Лет восьмидесяти смерти предела достичь.

. . . . .

Также без слез да не будет кончина моя: умирая,
Стоны друзьям и тоску я бы оставить желал.

К ФОКУ

«Нет в Солоне мысли мудрой, нет отваги стойкой в нем:
В дверь к нему стучалось счастье — и не принял он его.
В псводе улов пмея, не решился он на брег
Вытянуть его: умом, зная, он и сердцем ослабел.
Боги! Мне б добиться власти, мне бы полнотой богатств
Насладиться и в Афинах день процарствовать один —
На другой дерите шкуру, род мой с корнем истребив!»

. . . . .

Если ж родину свою
Я щадил, не стал тираном и насилый над страной
Не творил, своей же славы не позорил, не сквернил,
В том не каюсь: так скорее я надеюсь превзойти
Всех людей.

. . . . .

...А они, желая грабить, ожиданий шли полны,
Думал каждый, что добудет благ житейских без границ,
Думал: под личиной мягкой крою я свирепый нрав.
Тщетны были их мечтанья... Ныне, в гневе на меня,
Смотрят все они так злобно, словно стал я им врагом.
Пусть их! Все, что обещал я, мне исполнить удалось,
И труды мои не тщетны. Не хочу я, как тиран,
По пути идти насилый иль дурным дать ту же часть,
Что и добрым горожанам, в тучных родине полях.

. . . . .

Моей свидетельницей пред судом времен
Да будет черная земля, святая мать
Богов небесных! Я убрал с нее позор
Повсюду водруженных по межам столбов.
Была земля рабыней, стала вольною.
И многих в стены богозданной родины
Вернул афиняц, проданных в полон чужой
Кто правосудно, кто неправдой. Я домой
Привел скитальцев, беглецов, укрывшихся
От долга неоплатного, родную речь
Забывших средь скитаний по чужим краям.
Другим, что здесь меж ними, обнищавшим,
В постыдном рабстве жили, трепеща владык,
Игралица их прихотей, свободу дал.
Законной властью облеченный, что сулил,
С насильем правду сочетав, — исполнил я.
Уставы общих малым и великим прав
Я начертал; всем равный дал и скорый суд.
Когда б другой, корыстный, злонамеренный,
Мои рожном вооружился, стада б он
Не уберег и не упас. Когда бы сам
Противников я слушал всех и слушал все,
Что мне кричали эти и кричали те,
Осиротел бы город, много пало бы
В усобице сограждан. Так со всех сторон
Я отбивался, словно волк от своры псов.

* * *

Что за жизнь, что за радость, коль нет золотой Афродиты!
Смерти я жаждать начну, если мне скажут «прости»
Прелести тайной любви, и нежные ласки, и ложе.
Только ведь юности цвет людям желанен и мил;
Старость же горе несет, красавца с уродом равняя.
Стоит приблизиться ей, сразу томиться начнет
Черными думами сердце, и солнца лучи золотые
Старца не радуют взор, старцу не нужны они:
Юношам он опостылел и девам внушает презренье.
Вот сколь тяжелым ярмом старость ложится на нас.

* * *

Вдруг распускаемся мы, как листва под весенним дыханьем:
Быстро в зеленый убор солнце однет леса.
Ах, но недолог прелестный расцвет! Мимолетна услада
Дней тех, когда от богов нет нам ни счастья, ни мук.
Счастье — в неведении милом. Но близятся черные керы,
Старостью мрачной одна, смертью другая грозит.
Шире палящий пожар простирает лютное солнце:
Бурая сохнет листва, блекнет одежда лугов.
Лучше тогда умереть, чем влачить безотрадное бремя,
Если настала пора юной красе увядать.
Сколько ждет нас в грядущем до смертного часа кручины!
Полною чашей был дом — по миру ходит богач,
Тот сыновей не родил — сиротой умирает бездетный,
Этого гложет недуг... Кто проживет без беды?

* * *

Минет пора — и прекраснейший некогда муж пробуждает
Пренебреженье одно в детях своих и друзьях.

* * *

Вечную, тяжкую старость послал Молневержец Тифону.
Старость такая страшней даже и смерти самой.

* * *

...Но пролетает стрелой, словно пленительный сон,
Юность почтенная. Вслед безобразная, трудная старость,
К людям мгновенно явясь, виснет над их головой, —
Старость презренная, злая. В безвестность она нас ввергает,
Разум туманит живой и повреждает глаза.

* * *

Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий
Лет шестьдесят, — а потом смерть бы послала судьба!

* * *

...Одни из беспечных сограждан
Будут злословить тебя, но и похвалит иной.

* * *

...да встанет меж нами с тобою правдивость!
Выше, святей, чем она, нет ничего на земле.

* * *

Пилос покинув высокий, Нелеев божественный город,
В Азию милую мы прибыли на кораблях

И в Колофоне желанном осели, чрезмерные силой,
Всем показуя другим гордости тяжкий пример.
После того, и оттуда уйдя, эолийскую Смирну
Взяли мы волей богов, Алис-реку перейдя,

* * *

Век не увез бы из Эи большого руна золотого
Собственной силой Ясон, трудный проделавши путь
И совершив для безбожного Пелия тягостный подвиг,
Век бы достигнуть не смог вместе с толпою
друзей
Струй океана прекрасных...

. . . . .
Геллю труд вековечный судьбою ниспослан на долю.
Ни быстроногим коням отдых неведом, ни сам
Он передышки не знает, едва розоперстая Эос
Из океанских пучин на небо утром взойдет.
Быстро чрез волны несется он в вогнутом ложе крылатом,
Сделано дивно оно ловкой Гефеста рукой
Из многоцветного золота. Поверху вод он несется,
Сладким покоясь сном, из гесперидской страны
В край эфиопов. Восхода родившейся в сумерках Эос
Ждут с колесницею там быстрые кони его.
Встав, Гиперионов сын на свою колесницу восходит...

* * *

Сын Кронида, владыка, рожденный Лето! Ни в начале
 Песни моей, ни в конце я не забуду тебя.
 Первого буду тебя, и последнего, и в середине
 Петь я, а ты приклони слух свой и благо мне дай!

* * *

Феб-Аполлон—повелитель, прекраснейший между богами!
 Только лишь на свет тебя мать Лето родила
 Близ круговидного озера, пальму обнявши руками,—
 Как амброзический вдруг запах широко залил
 Делос бескрайный. Земля-великанша светло засмеялась,
 Радостный трепет объял море до самых глубин.

* * *

Зевсова дочь, Артемиды-охотница! Ты, что Атридом
 Жертвой была почтена в час, как на Трою он шел,—
 Жарким молениям внимли, охрани от напастей! Тебе ведь
 Это легко, для меня ж очень немалая вещь.

* * *

Зевсовы дочери, Хариты и Музы! На Кадмовой свадьбе
 Слово прекрасное вы некогда спели ему:
 «Все, что прекрасно, то мило, а что не прекрасно —
 не мило!»
 Не человечесьи уста эти слова изрекли.

Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства, —
Также монархи, — от них обереги нас, судьба!

* * *

Город все тот же, мой Кири, да не те же в городе люди.
Встарь ни законов они не разумели, ни тяжб.
Козыми шкурами плечи покрыв, за плугом влачились,
Стадо дубравных лосей прочь от ворот городских
В страхе шарahalось... Ныне рабы — народ-самодержец,
Челядь — кто прежде был горд доблестных предков
семьей.

* * *

Лжет гражданин гражданину, и все друг над другом
смеются,
Знаться не хочет никто с мнением ни добрых,
ни злых.

* * *

Кири, не завязывай искренней дружбы ни с кем из тех
граждан,
Сколько бы выгод тебе этот союз ни сулил.
Всячески всем на словах им старайся представиться
другом,
Важных же дел никаких не начинай ни с одним.
Ибо, начавши, узнаешь ты душу людей этих жалких,
Как ненадежны они в деле бывают любом.
По сердцу им только ложь, да обманы, да хитрые козни,
Как для людей, что не ждут больше спасенья себе.

* * *

К низким людям, о Кири, никогда не иди за советом,
Раз собираешься ты важное дело начать,
Лишь к благородным иди, если даже для этого нужно
Много трудов перенести и издалека прийти.
Также не всякого друга в свои посвящай начинанья:
Много друзей, но из них мало кто верен душой.

* * *

Если бы даже весь мир обыскать, то легко и свободно
Лишь на одном корабле все уместиться б могли
Люди, которых глаза и язык о стыде не забыли,
Кто бы, где выгода ждет, подлостей делать не стал.

* * *

Что мне в любви на словах, если в сердце и в мыслях иное!
Любишь ли, друг мой, меня? Верно ли сердце твое?
Или люби меня с чистой душою, пль, честно отрекшись,
Стань мне врагом и вражду выкажи прямо свою.
Кто ж при одном языке два сердца имеет,— товарищ
Страшный, о Кирн мой! Таких лучше врагами иметь.

* * *

Если тебя человек восхваляет, пока на глазах он,
А удалясь, о тебе речи дурные ведет,—
Неблагодарный тот друг и товарищ: приятное слово
Только язык говорит,— мысли ж иные в уме.
Другом да будет мне тот, кто характер товарища знает
И переносит его, как бы он ни был тяжел,
С братской любовью. Мой друг, хорошенько все это обдумай,
Вспомнишь ты позже не раз эти советы мои.

* * *

Низкому сделав добро, благодарности ждать за услугу
То же, что семя бросать в белые борозды волн.
Если глубокое море засеешь, посева не снимешь;
Делая доброе злым, сам не дождешься добра.
Ибо душа ненасытна у них. Хоть разок их обидел —
Прежнюю дружбу тотчас всю забывают они.
Добрые ж все принимают от нас, как великое благо,
Добрые познят дела и благодарны за них.

* * *

Милых товарищей много найдешь за питьем и едою,
Важное дело начнешь — где они? Нет никого!

* * *

Самое трудное в мире, о Кири, распознать человека
Лживого. Больше всего здесь осторожность нужна.

* * *

Золото ль, Кири, серебро ли фальшиво — беда небольшая,
Да и сумеет всегда умный подделку узнать.
Если ж душа человека, которого другом зовем мы,
Лжива и прячет в груди сердце коварное он,
Самым обманчивым это соделали боги для смертных,
И убеждаться в такой лжи нам всего тяжелей.
Душу узнаешь — мужчины ли, женщины ль — только тогда ты
Как испытаешь ее, словно вола под ярмом.
Это не то что в амбар свой зайти и запасы измерить.
Очень нередко людей видимость вводит в обман.

* * *

Кири! Выбираем себе лошадей мы, ослов и баранов
Доброй породы, следим, чтобы давали приплод
Лучшие пары. А замуж ничуть не колеблется лучший
Низкую женщину брать, — только б с деньгами была!
Женщина также охотно выходит за низкого мужа, —
Был бы богат! Для нее это важнее всего.
Деньги в почете всеобщем. Богатство смешало породы.
Знатные, низкие — все женятся между собой.
Полипайд, не дивись же тому, что порода сограждан
Все ухудшается: кровь перемешалась в ней.
Знает и сам, что из рода плохого она, и однако,
Льстясь на богатство ее, в дом ее вводит к себе,
Низкую знатный. К тому принуждаются люди могучей
Необходимостью: дух всем умирляет она.

* * *

Если от Зевса богат человек, справедливо и чисто
Нажил достаток, тогда прочно богатство его.
Если ж, стяжательный духом, неправедно он и случайно
Или же ложно клянясь, средства свои приобрел,
Сразу как будто и выгода есть, но в конце торжествует
Разум богов и бедой делает счастье его.
Вот что, однако, сбивает людей: человеку не тотчас
Боги блаженные мстят за прегрешенья его.
Правда, бывает, и сам он поплатится тяжко за грех свой.
И наказание не ждет милых потомков его,
Но иногда беспощадная смерть, приносящая гибель,
Веки смыкает ему раньше, чем кара придет.

* * *

Нет в богатстве предела, который бы видели люди.
Тот, кто имеет уже множество всяческих благ,
Столько же хочет еще. И всех невозможно насытить.
Деньги для нас, для людей,— это потеря ума.
Так ослепление приходит. Его посылает несчастным
Зевс, и сегодня один, завтра другой ослеплен.

* * *

Для легкомысленной черни твердынею служит и башней
Муж благородный, и все ж чести так мало ему!

* * *

Пьют не вино в мою честь. В гостях у девочки милой
Кто-то сегодня другой, много он хуже меня.
Мать и отец ее пьют за меня холодную воду.
Слезы роняя, она воду приносит им в дом,
В дом, где крошку мою, рукой обхватив, целовал я
В шею и нежно в ответ губы шептали ее.

* * *

Бедность, даже чужую, всегда без труда распознаешь.
Бедность не явится в суд, нет на собраниях ее.
Всем она ненавистна, везде на нее нападают.
Вечно ворчат на нее, где бы она ни была.

* * *

Вот что, поверь мне, ужасней всего для людей, тяжелее
Всяких болезней для них, даже и смерти самой,—
После того, как детей воспитал ты, все нужное дал им
И накопил, сколько мог, много понесши трудов,—
Дети отца ненавидят и смерти отцовской желают,
Смотрят с враждой на него, словно к ним нищий
вошел.

* * *

Что справедливо, что нет — не ведают низкие люди,
Страх не знают совсем, кары не ждут впереди:
Несколько первых шагов неуклюже пройдут — и довольны:
Думают: все хорошо, все превосходно у них.

* * *

Друг мой, с доверьем в душе, к любому из граждан из этих
Делать ни шагу не смей, клятве и дружбе не верь.
Даже если тебе призовут в поручители Зевса —
Он над бессмертными царь, — все-таки верить нельзя.

* * *

Граждане наши настолько к дурным порицаньям
привыкли,
Что не хватает ума собственный город спасти.

* * *

Ныне несчастья добрых становятся благом для низких
Граждан; законы теперь странные всюду царят;
Совести в душах людей не нищи; лишь бесстыдство
и наглость,
Правду победно поправ, всею владеют землей.

* * *

Льву и тому не всегда угощаться случается мясом.
Как ни силен, и его может постигнуть нужда.

* * *

Кто болтлив, для того молчанье — великая тягость,
Без толку он говорит — сразу заметит любой.
Все ненавидят его. И если с таким человеком
Рядом сидишь на пиру — это несчастье, поверь.

* * *

Если в беде человек, никто ему другом не станет,
Даже и тот, кто в одном чреве лежал с ним, о Кире.

* * *

Люди дурные не все на свет явились дурными.
Нет, с дурными людьми многие в дружбу вступив,
Наглости, низким делам, проклятьям от них научились,
Веря, что те говорят сущую правду всегда.

* * *

Пусть за столом человек всегда умно себя держит,
Пусть полагают, что он мало что видит кругом,
Словно и нет его здесь. Пусть будет любезен и весел,
Выйдя, он должен молчать, каждого ближе узнав.

* * *

Множество низких богато, и в бедности много достойных.
Все же у подлых людей мы бы не стали менять
Качества наши на деньги. Надежна всегда добродетель,
Деньги же нынче один, завтра другой загребет.

* * *

Кири, благородный везде сохраняет присутствие духа,
Плохо ль ему, хорошо ль — держится стойко всегда.
Если же бог негодяю довольство пошлет и богатство,
Этот, лишившись ума, явит негодность свою.

* * *

Если бы мы на друзей за любую провинность сердились,
Вовсе тогда бы у нас близких людей и друзей
Не было. От ошибок никто из людей не свободен
Смертных. Свободны от них боги одни лишь, мой Кири.

* * *

Быстрого умный догонит, не будучи вовсе проворным.
Кири, помогает ему суд справедливый богов.

* * *

Так же, спокойно, как я, иди посредине дороги,
Кири, не заботься о том, где остальные пройдут.

* * *

Кири, ни в чем не усердствуй. Во всем выбирай середину.
Тот же увидишь успех, что и трудясь тяжело.

* * *

Сделать с врагами расчет, за любовь расплатиться
с друзьями,
Кирн, да позволит мне Зевс, силы мне бóльшие дав.
Богом среди людей наверно бы я показался,
Если бы умер, успев полностью всем заплатить.

* * *

Вовремя, Зевс-Олимпиец, мою исполни молитву.
Вместо несчастий, молю, дай мне отведать добра.
Если конца не найду своим тяжелым заботам,
Пусть я погибну, но пусть горем за горе воздам,
Было бы это по праву. Но вот не приходит расплата
С теми, кто деньги мои силой похитить посмел.
Я же подобен собаке, поток переплывшей в ущелье,
Сбросил я в бурную хлябь все достоянье свое.
Пить бы их черную кровь! И пусть божество бы смотрело
Доброе, то, что моим чаяньям сбыться дало.

* * *

Кирн, будь стоек в беде. Ведь знал же ты лучшее время.
Было ведь так, что судьба счастье бросала тебе.
Что ж, коль удача — увы! — обернулась бедой, не робея,
Силься, молитву творя, всплыть на поверхность
оиять.
Слишком с бедой не носись. Немногих заступников
сыщешь,
Если несчастья свои выставишь всем напоказ.

* * *

Кирн! При великом несчастье слабеет душа человека,
Если ж отомстить удалось, снова он крепнет душой.

* * *

Злись про себя. А язык всегда пусть будет приятен.
Вспыльчивость — это, поверь, качество низких
людей.

* * *

Мыслей сограждан моих уловить я никак не умею;
Зло ли творю иль добро — всё неугоден я им.
И благородный и низкий бранят меня с равным усердьем,
Но из глупцов этих мне не подражает никто.

* * *

Кири, если я не хочу, своей не навязывай дружбы.
Это тебе не вола силой в повозку запрячь.

* * *

Милый Зевс! Удивляюсь тебе я: всему ты владыка,
Все почитают тебя, сила твоя велика,
Перед тобою открыты и души и помыслы смертных,
Высшею властью над всем ты обладаешь, о царь!
Как же, Кронид, допускает душа твоя, чтоб нечестивцы
Участь имели одну с теми, кто правду блюдет,
Чтобы равны тебе были разумный душой и надменный,
В несправедливых делах жизнь проводящий свою?
В жизни бессмертными нам ничего не указано точно,
И неизвестен нам путь, как божеству угодить.

* * *

...Все-таки, горя не зная, богаты. А тем, что душою
Низких поступков чужды, правду и право блюдут,
Бедность, отчаянья мать, достается. Она к преступленью,
Силой жестокой пужды душу в груди повредив,
Часто ведет человека. И он соглашается часто
Воле своей вопреки вынести страшный позор.
Он уступает нужде. А та уж научит дурному —
Спорам, что гибель несут, низким обманам

II ЛЖИ —

Даже того, кто не хочет, кому не пристало дурное.
Ясное дело: пужда тяжкую крайность родит.

* * *

Бедными низкий подлец и муж благородный и честный,
Если захватит нужда, сделаться могут равнó.
Честный всегда справедливости верен, ему от рожденья
И до скончания дней честное сердце дано;
Над душою его ни власти ни горе, ни радость,
Плохо ль ему, хорошо ль — тверд он и стоек
всегда.

* * *

Слишком ни в чем не усердствуй. В делах человеческих
мера
Должная — лучше всего. Часто, к успеху
стремясь,
Ищет себе барыша человек, обреченный судьбою.
К страшной ошибке его злое ведет божество.
Так пожелало оно, чтоб зло ему благом казалось,
Чтобы казалось плохим то, что полезно ему.

* * *

Многое мимо ушей пропускаю, хоть понял отлично.
Вынужден я промолчать, помня значенье свое.

* * *

Двери у многих людей к языку не прилажены плотно,
Даже малейший пустяк трогает этих людей.
Часто, внутри оставаясь, дурное становится лучше,
Выйдя наружу, добро хуже становится зла.

* * *

Лучшая доля для смертных — на свет никогда
не родиться
И никогда не видать яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.

* * *

Смертного легче родить и вскормить, чем вложить ему
в душу
Дух благородный. Никто изобрести не сумел,
Как благородными делать дурных и разумными глупых.
Если бы нашим врачам способы бог указал,
Как исцелять у людей их пороки и вредные мысли,
Много бы выпало им очень великих наград.
Если б умели мы разум создать и вложить в человека,
То у хороших отцов злых не бывало б детей:
Речи разумные их убеждали б. Однако на деле,
Как ни учи, из дурных добрых людей
не создашь.

* * *

Глупый, мысли мои он вздумал держать под охраной.
Лучше б о собственных он мыслях побольше
радел.

* * *

Есть невозможные вещи. О них никогда и не думай,
То, чего сделать нельзя, сделать не сможешь
вовек.

* * *

То, от чего никому ни жарко, ни холодно, боги
Людям даруют легко. Слава — в тяжелом труде.

* * *

Не заставляй никого против воли у нас оставаться,
Не заставляй уходить, кто не желает того,
И не буди, Симонид мой, заслуживших — из тех, кто
упился
Крепким вином и теперь сладким поконится сном.

Тех же, кто бодрствует, спать не укладывай против
желанья.

Нет никого, кто б любил, чтоб принуждали его.
Если же хочет кто пить, наливай ему полную чашу.

Радость такую иметь можно не каждую ночь.
Что до меня, то вина медосладкого пил я довольно
И отправляюсь домой вспомнить о сладостном сне.
Пить прекращаю, когда от вина наибольшая радость.
Трезвым я быть не люблю, но и сверх меры
не пью.

Тот же, кто всякую меру в питье переходит, не властен
Ни над своим языком, ни над рассудком своим,
Речи срамные ведет, за которые трезвый краснеет,
Дел не стыдится своих, совесть вином замутив.
Прежде разумный, теперь он становится глупым.

Об этом
Помни всегда и вина больше, чем нужно, не пей.
Из-за стола поднимайся, пока допьяна не напился,
Чтоб не блевать за столом, словно поденщик или
раб.

Или сиди и не пей. А ты, передышки не зная,
Только твердишь: «Наливай!» Вот отчего ты
и пьян.

То за любовь, то для спора, то в честь небожителей
выпьешь,

То потому, что с вином чаша стоит под рукой.
«Нет» же сказать не умеешь. Совсем для тебя
педостижен

Тот, кто и выпить горазд, но не теряет ума.
Добрые речи ведите, за чашей веселою сидя,
И избегайте душой всяческих ссор и обид.
Пусть и застольные песни звучат — в одиночку и хором.
Так вот бывают для всех очень приятны пиры.

* * *

Легок становится мыслью любой человек, если выпьет
Больше, чем пужно, вина, глуп ли он был или
умен.

* * *

Вот и пришел ты, Клеарист, проплыв глубокое море,
К тем, у кого ни гроша, бедный мой, сам
без гроша.
Мы под скамью корабля у борта положим, Клеарист,
Все, что осталось у нас, все, что нам боги дают.
Самое лучшее мы принесем. И если увидишь
Друга, поведай ему, что за друзья у тебя.
Прятать не стану того, что есть у меня, и не стану
Ради приезда гостей большего где-то искать.
Если же спросят тебя, хорошо ли живу, то скажи им:
Плохо — с богатым сравнить, с бедным
сравнить — хорошо.
Гостя нашей семьи одного принять я сумею.
Если же больше гостей, всех одарить не смогу.

* * *

Нет, голова раба никогда не держится прямо,
Вечно она склонена, шея кривая под ней.
Как гиацинтов и роз из лука морского не выйдет,
Так и свободных детей чрево рабы не родит.

* * *

Кирн, линейка и циркуль должны разрешить это дело.
К той и другой стороне должен я быть справедливым.

* * *

Злом никогда никого принуждать не старайся.
Услуга —
Вот что честнее всего, вот что прекрасней всего.

* * *

Вестник безмолвный, мой Кирн, войну возвещает
и слезы.
Он на вершине горы, видно его далеко.

Ну-ка, давайте скорей коней быстролетных взпуждаем,
Выйти навстречу, как враг, людям я этим хочу.
Очень мало расстоянье. Они его скоро покроют,
Если сужденьям моим правда богами дана.

* * *

Нужно в тяжелой беде оставаться по-прежнему стойким,
Нужно бессмертных просить выход послать
из беды.

* * *

Будь осторожен. Итог на лезвии держится бритвы:
Нынче удача, глядишь, завтра, глядишь, неуспех.

* * *

Лучше всего человеку не быть чрезмерно богатым,
Лучше всего для него бедности крайней не знать.

* * *

Гостем явившись на пир, с достойным садись человеком,
Рядом с тем, кто сумел всякую мудрость постичь.
Мудрое слово его старайся внимательно слушать,
Чтобы вернуться домой, ценное что-то неся.

* * *

Добрый, добро получай! Какой тебе нужен ходатай?
Лучший ходатай тебе — доброе дело твое.

* * *

Нет, не враги, а друзья меня предают, потому что,
Словно утеса моряк, я избегаю врагов.

* * *

Сделать низкого добрым труднее, чем доброго низким.
Можешь меня не учить. Я не мальчишка тебе.

* * *

Слишком на беды не сетуй, не радуйся слишком удаче,
Прежде чем ты увидал скрытое в самом конце.

* * *

О человек! Друг другу мы издали будем друзьями.
Кроме богатства, поверь, можно пресытиться всем.
Долго мы будем дружить. Но только общайся
с другими —
С теми, кто лучше меня склонности знает твои.

* * *

Скрыться ты не сумел. Я видел тебя на дороге.
Часто ты хаживал здесь, дружбу мою обманув.
Прочь, противный богам, людей бесчестный предатель.
Был на моей ты груди хитрой, холодной змеи.

* * *

То, от чего магнесийцы погибли — насилие и пагость, —
Это сегодня царит в городе нашем святом.

* * *

Сытость чрезмерная больше людей погубила, чем голод, —
Тех, кто богатством своим тщился судьбу превзойти.

* * *

Есть поначалу во лжи какая-то польза. В итоге
Страшным позором она, злом для обеих сторон
Быстро становится. Тем, кто живет за спиною обмана,
Тем, кто однажды солгал, блага уже не видать.

* * *

Трудно разумному долгий вести разговор с дураками,
Но и все время молчать — сверх человеческих сил.

* * *

Те, у кого рассудок слабее души, пребывают
В тяжком отчаянье, Кири, в темном, глухом тупике.
Все, что приходит на ум, обдумывай дважды и трижды.
Кто необуздан, тому зло угрожает всегда.

* * *

Цену одну у людей пмеют Надежда и Дерзость.
Эти два божества нравом известны крутым.

* * *

Сверх ожиданья подчас дела удаются людские,
Замыслам нашим зато сбыться подчас не дано.

* * *

Кто расположен к тебе и кто настроен враждебно,
Это ты можешь узнать только в серьезных делах.

* * *

Верных заступников ты и товарищей мало отыщешь,
Если отчаянье вдруг душу охватит твою.

* * *

С тем, кому плохо пришлось, всегда огорчаемся вместе,
Только чужая беда быстро проходит, мой Кири.

* * *

Клясться не следует в том, что что-то вовек не случится.
Это богов разозлит, властны они над концом.
Делай дело свое. Беда обращается в благо,
Благо выходит бедой. Смотришь — последний бедняк
Вдруг богатеет, а тот, кто средства имеет больше,
Их за одну только ночь сразу теряет порой.
Умный подчас ошибется, глупец же поступит разумно,
Или почетное вдруг место получит подлец.

* * *

Если бы я, Симонид, богатство сберег, то, конечно,
Так бы не мучился я в обществе добрых людей.
Гибнет богатство мое у меня на глазах, и молчу я,
Бедностью скован, хотя вовсе не хуже других
Знаю, ради чего понеслись мы в открытое море,
В черную канули ночь, крылья ветрил опустив.
Волны с обеих сторон захлестывают, но отчерпать
Воду они не хотят. Право, спастись нелегко!
Этого им еще мало. Они отстранили от дела
Доброго кормчего, тот править умел кораблем.
Силой деньги берут, загублен всякий порядок,
Больше теперь ни в чем равного нет дележа,
Грузчики стали у власти, негодные выше достойных.
Очень боюсь, что корабль ринут в пучину валы.
Вот какую загадку я гражданам задал достойным,
Может и низкий понять, если достанет ума.

* * *

Знания нет у одних, но есть богатство. Другие,
Мучась тяжелой нуждой, благо стремятся найти.
К делу и эти и те равно неспособны, однако:
Деньги мешают одним, разум — помеха другим.

* * *

Только одну признает большинство людей добродетель —
Быть богатым. В другом смысла не видят они.

Пусть с самим Радамантом ты в мудрости можешь
 тягаться,
 Пусть не имеет твоих знаний Сизиф Эолид —
 Он ухитрился однажды живым из Анда подняться,
 Он Персефону сумел словом своим обмануть —
 Ты, что приносит забвенье и разума смертных лишает;
 Кроме Сизифа, никто так изловчиться не мог.
 Нет, кто будет окутан печальным облаком смерти,
 Кто в тенистый покой царства усопших сойдет —
 Всем предстоит миновать ворота, которые крепко
 Души умерших запрут, как ни противятся те.
 Ну, а Сизифу-герою вернуться даже оттуда
 Снова на солнечный свет ловкость его помогла.
 Пусть языком ты своим боговидному Нестору равен,
 Так что и вымысел твой очень на правду похож,
 Пусть превосходишь ты в беге стремительных гарпий
 и даже
 Быстрых Борей детей — ноги проворны у них, —
 Все одинаково. Люди запомнить должны хорошенько:
 Только богатство одно силу имеет у всех.

* * *

Зевс-повелитель, пусть боги пошлют невоздержность
 бесчестным,
 Пусть бы устроила так воля бессмертных богов:
 Кто ужасные вещи творил, не ведая в сердце
 Страха, богов позабыв, кары ничуть не страшась, —
 Сам и платится пусть за свои злодеянья, и после
 Пусть неразумье отца детям не будет во вред.
 Дети бесчестных отцов, но честные в мыслях и в деле,
 Те, что боятся всегда гнева, Кроноид, твоего,
 Те, что выше всего справедливость ценили сограждан,
 Пусть за проступки отцов кары уже не несут.
 Это да будет угодно блаженным богам. А покамест —
 Грешник всегда невредим, зло постигает других.

* * *

Зевс, живущий в эфире, пусть держит над городом этим
 К нашему благу всегда правую руку свою.

Пусть охраняют нас и другие блаженные боги.
Ты же, о бог Аполлон, ум наш исправь и язык.
Пусть форминга и флейта священный напев заиграют,
Мы же, во славу богов должный исполнив обряд,
Пить вино и вести приятные всем разговоры
Будем, ничуть не боясь мидян, идущих войной.
Самое лучшее это: с веселой, довольной душой
Быть в стороне от забот, в радостях жизнь проводить,
Мысли подальше отбросив о том, что несчастная старость,
Страшные керы и смерть всех поджидают в конце.

* * *

Вестник муз и слуга, особое знание имел,
Мудрость не должен свою только себе оставлять.
Он обязан еще искать, показывать, делать.
Что в нем за прок, если он прячет свое мастерство?

* * *

Благоволя к Алкафою, Пелопову славному сыну,
Сам ты, о Феб, укрепил город возвышенный наш.
Сам же от нас отрази и надменные полчища мидян,
Чтобы с приходом весны граждане наши могли
С радостным духом во славу тебе посылать гекатомбы
И, твой алтарь окружив, душу свою услаждать
Кликами, пеньем пеанов, пирами, кифарным бряцаньем.
Страх мою душу берет, как погляжу я кругом
На безрассудство, и распри, и войны гражданские греков.
Милостив будь, Аполлон, город от бед защити!

* * *

Некогда быть самому мне пришлось и в земле Сикелийской,
И виноградники я видел эвбейских равнин,
В Спарте блестящей я жил, над Эвротом, заросшим осокой;
Люди любили меня всюду, где я ни бывал;
Радости мне ни малейшей, однако, они не давали:
Всюду рвался я душой к милой отчизне моей.

* * *

Пусть никогда у меня другой не будет заботы:
Доблесть и мудрость — о них думать хочу я всегда.
Только бы мне наслаждаться формингою, пляскою, пеньем,
Только бы ясность ума в радостях мне сохранять.

* * *

Радость не в том, чтобы вред причинять чужестранцам
и нашим
Гражданам. В правых делах ты научись находить
Радость для сердца. Конечно, жестокий тебя не похвалит,
Но у хороших зато будешь на лучшем счету.
Добрых ругают одни, усиленно хвалят другие,
А о подлых и речь даже не станут вести.

* * *

Нет на земле никого, кто был бы совсем безупречен.
Лучше, однако, когда меньше о нас говорят.

* * *

Быть точнее, чем циркуль, точней, чем часы и линейка,
Быть осторожным всегда должен священный посланец,
Тот, которому бог устами жрицы в Пифоне,
В ильшном святилище, Кирин, вещие знаки дает.
Лишнее слово прибавь — ничем не исправить ошибки.
Слово пропустишь одно — в грех пред богами
впадешь.

* * *

То, что случилось со мной, с одной только смертью
сравнится.
Все остальное, поверь, менее страшно, о Кирин:
Предали подло меня друзья. С врагами поближе
Я сойду, чтоб узнать, что же за люди они.

* * *

Бык могучей пятой наступил на язык мой, и это
Мне не дает говорить, как я болтать ни горазд.

* * *

Кирн, что нам суждено, того никак не избежать.
Что суждено испытать, я не боюсь испытать.

* * *

Вот и накликали мы себе же горе. Пускай бы,
Кирн, и тебя и меня смерть захватила сейчас.

* * *

В ком уважения нет к своим родителям старым,
Право же, тот человек стоит немногого, Кирн.

* * *

Как же дерзаете вы распевать беззаботно под флейту?
Ведь уж граница страны с площади нашей видна!
Кормит плодами родная земля...

...беспечно пируя.

В пурпурных ваших венках на волосах золотых.
Скиф! Пробудись, волоса остриги и покоищи с пирами!
Пусть тебя болью пронзит гибель душистых полей!

* * *

К гибели, к воронам все наше дело идет! Но пред нами,
Кирн, из блаженных богов здесь не виновен никто:
В бедствия нас из великого счастья повергли — насилье,
Низкая жадность людей, гордость надменная их.

* * *

Смело ногами топчи, стрекалом коли, не жалея,
Тяжким ярмом придави эту пустую толпу!
Право, другого народа с такою же рабской душою
Нет среди тех, на кого солнце глядит с высоты.

* * *

Зевс-Олимпиец пускай человека погубит, который
Хочет друзей обмануть, сладкие речи ведя.

* * *

Это и раньше я знал, а нынче и сам убедился:
Если уж подл человек, нет благодарности в нем.

* * *

Как уже часто наш город, ведомый дурными вождями,
Словно разбитый корабль, к суше причалить спешил!

* * *

Если меня друзья в каком-нибудь видят несчастье,—
Спину мне показав, в сторону смотрят они.
Если редкое счастье на долю мою выпадает —
Сразу же я нахожу много любезных друзей.

* * *

Две для несчастных смертных с питьем беды сочетались:
Жажда — с одной стороны, хмель нехороший —
с другой.
Я предпочту середину. Меня убедить не сумеешь
Или не пить ничего, или чрез меру пьянеть.

* * *

Многим нестоящим людям дается богами богатство
Очень большое, но в том пользы ни им, ни друзьям
Нет никакой. Не погибнет одной лишь доблести слава:
Город и вся страна в войне видят оплот.

* * *

Сверху пусть на меня падет огромное небо,
Медное, то, что людей в ужас приводит земных,
Если моим друзьям не буду я в жизни подмогой,
Если моим врагам горькой не буду бедой.

* * *

Радуйся жизни, душа. Другие появятся скоро
Люди. А вместо меня черная будет земля.

* * *

Выпей вина, что под сенью высокой Тайгетской вершины
Мне виноградник принес. Вырастил лозы старик
В горных укромных долинах, любезный бессмертным
Феотим,
С Платанистунта-реки влажную воду пося.
Выпьешь его — отряхнешь ты заботы тяжелые с сердца.
В голову вступит вино — станет легко на душе.

* * *

Если уж рядом война оседлала коней быстроногих,
Стыдно не видеть войны, слезы несущей и плач.

* * *

Горе мне, я беспилеп. Кернита нет уже больше,
Вместо лелантских лоз черный простерся пустырь.
Изгнаны лучшие люди, у власти стоят негодяи.
Пусть бы Зевс погубил род Кипселидов совсем.

* * *

Разум — прекрасней всего, что только ни есть в человеке.
Глупость — из качеств людских самое худшее,
Кипри.

* * *

Если б Кронид за все на людей на смертных сердился,
Зная о каждом из них, что у кого на уме,
Зная поступки людей, дела бесчестных и честных, —
Это была бы для нас очень большая беда.

* * *

Кто расходы свои со своим соразмерил богатством,
Верх добродетели в том умный найдет человек.
Если б нам знать наперед, какова продолжительность
жизни,
Сколько лет проживешь, прежде чем вступишь
в Аид, —
Тем из людей, конечно, что дольше пробудут на свете,
Средства бы к жизни пришлось больше, чем
прочим, беречь.
Но ведь этого нет, и мучусь я тяжким сомнением,
Душу изводит оно, дни отравляет мот.
Я на распутье стою. Мне две открыты дороги.
Но какую избрать — это вопрос для меня.
То ли мне денег не тратить, убогой довольствуясь
жизнью,
То ли весело жить, долгих не зная трудов?
Я ведь богатых встречал, которые вдосталь ни разу
Даже поесть не могли, все берегли про запас.
Так и спустились в Аид, не успев израсходовать деньги.
Хоть норовили всегда деньги отнять у людей.
Зря трудились они и себе не давали свободы.
Я знавал и других. Чреву в угоду они
Все промотали вконец, повторяя: «Умрем, насладившись».
Эти просят всегда, стоит им встретить друзей.
Лучше всего, Демокл, свои приспособить расходы
К деньгам своим и всегда счет и порядок блюсти.

Так ты другим не отдашь плодов чрезмерных усилий,
Но и не станешь рабом, ибо не будешь просить,
Да и на старости лет не останешься вовсе без денег.
Право же, лучше всего с деньгами так поступать.
Если в достатке живешь — немало друзей. Обеднеешь —
Мало, и сам по себе ты уж тогда нехорош.

* * *

Лучше всего бережливость. Никто по тебе не поплачет,
Ежели после тебя денег не видно твоих.

* * *

Мало кому из людей красота и доблесть присущи.
Счастлив тот, у кого то и другое найдешь.

* * *

Он в почете у всех. Одинаково младший и старший,
Если увидят его, место уступят ему.
К старости он на виду среди горожан. Справедливо
Все обращаются с ним, вежливость помня и долг.

* * *

Громко, как соловей, распевать не могу я сегодня.
Я ведь прошедшую ночь всю напролет пировал.
Нет, флейтист ни при чем. Но я совершенно лишился
Голоса. Нет, я горазд, только вот голоса нет.

* * *

Буду идти по прямой, ни в ту не клонясь, ни в другую
Сторону. Мне надлежит ясность ума сохранять.

* * *

Роднину буду беречь, прекраснейший город. Не сдамся
Черни, не буду внимать слову бесчестных людей.

* * *

Крови не пил я, как лев, детеныша вырвав у лани,
Я не гнался ни за кем, хвастая силой своей.
Я не взбирался на стены, чтоб город предать разоренью,
И в колесницу коней мне не случалось впрягать.
Я не познал, испытав, конца не увидел, закончив,—
Сделав, не сделал, свершив, я завершить не сумел.

* * *

Ежели ты за добро благодарностью мне не заплатишь,
Я бы хотел, чтоб с нуждой снова пришел ты ко мне.

* * *

Ты не хвали человека, узнать не успев хорошенько,
Что за нрав у него, что за характер и склад.
Часто бывает, что люди со лживой, лукавой душою
Прячут ее, что ни день мысли меняя свои.
Душу этих людей лишь время откроет правдиво.
Вот ведь и я поступил с разумом здравым вразлад:
Я поспешил с похвалой, во всем тебя не проверив.
Впредь я, как судно скалу, буду тебя обходить.

* * *

Это что за заслуга — призы получать на попойках?
Здесь благородных всегда подлый сумеет побить.

* * *

Только лишь скроет земля любого из смертных и только
Спустится он в Эреб, в дом Персефоны войдет —
Звуки лиры и флейты его не порадуют больше,
Больше не радость ему — дар Диониса принять.

* * *

Вот они, доблесть и подвиг, которых славнее и выше,
Ежели мудр человек, нет для него ничего,

Вот оно — благо народа и города высшее благо:
Твердо стоять на ногах, в первом сражаясь ряду.

* * *

Людам дам я совет, чтоб они постоянно, покамест
Юности цвет не увял, в сердце огонь не погас,
Черпали радость свою в своем достоянье. Ведь дважды
Быть молодым не дано, смерти нельзя избежать
Людам, подверженным смерти. Несчастливая старость
наступит —
Сделает жалким лицо, волосы красок лишит.

* * *

Счастлив, удачлив, блажен, кто, всех не пройдя
испытаний,
Спустится в черный Аид, в мрачные дома уйдет,
Так и не зная греха, что вызван бывает нуждою,
Страха пред сильным врагом, истинных мыслей
друзей.

* * *

Пот обильный с меня начинает катиться ручьями,
Я от волненья дрожу, стоит мне только взглянуть,
Как чудесно и пышно цветет быстротечная юность.
Дольше бы ей процветать! Милая эта пора
Быстро, как сон, улетает. Увы, безобразная старость
Вот уж висит над тобой, вот уже ждет за углом.

* * *

Шею свою врагам никогда под ярмо не подставлю,
Даже если и Тмол сядет на голову мне.

* * *

В подлости гнусной своей суетится и мечется низкий.
Лишь благородный всегда к цели идет по прямой.

* * *

Чтобы налакостить, Кирн, труда не нужно большого,
Право же, много трудней доброе дело свершить.

* * *

Сердце, спокойно терпи, как ни были б тяжки страданья,
Вспыльчивость — это, поверь, качество низких
людей.
Там, где ничем не поможешь, не нужно вздыхать
и сердиться,
Рану свою бередя, радовать злейших врагов,
Близких друзей огорчать. Богами положенной доли
Даже с великим трудом нам избежать не дано,
Даже если спуститься на дно багряного моря,
Даже если навек в Тартар печальный уйти.

* * *

Тот глупец и дурак, кто вином утешаться не хочет
В дни, когда звездного Иса вновь наступила пора.

* * *

Кто на этом пиру уснул, потеплее укрывшись,—
Зевсом клянусь, для того радости много в питье.

* * *

Я, как ребенку отец, тебе наставленья благие
Дам и хочу, чтоб они в душу запали твою:
Ты опрометчив не будь, чтоб зла не наделать, старайся
Всякое дело свое взвешивать здоровым умом.
Резкие взлеты ума и души бесноватым присущи.
Трезвый расчет и совет — вот что к добру приведет.

* * *

Кончим наш разговор. Сыграй-ка мне лучше на флейте.
Вспомнить о музах сейчас время обоним пришло.

* * *

Многое трудно тебе. Ведь ты, Демонакт, не умешь
Тем заниматься, к чему сердце твое не лежит.

* * *

Лучше теперь поищи другого. Мне незачем это
Делать. За прежние мне будь благодарен еще.

* * *

Время придет, погоди, вспорхну, как над озером птица,
Птица, которая вдруг, петлю свою разорвав,
Прочь от плохого летит хозяина. Ты же позднее,
Дружбы лишившись моей, мудрость узнаешь мою.

* * *

Тот человек, что меня пред тобой очернил и заставил
Вдруг удалиться тебя, дружбу со мной прекратив...

* * *

Кири, погубила уже Колофон, Магнесию, Смирну
Наглость. Конечно, и вас тоже погубит она.

* * *

Кири, благородный вчера — сегодня унижен, а низкий
Стал благородным теперь. Кто б это вынести мог?
Добрый вконец обесчещен, почет подлецу достается.
В брачный войти договор с подлыми знатный готов.

* * *

Будучи с деньгами сам, ты назвал меня нищим. Однако
Кое-что есть у меня, кое-что боги дадут.

* * *

Всех ты божеств, о богатство, желаннее, всех ты
прекрасней.
Как бы кто ни был дурен, будет с тобою хорош.

* * *

Феб-Аполлон, Летоид, и Зевс, повелитель бессмертных,
Вдосталь мне сил молодых пусть благосклонно
пошлют,
Чтобы праведно жить вдали от всяких несчастий,
Радуясь юным годам, сердце богатством согрев.

* * *

Бедствия лучше забыть. С Одиссеем сравнюсь я
в страданиях,
С тем, кто, Анд посетив, выйти оттуда сумел,
С тем, кто с жестокой душой сумел женихов Пенелопы,
Отданной в жены ему, радуясь в сердце, убить.
Долго ждала она и с сыном своим оставалась,
Прежде чем он, возвратясь, к пышному ложу
пришел.

* * *

Кирн, несчастья друзей губить в зародыше будем.
Только появится боль — будем лекарство искать.

* * *

Людам одно божество благое осталось — Надежда.
Прочие все на Олимп, смертных покинув, ушли.
Скромность ушла от людей. Богиня великая — Верность
Тоже оставила нас вместе с харитами, друг.
Клятвам верить нельзя. Они даются нечестно.
Нет на земле никого, кто бы боялся богов.
Род благочестных людей прекратился. О праведной жизни
Знать не желает никто, нет благочестья ни в ком.

Но покамест живешь и видишь спяние солнца,
Нужно богов почитать, ждать, что Надежда придет,
Нужно молиться богам и, прекрасное мясо сжигая,
С жертвы Надежде начав, жертвой Надежде
кончать.

Нужно быть начеку, бесчестные речи услышав
Тех, кто, ничуть не боясь гнева бессмертных богов,
Все о достатке чужом, о чужом помышляет богатстве,
Тех, кто для подлых затей в мерзкую сделку вошел.

* * *

Если умен человек, в груди у него поместятся
Уши его и глаза, мысли его и язык.

* * *

Слово достойных людей не расходится с делом хорошим.
Подлые речи дурных только на ветер идут.

* * *

Самое лучшее, Кирн, что дали бессмертные людям,—
Разум. Любые дела можно рассудком обнять.
Счастлив, кто им обладает. Гораздо приятней разумно,
Нежели в чванстве пустом, в гибельной гордости
жить.
Гордость — несчастье для смертных. Страшнее, чем
чванство и гордость,
Нет на земле ничего. Всякие беды от них.

* * *

Если позора ты сам не терпел и других не позорил,
Кирн, добродетель свою ты хорошо доказал.

* * *

Ум и язык — это благо. Немного, однако, найдется
Смертных, чтоб тем и другим верно могли б
управлять.

* * *

Птицы пронзительный крик услышал я, сын Полипая:
Нам возвещает она время весенних работ —
Пахоты время и сева. И черная боль охватила
Сердце мое — не про нас пышного поля простор!

* * *

Можешь остаться у нас. Но тебя приглашать мы
не станем.
Время для всех на пиру, мил ты за дверью, как
друг.

* * *

Родом я неизвестный. Я в Фивах живу, крепкостенном
Городе. Мне привелось землю покосить отцов.
Милых предков моих не смей поносить, Аргирида,
Ради забавы. Тебе рабская доля дана,
Мне же, о женщина, беды другие достались в изгнание,
Множество бед. Но не мне рабство тяжелое знать.
Нет, меня не продашь. Вдали, у равнины Летейской,
Город прекрасный стоит. Это мой город родной.

* * *

Рядом с рыдающим, Кири, никогда мы не станем
смеяться,
Как бы ни радовал нас в собственном деле успех.

* * *

Трудно заставить врага-ненавистника верить обману.
Друга же очень легко другу, о Кири, обмануть.

* * *

Слово приносит обычно великий урон человеку,
Если окажется он слишком взволнован, мой Кири.

* * *

Нет справедливости в гневе, он только вредит человеку,
Делая душу его подлой и низкой, Кири.

* * *

О Клиферея-Киприда, искусная в кознях, могучим
Даром тебя одарил Зевс, отличая тебя.
Ты покоряешь умнейших, и нет никого, кто настолько
Был бы могуч или мудр, чтобы тебя избежать.

ОТРЫВОК ЭЛЕГИИ

Нет у людей ничего долговечного. Истину эту
 Выразил лучше всего славный хпосец, сказав:
 «Так же, как листья деревьев, сменяются роды людские».
 Редко, однако же, кто, слушая эти слова,
 Воспринимает их сердцем своим — потому что надежда
 В каждом живет, с юных лет укореняясь в груди.
 Каждый, пока не увял еще цвет его юности милой,
 Много несбыточных дум носит в незрелом уме;
 Мысли о старости, смерти грозящей его не тревожат,
 Нет до болезней ему дела, пока он здоров.
 Жалок, чей ум так настроен, кто даже подумать не хочет,
 Сколь ненадолго даны смертному юность и жизнь!
 Ты же, постигнувший это, ищи до конца своей жизни
 Благ, от которых душе было б отрадно твоей.

АНАКРЕОНТУ

1

Гроздьев живительных мать, чародейка лоза винограда!
 Ты, что даешь от себя отпрыски цепких ветвей!
 Вейся по стеле высокой над Анакреонтом-теосцем,
 Зеленью свежей покрой низкую насыпь земли.
 Пусть он, любивший вино и пиры и в чаду опьяенья
 Певший на лире всю ночь, юношей, милых ему,

Видит и, лежа в земле, над своей головою висящий,
В гроздьях на гибких ветвях, спелый, прекрасный
твой плод;
Пусть окропляются влагой росистой уста, из которых
Слаще, чем влага твоя, некогда песня лилась!

2

Милостью муз песнопевца бессмертного, Апакреонта,
Теос родной у себя в недрах земли приютил.
В песнях своих, напоенных дыханьем харит и эротов,
Некогда славил певец юношей нежных любовь.
И в Ахероне теперь он грустит не о том, что, покинув
Солнечный свет, к берегам Леты печальной пристал,
Но что пришлось разлучиться ему с Мегистеем, милейшим
Из молодежи, любовь Смердия кинуть пришлось.
Сладостных песен своих не прервал он, однако,
и мертвый,
Даже в Аиде не смолк звучный его барбитон.

ДАР ПАВСАНИЯ АПОЛЛОНУ

Военачальник Эллады, Павсаний, могучему Фебу,
Войско мидян поразив, памятник этот воздвиг.

ЗЕВСУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ

Эллины, слою рук, и Арея искусством, и смелым
Общим порывом сердец персов изгнав из страны,
В дар от свободной Эллады освободителю Зевсу
Некогда здесь возвели этот священный алтарь.

ЗАЩИТНИКАМ ТЕГЕИ

Доблести этих мужей обязан ты, город Тегея,
Тем, что от стен твоих дым не поднялся к небесам.
Детям оставить желая цветущий свободою город,
Сами в передних рядах бились и пали они.

ДАР АФИНЯН АФИНЕ ПАЛЛАДЕ

Граждан афинских сыны, победив на войне беотийцев
И халкидян племена, гнетом железных цепей
Дерзость уняли врагов. Как десятую долю добычи
В дар получила коней этих Паллада от них.

* * *

Помер я — рад Феодор; а сам помрет, так другие
Будут рады тому. Все мы у смерти в долгу.

* * *

Лишь погляжу на надгробье Мегакла, становится сразу,
Каллия, жалко тебя: как ты терпела его?

МЕГАРСКАЯ НАДПИСЬ

Греции и мегарянам свободную жизнь увеличить
Сердцем стремясь, мы в удел смерть получили:
одни —
Пав под высокой скалою Эвбеи, где храм Артемиды,
Девы, носящей колчан, славный в пароде, стоит,
Или у мыса Микалы; другие — вблизи Саламина,
Где финикийских судов ими погублена мощь;
Те, наконец, — на равнине Беотии: пешне, смело
В битву вступили они с конною ратью врага...
Граждане наши за это на площади людной Нисен
Памятник нам возвели, честью великой почтив.

МОЛИТВА КОРИНФЯНОК АФРОДИТЕ

Женщины эти за греков и с ними сражавшихся рядом
Граждан своих вознесли к светлой Киприде
мольбы;

Слава богине за то, что она не хотела акрополь,
Греков твердыню, отдать в руки мидийских
стрелков.

* * *

В этой могиле лежит Симоида Кеосского спасший.
Мертвый, живому добром он отплатил за добро.

П А Н М И Л Ь Т И А Д А

Мне, козлоногому Пану, аркадцу, враждебному персам,
Верному другу Афин, место здесь дал Мильтиад.

Ф Е Р М О П И Л Ь С К И Е   Н А Д П И С И

1

Некогда против трехсот мириад здесь сражались четыре
Тысячи ратных мужей Пелопоннесской земли.

2

Славных покрыла земля — тех, которые вместе с тобою
Умерли здесь, Леонид, мощный Лаконикп царь!
Множество стрел и коней быстроногих стремительный
натиск
В этом сраженье пришлось выдержать им от мидян.

3

Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемонe,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

ЛЕВ НА МОГИЛЕ ЛЕОНИДА

Между животными я, а между людьми всех сильнее
Тот, кого я теперь, лежа на камне, храню.
Если бы, Львом именуясь, он не был мне равен и духом,
Я над могилой его лап не простер бы своих.

* * *

Памятник это Мегистия славного. Некогда персы,
Реку Сперхей перейдя, жизни лишили его.
Вещий, он ясно предвидел богинь роковых приближенье,
Но не хотел он в бою кинуть спартацких вождей.

* * *

О потерпевших здесь гибель от персов в борьбе
за Элладу
Правдолюбивый Опунт, родина локров, скорбит.

КОРИНФЯНАМ, ПАВШИМ НА САЛАМИНЕ

Страшник, мы жили когда-то в обильном водою Коринфе,
Ныне же нас Саламин, остров Аянта, хранит;
Здесь победили мы персов, мидян и суда финикийцев
И от неволи спасли земли Эллады святой.

СПАРТАНЦАМ, ПАВШИМ ПРИ ПЛАТЕЕ

Неугасающей славой покрыв дорогую отчизну,
Черным себя облекли облаком смерти они.
Но и умерши, они не умерли; доблести слава,
Ввысь воспарив, унесла их из Аидовой тьмы.

АФИНЯНАМ, ПАВШИМ НА ЭВБЕЕ

Пали в ущелье Дирфисской горы мы. Вблизи же Эврипа
Граждане нам возвели этот могильный курган.
Да и недаром! Ведь мы дорогую утратили юность,
Храбро приняв на себя грозную тучу войны.

ПАВШИМ АФИНЯНАМ

Радуйтесь, лучшие дети афинян, цвет копницы нашей!
Славу великую вы в этой стяжали войне.
Жизни цветущей лишились вы ради прекрасной отчизны,
Против большого числа эллинов выйдя на бой.

ЭПИТАФИЯ АРХЕДИКЕ

В этой могиле лежит Архедика, дочь Гиппия — мужа,
Превосходившего всех в Греции властью своей.
Муж и отец ее были тираны, и братья, и дети,
Но никогда у нее не было спесей в душе.

ЭПИТАФИЯ НИКОДИКУ

Всякий грустит по своим умирающим, по Никодику ж
Плачут не только друзья, но и весь город скорбит.

НА СМЕРТЬ ГИППАРХА

День, в который Гиппарх убит Аристокитоном
И Гармодием, был светлым поистине днем.

ПОГИБШИМ В МОРЕ

Их, отвозивших однажды из Спарты дары свои Фебу,
Море одно, одна ночь, лодка одна погребла.

ЭПИТАФИЯ БЕДНЯКУ

Эта могила, прохожий, не Креза, а бедного. Впрочем,
Сколько она ни мала, будет с меня и ее.

ЭПИТАФИЯ ТИМОКРЕОНТУ

Много я шил, много ел и на многих хулу возводил я;
Нынче в земле я лежу, родящину Тимокреонт.

ЭПИТАФИЯ КУПЦУ-КРИТЯНИНУ

Родом критянин, Бротáх из Гортинны, в земле здесь лежу я,
Прибыл сюда не затем, а по торговым делам.

ЭПИТАФИЯ УБИТОМУ

Смертью убивших меня накажи, о Зевс-страшнoлюбeц!
Тем же, кто предал земле, радости жизни продли.

ЭПИТАФИЯ СОБАКЕ

Думаю я, и по смерти твоей и в могиле, Ликада,
Белые кости твои все еще зверя страшат.
Памятна доблесть твоя Пеллону высокому, Оссе
И киферонским холмам, пастбищам тихим овец.

ПОБЕДИТЕЛЮ НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

Вот он, смотри, Феогнет, победитель в Олимпии, мальчик,
Столь же прекрасный на вид, как и искусный
в борьбе,
И на ристалищах ловко умеющий править конями.
Славою он увенчал город почтенных отцов.

О СЕБЕ

Был Адимант у афинян архонтом, когда за победу
Чудный треножник как приз Антиохида взяла.
Хор в пятьдесят человек, хорошо обученный искусству,
Ей снарядил Аристид, сын Ксенофила, хорег;
Славу ж учителя хора стяжал себе сын Леопрена,
Восемь десятков уже числивший лет Симонид.

ГЕРАКЛ И НЕСС

Как Алкмены сын —
Он друга убил,—
Калидон покинув,
К соседям бежал.
С ним жена-дитя Деянира.
Поперек пути
Сердитый поток:
Там за плату кентавр,
Перевозчик Несс,
Чрез Эвен переправу держал.
И кентавру сын Зевса, Геракл,
Отдает дитя Деяниру.
Зверь простушку руками
На плечи берет —
Локти розовые
Над водой,
А Геракл при конях,
С младенцем в руках

Стоит над Эвеном-рекой.
Но, когда уже был
Близок берег, кентавр
Вдруг, исполненный яростной страсти, выгнул
И к сближению вздыбился бурно...
Звонко вскрикнула тут Деянира,
Умоляя милого мужа
Отвратить погибель супруги.
У Геракла — пожар под бровями,
И в уме убийство с бедою
В роковой завязались узел.
Он безмолвен. Он, не с ревом,
Как, бывало, громоносным —
С тяжелой палицей в деснице
На чудовище обрушась,
Гнет, хрящи ушей терзает,
Кость щеки крушит косматой,
Грозных глаз гасит сверканье,
По надбровью бьет и топчет
В прах поверженное тело,
Сам неистово-бесстрашный,
И, стрелой сверля, пронзает
Сердце Нессу-зверомужу,

В ЧЕСТЬ ПАВШИХ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ

Светел жребий и подвиг прекрасен
Убитых перед дверью фермопильской!
Алтарь — их могила; и плач да смолкнет о них, но да
будет
Память о славных живую в сердцах! Время
Не изгладит на сей плите письмен святых,
Когда все твердыни падут и мох оденет их следы!
Тут схоронила свой цвет Эллада, любовь свою.
Ты, Леонид, мне свидетель о том, спартацкий воин,
Чей не увянет вечный венец.

ДАНАЯ И ПЕРСЕЙ

Крепкозданный ковчег по мятежным валам ветер кидал,
Бушевала пучина.

В темном ковчеге лила, трепеща, Даная слезы.
Сына руками обвив, говорила: «Сын мой, бедный сын!
Сладко ты спишь, младенец невинный,
И не знаешь, что я терплю в медных заклепах
Тесного гроба, в могильной
Мгле беспросветной! Спишь и не слышишь, дитя, во сне,
Как воет ветер, как над нами хлещет влага,
Перекатывая грузными громадами валы, вторя громам;

Ты ж над пурпурной тканью
Милое личико поднял и спишь, не зная страха.
Если б ужас мог ужаснуть тебя,
Нежным ушком вял бы ты шепоту уст родимых.
Спи, дитя! Дитяtko, спи! Утихни, море!
Буйный вал, утомись, усни!
И пусть от тебя, о Зевс-отец, придет избавленье нам.
Преклонись! Если ж дерзка мольба,
Ради сына, вышний отец, помилуй мать!»

* * *

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Лада на сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой: все готово; весь убор цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Доляно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Доляно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою папивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

* * *

Что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою —
То на богов возвести ваи Гомер с Господом дерзнули:
Красть, и прелюбы творить, и друг друга обманывать
хитро.

* * *

Если быки, или львы, или кони имели бы рук,
Или руками могли рисовать и ваять, как и люди,
Боги тогда б у коней с конями схожими были,

А у быков непременно быков бы имели обличье;
Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал.

* * *

Черными пишут богов и курносими все эфиопы,
Голубоокими их же и русыми пишут фракійцы.

* * *

Муж, ревнитель добра, Паррасий, эфесянин родом,
Знающий толк в красоте, эту картину писал.
Также родитель его, Эвепор, да будет помянут:
Первый художник страны эллинов им порожден.

* * *

Пусть не поверят, но все же скажу: пределы искусства,
Явные оку людей, мною достигнуты здесь.
Создан моею рукой, порог неприступный воздвигся.
Но ведь у смертных ничто не избегает хулы.

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ГЕРАКЛА

Здесь он таким предстоит, каким ночью порою
Множество раз его видел Паррасий во сне.

НА ГРОБ САРДАНАПАЛА

Зная, что смертным родился, старайся питать свою душу
Сладостной негой пиров,— после смерти ведь нет нам
отрады.

В прах обратился и я, Ниневии великой властитель.
Только с собой и унес я, что вынул и съел и что взято
Мной от любви; вся же роскошь моя и богатство остались;
Мудрости это житейской мое поученье людям.

* * *

Лучшая мера для Вакха — без лишку, ни много, ни мало;
Иначе к буйству он нас или к унышью ведет.
Любит он с нимфами смесь, если три их и сам он
четвертый;
Больше всего и к любви он расположен тогда.
Будучи ж крепким, он духом своим отвращает эротов
И нагоняет на нас сходный со смертию сон.

* * *

Если и ненависть нам и любовь причиняют страданья,
Лучше пусть буду страдать от уязвленной любви.

* * *

Смелость, с умом сочетаясь, бывает нам очень полезна;
Но без ума только вред людям приносит она.

НА СТАТУЮ ВООРУЖЕННОЙ КИПРИДЫ

Чуждая войнам, зачем ты взялась за Ареево дело?
Кто, о Киприда, тебя ложно в доспехи облек?
Сердцу мило твоему лишь эроты да радости ложа,
Любишь кроталов ты треск, воспламеняющий
страсть.
Дай же Тритонской богине копье, обогренное кровью,
И с Гимнеем опять, богом кудрявым, дружи.

В И Н О

Злое дитя, старик молодой, властелин доброправный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник
любови!

* * *

Юноша! скромно пируй и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

ЭВРИПИДУ

1

Спи без тревог в Пиерийской, одетой туманом, долине,
В месте, где вечная почь кроет тебя, Эврипид!
Знай и зарытый в земле, что твоя непреложная слава
Светлой и вечно живой славе Гомера равна.

2

Хоть и плачевный удел, Эврипид, тебе выпал и жалко
Кончил ты дни, послужив пищей волчатникам-псам,
Ты, украшенье Афин, соловей сладкозвучный театра,
Сосдuniaвший в себе грацию с мудростью муз!
Но схоронен ты в Пеллейской земле и теперь обитаешь,
Жрец пиерид, от своих неподалеку богинь.

АГАТОНУ

Душу свою на губах я почувствовал, друга целуя:
Бедная, верно, пришла, чтоб перелиться в него.

* * *

Яблоко это тебе я кидаю. Поймай, если любишь,
И отведать мне дай сладость твоей красоты.
Если ж, увы, ты ко мне холодна, подыми его: сможешь
Видеть на нем, сколь кратка пышного цвета пора.

* * *

Яблоко я. Меня бросил тобою плененный, Ксантиппа.
Полно, строптивой не будь! Краток твой век, как
и мой.

АСТЕРУ

1

Ты на звезды глядишь, о звезда моя! Быть бы мне небом,
Чтоб муриадами глаз мог я глядеть на тебя.

Ты при жизни горел средь живущих денницей, Астер мой,
 Ныне вечерней звездой ты средь усопших горись.

ДИОНУ СИРАКУЗСКОМУ

Мойры еще на роду Гекубе и женам троянским
 Скорбный направили удел — слезы горячие лить,
 О мой Дион, а тебе, воспевавшему славные битвы,
 Боги сулили благих осуществление надежд;
 Ты же лежишь под землей, родимым городом чтимый,
 О в мое сердце любовь властно вселивший Дион!

* * *

Стоило мне лишь однажды назвать Алексея красавцем,
 Как уж прохода ему нет от бесчисленных глаз;
 Да, неразумно собакам показывать кость! Не таким ли
 Образом я своего Федра навек потерял?

ЭРЕТРИЙЦАМ, УМЕРШИМ В ПЕРСИИ

1

Родом мы все эретрийцы, с Эвбен; могилы же наши —
 Около Суз. Как далек край наш родимый от нас!

2

Шумно бурлящие волны Эгейского моря покшнув,
 Здесь мы навеки легли средь Экбатанских равнин.
 Нас не забудь, о Эретрия паша, прощайте, Афины,
 Доблестный город-сосед! Милое море, прощай!

* * *

Золото некто нашел, обронив при этом веревку;
Тот, кто его потерял, смог себе петлю связать.

* * *

Золото этот нашел, а тот потерял его. Первый
Бросил сокровище прочь, с жизнью покончил
второй.

МУЗЫ И КИПРИДА

Молвила музам Киприда: «О девушки, вы Афродиту
Чтите, не то напущу мигом Эроса на вас!»
Музы в ответ: «Болтовню эту ты сбереги для Арея,
Нам же не страшен, поверь, мальчик крылатый
ничуть».

ПАН

1

Тише, источники скал и поросшая лесом вершина!
Разноголосый, молчи, гомон пасущихся стад!
Пан начинает играть на своей сладкозвучной свирели,
Влажной губою скользя по составным тростникам,
И, окружив его роем, спешат легконогие нимфы,
Нимфы деревьев и вод, танец начать хоровой.

2

Сядь отдохнуть, о прохожий, под этой высокой сосною,
Где набежавший зефир, ветви колебля, шумит,—
И под журчанье потоков моих и под звуки свирели
Скоро на веки твои сладкий опустится сон.

ЭПИТАФИИ

1

В этой могиле лежит потерпевший кораблекрушение,
Рядом же — пахарь; сильнее моря и суши Аид.

2

Море убило меня и бросило на́ берег, только
Плащ постыдилось отнять, что прикрывал наготу.
Но человек нечестивой рукой сорвал его с трупа:
Жалкой корыстью себя в грех непомерный он ввел.
Пусть же он явится в нем в преисподнюю, к трону
Миноса,—
Тот не преминет узнать, в чем нечестивец плаще.

3

Мимо могилы моей, о счастливый моряк, проплывая,
Знай, что покоится в ней твой незадачливый брат.

АРИСТОФАНУ

Где бы навек поселиться и жить, искали хариты;
Место такое нашлось: Аристофана душа.

ДАР ЛАНДЫ

Я, Ланда, чей смех оглашал горделиво Элладу,
В чьих дверях молодежь вечно теспилась толпой,
Ныне тебе, Афродита, дарю это зеркало: в нем я
Быть вот такой не хочу, прежней же быть не могу.

САПФО

Девять лишь муз называя, мы Сапфо наносим обиду:
Разве мы в ней не должны музу десятью чтить?

ПИНДАРУ

Был этот муж согражданам мил и пришельцам любезен;
Музам он верно служил, Пиндаром звали его.

ПАДНИСИ

1

Пять коровок пасутся на этой маленькой яшме;
Словно живые, резцом врезаны в камень они.
Кажется, вот разбредутся... Но нет, золотая ограда
Тесным схватила кольцом крошечный настбищный
луг.

2

Вакхов сатир вдохновенной рукою извѣян и сю,
Только сю одной, камню дарована жизнь;
Я же наперсником сделан найд: вместо алого меда
Я из амфоры своей воду студеную лью.
Ты, приближаясь ко мне, ступай осторожнее, чтобы
Юношу не разбудить, сладким объятаго сном.

3

Я — Диониса служитель, прекрасного бога, —
Лью серебрястой струей чистую воду найд;
Мною ко сну убаюкан прилеглий для отдыха отрок...

Точно не отлит сатир, а уложен ко сну Диодором:
Спит серебро, не буди прикосновеньем его.

Образ служанки найд, голосистой певуныи затонов,
Скромной лягушки с ее влаголюбивой душой,
В бронзе отлив, преподносит богам возвратившийся
путник
В память о том, как он в зной жажду свою утолил.
Он заблудился однажды, но вот из росистой лощины
Голос раздался ее, путь указавший к воде;
Путник, идя неуклопно за лесней из уст земноводных,
К многожеланным пришел сладким потока струям.

НА «АФРОДИТУ» ПРАКСИТЕЛЯ

В Книдос однажды пришла по вспенённому морю Киприда,
Чтоб увидеть наконец изображение свое,
И, оглядевшись кругом в огражденном приделе, вскричала:
«Где же Пракситель мою мог подсмотреть наготу?»
Нет, запретного он не видел; резец Афродите
Придал тот образ, каким воспламенен был Арей.

Нет, не Праксителем создана ты, не резцом, а такую
В оные дни ты пришла выслушать суд над собой.

* * *

Время всеильно: порой изменяют немногие годы
Имя и облик вещей, их естество и судьбу.

*

Горькая выпала мне, придорожной орешине, доля:
    Быть мишенью для всех мимо бегущих ребят.
Сучья и ветви мои цветущие сломаны градом
    Вечно летящих в меня, метко разящих камней.
Дереву быть плодоносным опасно. Себе я на горе
    В дерзкой гордыне своей вздумала плод понести.

* * *

Только в тенистую рощу вошли мы, как в ней увидели
Сына Киферы, малютку, подобного яблокам алым.
Не было с ним ни колчана, ни лука кривого, доспехи
Под густолиственной чащей ближайших деревьев висели;
Сам же на розах цветущих, окованный негою сонной,
Он, улыбаясь, лежал, а над ним золотистые пчелы
Роем медовым кружились и к сладким губам его льнули.

УТОНУВШЕМУ

С рыбою вместе в сетях извлекли из воды рыболовы
Полуизъеденный труп жертвы скитаний морских.
И, оскверненной добычи не взяв, они с трупом зарыли
Также и рыб под одной малою грудой песка.
Все твое тело в земле, утонувший! Чего не хватало,
То возместили тела рыб, пожиравших тебя.

НА ГРОБ ТИМОНА

Сплошь окружают могилу волчек и колючий терновник,—
Ноги изранишь себе, если приблизишься к ней.
Я обитаю в ней — Тимон, людей ненавистник. Уйди же!
Сколько угодно клянц, жалуйся,— только уйди!

ТРОЯ

Путник, ты зришь Илион, гремевший некогда славой,
Некогда гордый венцом башен высоких своих, —
Пыле ж пожрал меня пепел времен; но в песнях Гомера
Все я стою невредим с медным оплотом ворот.
Мне не страшны, для меня не губительны копьа ахивян:
Ведь у Эллады детей вечно я буду в устах.

* * *

Вот Демодоково слово: милетяне, право, не глупы,
Но поступают во всем жалким подобно глупцам.

* * *

Вот Демодоково слово: хиосцы, — не тот или этот, —
Все, кроме Прокла, дурны; но из Хиоса и Прокл.

* * *

Все киликийцы — прескверные люди; среди киликийцев
Только Кинир лишь хорош; но — киликиец и он!

* * *

Каппадокийца ужалила злая ехидна и тут же
Мертвой упала сама, крови зловердной иснив.

ПАРОДИЯ НА ЭПИГРАММУ-ЭПИТАФИЮ ХЕРИЛА

Зная, что смертным родился, старайся питать свою душу
Сладостью мудрых речей, не в еде для души ведь отрада.
Жалок я, евший так много и так наслаждавшийся в жизни!
Только с собой и унес я, что ум мой познал и что музы
Дали прекрасного мне; все же прочие блага остались.

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА
(IV—I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

---

* * *

Честь вам, два сына Неокла: отчизну от тяжкого рабства
Древле избавил один, от перазумья — другой.

* * *

Рыба помпил! Мореходцам счастливое плаванье плещь ты!
Сопровождай за кормой и подругу мою дорогую!

НА ПОРТРЕТ АГАФАРХИДЫ

Рук мастерских это труд. Смотри, Прометей несравненный!
Видно, в искусстве тебе равные есть меж людьми.
Если бы тот, кем так живо написана девушка, голос
Дал ей, была бы, как есть, Агафархида сама.

ЭПИТАФИИ БАВКИДЕ

1

Это могила Бавкиды, невесты. К слезами омытой
Стеле ее подойдя, путник, Андю скажи:
«Знать, ты завистлив, Анд!» Эти камни надгробные сами,
Странник, расскажут тебе злую Бавкиды судьбу:
Факелом свадебным, тем, что светить должен был Гименею,
Сверху зажечь привелось ей погребальный костер,
И суждено, Гименей, перейти было звукам веселым
Свадебных песен твоих в грустный напев похорон.

Вы, о колонны мои, вы, сирены, ты, урна печали,
Что сохраняешь в себе пепла ничтожную горсть, —
Всех, кто пройдет близ могилы, встречайте приветливым
словом,

Будут ли то земляки иль из других городов.
Всем вы скажите, что юной невестой легла я в могилу,
Что называл мой отец милой Бавкидой меня,
Что родилась я на Теносе и что подруга Эринна
Здесь, на могиле моей, высекла эти слова.

* * *

Оттуда, из жизни,
Эхо пустое одно лишь доходит до царства Лида.
Тьма покрывает глаза мертвецам, и молчанье меж ними.

ЭВРИПИДУ

Не растерзали собаки тебя, Эврипид, и не похоть
 К женам сгубила — ты чужд был незаконной любви.
 Старость свела тебя в гроб. В Македонии всеми ты чтимый,
 Друг Архелая, лежишь, близ Аретусы зарыт.
 Мнится, однако, не там, на могиле, твой памятник вечный,—
 Истинный памятник твой — Вакха святыня, театр.

НА ПЕВКЕСТА

Против быка, из глухих выходившего дебрей Добера,
 Выехал раз на коне смелый охотник Певкест.
 Словно гора, на него надвигаться стал бык; но смертельно
 Он пеонийским копьём зверя в висок поразил,
 Снял с головы его рог и с тех пор каждый раз, как из рога
 Цельное тянет вино, хвалится ловом своим.

НА ГЕММУ ТРИФОНА

Трифон заставил индийский берилл превратиться в Галену,
 Сделал искусной рукой волосы, дал мне, смотри,
 Губы, способные море разгладить своим дуновеньем,
 Перси, что могут унять шумное буйство ветров...
 Если бы только мне камень ревнивый позволил,— чего я
 Страстно хочу,— ты бы мог видеть плывущей меня.

НА ПАМЯТНИК ЛИКОНА

В увеличенном виде представляю
Я собою творца смешных комедий;
В триумфальном венке, плющом покрытый,
Монументом служу я для Ликона.
Больше многих он был достоин славы,
И поставлен затем его здесь образ,
Чтобы память о нем, в пирах приятном
И в беседах, жила среди потомков.

О МОРЕХОДСТВЕ

Дела морского беги. Если жизни конца долголетней
Хочешь достигнуть, быков лучше в плуги запрягай:
Жизнь долговечна ведь только на суше, и редко удастся
Встретить среди моряков мужа с седой головой.

УМЕРШЕМУ ДРУГУ

Милый мой друг, о тебе я не плачу: ты в жизни немало
Радостей знал, хоть имел также и долю скорбей.

* * *

Никто из нас не говорит, живя без бед,
Что счастьем своим судьбе обязан он;
Когда же к нам заботы и печаль придут,
Готовы мы сейчас во всем винить судьбу.

ОТРЫВОК ЭЛЕГИИ

Несколько слез от души мне пролей, слово ласки промолви
И вспоминай обо мне, если не станет меня.

ЭПИТАФИЯ ДОРИХЕ

Прах — твои кости, Дориха, повязка, скреплявшая кудри,
 Благоуханный покров, миррой надушенный, — прах...
 Было... когда-то к Хараксу, дружку, под покровом
 прильнувши
 Телом вплотную нагим, с кубком встречала зарю.
 Было... а Сапфовы строки остались — останутся вечно:
 В свиток записанный стих песней живою звучит.
 Имя твоё незабвенно. Его сохранит Навкратида
 Впредь, пока путь кораблю пильскому в море открыт.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Брызги, Кекропов сосуд, многопенною влагою Вакха,
 Брызги! Пускай оросит трапезу нашу она.
 Смолкни, Зенон, вещей лебедь! Замолкни, и муза Клеанфа,
 Пусть нами правит один сладостно-горький Эрот!

ДЕВУШКЕ

Сами эроты в тот миг любовались Иренион нежной,
 Как из палат золотых Пафии вышла она,
 Точно из мрамора вся и с божественным сходная цветом,
 Вся, от волос до стопы, полная девичьих чар.
 И, поглядев на нее, с тетивы своих луков блестящих
 Много эроты тогда бросили в юношей стрел.

НА ГЕТЕР

1

Чтимая Кипром, Киферой, Милетом, а также прекрасной,
Вечно от стука копыт шумной Сприйской землей,
Будь благосклонна, богиня, к Каллисион! Ею ни разу
Не был любивший ее прогнан с порога дверей.

Нет, Филенида! Слезами меня ты легко не обманешь.
Знаю: милее меня нет для тебя никого,
Только пока ты в объятиях моих. Отдаваясь другому,
Будешь, наверно, его больше любить, чем меня.

ДУША И СТРАСТЬ

Душу, цикаду певучую муз, привязавши к аканфу,
Думала Страсть усыпить, пламя кидая в нее.
Но, умудренная знаньем, Душа презирает другое,
Только упрек божеству немилосердному шлет.

ЭПИТАФИИ УТОНУВШИМ

1

Архианакт, ребенок трех лет, у колодца играя,
В воду упал, привлечен к ней отраженьем своим.
Мать извлекла из воды его мокрое тельце и долго
Глаз не сводила с него, признаков жизни ища.
Неоскверненными нимфы остались воды; на коленях
Лежа у матери, спит сном непробудным дитя.

Что, моряки, меня близко к воде вы хороните? Дальше
 Надо землей засыпать тех, кто на море погиб.
 Жутко мне шуму внимать роковой мне волны. Но спасибо
 Вам, пожалевшим меня, шлю я, Никет, и за то.

НА БЮСТ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Мастер со смелой рукою, Лисипп, сикионский ваятель,
 Дивно искусство твое! Подлинно мечет огнем
 Медь, из которой ты образ отлил Александра. Не вправе
 Персов хулить мы: быкам грех ли бежать перед львом?

НА ХРАМ АРСИНОЙ-КИПРИДЫ

В храм Филадельфовой славной жены, Арсиной-Киприды,
 Морем и сушией нести жертвы спешите свои.
 Эту святыню, царящую здесь, на высоком побережье
 Зефирейды, воздвиг первый наварх Калликрат.
 Добрый молящимся путь посылает богиня и море
 Делает тихим для них даже в середине зимы.

НА ФАРОССКИЙ МАЯК

Башню на Фаросе, грекам спасенье, Сострат Дексифанов,
 Зодчий из Клида, воздвиг, о повелитель Протей!
 Нет сторожей, как на острове, нет и утесов в Египте,
 Но от земли проведен мол для стоянки судов,
 И высоко, рассекая эфир, поднимается башня,
 Всюду за множество верст видная путнику днем;
 Ночью же издали видят плывущие морем все время
 Свет от большого огня в самом верху маяка,
 И хоть до Таврова Рога готовы идти они, зная,
 Что покровитель им есть, гостеприимный Протей.

О ЖИЗНИ

В жизни какую избрать нам дорогу? В общественном
месте —

Тяжбы да спор о делах, дома — своя суета;

Сельская жизнь многотрудна; тревоги полно мореходство;

Страшно в чужих нам краях, если имеем мы что,

Если же нет ничего — много горя; женатым заботы

Не миновать, холостым — дни одиноко влачить;

Дети — обуза, бездетная жизнь неполна; в молодежи

Благоразумия нет, старость седая слаба.

Право, одно лишь из двух остается нам, смертным,

на выбор:

Иль не родиться совсем, или скорей умереть.

* * *

С белою кожей Дафнис, который на славной свирели
 Песни наступьши играл, Пану приносит дары:
 Ствол тростника просверленный, копье заостренное, посох,
 Шкуру оленью, суму — яблоки в ней он носил.

* * *

Этот шиповник в росниках и этот пучок новилики,
 Густо сплетенный, лежат здесь геликонянкам в дар,
 Вот для тебя, для Пеана пифийского, лавр темнолистый —
 Камнем дельфийской скалы вскормлен он был
для тебя.
 Камни забрызгает кровью козел длинноногий и белый —
 Гложет он там, наверху, ветви смолистых кустов.

К СТАТУЕ ДЕВЯТИ МУЗ

Вам угождая, богини, для всех девяти в подношенье
 Мраморный этот кумир дал Ксеноклет-музыкант.
 Кто б его назвал иначе? Он, именно этим искусством
 Славу стяжавши себе, также и вас не забыл.

К Т Р Е Н О Ж Н И К У

Этот треножник поставил хорег Демомел Дионису.
Всех ты милей для него был из блаженных богов.
Был он умерен во всем. И победы для хора добился
Тем, что умел почитать он красоту и добро.

* * *

Это не плотской Киприды кумир. У богини небесной
Должен ты милость снискать, дар Хрисогоны благой.
В доме с Амфиклом совместно она свою жизнь проводила,
С ним не рождала детей. Жизнь их прекрасно текла.
Всё начинали с молитвой к тебе, о могучая. Смертным
Пользу большую несет милость бессмертных богов.

* * *

Дафнис, ты дремлешь, устав, на земле, на листве
прошлогодней,
Только что ты на горах всюду расставил силки.
Но сторожит тебя Пан, и Приап заодно с ним подкрался,
Ласковый лик свой обвил он золотистым плющом.
Вместе в пещеру проникли. Скорее беги же, скорее,
Сбросивши разом с себя сон, что тебя разморил!

* * *

Тирсис несчастный, довольно! Какая же польза в рыданиях?
Право, растает в слезах блеск лучезарных очей.
Маленькой козочки нет! Пропала, бедняжка, в Анде.
Верно, когтями ее стиснул безжалостный волк.
Жалобно воеют собаки. Но что же ты можешь поделать?
Даже костей и золы ты ведь не можешь собрать.

* * *

Друг мой, прошу, ради муз, сыграй на флейте двухтрубной
Что-нибудь нежное мне! Я ж за пектиду возьмусь;
Струны мои зазвелят, а пастух зачарует нас Дафнис,
Нам на свирели напев, воском скрепленной, сыграв.
К дубу косматому станем поближе мы, сзади пещеры,
Пана, пасущего коз, мигом разбудим от сна!

МЕНЯЛЬНЫЙ СТОЛ КАИКА

Гражданам нашим и пришлым здесь стол для размена
поставлен.
Можешь свой вклад получить. Счеты всегда сведены.
Просят отсрочки другие. Но даже ночью порою,
Если захочешь, тебе все подсчитает Каик.

* * *

Этой тропой, козонас, обогни ты дубовую рощу;
Видишь — там новый кумир врезан в смоковницы
ствол.
Он без ушей и треногий; корою одет он, но может
Все ж для рождения чад дело Киприды свершить.
Вкруг он оградой святой обнесен. И родник неумолчный
Льется с утесов крутых; там обступили его
Мирты и лавр отовсюду; меж них кипарис ароматный;
И завилася венком в гроздьях тяжелых лоза.
Ранней весенней порой, заливаясь звенящею песней,
Свой перемешанный напев там выкликают дрозды.
Бурый невец, соловей, отвечает им рокотом звонким,
Клюв раскрывая, поет сладостным голосом он.
Там я, присев на траве, благосклонного бога Прнапа
Буду молить, чтоб во мне к Дафнису страсть угасил.
Я обещаю немедля козленка. Но если откажет
Просьбу исполнить мою — дар принесу я тройной:
Телку тогда приведу я, барашка я дам молодого,
С шерстью лохматой козла. Будь же ты милостив, бог!

К СТАТУЕ АНАКРЕОНТА

С вниманьем ты взгляни на статую, пришелец!
В дом к себе ты придешь и всем расскажешь:

В Теосе бидел я Анакреонта лик;
Первым был он певцом в былые годы.

Прибавь еще к тому, что к юношам пылал, —
Всю о нем ты тогда расскажешь правду.

К СТАТУЕ ЭПИХАРМА

Здесь звучит дорийцев речь, а этот муж был Эпихарм,
Комедии мастер.

И лик его, из меди слит, тебе, о Вахх,
В замену живого

В дар приносят те, кто здесь, в огромном городе, живет.
Ты дал земляку их

Богатство слов; теперь они хотят тебе
Воздать благодарность.

Много слов полезных он для жизни детям нашим дал —
За то ему слава.

К СТАТУЕ АРХИЛОХА

Стань и свой взгляд обрати к Архилоху ты: он певец
старинный.

Слагал он ямбы в стих, и слава пронеслась

От стран зари до стран, где тьма ночная.

Музы любили его, и делийский сам Феб любил владыка.

Умел с тончайшим он искусством подбирать

Слова к стиху и петь его под лиру.

К СТАТУЕ ПИСАНДРА

Вот кто нам рассказал про сына Зевса,

Мужа с быстрой рукой, про льва убийцу.

Вот он, первый из всех певцов древнейших,

Он, Писандр из Камира, нам поведал,

Сколько тот совершил деяний славных.
Этот образ певца, из меди слитый,
Здесь поставил народ; взгляни и ведай —
Лун и лет с его пор прошло немало.

К СТАТУЕ АСКЛЕПИЯ

Нынче в Милета жилища спускается отирыск Пеана,
Хочет увидеть он там многих болезней врача,
Никия. Этот ему что ни день, то подарки приносит;
Нынче душистый он кедр выточить в статую дал
Этнiona искусным рукам за плату большую.
Мастер же в этот свой труд всю свою ловкость
вложил.

ЭПИТАФИЯ ЭВРИМЕДОНТУ

Сына-малютку покинул, и сам, чуть расцвета достигнув,
Эвримедонт, ты от нас в эту могилу сошел.
Ты меж бессмертных мужей восседаешь. А граждане будут
Сыну почет воздавать, доблесть отца вспомянув.

ЭПИТАФИЯ ДЕВОЧКЕ

Девочка сгнбла без срока, достигши лишь года седьмого,
Скрылась в Аиде она, всех обогнавши подруг.
Бедная, верно, стремилась она за малюткою братом:
В двадцать лишь месяцев он смерти жестокой вкусил.
Горе тебе, Перистерис, так много понесшей печалей!
Людам на каждом шагу горести шлет божество.

ЭПИТАФИЯ ОРТОНУ

Вот что, прохожий, тебе говорит сиракузянин Ортон:
«Если ты пьян, никогда в бурю и в темь не ходи.
Выпала эта мне доля. И я не на родине милой —
Здесь я покоюсь теперь, землю чужую обняв».

ЭПИТАФИЯ ЭВСТЕНЕЮ

Здесь Эвстенея могила, искусно читавшего лица;
Тотчас он мог по глазам помыслы все разгадать.
С честью его погребли, чужестранца, друзья на чужбине.
Тем, как он песни слагал, был он им дорог и мил.
Было заботою их, чтобы этот учитель умерший,
Будучи силами слаб, все, в чем нуждался, имел.

ЭПИТАФИЯ ГИППОНАКТУ

Лежит здесь Гиппонакт, слагавший нам песни.
К холму его не подходи, коль ты дурен.
Но если ты правдив да из семьи честной,
Тогда смелей садись и, коль устал, спи тут.

СМЕРТЬ АДОНИСА

Адониса Киприда
Когда узрела мертвым,
Со смятыми кудрями
И с ликом пожелтелым,
Эротам повелела,
Чтоб кабана поймали.
Крылатые помчались
По всем лесам и дебрям,
И был кабан ужасный
И пойман и привязан.
Один эрот веревкой
Тащил свою добычу,
Другой шагал по следу
И гнал ударом лука.
И шел кабан уныло:
Боялся он Киприды.
Сказала Афродита:
«Из всех зверей ты злейший,
Не ты ль, в бедро поранив,
Не ты ль убил мне мужа?»

И ей кабан ответил:
«Клянусь тебе, Киприда,
Тобой самой и мужем,
Оковами моими,
Моими сторожами,
Что юношу-красавца
Я погубить не думал.
Я в нем увидел чудо,
И, не стерпевши пыла,
Впился я поцелуем
В бедро его нагое.
Меня безвредным сделай:
Возьми клыки, Киприда,
И покарай их, срезав.
Зачем клыки носить мне,
Когда пылаю страстью?»

И сжалилась Киприда:
Эротам приказала,
Чтоб развязали путы.
С тех пор за ней ходил он,
И в лес не возвратился,
И, став рабом Киприды,
Как пёс, служил эротам.

ПРИНОШЕНИЕ СЕРАПИСУ

Менит из Дикта в храме сложил свои доспехи
И молвил: «Вот, Серапис, тебе мой лук с колчаном;
Прими их в дар. А стрелы остались в гесперитах».

ВЕРЕНИКЕ

Четверо стало харит, ибо к трем сопричислена прежним
Новая; миррой еще каплет она и сейчас.
То — Вереника, всех прочих своим превзошедшая блеском
И без которой теперь сами хариты ничто.

ГЕТЕРЕ

Пусть и тебе так же спится, Конопион, как на холодном
Этом пороге ты спать здесь заставляешь меня!
Пусть и тебе так же спится, жестокая, как уложила
Друга ты! Даже во сне жалости нет у тебя.
Чувствуют жалость соседи, тебе ж и не спится. Но скоро,
Скоро, смотри, седина это припомнит тебе.

* * *

Счастливы был древний Орест, что, при всем его прочем
безумстве,
Все-таки бредом моим не был так мучим, Левкар,—
Не подвергал искушенью он друга фокидского, с целью
Дружбу его испытать, делу же только учил.
Иначе скоро, пожалуй, товарища он потерял бы.
И у меня уже нет многих Пиладов моих.

* * *

Ищет везде, Эпикид, по горам с увлеченьем охотник
Зайца иль серны следов. Инею, снегу он рад...
Если б, однако, сказали ему: «Видишь, раненный
на смерть
Зверь здесь лежит», он такой легкой добычи б
не взял.
Так и любовь моя: рада гоняться она за бегущим,
Что же доступно, того вовсе не хочет она.

* * *

Не выношу я поэмы киклической, скучно дорогой
Той мне идти, где сует в разные стороны люд;
Ласк, расточаемых всем, избегаю я, брезгаю воду
Пить из колодца: претит общедоступное мне.

ПОЭТУ ГЕРАКЛИТУ

Кто-то сказал мне о смерти твоей, Гераклит, и заставил
Тем меня слезы пролить. Вспомнилось мне, как
с тобой
Часто в беседе мы солища закат провожали. Теперь же
Прахом ты стал уж давно, галикарнасский мой друг!
Но еще живы твои соловьиные песни: жестокий,
Все уносящий Аид рук не наложит на них.

САОНУ

Здесь почивает Саон, сын Дикона, аканфиец родом.
Сон добродетельных свят — мертвыми их не зови.

ФЕРИДУ

Немногословен был друг-чужеземец, и стих мой таков же:
Сын Аристия, Ферид, с Крита, был стадиодром.

КРЕФИДЕ

Девушки Самоса часто душою скорбят по Крефиде,
Знавшей так много о чем порассказать, пошутить,
Словоохотливой милой подруге. Теперь почивает
В этой могиле она сном, неизбежным для всех.

АСТАКИДУ

Пасшего коз Астакида на Крите похитила нимфа
Ближней горы, и с тех пор стал он святой Астакид.
В песнях своих под дубами диктейскими уж не Дафниса,
А Астакида теперь будем мы петь, пастухи.

КЛЕОМБРОТУ

Солнцу сказавши «прости», Клеомброт-амбракиец
внезапно
Кинулся вниз со стены прямо в Аид. Он не знал
Горя такого, что смерти желать бы его заставляло:
Только Платона прочел он диалог о душе.

НА ТИМОНА-МИЗАНТРОПА

- Тимон, ты умер,— что ж, лучше тебе или хуже в Аиде?
— Хуже! Аид ведь куда больше людьми заселен.

НА МОГИЛЕ ХАРИДАНТА

- Здесь погребен Харидант? — Если сына киренца
Аримны
Ищешь, то здесь.— Харидант, что там, скажи,
под землей?
— Очень темно тут.— А есть ли пути, выводящие к небу?
— Нет, это ложь.— А Плутон? — Сказка.
— О, горе же нам!

ФЕЭТЕТУ

Новой дорогой пошел Феэтет. И пускай ему этим
Новым путем до сих пор, Вакх, не дается твой плющ,
Пусть на короткое время других восхваляет глашатай,—
Гений его прославлять будет Эллада всегда.

* * *

Если ты в Кизик придешь, то сразу отыщешь Гиппака,
Как и Дидиму: ведь их в городе знает любой.
Вестником горя ты будешь для них, но скажи, не скрывая,
Что подо мной погребен Критий, любимый их сын.

* * *

Если бы не было быстрых судов, то теперь не пришлось бы
Нам горевать по тебе, сын Диоклида, Сопол.
Носится где-то твой труп по волнам, а могила пустая,
Мимо которой идем, носит лишь имя твое.

* * *

Может ли кто наверное знать наш завтрашний жребий?
Только вчера мы тебя видели с нами, Хармид.
С плачем сегодня тебя мы земле предаем. Тяжелее
Здесь Диофону-отцу уже не изведать беды.

* * *

Пьяницу Эрасиксена винные чаши сгубили:
Выпил несмешанным он сразу две чаши вина.

* * *

Здесь, Артемиде, тебе эта статуя — дар Филераты;
Ты же, подарок приняв, дева защитницей будь.

* * *

Тихо, венки мои, здесь на двустворчатой двери висите,
 Не торопитесь с себя сбрасывать на пол листки,
 Каплями слез залитые, — слезливы у любящих очи! —
 Но лишь появится он здесь, на пороге дверей,
 Сразу же капли стряхните дождем на него, чтоб обильно
 Светлые кудри ему слезы омыли мои.

* * *

Трижды, трескучее пламя, тобою клялась Гераклея
 Быть у меня — и нейдет. Пламя, коль ты божество,
 То отворачись от неверной. Как только играть она станет
 С милым, погасни тотчас и в темноте их оставь.

* * *

Если бы, крылья себе золотые достав и повесив
 На белоснежном плече полный стрелами колчан,
 Рядом с Эротом ты стал, то, Гермесом клянусь, не узнала б
 И Афродита сама, кто из двоих ее сын.

* * *

Лука еще не посящий, не зрелый, а поворожденный,
 К Пафнии взоры свои мой поднимает Эрот
 И, с золотою дощечкой в руке, ей лепечет о чарах
 Как Филократа души, так и твоей, Антиген.

* * *

Страсти улика — вино. Никагора, скрывавшего долго
Чувства свои, за столом выдали чаши вина:
Он прослезился, потупил глаза и поник головою,
И на висках у него не удержался венók.

* * *

Прежде, бывало, в объятых душах Археад меня; нынче ж
К бедной ко мне и шутя не обращается он.
Но не всегда и медовый Эрот нам бывает приятен, —
Часто, лишь боль причинив, сладок становится бог.

* * *

Снегом и градом осыпь меня, Зевс! Окружи темнотою,
Молнией жги, отряхай с неба все тучи свои!
Если убьешь, усмирюсь я; но если ты жить мне позволишь,
Бражничать стану опять, как бы ни гневался ты.
Бог мною движет сильнейший тебя: не ему ли послушный,
Сам ты дождем золотым в медный спускался чертог?

* * *

Брось свою девственность. Что тебе в ней? За порогом
Аида
Ты не найдешь никого, кто полюбил бы тебя.
Только живущим даны наслажденья любви; в Ахероне
После, о дева, лежать будем мы — кости и прах.

* * *

Сладок холодный напиток для жаждущих в летнюю пору:
После зимы морякам сладок весенний зефир;
Слаще, однако, влюбленным, когда, покрываясь одною
Хлевою, на ложе вдвоем славят Киприду они.

* * *

Я наслаждался однажды игрою любви с Гермией.
Пояс из разных цветов был, о Киприда, на ней.
И золотая была на нем надпись: «Люби меня вволю,
Но не тужи, если мной будет другой обладать».

* * *

Долгая ночь, середина зимы, и заходят Плеяды.
Я у порога брожу, вымокший весь под дождем,
Рапеленный ягучею страстью к обманщице этой... Киприда
Бросила мне не любовь — злую стрелу из огня.

* * *

Чары Дидимы пленили меня, и теперь я, несчастный,
Таю, как воск от огня, видя ее красоту.
Если черна она, что за беда? Ведь и уголья даже,
Стоит их только нагреть, рдеют, как чашечки роз.

* * *

Сбегай, Деметрий, на рынок к Амниту. Спроси три
главкиска,
Десять фикидий да две дюжины раков-кривуш.
Пересчитай непременно их сам! И, забравши покунки,
С ними сюда воротись. Да у Фавбория шесть
Розовых купишь венков. Поспевай! По пути за Триферой
Надо зайти и сказать, чтоб приходила скорей.

* * *

Наннион и Битто, обе с Самоса, храм Афродиты
Уж не хотят посещать узаконенным путем,
А перешли на другое, что гадко. Царица Киприда!
Взор отврати свой от них, кинувших ложе твое.

Археанасса, гетера, зарыта здесь, колофонянка,
Даже в морщинах у ней сладкий ютился Эрот.
Вы же, любовники, первый срывавшие цвет ее жизни,
Можно представить, каким вас опалило огнем!

О САМОМ СЕБЕ

1

Двадцать два года прожить не успев, уж устал я от жизни.
Что вы томите, за что жжете, эроты, меня?
Если несчастье случится со мною, что станете делать?
В кости беспечно играть будете вы, как всегда.

2

Пей же, Асклепиад! Что с тобою? К чему эти слезы?
Не одного ведь тебя Пафния в сеть завлекла,
И не в тебя одного посылались жестоким Эротом
Стрелы из лука. Зачем в землю ложиться живым?
Чистого выпьем вина Дионисова! Утро корóтко.
Станем ли лампы мы ждать, вестницы скорого сна?
Выпьем же, весело выпьем! Несчастнýй, конец уже близок,
Будем покоиться мы долгую, долгую почь.

ЭПИТАФИЯ МОРЯКУ

Вспять хоть на восемь локтей отступи, беспокойное море,
Там поднимись высоко, волны кидай и бушуй.
Если ж разроешь могилу Эвмара, добра никакого
В ней все равно не найдешь — кости увидишь и прах.

НА ГРОБ АЯНТА

Здесь, у могилы Аянта, сижу я, несчастная Доблесть,
Кудри обрезав свои, с грустью великой в душе.
Тяжко скорблю я о том, что теперь у ахейян, как видно,
Ловкая, хитрая Ложь стала сильнее меня.

НА БЮСТ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Полный отважности взор Александра и весь его облик
Вылил из меди Лисипп. Словно живет эта медь!
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей».

НА СТАТУЮ ВЕРЕНИКИ

Изображенье Киприды здесь видим мы, не Вереники:
Трудно решить, на кого больше походит оно.

ГЕСИОДУ

Музы тебя, Гесиод, увидали однажды пасущим
В полдень отару овец на каменистой горе
И, обступивши кругом всей толпою, тебе протянули
Лавра священного ветвь с пышною, свежей листвою.
Также воды из ключа геликонского дали, который
Прежде копытом своим конь их крылатый пробил.
Этой водою упившись, воспел ты работы и роды
Вечно блаженных богов, как и героев былых.

НА «ЛИДУ» АНТИМАХА

Лидой зовусь я и родом из Лидии. Но надо всеми
Внучками Кодра меня славой вознес Антиммах.
Кто не поет обо мне? Кем теперь не читается «Лида» —
Книга, которую он с музами вместе писал?

АЛКМАН

Будь я тобою воспитан, о родина, древние Сарды,
Я бы с кратером ходил или в тимпан ударял,
Раззолочённый сви́ух. А в богатой трофеями Спарте
Став гражданином, теперь имя Алкмана ношу.
Муз геликонских узнал и щедротами их возвеличен
Больше могучих царей, больше, чем Гиг и Даскил.

К АФРОДИТЕ

Тайная, кротко прими в благодарность себе от скитальца,
Что по своей бедноте мог принести Леонид:
Эти лепешки на масле, хранимые долго оливы,
Свежий, недавно с ветвей сорванный фиговый плод,
Малую ветку лозы виноградной с пятком на ней ягод,
Несколько капель вина — сколько осталось на дне...
Если, богиня, меня, исцелив от болезни, избавишь
И от нужды, принесу в жертву тебе я козу.

АФРОДИТА В СПАРТЕ

Молвил однажды Киприде Эрот: «Одевайся в доспехи,
Или из Спарты уйди! Бредит наш город войной».
Но, усмехнувшись, сказала она: «Как была безоружной,
Так и останусь, а жить все-таки в Спарте хочу».
Нет у Киприды доспехов: бесстыдники лишь утверждают,
Не знатоки, будто здесь ходит богиня в броне.

«ЭРОТ» ПРАКСИТЕЛЯ

В Феспиях чтут одного лишь Эрота, дитя Афродиты,
И признают только тот образ Эрота, в каком
Бога познал сам Пракситель, в каком его видел у Фрины
И, изваяв, ей как дань собственной страсти поднес...

«АФРОДИТА АНАДИОМЕНА» АПЕЛЛЕСА

Киприду, вставшую сейчас из лона вод
И мокрую еще от пены, Апеллес
Не написал здесь, нет! — воспроизвел живой,
Во всей ее пленительной красе. Смотри:
Вот руки подняла, чтоб выжать волосы,

И взор уже сверкает страстью нежною,
И — знак расцвета — грудь кругла, как яблоко.
Афина и жена Кронида говорят:
«О Зевс, побеждены мы будем в споре с ней».

* * *

Прочь от лачуги моей убегайте, подпольные мыши!
Вас не прокормит пустой ларь Леонида. Старик
Рад, коли есть только соль у него да два хлебца ячменных,
Этим довольными быть нас приучили отцы.
Что же ты, лакомка, там в уголке понапрасну скребешься,
Крошки от ужина в нем не находя ни одной?
Брось бедняка и беги поскорее в другие жилища,
Где ты побольше себе корма добудешь, чем здесь.

* * *

Не подвергай себя, смертный, невзгодам скитальческой
жизни,
Вечно один на другой переменяя края.
Не подвергайся невзгодам скитанья, хотя бы и пусто
Было жилище твое, скуп на тепло твой очаг,
Скуден был хлеб твой ячменный, мука не из важных,
хотя бы
Тесто месилось рукой в камне долбленом, хотя б
И хлебу за трапезой бедной приправой единственной были
Тмии, да порей у тебя, да горьковатая соль.

ПРИЗЫВ ПРИАПА

Время отправиться в путь! Прилетела уже щебетунья
Ласточка; мягко опять западный ветер подул,
Снова луга зацвели, и уже успокоилось море,
Что под дыханием бурь волны вздымало свои.
Пусть же поднимут пловцы якоря и отвязнут канаты;
Пусть отплывает судно, все паруса распустив!
Так я напутствую вас, Приап, охраняющий пристань:
Смело с товаром своим в путь отправляйся, пловец!

АНАКРЕОНТУ

Смотри, как от вина старик шатается
Анакреонт, как плащ, спустясь к ногам его,
Волочится. Цела одна сапдалия,
Другой уж нет. Но все еще на лире он
Играет и поет, все восхваляет он
Бафилла иль, красавец Мегипстей, тебя...
Храни его, о Вахх, чтоб не упал старик.

ГОМЕРУ

Звезды и даже Селены божественный диск затмевает
Огненный Гелий собой, правя по небу свой путь.
Так и толпа песнопевцев бледнеет, Гомер, пред тобою,
Самым блестящим огнем между светилами муз.

ЭРИННЕ

Деву-невицу Эринну, пчелу меж певцами, в то время
Как на лугах пнерид ею срывались цветы,
В брачный чертог свой похитил Аид. Да, сказала ты
Умная девушка, нам, молвив: «Завистлив Аид».

ТЕЛЛЕНУ

Это могила Теллена. Под насыпью малою старец,
Первый умевший слагать песни смешные, лежит.

ДИОГЕНУ

Мрачный служитель Аида, которому выпала доля
Плавать на черной ладье по ахеронским водам,
Мне, Диогену-собаке, дай место, хотя бы и было
Тесно от мертвых на нем, этом ужасном судне.

ДОРОГА В АИД

Дорогой, что в Аид ведет, спокойно ты
Иди! Не тяжела она для путника
И не извилиста ничуть, не сбивчива,
А так пряма, ровна и так полого вся,
Что, и закрыв глаза, легко пройдешь по ней.

ЖЕРТВА КРИТСКИХ ПИРАТОВ

Критяне все печестивцы, убийцы и вору морские,
Знал ли из критских мужей кто-либо совесть и честь?
Вот и меня, Тимолита несчастного, плившего морем
С малою кладью добра, бросили в воду они.
Плачут теперь надо мною живущие на море чайки;
Здесь, под могильным холмом, нет Тимолита костей.

ЖЕРТВА АКУЛЫ

Похоронён и в земле я и в море,— такой необычный
Жребий был Фарсию, мне, сыну Хармида, сужден.
В глубь Ионийского моря пришлось мне однажды
спуститься,
Чтобы оттуда достать якорь, застрявший на дне.
Освободил я его и уже выплывал на поверхность,
Даже протягивать стал спутникам руки свои,
Как был настигнут внезапно огромною хищною рыбой,
И оторвала она тело до пояса мне.
Наполовину лишь труп мой холодный подобран пловцами,
А половина его хищницей взята морской.
Здесь, на побережье, зарыты останки мои, о прохожий!
В землю ж родную — увы! — я не вернусь никогда.

ЭПИТАФИЯ РЫБАКУ ФЕРИДУ

Древний годами Ферид, живший тем, что ему добывали
Верши его, рыболов, рыб достававший из нор
И неводáми ловивший, а плававший лучше, чем утка,
Не был, однако, пловцом многовесельных судов,
И не Арктúр погубил его вовсе, не буря морская
Жизни лишила в конце многих десятков годов,
Но в шалаше тростниковом своем он угас, как светильник,
Что, догорев до конца, гаснет со временем сам.
Камень же этот надгробный поставлен ему не женою
И не детьми, а кружкой братьев его по труду.

МОГИЛА ПАСТУХА

Вы, пастухи, одиноко на этой пустынной вершине
Вместе пасущие коз и тонкорунных овец,
В честь Персефоны подземной уважьте меня, Клитегора,
Скромный, но дружеский дар мне от земли принеся.
Пусть надо мной раздастся блейнье овец, среди стада
Пусть на свирели своей тихо играет пастух;
Первых весенних цветов пусть нарвет на лугу поселянин,
Чтобы могилу мою свежим украсить венком.
Пусть, наконец, кто-нибудь из пасущих поднимет рукою
Полное вымя овцы и оросит молоком
Насыпь могильную мне. Не чужда благодарность
и мертвым;
Также добром за добро вам воздают и они.

ЗАРЫТЫМ ПРИ ДОРОГЕ

1

Кто тут зарыт на пути? Чьи злосчастные голые кости
Возле дороги лежат в полуоткрытом гробу?
Оси проезжих телег и колеса, стуча то и дело,
В лоск истирают, долбят камень могильный и гроб.
Бедный! Тебе и бока уж протерли колеса повозок,
А над тобою никто, сжалясь, слезы не прольет.

Кости мои обнажились, о путник! И порваны связи
 Всех сочленений моих, и завалилась плита.
 Черви уже показались на свет из могилы. Чего же
 Дольше скрываться теперь мне под могильной
 землей?
 Видишь — тропинку уже проложили здесь новую люди
 И, не стесняясь, ногой голову толчут мою.
 Но именам подземных Аида, Гермеса и Ночи
 Я заклиная тебя: этой тропой не ходи.

* * *

Молча проследуйте мимо этой могилы; страшитесь
 Злую осу разбудить, что успокоилась в ней.
 Ибо недавно еще Гиппонакт, и родных не щадивший,
 В этой могиле смирил свой необузданный дух.
 Но берегитесь его: огненосные ямбы поэта
 Даже из царства теней могут вам зло причинить.

* * *

Гроба сего не приветствуй, прохожий! Его не касаясь,
 Мимо спеши и не знай, кто и откуда я был.
 Если ты спросишь о том, да будет гибелью путь твой;
 Если ж и молча пройдешь, гибель тебе на пути.

ЭПИТАФИЯ ТКАЧИХЕ

Часто и вечером поздним, и утром ткачиха Платфида
 Сон отгоняла от глаз, бодро с нуждою борясь.
 С веретеном, своим другом, в руке иль за прялкой сидя,
 Песни певала она, хоть и седа уж была,
 Или за ткацким станком вплоть до самой зари суетилась,
 Делу Афины служа, с помощью нежных харит;

Иль на колене худом исхудалой рукою, бедняга,
Нитку сучила в уток. Восемь десятков годов
Прóжила ткавшая так хорошо и искусно Платфиды,
Прежде чем в путь отошла по ахеронским волнам.

ЭПИТАФИЯ ПЬЯНИЦЕ МАРОНИДЕ

Прах Марониды здесь, любившей выпивать
Старухи прах зарыт. И на гробу ее
Лежит знакомый всем бокал аттический;
Тоскует и в земле старуха; ей не жаль
Ни мужа, ни детей, в нужде оставленных,
А грустно оттого, что винный кубок пуст.

ЭПИТАФИЯ БЕДНЯКУ

Малого праха земли мне довольно. Высокая стела
Весом огромным своим пусть богача тяготит.
Если по смерти моей будут знать обо мне, получу ли
Пользу от этого я, сын Каллитела, Алкандр?

СКОРБЬ МАТЕРИ

Бедный Антикл! И несчастная я, что единственный сын
мой
В самых цветущих летах мною был предан огню.
Ты восемнадцатилетним погиб, о дитя мое! Мне же
В горькой тоске суждено сирую старость влачить.
В темные недра Аида уйти бы мне лучше — не рада
Я ни заре, ни лучам яркого солнца. Увы,
Бедный мой, бедный Антикл! Исцелил бы ты мне мое горе,
Если бы вместе с собой взял от живых и меня.

СМЕРТЬ СТАРОГО ГОРГА

«Как виноград на тычину, на этот свой посох дорожный
Я опираюсь. В Анд смерть призывает меня.
Зова послушайся, Горг! Что за счастье лишних три года
Или четыре еще солнечным греться теплом?»
Так говорил, не тщеславясь, старик, и сложил с себя бремя
Долгих годов, и ушел в пройденный многими путь.

КОЗЕЛ И ВИНОГРАД

Козий супруг, бородатый козел, забредя в виноградник,
Все до одной ощипал нежные ветки лозы.
Вдруг из земли ему голос послышался: «Режь, окаянный,
Режь челюстями и рви мой плодоносный побег!
Корень, сидящий в земле, даст по-прежнему сладостный
нектар,
Чтоб возлиянье, козел, сделать — над трупом твоим».

СОФОКЛУ

1

Сын Софилла, Софокл, трагической музы в Афинах
 Яркой блиставший звездой, Ваховых хоров певец,
 Чьи волоса на фимелах и сценах нередко, бывало,
 Плющ ахарнийский венчал веткой цветущей своей,
 В малом участке земли ты теперь обитаешь. Но вечно
 Будешь ты жить среди нас в книгах бессмертных
 твоих.

2

Тихо, о плющ, у Софокла расти на могиле и вейся,
 Тихо над ним рассыпай кудри зеленых ветвей,
 Пусть расцветают здесь розы повсюду, лоза винограда
 Плодолюбивая пусть сочные отпрыски шлет
 Ради той мудрой науки, которой служил неустанно
 Он, сладкозвучный поэт, с помощью муз и харит.

ПЛАТОНУ

Здесь Аристокл почивает, божественный муж,
 воздержаньем
 И справедливостью всех превосходивший людей.
 Больше, чем кто-либо в мире, стяжал себе громкую славу
 Мудрого он, и над ним зависть бессильна сама.

* * *

Сводят с ума меня губы речистые, алые губы;
 Сладостный сердцу порог дышащих нектаром уст;
 Взоры бросающих искры огней под густыми бровями,
 Жгучие взоры — силки, сети для наших сердец;
 Мягкие, полные формы красиво изваянной груди,
 Что услаждают наш глаз больше, чем почки цветов...
 Но для чего мне собакам показывать кости? Наукой
 Служит Мидасов камыш тем, чей несдержан язык.

* * *

В белую грудь ударяя себя на почном твоём бденье,
 Славный Адонис, Клеб сердце пленила мое.
 Если такую ж и мне, как умру, она сделает милость,
 Без отговорок меня вместе с собой уведи.

* * *

Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану.
 Семь от аргивских мечей ран получил он в бою.
 Все на груди были раны. И труп окровавленный сына
 Тиших-старик на костер сам положил и сказал:
 «Пусть малодушные плачут, тебя же без слез хороню я,
 Сын мой. Не только ведь мой — Лакедемона ты сын».

Восемь цветущих сынов послала на брань Деменета.
Юноши бились — и всех камень единый покрыл.
Слез не лила огорченная мать, но вещала над гробом:
«Спарта, я в жертву тебе оных родила сынов!»

ЭПИТАФИЯ ФЕСПИДУ

Я — тот Феспид, что впервые дал форму трагической песне,
Новых харит приведя на празднество поселян
В дни, когда хоры водил еще Вакх, а наградой за игры
Были козел да плодов фиговых короб. Теперь
Преобразуется все молодежью. Времен бесконечность
Много другого внесет. Но что мое, то мое.

ЭСХИЛУ

То, что Феспид избрел — и сельские игры, и хоры, —
Все это сделал полней и совершенней Эсхил.
Не были тонкой ручною работою стихи его песен,
Но, как лесные ручьи, бурно стремились они.
Вид изменил он и сцены самой. О, поистине был ты
Кем-то из полубогов, все превозмогший певец!

СОФОКЛУ

Это могила Софокла. Ее, посвященный в искусство,
Сам я от муз получил и, как святыню, храню.
Он, когда я подвизался еще на флиунтском помосте,
Мне, деревянному, дал золотом блестящий вид;
Тонкой меня багряницей одел. И с тех пор как он умер,
Здесь отдыхает моя, легкая в пляске, нога.
«Счастлив ты местом своим. Но скажи мне, какую ты маску
Стриженой девы в руке держишь. Откуда она?»
«Хочешь, зови Антигоной ее иль, пожалуй, Электрой, —
Не ошибешься: равно обе прекрасны они».

ЭПИТАФИЯ АНАКРЕОНТУ

Ты, кто до мозга костей извёлся от страсти к Смердису,
Каждой пирушки глава и кутежей до зари,
Музам приятен ты был и недавно еще о Бафилле,
Сидя над чашей своей, частые слезы ронял.
Даже ручьи для тебя изливаются виною влагой,
И от бессмертных богов нектар струится тебе.
Сад предлагает тебе влюбленные в вечер фиалки,
Дарит и сладостный мирт, вскормленный чистой
росой,
Чтоб, опьяненный, и в царство Деметры ты вел хороводы,
Томпо рукою обняв стаи Эврипила златой.

СОСИФЕЮ

Как охраняет один из собратьев останки Софокла
В городе сáмом, так я, краснобородый плясун,
Прах Сосифея храню. Ибо с честью, клянусь я флиунтским
Хором сатиров, послал плющ этот муж на себе.
Он побудил и меня, уж привыкшего к повществам разным,
Родину вспомнить мою, к старому вновь возвратясь.
Спова и мужеский ритм он нашел для дорической музыки,
И под повышенный тон песен охотно теперь,
Тирс потрясая рукою, пляшу я в театре, который
Смелою мыслью своей так обновил Сосифей.

МАХОНУ

Пыль, разносимая ветром, неси на могилу Махона-
Комедографа живой, любящий подвиги плющ.
Не бесполезного трутня скрывает земля, но искусства
Старого доблестный сын в этой могиле лежит.
И говорит он: «О, город Кекропа! Порой и на Ниле
Также, приятный для муз, пряный растет тимьян».

ЖАЛОБА АКТЕРА

Аристагор исполнял роль галла, а я Теменидов
Войнолюбивых играл, много труда приложив.
Он с похвалами ушел, Гирнефó же несчастную дружным
Треском кроталов, увы, зрители выгнали вон.
Сгните в огне вы, деянья героев! Невеждам в искусстве
Жавронка голос милей, чем лебединая песнь.

ЭПИТАФИЯ РАБУ

Раб я, лидиец. Но ты, господин, мой, в могиле свободным
Дядьку Тиманфа велел похоронить своего.
Долгие годы живи беспечально, когда же, состарясь,
В землю ко мне ты сойдешь,— знай: п в Анде я твой.

* * *

Плачу о девушке я Алкибии. Плененные сю,
Многие свататься к ней в дом приходили к отцу.
Скромность ее и красу разгласила молва, но надежды
Всех их отвергнуты прочь гибельной были Судьбой.

* * *

Кто бы ты ни был, садись под зелеными ветвями лавра,
Жажду свою утоли этой прозрачной струей.
Пусть легкокрылый зephyр, навевая повсюду прохладу,
Члены твои освежит в трудные знойные дни.

* * *

Видишь, как важно и гордо на свой подбородок лохматый
Смотрит, уставя глаза, Вакхов рогатый козел?
Чванится тем он, что часто в горах ему нимфа Наида
Космы волос на щеке розовой гладит рукой.

* * *

Мальчики, красной уздечкой козла запусдав и намордник
На волосатый ему рот наложивши, ведут
Около храма игру в состязание копыное, чтобы
Видел сам бог, как они тешатся этой игрой.

* * *

В битве отвага, Проарх, тебя погубила, и смертью
Дом ты отца своего, Фидия, в горе поверг;
Но над тобою поет эту песню прекрасную камень,
Песню о том, что погиб ты за отчизну свою.

* * *

Перед кончиной, обняв дорогого отца и роня
Горькие слезы из глаз, молвила так Эрато:
«Я не живу уже больше, отец мой. Уже застиласт
Мне, умирающей, смерть черным покровом глаза».

ТРЕМ МИЛЕТСКИМ ДЕВУШКАМ,
УБИВШИМ СЕБЯ ПРИ НАШЕСТВИИ ГАЛАТОВ

Не допустив над собою насилия грубых галатов,
Кончили мы, о Милет, родина милая, жизнь,
Мы, три гражданки твои, три девицы, которых заставил
Кельтов жестокий Арей эту судьбу разделить.
Так нечестивых объятий избегнули мы и в Аиде
Всё — и защиту себе, и жениха обрели.

ЭПИТАФИЯ РАБУ

Маном когда-то при жизни он был; а теперь, после смерти,
Дарню стал самому равен могуществом он.

ГЕСНОДУ

В роще тенистой, в Локриде, нашедши труп Геснода
 Нимфы омыли его чистой водой родников
 И, схоронив его, камень воздвигли. Потом оросили
 Землю над ним пастухи, пасшие коз, молоком
 С примесью меда — за то, что, как мед, были сладостны
 песни
 Старца, который вкусил влаги нарнасских ключей.

* * *

Я ненавижу Эрота. Людей ненавистник, зачем он,
 Зверя не трогая, мне в сердце пускает стрелу?
 Дальше-то что? Если бог уничтожит вконец человека,
 Разве награда ему будет за это дана?

* * *

Без похорон и без слез, о прохожий, на этом кургане
 Мы, фессалийцы, лежим — три миррады борцов,—
 Пав от меча этолийцев или латинян, которых
 Тит за собою привел из Италийской земли.
 Тяжко Эмафии горе; а дух дерзновенный Филиппа
 В бегство пустился меж тем, лани проворной
 быстрой.

* * *

Не одного лишь тебя и кентавра вино погубило,
О Эпикрат! От вина юный наш Каллий погиб.
Винным Хароном совсем уже стал одноглазый.

Послал бы
Ты из Анда скорей кубок такой же ему.

ГАЛЛ И ЛЕВ

В зимнюю пору однажды, спасаясь от снежной метели,
Галл, жрец Кибелы, нашел в дикой пещере приют.
Но не успел волоса осушить он, как в то же ущелье
Следом за ним прибежал лев, пожиратель быков.
Галл испугавшийся начал тогда, потрясая тимпаном,
Бывшим в руке у него, звуками грот оглашать;
Звуков священных богини не вынес лесов обитатель
И, убоившись жреца, в горы пустился стремглав.
А полуженственный жрец с благодарностью горной
богине
Эту одежду принес с косами русых волос.

* * *

Коль хороши мои песни, то славу уже мне доставят
 Даже и те лишь одни, что доселе мне муза внушила.
 Если ж не сладки они, то зачем мне дальше стараться?
 Если б нам жизненный срок был двоякий дарован

Или изменчивой Мойрой — и так, чтоб один проводили
 В счастье мы и в утехах, другой был бы полон трудами,—
 То потрудившийся мог бы позднейшего ждать

награждения.
 Если же боги решили назначить нам, людям, для жизни
 Срок лишь один, и притом столь короткий, короче, чем
 прочим,

Что же, несчастные, мы совершаем такие работы?
 Что же, для цели какой мы в наживу и в разные знания
 Душу влагаем свою и все к большему счастью стремимся?
 Видно, мы все позабыли, что мы родились не бессмертны
 И что короткий лишь срок нам от Мойры на долю
 достался.

* * *

Геспер, ты светоч златой Афродиты, любезной для
 сердца!

Геспер святой и любимый, лазурных почей украшенье!
 Меньше настолько луны ты, насколько всех звезд ты
 светлее.

Друг мой, привет! И когда к пастуху погоню мое стадо,
 Вместо луны ты сиянье пошли, потому что сегодня
 Чуть появилась она и сейчас же зашла. Отправляюсь
 Я не на кражу, не с тем, чтобы путника ночью ограбить.
 Нет, я люблю. И тебе провожать подобает влюбленных.

ПЛАЧ О БИОНЕ

Грустно стенайте, долины в лесах и дорийские воды,
 Плачьте, потоки речные, о милом, желанном Бионе!
 Ныне рыдайте вы, травы и рощи, предайтесь печали,
 Ныне, повесив головки, цветы, испускайте дыханье,
 Ныне алейте от горя вы, розы, и вы, анемоны,
 Ныне на всех лепестках еще ярче: «О, горе, о, горе!» —
 Ты, гнацинт, начертасшь — скончался певец наш

прекрасный.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Вы, соловьи, что в вершинах густых рыдаете горько,
 Вы сицилийским дубравам вблизи Аретусы снесите
 Весть, что скончался Бион наш, пастух, и скажите, что
 Умерли с ним и напевы, погибла дорийская песня.

вместе

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Лебеди, в горести тяжелой стенайте близ вод
 стримонийских,
 Пойте своими устами дрожащими песню печали.
 Песню, какая и прежде близ ваших берегов раздавалась.
 Девам Эагровым также скажите и всем возвещайте
 Нимфам бистонских краев: «Орфей наш скончался
 дорийский».

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Тот, кто со стадом был дружен, напевов своих не играет,
 Песен своих не поет он, в тиши под дубами усевшись.
 Нет, он в Плутея жилище поет уже песню забвенья.

Горы в молчанье стоят, и коровы печально с быками
Бродят, рыдая, вокруг и щипать свою траву не могут:

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Сам Аполлон зарыдал над твоею внезапной кончиной,
Тяжко вздыхали сатиры и в темных одеждах приапы,
Паны о песне твоей тосковали; в трущобах дремучих
Плакали нимфы ручьев, и в поток превращались их слезы.
Плакала Эхо меж скал, что ее обрекли на молчанье.
С уст твоих песням уже подражать не придется ей. В горе
Плод уронили деревья, увяли цветы полевые.

Сладкого овцы уже не дают молока, а из ульев
Мед не течет, в восковых своих сотах умерший. Не должно
Меда вкушать никому, если смертью твоей мед был погублен.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Так никогда не грустила сирена у берега моря,
Так никогда не кричала на скалах крутых Аэдона,
Жалобно так Хелидона на высях горы не стонала.
Так Алькионы беду никогда не оплакивал Кенкс,
И никогда в Илионских теснинах над отпрыском Эос,
Возле гробницы кружась, не рыдала Мемнонова птица —
Так, как все вместе они горевали о смерти Биона.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Ласточки все, соловьи, все, кого своей радовал песней,
Все, кого он научил щебетать, все, на ветках деревьев,
Горе друг с другом деля, выкликали, и птиц раздавались
Крики: «Ах, плачьте о нем и горюйте! И вы с нами

плачьте!»

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Кто на свирели твоей заиграет, о трижды желанный?
Кто к тростникам твоим губы приложит? Кто был бы
так дерзок?

В них твои будто бы дышат уста и хранится дыханье,
Трубки еще сохраняют напевов твоих отголосок.
Пану спесу ли свирель? Но, пожалуй, и он побоялся б
Трубки к губам приложить, чтоб не стал он на место
второе.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Плачет о песнях твоих Галатей, которой немало
Радости ты доставлял, с нею вместе у берега сидя.

Пел ты не так, как киклоп. Галатея прекрасная часто
Прочь 'от него убегала, но ты был ей слаще, чем море.
Нынче ж забыла она о волнах и на мели песчаной
Грустно сидит одиноко, с любовью пася твое стадо.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Вместе с тобою погибло, пастух, все, что музы нам дарят,
Дев поцелуи увяли прелестных и юношей губы.
Плачут в печали эроты над телом твоим, а Киприда
Нежно целует тебя; не дарили таких поцелуев
Даже Адонису губы ее в час последней разлуки.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Ты, что звучнее всех рек, для тебя это новое горе,
Новое горе, Мелеса. Гомер был потерей первой,
Был Каллиопы глашатай он сладкий; о сыне чудесном
Плакала ты, говорят, разливаясь струей многостонной,
Море рыданьем своим наполняя; и снова сегодня
Слезы о сыне ты льешь, разливаешься в новой печали.
Были любимцы они родников; из ключей пагасидских
Первый вкушал свой напиток, другой — из волны

Аретусы.

Тот в своей песне воспел прекрасную дочь Тиндарей,
Мощного сына Фетиды воспел, Менелая Атрида.
Этот же пел не о войнах и плаче. Он Пана лишь славил.
Пел пастухам свои песни и с песнею пас свое стадо.
Ладил свирель и доил он стоящую смиренно корову.
Юношей он поцелуям учил, на груди своей нежно
Эроса грел и ласкал и высоко вознес Афродиту.

Грустный начните напев, сицилийские музы, начните!

Все города о Блоне рыдают, рыдают селенья.
Аскра сильнее скорбит, чем встарь, Гесиода утратив;
Лес беотийский тебя, а не Пиндара жаждет услышать.
С грустью такой об Алкее ни Lesbos прелестный

не плакал,

Ни о певце своем Теос в печали такой не крушился.
Так Архилох не оплакан на Паросе; Сапфо забывши,
Плачет о песне твоей и скорбит по сей день Митилена.
Все те певцы, кому звонкую песню пастушью вложили
Музы в уста, все рыдают о том, что ты смертью

настигнут.

Самоса слава, скорбит Сикелид; в кидонийских пределах
Тот, в чьих глазах искони затаилась, сияя, улыбка,—
Слезы льет нынче Ликид; и среди триопидских сограждан
Там, где Галент протекает, Филет предается печали;
Меж сиракузян грустит Феокрит; я ж о горе авсонян
Песню слагаю. И сам не чужд я песне пастушьей;
Многих ведь ты обучил пастушеской музы напевам,
Я ж этой музы дорийской наследник. Мне в дар ее дал
ты.

Прочим богатство свое ты оставил, но мне — свою песню.

Грустный начните напев, сицилийские музы,
начните!

Горе, увы! Если мальвы в саду, отцветая, погибнут,
Иль сельдерея листва, иль аниса цветы завитые,
Слова они оживут и на будущий год разрастутся;
Мы ж, кто велики и сильны, мы, мудрые разумом люди,
Раз лишь один умираем, и вот — под землю глубоко,
Слух потеряв, засыпаем мы сном беспорядным,

бесцельным.

Так же и ты под землю лежишь, облеченный молчаньем,
Нимфам же было угодно, чтоб квакали вечно лягушки;
Им не завидую я. Ведь поют некрасивую песню.

Грустный начните напев, сицилийские музы,
начните!

Яд, о Бнон, прикоснулся к устам твоим; как же отравы
Этих коснулась губ и тотчас же не сделалась сладкой?
Кто был тот смертный жестокий, который осмелился яду
Дать тебе, даже по просьбе твоей? Его имя сокрыто.

Грустный начните напев, сицилийские музы,
начните!

Все это Дике откроет. А я в моей горести слезы
Лью, и с рыданьем пою я надгробную песнь. Если б мог я
В Тартар спуститься, как древле Орфей, Одиссеей

нисходили

Иль еще раньше Алкид! Я вошел бы в обитель Плутона,
Там бы увидеть я смог, ты поешь ли Плутою напевы,
Я бы услышал опять, что поешь ты. О, спой же для

Коры

Песнь сицилийскую ты, сладчайшую песню пастушью!

Родом она сицилийка. Когда-то на Этны утесах
В детстве играла она и дорийские знает напевы;
Будешь ты петь не напрасно, и так, как обратно Орфею
Встарь Эвридику она отдала за игру на фформинге,
Так же, Блон, и тебя холмам возвратит. На свирели
Если б играть я умел, сам сыграл бы я песню Плутею.

* * *

Факел и лук отложив, взял рожок, чем волов погоняют,
Бог пышнокрылый Эрот вместе с наплечной сумой
И, возложивши ярмо на затылки волов терпеливых,
Тучную стал засевать ниву богини Део.
Зевсу ж, на небо взглянувши, сказал: «Ороси мою ниву,
Чтобы Европы быка я под ярмо не подвел!»

НЕРЕИДЫ НА РАЗВАЛИНАХ КОРИНФА

Где красота твоя, город дорийцев, Коринф величавый,
 Где твоих башен венцы, прежняя роскошь твоя,
 Храмы блаженных богов, и дома, и потомки Сизифа —
 Славные жены твои и мириады мужей?
 Даже следов от тебя не осталось теперь, злополучный.
 Все разорила вконец, все поглотила война.
 Только лишь мы, Нереиды, бессмертные дочери моря,
 Как алькионы, одни плачем о доле твоей.

НА ХРАМ АРТЕМИДЫ В ЭФЕСЕ

1

Видел я стены твои, Вавилон, на которых просторно
 И колесницам; видал Зевса в Олимпии я,
 Чудо висячих садов Вавилона, колосс Гелиоса
 И пирамиды — дела многих и тяжких трудов;
 Знаю Мавзола гробницу огромную. Но лишь увидел
 Я Артемиды чертог, кровлю вознесший до туч,—
 Все остальное померкло пред ним; вне пределов Олимпа
 Солнце не видит нигде равной ему красоты.

Кто перенес парфеною твоей, богиня, с Олимпа, где
 прежде
 Он находился в ряду прочих небесных жилищ,
 В город Андрокла, столицу ретивых в бою ионийцев,
 Музами, как и копьем, славный повсюду Эфес?
 Видно, сама ты, сразившая Титию, больше Олимпа
 Город родной возлюбя, в нем свой воздвигла чертог.

Н И О Б Е

Что подняла ты к Олимпу, о женщина, дерзкую руку,
 С богоотступной главы пряди волос разметав?
 Страшное мщенье Латоны увидев, теперь проклинаешь
 Ты, многодетная, спор свой необдуманый с ней.
 В судорогах бьется одна твоя дочь, бездыханной другая
 Пала; над третьей висит тот же удел роковой.
 Но не исполнилась мера страданий твоих, покрывает
 Землю собой и толпа павших твоих сыновей.
 Жребий тяжелый онакав, убитая горем Ниоба,
 Скоро ты станешь, увы, камнем бездушным сама.

НА «ФЕСПАД» ПРАКСИТЕЛЯ

Пять этих женщин, прислужниц спасителя Вакха, готовят
 Все, что священный обряд хоростасии велит:
 Тело могучего льва поднимает одна, длиннорогий
 Ликаонийский олень взвален на плечи другой,
 Третья несет быстрокрылую птицу, четвертая — бубен,
 Пятая держит в руке медный тяжелый кротал.
 Все в иступленьи они, и вакхическим буйством у каждой
 Из пятерых поражен заколобродивший ум.

* * *

Малая эта могила — Приама отважного. Пусть он
 Большею достоин, но нас ведь погребают враги.

НА «ТЕЛКУ» МИРОНА

Кажется, телка сейчас замычит. Знать, живое творилось
Не Прометеем одним, но и тобою, Мирон.

НА «НЕКИЮ» НИКИЯ

Никия это работа — живущая вечно «Некия».
Памятник смерти для всех возрастов жизни она.
Как первообраз служила художнику песня Гомера,
Чей испытующий взгляд в недра Анда проник.

РОДИНА ГОМЕРА

Краем, вскормившим тебя, Колофон называют иные,
Славную Смирну — одни, Хиос — другие, Гомер.
Хвалится тем еще Иос, равно Саламин благодатный,
Также Фессалия, мать рода лапифов. Не раз
Место иное отчизной твоей величалось. Но если
Призвапы мы огласить вещи Феба слова,
Скажем: великое небо отчизна твоя, и не смертной
Матерью был ты рожден, а Каллиопой самой.

СТЕСИХОРУ

Почва сухая Катаны в себя приняла Стесихора.
Музы устами он был, полными слов через край;
В нем, говоря языком Пифагора, душа обитала
Та же, что раньше его в сердце Гомера жила.

ПИНДАРУ

Как заглушаются звуком трубы костяные свирели,
Так уступают, Пиндár, лиры другие твоей.
Видно, недаром у губ твоих нежных роились пчелы,

Соты из воска на них, полные меда, лепя.
Ведомы чары твои и рогатому Пану, который,
Дудку пастушью забыв, пенью внимал твоему.

АНТИМАХУ

Неутомимого славь Антимаха за стих полновесный,
Тщательно кованный им на наковальне богинь,
Древних героев достойный. Хвали его, если и сам ты
Тонким чутьем одарен, любишь серьезную речь
И не боишься дороги неторной и малодоступной.
Правда, что скипетр певцов все еще держит Гомер,
И, без сомнения, Зевс Посейдона сильнее. Но меньший,
Нежели Зевс, Посейдон больше всех прочих богов.
Так и невец колофонский хотя уступает Гомеру,
Все же идет впереди хора певцов остальных.

ЭРИННЕ

Мало стихов у Эринны, и песни не многоречивы,
Но небольшой ее труд музами был вдохновлен.
И потому все жива еще память о нем, и донныне
Не покрывает его черным крылом своим Ночь.
Сколько, о странник, меж тем увядает в печальном
забвеньи
Наших певцов молодых! Нет и числа их толпе.
Лебеда краткое пенье милее, чем граянье галок,
Что отовсюду весной ветер несет к облакам.

САПФО

Страх обуял Мнемосину, лишь только Сапфо услышала:
Как бы не стала она музой десятой у нас.

СЕЛЕВКУ

Скорую смерть предвещают астрологи мне, и, пожалуй,
Правы они; но о том я не печалюсь, Селевк.
Всем ведь одна нам дорога в Анд. Если раньше уйду я,
Что же? Миноса зато буду скорей лицезреть.
Станем же пить! Говорят, что вино — словно конь
для дорожных;
А ведь дорогу в Анд пешим придется пройти.

ЭПИТАФИИ АНАКРЕОНТУ

1

Анакреонт, среди почивших ты спишь, потрудившись
достойно.
Спит и кифара — в ночи сладко звучала она.
Спит и Смердис, твоей страсти весна: на своем барбитоне
Ты для него пробуждал нектар гармоний. Кругом
Юпоши были, а сам ты служил для Эрота мишенью:
Только в тебя одного он, дальновержец, стрелял.

2

Анакреонта гробница. Покоится лебедь теосский;
С ним, охватившая все, страсть его к юношам спит.
Но раздастся еще его дивная песнь о Бафилле,
Камень надгробный досель благоухает плющом.
Даже Анд не сумел погасить свою страсть: в Ахеронте
Снова тебя охватил пылкой Киприды огонь.

ЭПИТАФИЯ ВОИНАМ

Смерти искали они во брани; их праха не давит
Мрамор блестящий: венец доблести — доблесть одна!

ЭПИТАФИЯ АРИСТОМЕНУ

Прохожий

Вестник Кронида, почто ты, мощные крылья простерши,
Здесь, на гробе вождя Аристомена, стоишь?

Орел

Смертным вещаю: как я из целого сонма пернатых
Силою первый, так он — первым из юношей был.
Робкие к робкого праху пускай прилетят голубицы,
Мы же — бесстрашных мужей любим могилу хранить.

НА СМЕРТЬ ДВУХ КОРИНФЯНОК

Пали мы обе, Бонска и я, дочь Бонски, Родопа,
Не от болезни какой, не от удара копья.
Сами Анд мы избрали, когда обречен на сожженье
Был беспощадной войной город родной наш, Коринф.
Мать, умертвивши меня смертоносным железом,
бедняжка,
Не пощадила потом также и жизни своей,
Но удавилась веревкой. Так пали мы — ибо была нам
Легче свободная смерть, нежели доля рабынь.

НА МОГИЛУ ЛАНДЫ

Здесь почивает Ланда, которая, в пурпуре, в злате,
В дружбе с Эротом жила, нежной Кипридымышней;
В морем объятom Коринфе сияла она, затмевая
Светлый Пирены родник, Пафия между людьми.
Знатных искателей род, многочисленней, чем у Елены,
Ласк домогался ее, жадно стремился купить
Миг наслажденья продажной любовью. Душистым
шафраном
Здесь, на могиле ее, пахнет еще и теперь;
И до сих пор от костей, впитавших в себя благовошь,
И от блестящих волос тонкий идет аромат...
В скорби по ней истерзала прекрасный свой лик
Афродита,
Слезы Эрот проливал, громко стеноя о ней.
Если бы не были ласки ее покупными, Элладе
Столько же бед принесла б, как и Елена, она.

МОЛИТВА О ПЛАВАНЬЕ

Сын Ино́, Меликерт, и владычица светлая моря,
 Ты, Левкофея, от бед верно хранящая нас!
 Вы, переиды и волны, и ты, Посейдон-повелитель,
 И фракиец Зефир, ветер кротчайший из всех!
 Благоволите ко мне и до гавани милой Пирея
 Целым по глади морской перенесите меня.

МОЛИТВА КИПРИДЕ

Киприя, тишь океана, связуемых браком подруга,
 Правых союзница, мать быстрых, как буря, страстей!
 Киприя, мне, из чертога шафранного взятому роком,
 Спасшему душу едва в вихре кельтийских снегов,
 Мне, тихонравному, вздорных ни с кем не ведущему
 споров,
 Морем багряным твоим ныне объятому, дай,
 Киприя, в гавань ведущая, к оргиям склонная, целым
 И неведимым скорей в гавань прийти Наяко́!

ДЕВУШКЕ-ПОДРОСТКУ

В почке таится еще твое лето. Еще не темнеет
 Девственных чар виноград. Но начинают уже
 Быстрые стрелы точить молодые эроты, и тлеться
 Стал, Лисидика, в тебе скрытый на время огонь.
 Впору бежать нам, несчастным, пока еще лук непамянут!
 Верьте мне — скоро большой тут запылает пожар.

1

Прежде любил я Демó, из Пароса родом,— не диво!
 После другую Демо, с Самоса,— диво ль и то?
 Третья Демо наксианка была,— это тоже не шутка;
 Край Арголиды родным был для четвертой Демо.
 Сами уж мойры, должно быть, назвали меня Филодемом,
 Что постоянно к Демо страсть в моем сердце горит.

2

Ростом мала и чернява Филенион. Но у смуглянки
 Волос кудрявей плюща, кожа нежнее, чем пух;
 Речь ее сердце чарует сильнее, чем пояс Киприды;
 Все позволяет она, требуя редко наград.
 Право, люблю я Филенион, о Афродита! — покуда
 Ты не пошлешь мне другой, лучшей еще, чем она.

3

Ярко свети, о Селена, двурогая странница ночи!
 В окна высокие к нам взор свой лучший бросай
 И озаряй своим блеском Каллистион. Тайны влюбленных
 Видеть, богиня, тебе не возбраняет никто.
 Знаю, счастливыми нас назовешь ты обоих, Селена,—
 Ведь и в тебе зажигал юный Эндимион страсть.

4

О, эта ножка! О, голень! О, тайные прелести тела,
 Из-за чего я погиб — ах, и недаром погиб!
 О, эта грудь, эти руки, и тонкая шея, и плечи,
 Эти глаза, что меня взглядами сводят с ума!
 Чары искусных движений и полных огня поцелуев,
 Звуки короткие слов, сердце волнующих... Пусть
 Римлянка Флора и песен Сапфо не поет,— Андромеду,
 Хоть индианка была, все же любил ведь Персей.

Речи, лукавые взгляды, кифара и пенья Ксаантиппы,—
И уж начавший опять вспыхивать страсти огонь
Жжет тебя, сердце. С чего, и давно ли, и как —

я не знаю.

Будешь ты, бедное, знать, в этом огне обгорев.

Лампу, немую сообщницу тайн, нанон, Филенида,

Масляным соком олив и уходи поскорей,

Ибо противно Эроту свидетеля видеть живого.

Да, уходя, за собою дверь, Филенида, запри.

Ну же, целуй меня крепче, Ксанфо! И пускай испытает

Ложе любви, сколько есть у Киферен даров.

Платит за раз пять талантов прелестнице некоей некий

И с некрасивой — клянусь, — дело имея, дрожит.

Лисиахассе же я отдаю лишь пять драхм и за это

Без опасений лежу с лучшей гораздо, чем та.

Или я вовсе рассудка лишен, или подлинно надо

Нечто у мота того взять да секирой отсечь.

Я не горююсь за венком из левкоев, за миррой сирийской,

Пеньем под звуки кифар да за хносским вином.

Пышных шров не щу и объятнй гетер неопасных,—

Вся эта роскошь, друзья, мне ненавистна, как

блажь.

Голову мне увенчайте нарциссом, шафранною мазью

Члены натрите, мой слух флейтой ласкайте кривой,

Горло мне освежите дашевым вином Мигилены,

С юной дикаркой делить дайте мне ложе любви!

К ЗЕНОФИЛЕ

1

Снишь ты, я вижу, мой нежный цветок, Зенофила. О, если б
 Мог на ресницы твои Сном я бескрылым сойти!
 Чтобы к тебе даже тот, кто смыкает и Зевсовы очи,
 Не подходил и тобой я обладал бы один.

2

Быстрый мой вестник, комар, полети! На ушко Зенофиле,
 Нежно коснувшись ее, эти слова ты шепни:
 «Он тебя ждет и не может уснуть; а ты, друга забывши,
 Сспишь!» Ну, лети же скорей! Ну, песнопевец, лети!
 Но берегись, потихоньку скажи, не то — мужа разбудишь;
 С мужем воспрянут тотчас ревности муки с одра.
 Если ж ее приведешь, то в награду тебя я одену
 Львиною кожей и дам в руки тебе булаву.

3

Паном аркадским клянусь, Зенофила, под звуки пектиды
 Мило ты песни поешь! Мило играешь, клянусь!
 Как от тебя убегу я? Меня обступили эроты,
 Ни на минуту они мне отдохнуть не дают.
 Сердце мое зажигает то образ твой чудный, то муза,
 То твоя грация — все! Весь я горю, как в огне.

Вот уж левкои цветут. Распускается любящий влагу
 Нежный нарцисс, по горам лилий белеют цветы,
 И, создана для любви, расцвела Зенофила, роскошный
 Между цветами цветов, чудная роза Пифо.
 Что вы смеетесь, луга? Что кичитесь веселым убором?
 Краше подруга моя всех ароматных цветов.

Выпная чаша ликует и хвалится тем, что припikli
 К ней Зенофилы уста, сладкий источник речей.
 Чаша счастливая! Если б, сомкнув свои губы с моиmи,
 Милая разом одним вышила душу мою!

Пусть на власах, Зенофила, твоих увядает венюк мой:
 Пашно цветешь ты сама, лучший венюк из венюков!

Прелести дал Зенофиле Эрот, хариты — любезность;
 Пафия с поясом ей власть над сердцами дала.

Всем объявляю о бегстве Эрота. Вот только что, утром,
 Быстро с постели спорхнув, он улетел и исчез.
 Мальчик он плачущий сладко, болтливый, живой
 и бесстрашный,
 Склонен к насмешкам, крылат, носит колчан
 за спиной.
 Чей он, сказать не сумею: его, палупа, своим сыном
 Не признают ни Эфир, ни Океан, ни Земля,
 Ибо он всем и всему ненавистен. Смотрите теперь же:
 Не расставляет ли он где-нибудь сети для душ?
 Э, да ведь вот он — в засаде! Меня не обманели. Напрасно
 Ты притаился, стрелок, у Зенофилы в глазах.

Знаю! К чему твои клятвы, когда, обличитель гулящих,
 След благовонных мастей свеж на твоих волосах?
 Ночи бессонной улика, и глаз твоих взгляд утомленный,
 И обвитая вокруг нить на кудрях — от венка.
 Только что в оргии бурной измяты волос твоих пряди,
 Ноги нетверды твои, руки дрожат от вина...
 С глаз моих скройся, блудница! Пектида и треск
погремушек,
 Вестники пира, зовут к оргии новой тебя.

ЭПИТАФИЯ КЛЕАРИСТЕ

Горе! Не сладостный брак, но Анд, Клеариста, суровый
 Девственный пояс тебе холодной рукой развязал.
 Поздней порой у невесты, пред дверью растворчатой,
флейты
 Сладко звучали; от них брачный покой весь гремел;
 Утром — весь дом огласился рыданием, и Гименей
 Песни веселой напев в стои! обратился глухой;
 Факелы те ж и невесте у храмины брачной светили,
 И усопшей на путь в мрачное царство теней.

СТРЕЛЫ ЭРОТА

Пышные кудри Тимо и сандалии Гелиодоры,
 Миррой опрысканный вход в доме у милой Демо,
 Полные неги уста и большие глаза Антиклен,
 Свежий всегда на висках у Дорифей венки,—
 Нет, не осталось теперь у тебя уже больше в колчане
 Стрел оперенных, Эрот! Все твои стрелы во мне.

ЦИКАДЕ

Ты, моей ночи утеха, обманщица сердца, цикада,
 Муза — певица полей, лиры живой образец!
 Милыми лапками в такт ударяя по крылышкам звонким,
 Что-нибудь мне по душе нынче, цикада, сыграй,

Чтобы пзбавить меня от ярма неусыпной заботы,
Сладостным звуком во мне жажду любви
обмануть, —
II, в благодарность за это, я дам тебе утром, цикада,
Свежей чесночной травы с каплями чистой росы.

Ф А Н И О Н

Вы, корабли — скороходы морские, в объятых Борей
Смело державшие путь на Геллеспонтский пролив,
Если, идя мимо Коса, увидите там на побережье
Милую Фанион, вдаль взор устремившую свой,
Весть от меня передайте, прекрасные, ей, что желанье
К ней переносит меня не на ладье, на ногах.
Только скажите ей это, и тотчас же Зевс милосердный
Ветром попутным начнет вам раздувать паруса.

Т И М О

Клей — поцелуй твой, о Тимо, а глаза твои — пламя:
Кинула взор — и зажгла, раз прикоснулась — и твой!

Д Е М О

1

Утро, враждебное мне! Что так рано ты встало
над ложем?
Только пригреться успел я на груди у Демо.
Свет благодатный, — который теперь мне так горек! — о,
лучше б,
Быстро назад побежав, снова ты вечером стал!
Было же прежде, что вспать устремлялся ты волею Зевса
Ради Алкмены, — не нов ход и обратный тебе.

Утро, враждебное мне! Что так тихо ты кружишь
над миром
 Нынче, когда у Демо млеет в объятьях другой?
 Прежде, как с нею, прекрасной, был я, ты всходило
скорее,
 Точно спешило в меня бросить злорадным лучом.

АСКЛЕПИАДЕ

Асклепиада глазами, подобными светлomu морю,
 Всех соблазняет поплыть с нею по волнам любви.

ЛИКЕНИДЕ

Сбегай, Доркада, скажи Ликениде: «Вот видишь —
наружу
 Вышла неверность твоя: время не кроет измен». —
 Так и скажи ей, Доркада. Да после еще непременно
 Раз или два повтори. Ну же, Доркада, беги!
 Живо, не мешкай! Справляйся скорей. Стой! Куда же,
Доркада,
 Ты понеслась, не успев выслушать все до конца?
 Надо прибавить к тому, что сказал я... Да что я болтаю!
 Не говори ничего... Нет, обо всем ей скажи,
 Не пропусти ни словечка, Доркада... А впрочем, зачем же
 Я посылаю тебя? Сам я с тобою иду.

НЕИЗВЕСТНОЙ

Звезды и месяц, всегда так чудесно светящий
влюбленным!
 Ночь и блужданий ночных маленький спутник-
игруп!

Точно ль на ложе еще я застану прелестницу? Все ли
Глаз не смыкает она, жалуясь лампе своей?
Или другой обнимает ее? О, тогда я у входа
Этот повешу венок, вяпущий, мокрый от слез,
И надпишу: «Афродита, тебе Мелсагр, посвященный
В тайны твои, отдает эти останки любви».

ГЕЛНОДОРЕ

1

В мяч он умеет играть, мой Эрот. Посмотри, он бросает
Сердцем, что бьется во мне, Гелнодора, в тебя.
Страстью взаимной ответь. Если прочь меня кинешь,
обида
Не потерплю я такой против законов игры.

2

Сжался, Эрот, дай покой наконец мне от страсти
бессонной
К Гелнодоре, уважь просьбу хоть музы моей!
Право, как будто твой лук не умеет и ранить другого,
Что на меня одного сыплются стрелы твои.
Если убьешь ты меня, я оставлю кричащую надпись:
«Кровью убитого здесь, стражник, занятна Эрот».

3

Пчелка, живущая соком цветов, отчего так, покинув
Чашечки луга, к лицу Гелнодоры ты льнешь?
Хочешь ли тем показать, что и сладких и горьких до боли
Много Эротовых стрел в сердце скрывает она?
Если пришла ты мне это сказать, то лети же обратно,
Милая! Новость твою сами мы знаем давно.

Мать небожителей, Ночь! Об одном я тебя умоляю,
 Лишь об одном я прошу, спутница наших пиров:
 Если другой кто-нибудь обладает чарующим телом
 Гелиодоры моей, с ней ее ложе деля,
 О, да погаснет их лампа, и пусть, как Эндимион, вяло
 И неподвижно лежит он у нее на груди!

Кубок налей и опять и опять назови дорогую
 Гелиодору, с вином сладкое имя смешай!
 Кудри вчерашним венком уברי мне — он память
о милой,
 Влагодой душистых мастей он до сих пор напоен.
 Видишь, как роза, подруга влюбленных, слезинки роняет,
 Видя ее не со мной и не в объятьях моих.

Слезы сквозь землю в Анд я роняю, о Гелиодора!
 Слезы, останки любви, в дар приношу я тебе.
 Горькой тоской рождены, на твою они льются могилу
 В память желаний былых, нежности нашей былой.
 Тяжко скорбит Мелсагр о тебе, и по смерти любимой
 Стопы напрасные шлет он к Ахеронту, скорбя...
 Где ты, цветок мой желанный? Увы мне, похищен
Андом!
 С прахом могилы сырой смешан твой пышный
расцвет...
 О, не отвергни, земля, всенародная мать, моей просьбы:
 Тихо в объятья свои Гелиодору прими!

ЭПИТАФИЯ ЭСИГЕНУ

Радуйся, мать-земля! И не будь тяжела Эсигену.
 Ведь и тебя Эсиген мало собой тяготил.

Ночь, священная ночь, и ты, лампада, не вас ли
 Часто в свидетели клятв мы призывали своих!
 Вам принесли мы обет: он — друга любить, а я —
с другом
 Жить неразлучно, — никто нас не услышал иной.
 Где ж вероломного клятва, о ночь!.. Их волны умчали,
 Ты, лампада, его в чуждых объятиях зришь!

ВЕСНА

Бури и вьюги печальной зимы улетели с эфира,
 Вновь улыбулась весне цветоносной румяная Ора,
 Мрачное поле украсилось бледно-зеленой травой,
 Вновь дерева, распускаясь, младыми оделись листьями.
 Утро, питатель цветов, мураву напоет росой;
 Луг засмеялся угрюмый, и роза на нем заалела.
 Звонкой свирели в горах раздались веселые звуки;
 Белое стадо козлят пастуха забавляет играньем.
 Вдаль по широким валам мореходец отважный понесся;
 Веяньем легким зефира наполнился трепетный парус.
 Все торжествует на празднике грозделиюбивого Вакха,
 Веткой плюща и лозой виноградною власы увивая.
 Делом своим занялись из тельца происшедшие пчелы:
 С дивным искусством и пламенным рвением в улье
слепяют
 Белые, медом златым и душистым текущие соты.
 Яркие клики и песни пернатых несутся отвсюду:
 С воли алькионы стенашь, чирликанье ласточки с кровли,
 Крик лебединый с реки, соловьиные свисты из рощи.
 Если ж и листья приятно шумят, и поля расцветают,
 Голос свирели в горах раздается и рэвится стадо,
 Вдаль мореходец плывет, Дионис заплясал от восторга,
 Весело птицы поют и трудом наслаждаются пчелы, —
 Можно ль весною певцу удержаться от радостных песней?

1

Тир, окруженный водою, кормильцем мне был, а Гадара,
 Аттика Сирии — край, где появился на свет
 Я, Мелеагр, порожденный Эвкратом; хариты Мениппа
 Были на поприще муз первые спутницы мне.
 Если сириец я, что же? Одна ведь у всех нас отчизна —
 Мир, и Хаосом одним, смертные, мы рождены.
 А написал это я на дощечке, уж будучи старым,
 Близким к могиле своей,— старость Аиду сосед.
 Если ж меня, старика болтуна, ты приветствуешь, боги
 Да ниспошлют и тебе старость болтливую, друг!

2

Путник, спокойно иди. Среди душ благочестных умерших
 Сном, неизбежным для всех, старый здесь спит
 Мелеагр.
 Он, сын Эвкратов, который со сладостнослезным Эротом
 Муз и веселых харит соединял с юных лет,
 Вскормлен божественным Тиром и почвой священной
 Гадары,
 Край же, меропам родной, Кос его старость призрел.
 Если сириец ты, молви: «салам»; коль рожден
 финикийцем,
 Произнеси: «аудонис»; «хайре» скажи, если грек.

* * *

Надо бежать от Эрота! Пустое! За мною на крыльях
Он по пятам, и пешком мне от него не уйти.

О ЖИЗНИ

Право, достойны фракийцы похвал, что скорбят
о младенцах,
Пронсходящих на свет из материнских утроб,
И почитают, напротив, счастливым того, кто уходит,
Взятый внезапно рукой Смерти, прислужницы кер.
Те, кто живет, те всегда подвергаются бедствиям разным;
Тот же, кто умер, нашел верное средство от бед.

НА КУБОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТАНТАЛА

Вместе с богами когда-то сидел на пирах он и часто
Чрево свое наполнял нектара сладкой струей.
Ныне он жаждет земного питья, но завистница влага
Прочь убегает сама от пересохшего рта.
«Пей,— говорит изваянье,— держи сокровенное в тайне;
Вот наказание для тех, чей невоздержан язык».

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ РИМСКОЙ
И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХ
(I—VI ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ)

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Пимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой.

О ДЕВЯТИ ПОЭТЕССАХ

Их, этих женщин, владевших божественной речью,
вскормили
Гимнами муз Геликон и Пнирийский утес:
Славных Миро и Праксиллу с Анитою, женским Гомером,
Гордостью Лесбоса дев пышноволоосых — Сапфо,
И Телесиллу с Эринной, а также Коринну, чья лира
Песней прославила щит грозной Афины, уста
Женственно-нежной Носсиды и певшую сладко Миртиду —
Всех их, оставивших нам вечные строфы свои.
Девять божественных муз происходят от неба, и девять
Этих певиц родила, смертным на радость, земля.

САПФО

Имя Сапфо я поспла, и песнями так же всех женщин
Я превзошла, как мужчин всех превзошел Меонид.

АРИСТОФАНУ

Аристофановы книги — божественный труд, на который
Плющ ахарнейский не раз листья свои осыпал.
Сколько в страницах его Диониса! Какие рассказы,
Полные страшных харит, слышатся с этих страниц!
О, благороднейший ум и правдивый по эллинским правам
Комик, которого гнев так же заслужен, как смех!

ПАНТОМИМУ ПИЛАДУ

В Вакха Пилад самого воплотился в то время, когда он
С хором вакханок пришел к римской фирмеле из Фив.
Радостным страхом сердца он наполнил и пляской своею
В городе целом разлил бога хмельного восторг.
В Фивах из пламени бог тот родился, а он с его даром
Все выражающих рук был небесами рожден.

ГЕРМЕС И ГЕРАКЛ

Дело с Гермесом иметь вам легко, настухи: возлиянью
Он и молочному рад, медом доволен лесным.
Много труднее с Гераклом: он требует либо барана,
Либо ягнят покрупней, жертву взимая за все.
— Он охраняет зато от волков. — А какая вам прибыль
В том, что ягнят истреблять будет не волк, а Геракл?

* * *

Все хорошо у Гомера, но лучше всего о Киприде
Молвил поэт, золотой эту богиню назвав,
Если с деньгами придешь, будешь мил, и тебя
ни привратник

Не остановит, ни пес сторожевой у дверей.
Если ж без денег ты, встретит сам Цербер. О жадное
племя,
Сколько напрасных обид бедность выносит от вас!

* * *

Может за драхму Европу, гетеру из Аттики, всякий
Без пререканий иметь и никого не боясь.
Безукоризненно ложе, зимою есть уголья... Право,
Незачем было тебе, Зевс, обращаться в быка.

* * *

Утро настало, Хрисидда. Дешницы завистливой вестник,
Вот уже ранний петух провозглашает восход.
Сгинь, ненавистная птица! Зачем своим криком из дома
К шумной ватаге юнцов ты прогоняешь меня?
Знать, постарел ты уж очень, Тифон, если начал так рано
С ложа теперь отпускать Зорю, супругу свою.

КИПРИДЕ ОТ КИФЕРЫ

От вифинянки Киферы тебе по обету, Киприда,
Образ твоей красоты мраморный в дар принесен;
Ты же за малое щедро воздай, как богиня, Кифере:
Будет довольно с нее счастья с мужем своим.

ОСТРОВ ДЕЛОС

Лучше б доньше носиться по воле ветров переменных
Мне, чем кормилицей стать для бесприютной Лето.
Я бы не сетовал так на заброшенность. Горе мне, горе!
Сколько проходит судов эллинских мимо меня,
Делоса, славного встарь, а теперь опустелого! Поздно,
Но тяжело за Лето Гера мне, бедному, мстит.

АВГУСТУ, ИДУЩЕМУ В ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД

Шествуй войной на Евфрат, сын Зевса! Уже на Востоке
Сами парфяне теперь передаются тебе.

Шествуй, державный,— и луки, увидишь, расслабятся
страхом.

Кесарь, с Востока свой путь, с края отцов, начинай
И отовсюду водой окруженному Риму впервые
Новый предел положи там, где восходит Заря.

НА «ИЛИАДУ» ГОМЕРА

Все еще слышим мы плач Андрوماхи, падение Трои,
До оснований своих в прах повергасмой, зрим;
Видим Аянта в бою и влекомый копытами чрез поле
Под городскою стеной Гектора связанный труп —
Видим все это, внимая Гомеру, чьи песни не только
Родина славит, но чтут страны обеих земель.

НА ГРОБ ФЕМИСТОКЛА В МАГНЕСИИ

В камне над гробом моим изваяй мне и горе и море,
Феба-свидетеля мне тут же в середине поставь,
Вырежь глубокне реки, в которых для воинства Ксеркса
С флотом огромным его все ж не хватило воды,
И начертай Саламин — чтобы с честью на гроб Фемистокла
Путнику здесь указать мог магнесийский народ.

АРГОС

Аргос! Гомерова сказка, священная почва Эллады!
Весь раззолоченный встарь замок Персея! Давно
Слава угасла героев, которые Трои твердыню,
Дело божественных рук, некогда рушили в прах,
Но оказался сильнее этот город, а ваши руины
Пастбищем служат теперь громко мычащим стадам.

РИМ

Бог, затвори на Олимпе стоящие праздно ворота,
Бдительно, Зевс, охраняй замок эфирных богов!
Рима копьё подчинило себе уже землю и море,
Только на небо еще не проложило пути.

МИКЕНЫ

Мало родных ваших гнезд остается нам видеть, герои,
Да и они уж теперь чуть не сровнялись с землей.
В виде таком я нашел, проезжая, и вас, о Микены!
Стали пустынное вы всякого пастбища коз.
Вас пастухи только знают. «Здесь некогда златом обильный
Город киклопов стоял», — молвил мне старец один.

ОСТРОВ ДЕЛОС

Остров — кормилец рожденных Латоной богов, недвижно
Ставший в эгейских водах волею Зевса, — тебя
Не назову я несчастным, клянусь божествами твоими!
Не повторю я того, что говорит Антипатр.
Счастлив ты: Фебу приютом ты был, и зовет Артемида
Только тебя одного, после Олимпа, родным.

РОДОКЛЕЕ

1

В дар посылаю тебе, Родоклея, венок: из прекрасных
 Вешних цветов для тебя, милая, сам его сплел.
 Есть тут лилеи и розы душистые, есть анемоны,
 Нежный, пушистый нарцисс, бледны фиалки цветы.
 Ими чело увенчав, перестань, о краса, быть надменной.
 Как сей венок, ты цветешь,— так же увянешь, как он.

2

Боги! Не знал я, не знал, что кунается здесь Киферея,
 Кипув на плечи рукою волны развитых кудрей.
 Будь милосердна ко мне, о богиня! Прости, не преследуй
 Гневом за то, что узрел образ божественный твой...
 Но — это ты, Родоклея,— не Пафия! Где же такую
 Взять ты могла красоту? Не у богини ль отняв?

МЕЛИТЕ

1

Очи, Мелита, твои — очи Геры, а руки — Паллады,
 Пафии — белая грудь, ноги — Фетиды младой!
 Счастлив, кто видит тебя; трикраты блажен, кто услышит;
 Кто целовал — полубог; равен Зевесу супруг.

Где я Праксителя нынче найду? Где рука Поликлета,
 Прежде умевшая жизнь меди и камню придать?
 Кто пзывает теперь мне душистые кудри Мелиты,
 Взор ее, полный огня, блеск ее груди нагой?
 Где вы, ваятели? Где камнерезы? Ведь надо же строить
 Храм для такой красоты, как для подобья богов.

НЕИЗВЕСТНОЙ

Ты обладаешь устами Пифо, красотой Киприды,
 Блещешь, как Горы весны, как Каллиопа поешь;
 Разум и прав у тебя от Фемиды, а руки — Афины;
 Четверо стало харит, милая, нынче с тобой.

ТЩЕТНАЯ МОЛЬБА

Пользуясь тем, что Продику застал я одну, ей колени
 Нежные начал с мольбой я обнимать и сказал:
 «Сжался, спаси человека, почти уж погибшего! Жизни
 Слабой остаток ему дай сохранить до конца!»
 Выслушав это, она прослезилась, но вскоре отерла
 Слезы и нежной рукой прочь оттолкнула меня.

НАКАЗАННОЙ

Кто тебя высек нещадно и голою выгнал из дому?
 Зрения был он лишен? Сердце из камня имел?
 Может, вернувшись не в час, у тебя он любовника
встретил?
 Случай не новый, дитя,— все поступают, как ты.
 Только вперед, если будешь ты с милым в отсутствие
мужа,
 Дверь запирай на засов, чтоб не понасться опять.

ЭРОТУ

1

Если в обоих, Эрот, одинаково стрелы пускаешь,
Бог ты; когда ж в одного имп ты сыплешь — не бог.

2

Против Эрота мне служит оружием верным рассудок,
Выйдя один на один, не победит он меня;
Смертный, с бессмертным готов я бороться. Но если Эроту
Вакх помогает, один что я могу против двух?

* * *

Бедность и страсть — мои беды. С нуждою легко
я справляюсь,
Но Афродиты огня перенести не могу.

* * *

Все я люблю у тебя, но глаза твои ненавижу,
Ибо невольно они дарят блаженство другим.

* * *

К милым отчизны брегам приближаяся, «завтра,— сказал
я,—
Долгий и бурный мой путь кончится: пристань
близка».
Но не сомкнулись уста еще — море, как ад, потемнело,
И сокрушило меня слово пустое сне.
«Завтра» с надеждою смелой вещать не дерзай: Немезида
Всюду настигнет тебя, дерзкий карая язык.

* * *

Нивы ужель не осталось другой для сохи селянина?
Что же стелящий твой вол пашет на самых гробах,
Ралом железным тревожа усопших? Ты мнишь,
дерзновенный,
Тучные кинув поля, жатву от праха вкусить!
Смертен и ты. И твои не останутся кости в покое;
Сам святотатство начав, им же ты будешь казним.

ИССЯКШИЙ КЛЮЧ

Прохожий

Нимфы источника, где вы? Ужели обильные воды,
Вечно журчавшие здесь, Гелия зной иссушил?

Н П М Ф Ы

Смерть Агриколы пресекла паш ток; слезами печали
В гроб излилися струй — жаждущий прах напоить.

ЛЕОНИД СПАРТАНСКИЙ И ПЕРСЫ

- Это пурпурное платье тебе, Леонид, посылает
Ксеркс, оценивший в бою доблести подвиг твоей.
— Не принимаю. Пускай награждает изменника; мне же
Щит мой покров. Не нужны мне дорогие дары.
— Ты же ведь умер. Ужели и мертвый ты так ненавидишь
Персов? — К свободе любовь не умирает во мне.

ДИКЕАРХИЯ

- Что здесь за насыпь, скажи, Дикеархия, брошена в море
И в середину воды врезалась массой своей?
Точно руками циклопов построены мощные стены.
Долго ль насиллие мне, морю, терпеть от земли?
— Целого мира я флот принимаю. Взгляни лишь
на близкий
Рим и скажи, велика ль гавань моя для него.

О МОРЕХОДСТВЕ

- Смелость, ты — мать кораблей, потому что ведь
ты мореходство
Изобрела и зажгла жажду наживы в сердцах.
Что за коварную вещь ты из дерева сделала! Сколько
Предано смерти людей ради корысти тобой!
Да, золотой ты для смертных поистине век был, когда
лишь
Издалека, как Аид, видели море они!

СМЕРТЬ СТАРОГО МОРЯКА

Путеводитель плывущих по междуостровным проливам
И старожил берегов острова Фасоса, Главк,
Опытный пахарь морей, чья рука безошибочно твердо
Править умела рулем, даже когда он дремал,—
Обремененный годами, истрепанный жизнью морской,
И умирая, своей он не покинул ладьи.
Так вместе с нею, его скорлупой, и сожгли его тело,
Чтобы на лодке своей старый отплыл и в Анд.

НА «МЕДЕЮ» ТИМОМАХА

Изображая Меду, преступницу, в сердце которой
С ревностью к мужу любовь к детям боролась,
большой
Труд приложил Тимомах, чтобы выразить оба противных
Чувства, рождавших то гнев, то сострадание в ней.
То и другое ему удалось. Посмотри на картину:
Видишь, как в гневе слеза, в жалости злоба
сквозит!
«Этой борьбы мне довольно,— решил он,— то дело Меду,
Не Тимомаховых рук, детскую кровь проливать».

ДИОГЕНУ

Старится временем даже и медь. Но и целая вечность
Не уничтожит отнюдь славы твоей, Диоген,
Ибо один ты о жизни правдивое высказал мненье,
Смертным легчайший из всех жизненный путь
указан.

О САТИРОВСКОЙ ДРАМЕ

Вакх изобрел этот род поучения музы игривой,
Сам по себе, Сикнон, шествуя в сонме харит.
И в порицаньях своих он приятен, и жалит он смехом,
И, опьяненный вином, разуму учит граждán.

* * *

На Геликон восходя, я немало трудился. За это
Был Гиппокрены ключом сладостным я напоен.
Так и труды, и стремление к знаниям способны доставить
Муз благосклонность к тебе, если ты цели достиг.

* * *

Жизнь береги, человек, и не вовремя в путь не пускайся
Ты через волны морей; жизнь ведь и так недолга.
Ты, злополучный Клебник, на Тасос богатый стремился
Раньше с товаром прибыть; вез Келесирин груз,
Вез ты, Клеоник, товар; и когда заходили Плеяды,
Вслед за Плеядами ты канул в морскую волну.

* * *

По вечерам, за вином, мы бываем людьми; но как только
Утро настанет, опять звери друг другу мы все.

* * *

Я победал вчера козлиной погою и спаржей,
Желтой и вялой: давно срезали, видно, ее.
Но побоюсь я назвать пригласившего, это опасно:
Страшно мне, как бы опять он не позвал на обед.

НА ФИДИЕВА «ЗЕВСА»

Бог ли на землю сошел и явил тебе, Фидий, свой образ,
Или на небо ты сам, бога чтоб видеть, взошел?

* * *

Старая гримза Нико увенчала могилу Мелиты,
Девушки юной. Анд, где ж справедливость твоя?

* * *

Труп Леоида кровавый увидевши, Ксеркс-победитель,
Дивную доблесть почтив, сам багряницей одел.
Мертвый тогда возгласил спартанский герой незабвенный:
«Нет, не приму никогда должной предателю мзды!
Щит — украшение могиле моей: прочь персидское платье!
Я спартанцем хочу в царство Анда прийти».

* * *

Прежде погаснет сияние вечных светил небосклона,
Гелия луч озарит Ночи суровой лицо;
Прежде волны морские дадут нам отраду от жажды
Или усопшим Анд к жизни отворит пути,—
Прежде чем имя твое, Меонид, Ионии слава,
Древние песни твои в лоно забвенья падут.

* * *

Критским стрелком уязвленный, орел не остался
 без мести:
 Жизни лишаясь, ему жалом за жало воздал.
 С горнего неба ниспал он стремглав и, настигну убийцу,
 Сердце той сталью пронзил, коей был сам поражен.
 Будете ль, критяне, вы бросанием стрел неизбежных
 Ныне гордиться? Хвала Зевсовой меткой руке!

НА ОРЛА, ПОЯВИВШЕГОСЯ НА ОСТРОВЕ
 РОДОСЕ ПРИ ТИБЕРИИ

Зевсова птица, орел, до сих пор не знакомый родосцам
 И о котором они знали по слухам одним,
 Я прилетел к ним на крыльях могучих из дали воздушной,
 Только когда посетил солнечный остров Нерон.
 Ставши ручным для владыки, в хоромех его обитал я,
 И неотлучно при нем, будущем Зевсе, я был.

* * *

Золотом течь не хочу. Другой пусть в быка превратится
 Или же, лебедем став, сладостно песнь запоет.
 Пусть забавляется Зевс всем этим, а я вот Коринне,
 И не подумав летать, дам два обола — и все.

* * *

Кифотарида-болтуня под бременем лет поседела,—
 Нестора после нее старцем нельзя называть.
 Смотрит на свет больше века оленьего и начала уж
 Левою рукою своей новый отсчитывать век.
 Здравствует, видит прекрасно и в резвости спорит
 с девчонкой.
 В недоумении я: как это терпит Аид?

НА АСТРОЛОГА

Круг генитур своей исследовал Авел-астролог:
 Долго ли жить суждено? Видит — четыре часа.
 С трепетом ждет он кончины. Но время проходит, а смерти
 Что-то не видно; глядит — пятый уж близится час.
 Жаль ему стало срамить Петоспренса: смертью забытый,
 Авел повесился сам в славу науки своей.

НА ВРАЧЕЙ

1

Раз астролог Днофант напороочил врачу Гермогену,
 Что остается ему девять лишь месяцев жить.
 Врач, засмеявшись, сказал: «Девять месяцев? Экое время!
 Вот у меня так с тобой будет короче расчет».
 Так говоря, он коснулся рукой Днофанта, и сразу
 Вестник несчастья сам в корчах предсмертных упал.

2

Если желаешь ты зла, Днонисий, кому, ни Исиду
 Не призывай на него, ни Гарпократа не кличь.
 Вместо спящих богов только Симона кликни, и скоро
 Сам убедишься ты, кто, бог или Симон, сильней.

НА КИНИКОВ

Всякий безграмотный нищий теперь уж не станет, как
прежде,

Грузы носить на спине или молоть за гроши,
Но отрастит бороденку и, палку подняв на дороге,
Первым объявит себя по добродетели псом.
Так решено Гермодотом премудрым: «Пускай неимущий,
Скинув хитониншко свой, больше не терпит нужды!»

НА СКУПЫХ

1

Скряге Гермону приснилось, что он израсходовал много.
Из сожаленья о том утром повесился он.

2

Асклепиад, увидав в своем доме однажды мышонок,
Крикнул в тревоге ему: «Что тебе нужно, малыш?»
И, усмехнувшись, ответил мышонок: «Не бойся,
любезный,—
Корма не жду от тебя, нужно мне только жиплье».

НА ЖЕНЩИН

1

Лгут на тебя, будто ты волоса себе красишь, Никилла,
Черными, как они есть, куплены в лавке они.

2

Мед покупаешь ты с воском, румяна, и косы, и зубы.
Стало б дешевле тебе сразу купить все лицо.

НА РАЗМАХИВАЮЩЕГО РУКАМИ

Если бы поги Диона с его были схожи руками,
То не Гермес, а Дион звался б крылатым тогда.

ПРОДАВЩИЦЕ РОЗ

Девушка с розами, роза сама ты. Скажи, чем торгуешь:
Розами или собой? Или и тем и другим?

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Ветром хотел бы я быть, чтоб, гуляя по берегу моря,
Ты на открытую грудь ласку мою приняла.
Розой хотел бы я быть, чтоб, сорвавши своєю рукою,
Место на белой груди ты ей, пурпурной, дала.

ПЬЯНИЦЕ, УПАВШЕМУ ПОД ДОЖДЕМ

Не мудрено и упасть, если смочен и Вакхом и Зевсом.
Как устоять против двух, смертному — против богов?

* * *

Делая зло, от людей еще можешь укрыться; но боги
Видят не только дела, — самые мысли твои.

* * *

Тратить разумно не бойся добро свое — помни о смерти.
В тратах же будь бережлив — помни, что надобно
жизнь.
Мудрым зову я того, кто, постигнув и то и другое,
Тратить умел и беречь, должную меру блюда.

* * *

Нет, не Эрот обижает людей, но рабы своей страсти
Вечно стремятся ему вины свои приписать.

* * *

Смертных владение смертно, и вещи во времени гибнут;
Все же и вещи порой могут людей пережить.

* * *

Будешь любезен ты смертным, покуда удача с тобою,
Боги охотно внимать станут молитвам твоим.
Если же доля твоя переменится к худшему — всякий
Недругом станет тебе с первым ударом судьбы.

* * *

Горше на свете никто досадить человеку не может,
Нежели тот, кто друзей искренних вводит в обман.
Ибо льстеца не врагом ты считаешь, но другом и, душу
Всю открывая ему, терпишь сугубый ущерб.

* * *

Все, что обдуманно зрело, стоит нерушимо и крепко.
То, что решил второпях, будешь менять, и не раз.

* * *

Моешь индуса зачем? Это дело пустое: не сможешь
Ты непроглядную ночь в солнечный день обратить.

* * *

Целая жизнь коротка для счастливых людей, а несчастным
Даже и ночь-то одна неизмеримо долга.

* * *

Следует класть на язык свой печать, чтобы слова
Лишнего, — пуще богатств надо слова охранять.
не молвить

О БОГАТСТВЕ

1

Только богатство души настоящее наше богатство,
Все же другое скорбей больше приносит, чем благ.
Тот лишь действительно может по праву назваться богатым,
Кто из добра своего пользу способен извлечь;
Кто не корпит над счетами, всегда об одном помышляя —
Как бы побольше скопить; сходный с прилежной
пчелой,
Многоячейные соты, трудясь, он медом наполнит —
Медом, который потом будут другие собирать.

2

Артемидор, обладая десятками тысяч, не тратит
Сам ничего и влачит жизнь свою так же, как мул,
Что на спине своей посит передко тяжелую гряду
Золота, сам между тем кормится сеном одним.

О ГРАММАТИКЕ

Будь благосклонна ко мне, о грамматика! Славное средство
Ты для голодных нашла: «Гнев, о богиня, воспой»!
Храм бы роскошный за это тебе надлежало поставить,
Жертвенник, где б никогда не потухал фимнам.
Ведь и тобою полны все пути и на суше и в море,
Каждая гавань полна, — так завладела ты всем!

НА ВРАЧА

В школу мою обучаться грамматике лекарь однажды
Сына прислал своего. Мальчик прошел у меня
«Гнев, о богиня, воспой» и «Тысячи бедствий соделал»,
Начал и третий уже было разучивать стих:

«Многие души героев могучих в Аид он низринул»,—

Как перестали его в школу ко мне посылать.
Встретившись после, родитель сказал мне: «Спасибо
за сына;

Только науку твою может он дома пройти:
Мною ведь тоже в Аид низвергаются многие души,
И не пужна для того ваша грамматика мне».

* * *

Трезвым в компании пьяных старался остаться Акиндию.
И оттого среди них пьяным казался один.

МОРСКИМ БОГАМ

Главку, Нерею, Ино и рожденному ей Меликерту,
Самофракийским богам, как и Крониду пучин,
Спасись от волн, я, Лукиллией, свои волосы посвящаю,—
Кроме волос, у меня больше ведь нет ничего,

* * *

Волосы — ум у тебя, когда ты молчишь; заболтаешь —
Как у мальчишки, в тебе нет ни на волос ума.

НА СВОЮ КНИГУ

Все это я, Лукнап, написал, зная глупости древних.
Глупостью людям порой кажется мудрость сама:
Нет у людей ни одной безусловно законченной мысли;
Что восхищает тебя, то пустяки для других.

О ЖИЗНИ

В жизни любая годится дорога. В общественном месте —
 Слава и мудрость в делах, дома — покой от трудов;
 В селах — природы благие дары, в мореплаванье —
 прибыль,
 В крае чужом нам почет, если имеем мы что,
 Если же нет ничего, мы одни это знаем; женитьба
 Красит очаг, холостым — более легкая жизнь.
 Дети — отрада, бездетная жизнь без забот. Молодежи
 Сила дана, старики благочестивы душой.
 Вовсе не нужно одно нам из двух выбирать — не родиться
 Или скорей умереть; всякая доля блага.

НА ПИВО

Что ты за Вакх и откуда? Клянусь настоящим я Вакхом,
Ты мне неведом; один сын мне Кропида знаком.
Нектаром пахнет он, ты же — козлом. Из колосьев,
наверно,
За неимением лоз делали кельты тебя.
Не Дионисом тебя величать, а Де метрием надо,
Хлеборожденный! Тебе имя не Бромий, а Бром.

* * *

Наг я на землю пришел, и нагим же сойду я под землю.
Стоит ли стольких трудов этот копец мой нагой?

* * *

Всякая женщина — зло. Но дважды бывает хорошей:
Или на ложе любви, или на смертном одре.

ИПАТИИ

Когда ты предо мной и слышу речь твою,
Благоговейно взор в обитель чистых звезд
Я возношу, — так все в тебе, Ипатия,
Небесно — и дела, и красота речей,
И чистый, как звезда, науки мудрой свет.

НА СТАТУЮ ГЕРАКЛА, ОПРОКИНУТУЮ
ХРИСТИАНАМИ

Медного Зевсова сына, которому прежде молились,
Видел поверженным я на перекрестке путей
И в изумленьи сказал: «О трехлунный, защитник
от бедствий,
Непобедимый досель, в прахе лежишь ты теперь!»
Ночью явился мне бог и в ответ произнес, улыбаясь:
«Времени силу и мне, богу, пришлось испытать».

НА СТАТУИ БОГОВ, ПЕРЕНЕСЕННЫЕ ДЛЯ
ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА В ДОМ НЕКОЕЙ
МАРИНЫ

Став христианами, боги, владельцы чертогов Олимпа,
Здесь обитают теперь невредимыми, ибо отныне
Не предадут их сожжению плавильня и мех поддувальный.

ГРЕКАМ

1

Мне кажется, давно мы, греки, умерли,
Давно живем, как призраки несчастные,
И сон свой принимаем за действительность.
А может быть, мы живы, только жизнь мертва?

2

О, худшее из зол — зло зависти, вражда
К любимцам божества, счастливым меж людьми!
Безумцы, ею так ослеплены мы все,
Так в рабство глупости спешим отдать себя!
Мы, эллины, лежим, во прах повержены
И возложив свои надежды мертвые
На мертвецов. Так все извращено теперь.

НА ГРАММАТИКУ

1

Книги, орудия муз, причинившие столько мучений,
Распродаю я, решив переменить ремесло.
Музы, прощайте! Словесность, я должен расстаться
с тобою,—
Иначе синтаксис твой скоро уморит меня.

Целый пентастих проклятый грамматике служит началом:
 В первом стихе его гнев; гибельный гнев — во втором,
 Где говорится еще и о тысячах бедствий ахейцев;
 Многие души в Аид сводятся — в третьем стихе;
 Пищей становятся псов плотоядных герои — в четвертом;
 В пятом стихе — наконец — птицы и гневный Кронос.
 Как же грамматику тут, после всех этих страшных проклятий,
 После пяти надежей, бедствий больших не помнить?

С гибельным гневом связался, несчастный, я брачным союзом;
 С гнева начало ведет также наука моя.
 Горе мне, горе! Терплю от двойной неизбежности гнева —
 И от грамматики я, и от сварливой жены.

* * *

Зевс отплатил нам огнем за огонь, дав нам в спутники женщин.
 Лучше бы не было их вовсе — ни жен, ни огня!
 Пламя хоть гасится скоро, а женщина — неугасимый,
 Жгучий, дающий всегда новые вспышки огонь.

* * *

Чужд я надежде, не грежу о счастье; последний остаток
 Самообмана исчез. В пристань вошел я давно.
 Беден мой дом, но свобода под кровом моим обитает,
 И от богатства обид бедность не терпит моя.

* * *

Солнце — наш бог лучезарный. Но если б лучами своими
 Нас оскорбляло оно, я бы не принял лучей.

* * *

Мне кажется порой и бог философом,
Который не сейчас казнит хулителей,
А медлит, но больней зато впоследствии
Наказывает их, несчастных, за грехи.

* * *

Спал, говорят, под стеной обветшалой однажды убийца;
Но, появившись во сне, ночью Серапис ему
В предупреждение сказал: «Где лежишь ты, несчастный?
Немедля
Встань и другое себе место найди для спанья».
Спавший проснулся, скорей отбежал от стены, и тотчас же,
Ветхая, наземь она с треском упала за ним.
Радостно утром принес в благодарность он жертву
бессмертным,
Думая: видно, и нас, грешников, милует бог.
Ночью, однако, опять ему снился Серапис и молвил:
«Воображаешь, глупец, будто пекусь я о злых?
Не дал тебе я вчера умереть безболезненной смертью,
Но через это, злодей, ты не минуешь креста».

НА СКУПОГО

В сутки обедают раз. Но когда Саламин угощает,
Мы, возвратившись домой, снова садимся за стол.

НА ХИРУРГА

Лучше на суд гегемону, казнящему смертью злодеев,
Отданным быть, чем тебе в руки, Геннадий, попасть:
Тот, по закону карая, разбойникам головы рубит,
Ты же, невинных губя, с них еще плату берешь.

НА АКТЕРОВ

1

Мемфис курносый играл в пантомиме Ниобу и Дафну,
Деревом Дафна его, камнем Ниоба была.

2

Комику Павлу приснился Менандр и сказал: «Никакого
Зла я не сделал тебе. Что ж ты бесславишь меня?»

НА МОНАХОВ

Если зовутся они «одинокими», что ж их так много?
Где одиночество тут, в этой огромной толпе?

* * *

Эта любовь твоя — ложь, да и любяшь-то ты поневоле.
Большей неверности нет, нежели так полюбить.

* * *

Нику печальную некто вчера в нашем городе видя,
Молвил: «Богиня, скажи, что приключилось
с тобой?»

Сетуя громко, она, и судей кляня, отвечала:
«Нынче Патрикийю я — ты лишь не знал — отдана». —
Ника и та загрустила: се против правил Патрикий
Взял на лету, как моряк ветер попутный берет.

О ПЛАНЕТАХ

Семь блуждающих звезд чрез порог переходят Олимпа,
 Каждая круг совершая в свое неизменное время:
 Почти светильник — Луна, легкокрылый Меркурий, Венера,
 Марс дерзновенный, угрюмый Сатурн, и веселое Солнце,
 И прародитель Юпитер, природе всей давний начало.
 Между собой они делят и род наш: есть также и в людях
 Солнце, Меркурий, Луна, Марс, Венера, Сатурн и Юпитер;
 Ибо в удел получаем и мы со струями эфира
 Слезы и смех, гнев, желанье, дар слова, и сон, и рожденье.
 Слезы дает нам Сатурн, речь — Меркурий, рожденье —
 Юпитер;
 Гнев наш от Марса, от Месяца — сон, от Венеры — желанье;
 Смех же исходит от Солнца; оно заставляет смеяться
 Как человеческий ум, так равно и весь мир беспредельный.

ПОГИБШЕМУ В МОРЕ

Ты зимородков, Ленею, потревожил на море, но молча
 Мать над холодной твоей, влажной могилой скорбит.

ГОРЯЧИЙ КЛЮЧ

Здесь, под яворов тенью, Эрот почивал утомленный,
 В сладком сне к ключевым нимфам свой факел
 склонив,
 Нимфы шепнули друг дружке: «Что медлим? Погасим
 светильник!
 С ним погаснет огонь, сердце палящий людей!»
 Но светильник и воды зажег: с той поры и поныне
 Нимфы, любовью горя, воды кипящие льют.

ПРЕДМЕСТЬЕ АМАСИИ

Да, хороша эта роща Эрота, где нежным дыханьем
 Стройных деревьев листву тихо колышет зефир,
 Где, освеженная влагой, цветами вся блещет поляна,
 Радуя глаз красотой свитых с фиалками роз,
 И из тройных, друг над другом лежащих сосков на поляну
 Льет водяную струю нимфы-красавицы грудь.
 Там, под тенистою кущей деревьев течет седовласый
 Ирис, — там гамадриада пышиноволосых приют.
 Здесь же, в саду, зеленеют плоды маслянистой оливы,
 Зреет на солнце везде в гроздьях больших виноград.
 А соловьи распевают вокруг, и в ответ им цикады
 Мерно выводят свою звонко-невучую трель.
 Гостеприимное место открыто для путника — мимо
 Не проходи, а возьми в дар от него что-нибудь.

НА «ТЕЛКУ» МИРОНА

Овод, обманут Мироном и ты, что стараешься жало
В неуязвимую грудь медной коровы вопзить?
Не осуждаю тебя — что для овода в этом дурного,
Если самих пастухов ввел в заблужденье Мирон?

НА ДЕМОКРИТА

Мертвых владыка, Плутон, в свое царство прими
Демокрита.
Чтоб среди мрачных людей был и смеющийся в нем.

НА АНАКРЕОНТА

Часто невал я о том и взывать еще буду из гроба:
Пейте, покуда вас всех прах не оденет земной!

ПОДРАЖАНИЕ АНАКРЕОНТУ

Из роз венки сплетая,
Нашел я в них Эрота.
За крылышки схвативши,

В вино его я бросил
И сам вино то выпил.
С тех пор мое все тело
Он крыльями щекочет.

ЭПИТАФИИ ИПАТИЮ

1

Это Ипатнев холм. Не подумай, однако, что кроет
Он действительно прах мужа такого, как был
Вождь авсопийцев. Земля, устыдившись великого мужа
Насыпью малой покрыть, море его отдала.

2

Гневался сам повелитель на волны мятежного моря,
Что схоронен от него ими Ипатия прах.
Он как последнего дара желал обладания прахом,
Море ж осталось глухим к великодушной мечте;
И, подавая великий пример милосердия людям,
Этой могилею он мертвого память почтил.

ДОМ БЕДНЯКА

Дома другого ищите себе для добычи, злодеи,
Этот же дом стережет страж неусыпный — нужда.

НА МЕДНУЮ СТАТУЮ ИКАРА, СТОЯЩУЮ В БАНЕ

Воском погублен ты был, о Икар; и при помощи воска
Прежний твой облик сумел ныне ваятель создать.
Но не пытайся взлететь, а не то этим баням, как морю,
Падая с высш небес, имя «Икаровых» дашь.

ПОСВЯЩЕНИЕ АФРОДИТЕ

Мы — девять Дафновых книг, от Агафия. Наш сочинитель
Всех, о Киприда, тебе нас посвящает одной;
Ибо не столько о музах печемся мы, как об Эроте,
Будучи все целиком оргий любовных полны.
Сам же он просит тебя за труды, чтоб дано ему было
Иль никого не любить, или доступных легко.

* * *

Смерти ль страшиться, о други? Она спокойствия мать,
В горе — отрада, бедам, тяжким болезням — конец.
Раз к человекам приходит, не боле, и день разрушенья
Нам обречен лишь один, дважды не гибнул никто.
Скорби ж с недугами жизнь на земле отравляют всечасно,
Туча мпшует — за ней новая буря грозит!

* * *

Влажные девичьи губы под вечер меня целовали.
Нектар уста выдыхали, и нектаром были лобзанья;
И опьянили меня, потому что я вышел их много.

Я не любитель вина; если ж ты напоить меня хочешь.
Прежде чем мне поднести, выней из кубка сама.
Только губами коснись, и уж трудно остаться мне трезвым,
Трудно тогда избежать милого кравчего чар.
Мне поцелуй принесет с собой от тебя этот кубок,
Ласки, полученной им, вестником будет он мне.

ВИНОДЕЛЫ

Гроздь, несметные Вакха дары, мы давили ногами,
В Вакховой пляске кружась, руки с руками сплетя.
Сок уже лился широким потоком, и винные кубки
Стали, как в море лады, плавать по сладким струям.
Черная ими, мы пили еще не готовый напиток
И не пужались притом в помощи теплых паяд.
К чану тогда подойдя, наклонилась над крапом Роданфа
И осветила струю блеском своей красоты.
Сердце у всех застучало сильнее. Кого между нами
Не подчинила себе Вакха и Пафнии власть?
Но, между тем как дары одного изливались обильно,
Льстила другая, увы, только надеждой одной.

НОВЫЙ ПОЛЕМОН

Взяв в образец Полемона, остригшего в сцене Менандра
Пряди роскошных волос грешной подруге своей,
Новый, второй Полемон, окорнал беспощадной рукою
Кудри Роданфы, причем не ограничился тем,
Но, перейдя от комических действий к трагическим мукам,
Нежные члены ее плетью еще отхлестал.
Ревность безумная! Разве уж так согрешила девица,
Если страданья мои в ней сожаленья нашли?

Нас между тем разлучил он, жестокий, настолько, что даже
Жгучая ревность его видеть ее не дает.
Стал он и впрямь «Ненавидистным» за то. Я же сделался
«Хмурым»,
Так как не вижу ее, «Стриженой», больше нигде.

ЖАЛОБА ЖЕНЩИН

Юношам легче живется на свете, чем нам, горемычным,
Женщинам, кротким душой. Нет недостатка у них
В сверстниках верных, которым они в откровенной беседе
Могут тревоги свои, боли души поверять,
Или устраивать игры, дающие сердцу утеху,
Или, гуляя, глаза красками тешить картин.
Нам же пельзя и на свет поглядеть, но должны
мы скрываться
Вечно под кровом жилищ, жертвы унылых забот.

НА СТАТУЮ ПЛУТАРХА

Славный твой образ поставлен сынам могучего Рима,
О херонеец Плутарх, в вознагражденье за то,
Что в параллельных своих описаниях жизни ты римлян,
Победоносных в войне, с цветом Эллады сравнил.
Но ты сам бы не мог в параллель своей жизни другую
Чью-либо жизнь описать, так как подобной ей нет.

* * *

Некий рыбак трудился на ловле. Его приметив,
Девушка знатной семьи стала томиться по нем.
Сделала мужем своим, а рыбак после нищенской жизни
От перемены такой стал непомерно спесив.
Но посмеялась над ним Судьба и сказала Киприде:
«Рук это дело моих — ты здесь совсем ни при чем».

* * *

Из года в год виноград собирают и, гроздьи срезая,
 Вовсе не смотрят на то, что изморщилась лоза;
 Я ж твоих розовых рук, краса ты моя и забота,
 Не покидаю вовек, с ними в объятых сплетясь.
 Я пожинаю любовь, ничего ни весной, ни летом
 Больше не надобно мне: ты мне любезна одна.
 Будь же цветущей всегда! А если когда-нибудь станут
 Видны бороздки морщин, что мне до них? Я люблю.

* * *

Льющую слезы Ниобу увидев, пастух удивлялся:
 Как это? Камень, а вот... тоже роняет слезу.
 Только Эгипта, сей камень живой, меня не жалела,
 Хоть я во мраке степал всю эту долгую ночь.
 Тут виновата любовь. От нее и страданья обонм:
 Ты ведь любила детей, я же тебя полюбил.

* * *

Ночью привиделось мне, что со мной, улыбаясь лукаво,
 Милая рядом, и я крепко ее обнимал.
 Все позволяла она и совсем не стеснялась со мною
 В игры Киприды играть в тесных объятых моих.

Но взревновавший Эрот, даже ночью пустившись на козни,
Нашу расстроил любовь, сладкий мой сон разогнав.
Вот как завистлив Эрот! Он даже в моих свиденьях
Мне насладиться не даст счастьем взаимной любви.

* * *

«Верность» — имя тебе. Вот я и поверил, но тщетно
Я понадеялся: ты стала мне горше, чем смерть.
Ты от влюбленных бежишь, а спешив к тому, кто
не любит.
Чтобы, лишь он полюбил, тотчас опять убежать.
Губы твои — приманка коварная: только я клюнул,
Сразу на остром крючке розовых губ я повис.

* * *

Благословенны да будут равно и Забвенье и Память:
Счастью Память мила, горю Забвенье друг.

* * *

Был нездоров я вчера, и предстал предо мною зловерный
Врач-погубитель и мне нектар вина запретил.
Воду он пить приказал. Слова твои на ветер, неуч!
Сам ведь Гомер говорил: «Сила людская в вине».

* * *

Скряга какой-то, заснув, на несметный клад натолкнулся
И в сновиденье своем до смерти был ему рад.
Но, лишь проснулся и вновь, после всей этой прибыли сонной,
Бедность увидел свою, с горя опять он уснул.

НА ДОМ В КИБИРЕ

Каждому гостю я рад, земляку и чужому. Не дело
Гостеприимству пытаться: кто ты, откуда и чей?

* * *

Золотом я привлекаю Эрота: совсем не от плуга
Или мотыги кривой пчелок зависят труды,
Но от росистой весны; а для меда Пеннорожденной
Ловким добытчиком нам золото служит всегда.

* * *

Меч мне зачем обнажать? Глянись тебе, милая, право,
Не для того, чтобы с ним против Киприды пойти,
Но чтоб тебе показать, что Арея, как ни свиреп он,
Можно заставить легко нежной Киприде служить.
Он мне, влюбленному, спутник, не надобно мне никакой
Зеркала: в нем я всегда вижу себя самого.
Как он прекрасен в любви! Но если меня ты покинешь,
В лоно глубоко мое эгот опустится меч.

ЗОЛОТО И ЖЕНЩИНЫ

В золото Зевс обратился, когда захотел он с Даная
 Девичий пояс совлечь, в медный проникнув чертог.
 Миф этот нам говорит, что и медные стены, и цепи —
 Все подчиняет себе золота мощная власть.
 Золото все расслабляет ремни, всякий ключ бесполезным
 Делает; золото гнет женщин с надменным челом
 Так же, как душу Даная согнуло. Кто деньги приносит,
 Вовсе тому не нужна помощь Киприды в любви.

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Будем, Родона, мы красть поцелуй и милою сердцу,
 Но возбраненную нам службу Киприде скрывать.
 Сладко, таясь, избегать сторожей неусыпного взгляда;
 Ласки запретной любви слаще дозволенных ласк.

* * *

Слово «прости» тебе молвить хотел я. Но с уст не слетевший
 Звук задержал я в груди и остаюсь у тебя
 Слова, по-прежнему твои, — потому что разлука с тобою
 Мне тяжела и страшна, как ахеронская почва.
 С светом дневным я сравнил бы тебя. Свет, однако, безгласен,
 Ты же еще и мой слух радуешь речью живой,
 Более сладкой, чем пенье сирен; этой речью одною
 Держатся в сердце моем все уюванья мои.

* *

Сеткой ли волосы стянешь — и я уже таю от страсти:
Видю я Рею самой башней увенчанный лик.
Голову ль вовсе открытой оставишь — от золота прядей,
Вся растопясь, из груди вылиться хочет душа.
Белый покров ли себе на упавшие кудри накинешь —
Пламя сильнейшее вновь сердце объемлет мое...
Три этих вида различных с триадой харит неразлучны;
Каждый из них на меня льет свой особый огонь.

* * *

Кто был однажды укушен собакою бешеной, всюду
Видит потом, говорят, призрак звериный в воде.
Бешеный также, быть может, Эрот мне свой зуб ядовитый
В сердце вонзил и мою душу недугам обрек.
Только твой образ любимый повсюду мне чудится —
в море,
В заводи каждой реки, в каждом бокале вина.

* * *

Больше пугать не должны никого уже стрелы Эрота;
Он, неудержный, в меня выпустил весь свой колчан.
Пусть не боится никто посещения крылатого бога!
Как он ступил мне на грудь маленькой ножкой своей,
Так и засел в моем сердце с тех пор неподвижно
и прочно —
С места нейдет и себе крылышки даже остриг.

* * *

Видел я мучимых страстью. Любовным охвачены пылом,
Губы с губами сомкнув в долгом лобзанье, они
Все не могли охладить этот пыл, и, казалось, охотно
Каждый из них, если б мог, в сердце другому проник.
Чтобы хоть сколько-нибудь утолить эту жажду слиянья,
Стали меняться они мягкой одеждою. Он

Сделался очень похож на Ахилла, когда, приотвись
У Ликомеда, герой в девичьем жил терему.
Дева ж, хитон подобрав высоко до бедер блестящих,
На Артемиду теперь видом похожа была.
После устам оиять сочetalнсь онн, нбо голод
Неутолнмой любви начал их снова терзать.
Легче бы было разнять две лозы виноградных, стволами
Гибкими с давней поры сросшихся между собой,
Чем эту пару влюбленных и связанных нежно друг
с другом
Узами собственных рук в крепком объятье любви.
Милая, трижды блаженны, кто этими узами связан.
Трижды блаженны... А мы розно с тобою горим.

СТАРЕЮЩЕЙ ПОДРУГЕ

Краше, Филлиа, морщины твои, чем цветущая свежесть
Девичьих лиц; и сильнее будят желанье во мне,
Руки к себе привлекая, повисшие яблоки персеи,
Нежели дев молодых прямо стоящая грудь.
Ибо милей, чем иная весна, до сих пор твоя осень,
Зимнее время твое лета мне много теплей.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ВЕНОК

После того как, играя со мной на пирушке, украдкой
Бросила мне Харикло на волоса свой венюк,
Жжет меня адское пламя. Знать, было в венке этом что-то,
Что и Креонтову дочь, Главку, когда-то сожгло.

НА САДЫ ЮСТИНИАНА

Спорят о том nereиды, с паядами гамадрнады,
Кто это место своим более вправе назвать.
Судит харита их спор, но решения сама не находит —
Так им обязана всем местность своей красотой.

* * *

Долго ли будем с тобой распаленные взоры украдкой
Друг на друга бросать, пламя желанья тая?
Молви, какая забота томит тебя — кто нам помехой,
Чтобы мы нежно сплелись, горе в объятьях забыв?
Если же так, только меч исцелить нас обоим возможен,
Ибо слаще пребыть в жизни и в смерти вдвоем.

* * *

Ох, даже всласть поболтать не дает нам злобная зависть,
Ни обменяться тайком знаками наших ресниц!
Смотрит упорно на нас стоящая рядом старуха,
Как многоокий пастух, дочери Инаха страж.
Стой, и высматривай нас, и терзай себе попусту сердце:
Как ни гляди, все равно в душу глазами не влезть.

* * *

Как-то, вздремнув вечерком и закинув за голову руку,
Менократида моя сладко забылась во сне.
Я и посмел к ней прилечь, но лишь по дороге Киприды
Мне полноти удалось сладостно тут завершить,
Как пробудилось дитя и, белыми сразу руками
Голову цепко схватив, стало мне волосы рвать.
Все ж, как ни билась она, завершили мы дело Эрота,
Но залилась она вся слезным потоком, сказав:
«Вот, негодяй, своего ты даром добился, а я-то
Воли тебе не давать даже за деньги клялась.
Ты вот уйдешь и сожмешь другую сейчас же в объятьях:
Все ненасытны вы, жадной Киприды рабы».

* * *

Имя мне... — Это зачем? — Отчизна мне... — Это к чему же?
— Славного рода я сын. — Если ж ничтожного ты?
— Прожил достойно я жизнь. — А если отнюдь
не достойно?
— Здесь я покоюсь теперь. — Мне-то зачем это знать?

НА СТАТУЮ ВАКХАНКИ В ВИЗАНТИИ

Эта вакханка в безумье отнюдь не создаье природы —
Только искусство могло с камнем безумие слить.

* * *

Только твою красоту передал живописец. О, если б
Мог он еще передать прелесть и песен твоих,
Чтобы не только глаза, но и уши могли наслаждаться
Видом лица твоего, звуками лиры твоей.

* * *

Тот, кто заносчивым был и сводил надменные брови,
Ныне игрушкой в руках девушки слабой лежит.
Тот, кто когда-то считал, что надо преследовать деву,
Сам укрощенный, теперь вовсе надежды лишен.
Вот он, простершийся ниц и от жалобных просьб
ослабевший,
А у девочки глаза гневом пылают мужским.
Девушка с львиной душой, даже если твой гнев и оправдан,
Все же надменность умерь, ведь Немезида близка.

* * *

Ночью вчера Гермонасса, когда, возвращаясь с попойки,
Двери я ей украшал, их обвивая венком,
Вдруг окатила меня водой из кубка, прическу
Спутав мою, а над ней целых три дня я сидел.
Но разгорелся я весь от этой воды, и понятно:
Страстный от сладостных губ в кубке таился огонь.

* * *

Двери ночью порой захлопнула вдруг Галатея
Передо мной и к тому ж дерзко ругнула меня.
«Дерзость уносит любовь» — изречение это неверно:
Дерзость сильнее еще страсть возбуждает мою.
Я ведь поклялся, что год проживу от нее в отдаленье,
Боги, а утром пришел к ней о прощенье молить!

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

РОДИНА ГОМЕРА

Семь городов, пререкаясь, зовутся отчизной Гомера:
Смирна, Хиос, Колофон, Пилос, Аргос, Итака, Афины.

НА «ИЛИАДУ» И «ОДИССЕЮ»

Кто о Троянской войне и о долгих скитаньях по свету
Сына Лаэртова нам эти листы напечатал?
Мне не известны наверно ни имя, ни город, Кронион,
Уж не твоих ли стихов славу присвоил Гомер?

НА «ЭРОТА» ПРАКСИТЕЛЯ

Сам испытал его, точно воссоздал Эрота Пракситель,
В собственном сердце своем образ его очеркнул.
Фрине, как дар за любовь, принесен бог любви.
Не стрелами,
Взором одним лишь очей он свои чары творит.

НА «АЛЕКСАНДРУ» («КАССАНДРУ»)
ЛИКОФРОНА

Из перепутанных сложно ходов моего лабиринта,
Раз ты попал в них, на свет выход пайти нелегко,—
Так же ведь были темны прорицанья Кассандры, когда их
Обиняками царю пересказала раба.
Коль с Каллиопой ты дружен, бери меня в руки; но если
С музами ты незнаком, будет рукам тяжело.

ПАМЯТНИК ЭВРИПИДУ

Памятник сей не прославит тебя, Эврипид,— он
в потомстве
Сам от забвенья храним славой бессмертной твоей.

МОГИЛА ДИОГЕНА

— Пес, охраняющий гроб, возвести мне, чей пепел
сокрыт в нем?
— Пепел почтет в нем пса.— Кто ж был сей пес? —
Диоген.
— Родом откуда, скажи? — Из Синопа.— Не жил ли он
в бочке?
— Так: но, оставя сей мир, нынче он в звездах живет.

ТИМОНУ

Тимон опасен и мертвый. Ты, Цербер, привратник Плутона,
Будь осторожен, смотри! Тимон укусит тебя.

ГЕРАКЛИТУ И ДЕМОКРИТУ

Ты бы оплакивал днесь, Гераклит, бытие человек
Больше, чем прежде: оно стало жальчее стократ.
Ты же над ним, Демокрит, умножил бы смех справедливый,
День ото дня на земле смеха достойнее жизнь.
Мудрости вашей дивясь, смущается дух мой — не знаю,
Плакать ли с первым из вас или смеяться с другим.

ЭПИТАФИЯ ГЕРАКЛИТУ

«Я — Гераклит. Что вы мне не дасте покоя, не всегда?
Я не для вас, а для тех, кто понимает меня.
Трех мириад мне дороже один: и ничто мириады,
Так говорю я и здесь, у Персефоны, теперь».

СЕМЬ МУДРЕЦОВ

Семь мудрецов называю — их родину, имя, реченье:
«Мера важнее всего», — Клеобул говаривал Лидский;
В Спарте: «Познай себя самого», — проповедовал Хилон;
Сдерживать гнев увещал Периаандр, уроженец Коринфа;
«Лишку ни в чем!» — поговорка была митиленца Питтака;
«Жизни конец наблюдай», — повторялось
Молоном Афинским;
«Худших везде большинство», — говорилось Биантом
Приенским;
«Ни за кого не ручайся», — Фалеса Милетского слово.

МЕНАНДРУ

Пчелы к устам твоим сами, Менандр, принесли в изобилье
Пестрых душистых цветов, с пажитей муз их собрав;
Сами хариты тебя наделили дарами своими,
Драмы украсив твои прелестью метких речей.
Вечно живешь ты, и слава, какую стяжали Афины
Через тебя, к небесам, до облаков вознеслась.

ГИППОКРАТУ

Здесь погребен Гиппократ, фессалиец. Рожденный
на Косе,
Феба он был самого, корня бессмертного, ветвь.
Много, болезни врачуя, трофеев воздвиг Гигиее,
Много похвал заслужил — знаньем, не случаем он.

ГЕРОДОТУ

Муз у себя принимал Геродот, и по книге от каждой
Он получил за свое гостеприимство потом.

КОЛОСС РОДОССКИЙ

Жители Родоса, племя дорийцев, колосс этот медный,
Величиной до небес, Геллий, воздвигли тебе,
После того как смирили военную бурю и остров
Обогатили родной бранной добычей своей.
Не над одним только морем, но также равно и над сушей
Светоч свободы они неугасимый зажгли,
Ибо ведущим свой род от Геракла по праву наследства
Власть подобает иметь и на земле и в морях.

* * *

С битвы обратно к стенам, без щита и объятого страхом,
Сына бегущего мать встретила, гневом князя:
Вмиг занесла коние и грудь малодушну пронзила.
Труп укоряя потом, грозно вещала она:
«В бездну Анда ступай, о сын недостойный отчизны!
Спарты и родных завет мог ли, изменник, забыть?»

* * *

Гектора кровью обрызганный щит, наследье Пелида,
Сыну Лаэрта на часть отдан ахеян судом:
Море, пожрав корабли, сей щит не к утесам Итаки —
К гробу Аяитову вселять быстрой примчалось волной.
Море явило несправость суда — хвала Посейдону:
Он тебе, Саламин, должную честь возвратил.

ПРИНОШЕНИЕ КИБЕЛЕ

Мать моя, Рея, фригийских кормилица львов, у которой
Верных немало людей есть на Диндиме, тебе
Женственный твой Алексид посвящает орудия эти
Буйных радений своих, нынче оставленных им:
Эти звенящие резко кимвалы, а также кривые
Флейты из рога телят, низкий дающие звук,
Бьющие громко тимпаны, пожи, обгаренные кровью,
С прядями светлых волос, что распускал он и тряс.
Будь милосердна, богиня, к нему и от оргий, в которых
Юношей буйствовал он, освободи старика.

НА БАЛОВНЯ СУДЬБЫ

Не из благого желанья судьбой вознесен ты, а только
Чтоб показать, что могла сделать она и с тобой.

СПАРТАНЦАМ, ПАВШИМ ПРИ ФИРЕЕ

Спарта родная! Мы, триста сынов твоих, бившихся в поле
С равным числом аргивян из-за фирейской земли,
Там, где стояли в начале сражения, там же, ни разу
Не повернув головы, с жизнью расстались своей.
Но Офрпада в крови обгрявшийся щит возглашает:
«Спарте подвластной теперь стала Фирея, о Зевс!»
Кто ж из аргосцев от смерти бежал, был Адрастова рода;
Бегство, не гибель в бою, смертью спартанцы зовут.

ДЕВЯТЬ ЛИРИКОВ

1

Муз провозвестник священный, Пиндár; Вакхилид, как
сирена,
Пеньем пленявший; Саифо, цвет эолийских харит;

Анакреонтовы песни, и ты, из Гомерова русла
Для вдохновений своих бравший струи, Стесихор;
Прелесть стихов Симонида, и снятая Ивиком жатва
Юности первых цветов, сладостных песен любви;
Меч беспощадный Алкея, что кровью тиранов нередко
Был обагрен, права края родного храня;
Женственно-нежные песни Алкмана — хвала вам! Собою
Лирику начали вы и положили ей грань.

2

В Фивах клектал величаво Пиндár; Симонидова муза
Сладостным пеньем своим обворожала сердца;
Ярко сиял Стесихор, так же Ивик; Алмак был приятен;
Из Вакхилидовых уст звуки лились, как мед;
В Анакреонте был дар убеждать; песни разного склада
На эолийских ширах пел митиленец Алкей.
Между певцами девятой Сапфо не была, но десятой
Числится в хоре она славных парнасских богинь.

НА «ПРИЧИНЫ» КАЛЛИМАХА

Да, в роговые ворота, не в двери из кости слоновой
Ты к Баттиаду пришел, многозначительный сон!
Ибо немало такого, чего мы не знали доселе,
Ты нам открыл о богах и о героях, когда,
Взяв из пределов Ливийской земли его, мудрого, сразу
На Геликон перенес в круг пиерийских богинь,
И на вопросы его о началах как рода героев,
Так и блаженных самих дали ответы они.

ЭПИТАФИЯ СТАРИКУ АМИНТИХУ

Мать-земля, приюти старика Аминтиха в лоно,
Долгие вспоминая труды старого все над тобой!
Целую жизнь насаждал на тебе он отростки оливы,
Целую жизнь украшал Вакха лозою тебя

Или Деметры зерном и, воду ведя по каналам,
Сделал обильной тебя добрым осенним плодом.
Кротко в награду за то приляг над седой головою
И возрасти старику вешний цветущий венок!

НАДПИСЬ НА БЕСШУМНОМ ВОДОПОДЪЕМНИКЕ

Пана, меня, не любя, даже воды покинула Эхо.

* * *

Роза недолго блистает красой. Спеши, о прохожий!
Вместо царицы цветов тернии скоро найдешь.

* * *

В младости беден я был; богатство пришло с сединами.
Жалкая доля навек мне от богов суждена!
Лучшие в жизни лета провел я без средств к наслажденью;
Ныне же средства нашел, силы к веселью лишаюсь.

* * *

— Знай, я люблю, и любим, и дарами любви наслаждаюсь!
— Кто ж ты, счастливец, и кем? — Пафия знает одна.

* * *

С мерой, с уздою в руках, Немезида вещает нам ясно:
«Меру в деяньях храни; дерзкий язык обуздай!»

* * *

К холму Аянта придя бесстрашного, некий фригиец
Стал, издеваясь над ним, дерзостно так говорить:
«Сын Теламонов не выстоял...» Он же воскликнул из гроба:
«Выстоял!» — и убежал в страхе пред мертвым живой.

Это владыка эдонян, на правую ногу обутой,
 Дикий фраконец, Ликург, — кем он из меди отлит?
 Видишь: в безумье слепом он заносит секиру надменно
 Над головою, лозе Вакха священной грозя.
 Дерзостью прежней лицо его дышит, и лютая ярость
 Даже и в меди таит гневную гордость свою.

О РАКУЛ, ДАНИЙ МЕГАРЯНАМ

Лучший край на земле — пелазгов родина, Аргос;
 Лучшие всех кобылиц — фессалийские; жены — лаконки,
 Мужички — которые пьют Аретусы-красавицы воду.
 Но даже этих мужей превосходят славою люди,
 Что меж Тиррифом живут и Аркадией овцебильной,
 В панцирях из полотна, зачищники войны, аргивяне.
 Ну, а вы, мегаряне, ни в третьих, и ни в четвертых,
 И ни в двенадцатых: вы ни в счет, ни в расчет не идете.

О РАКУЛ АПОЛЛОНА ПИФИЙСКОГО ВРАЧУ ОРИБАСИЮ

Вы возвестите царю, что храм мой блестящий разрушен;
 Нет больше крова у Феба, и нет прорицателя-лавра,
 Ключ говорящий умолк: говорливая влага иссякла.

* * *

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил,
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

* * *

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».
Я не тужу нимало,
Еще ль мой волос цел
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел.
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборы,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервы, покажи,
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь.

Всех приятностей затеп
В подбородок умести,
И кругом прекрасной шеп
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненный взгляд.

Надевай же платье ало,
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.

Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молви ж, дорогой портрет.

* * *

В час полуночный недавно,
Как Воота под рукой
Знак Арктоса обращался,
Как все званья людей
Сна спокойствие вкушали,
Отягченные трудом,
У дверей моих внезапно
Постучал Ерот кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?..»
«Отвори, — любовь сказала, —
Я ребенок, не страшись;
В ночь безмесячную сбился
Я с пути и весь обмок...»
Жаль мне стало, отзыв слыша;
Встав, светильник я зажег;
Отворив же дверь, увидел
Я крылатое дитя,
А при нем и лук и стрелы.
Я к огню его подвел,
Оттирал ладонью руки,
Мокры кудри выжимал;
Оп, лишь только обогрелся:
«Ну, посмотрим-ка, — сказал, —
В чем испортилась в погоду
Тетива моя?» — и лук
Вдруг наяр, стрелой ударил
Прямо в сердце он меня;
Сам, вскочив, с улыбкой молвил:
«Веселись, хозяин мой!
Лук еще мой не испорчен,
Сердце он пронзил твое».

* * *

У юноши недавно,
Который продавал
Ерота воскового,
Спросил я, что цена
Продажной этой вещи?
А он мне отвечал
Дорическим языком:
«Возьми за что ни есть;
Но знай, что я не мастер
Работы восковой;
С Еротом прихотливым
Жить больше не хочу».
«Так мне продай за драхму,
Пусть будет жить со мной
Прекрасный сопостельник.
А ты меня, Ерот,
Воспламени мгновенно,
Иль тотчас будешь сам
Ты в пламени растоплен».

* * *

Некогда в стране Фригийской
Дочь Тапталова была
В горный камень превращенна.
Птицей Пандиона дочь
В виде ласточки летала,
Я же в зеркало твое
Пожелал бы превратиться,
Чтобы взор твой на меня
Беспреданно обращался;
Иль одеждой быть твоей,
Чтобы ты меня касалась;
Или, в воду претворяясь,
Омывать прекрасно тело;
Иль во благовонну мазь,
Красоты твои умастить;
Иль повязкой на груди,
Иль на шее жемчугами,

Иль твоими б я желал
Быть сандалами, о дева!
Чтоб хоть нежною своей
Жала ты меня ногою.

* * *

Почто витиев правил
Вы учите меня?
Премудрость я оставил,
Не надобна она.
Вы лучше поучите,
Как сок мне Вакхов пить,
С прекрасной помогите
Венерой пошутить.
Уж нет мне больше силы
С ней одному владеть;
Подай мне, мальчик милый,
Вина, хоть поглядеть:
Авось еще немного
Мой разум усыплю;
Приходит время строго;
Покви, что люблю.

* * *

О счастливец, о кузнечик,
На деревьях на высоких
Каплю воды напьешься
И, как царь, ты распеваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что в полях цветет широких,
Что в лесах растет зеленых.
Друг смиренный земледельцев,
Ты ничем их не обидишь.
Ты приятен человеку,
Лета сладостный предвестник:
Музам чистым ты любезен,
Ты любезен Аполлону:

Дар его — твой звонкий голос.
Ты и старости не знаешь,
О мудрец, всегда поющий,
Сын, жилец земли невинный,
Безболезненный, бескровный,
Ты почти богам подобен!

* * *

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клубукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслажденный знак нескромный.

ВЕСНА

Посмотри — весна вернулась, —
Сыплют розами хариты;
Посмотри — на тихом море
Волны дремою повиты;
Посмотри — ныряют утки,
Журавлей летит станица;
Посмотри — Титана-солнца
В полном блеске колесница.
Тучи тихо уплывают,
Унося непастья пору;
На полях труды людские
Говорят приветно взору.
Гея пежные посевы
На груди своей делест;
Почка маслины пробилась
Сквозь кору и зеленеет;
Лозы пламенного Вакха
Кроет листва молодая,
И плодов румяных завязь
Расцвела, благоухая.

К ЭРОТУ

Не шутя меня ударив
Гнациштовой лозою,
Приказал Эрот мне бегать
Неотступно за собою.
Между терний, чрез потоки,
Я помчался за Эротом
По кустам и по стремнинам,
Обливаясь крупным потом,
Я устал; ослабло тело —
И едва дыханье жизни
Из поздрей не улетело.
Но, концами нежных крыльев
Освеживши лоб мой бледный,
Мне Эрот тогда промолвил:
«Ты любить не в силах, бедный!»

РОЗЕ

Розу нежную Эротом
С Дионисом сочетаем:
Краснолиственной розой
Наши чела увенчаем
И нальем с веселым смехом
В чашу нектар винограда,
Роза — лучший цвет весенний,
Небожителей услада!
Мягкокудрый сын Киприды
Розой голову венчает,
Как с харитами он в пляске
Хороводной пролетает.
Дайте ж мне венок и лиру,
И под Вакховой божницей
Закружусь я в быстрой пляске
С волногрудой девицей...

ЛИРИКА РИМА

ПОЭТЫ РИМА I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ —
I ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

---

* * *

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
 Плачьте все, кто имеет в сердце нежность!
 Бедный птеник погиб моей подружки.
 Бедный птеник, любовь моей подружки.
 Милых глаз ее был он ей дороже.
 Сладче меда он был и знал хозяйку,
 Как родимую мать дочурка знает.
 Он с колен не слетал хозяйки милой.
 Для нее лишь одной чирикал сладко.
 То сюда, то туда порхал, играя.
 А теперь он идет треной туманной
 В край ужасный, откуда нет возврата.
 Будь же проклята ты, обитель ночи,
 Орк, прекрасное все губящий жадно!
 Ты воробушка чудного похитил!
 О, злодейство! Увы! Несчастный птеник!
 Ты виной, что от слез, соленых, горьких,
 Покраснели и вспухли милой глазки.

* * *

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
 Пусть ворчат старики, — что нам их ропот?
 За него не дадим монетки медной!
 Пусть восходят и вновь заходят звезды, —
 Помни: только лишь день погаснет краткий,
 Бесконечную ночь нам спать придется.

Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.

* * *

Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты забучий сочти песок ливийский
В напоенной отравами Кирене,
Где оракул полуденный Аммона
И где Батта старинного могила.
В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятья.
Столько раз ненасытными губами
Поцелуй бесноватого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.

* * *

Катулл измученный, оставь свои бредни:
Ведь то, что сгнуло, пора считать мертвым.
Сияло некогда и для тебя солнце,
Когда ты хаживал, куда вела дева,
Тобой любимая, как ни одна в мире.
Забавы были там, которых ты жаждал,
Приятные — о да! — и для твоей милой,
Сияло некогда и для тебя солнце,
Но вот, увь, претят уж ей твои ласки.
Так отступись и ты! Не мчись за ней следом,
Будь мужествен и тверд, перенося муки.
Прощай же, милая! Катулл сама твердость.
Не будет он, стеная, за тобой гнаться.
Но ты, несчастная, не раз о нем вспомнишь.

Любимая, ответь, что ждет тебя в жизни?
Кому покажешься прекрасней всех женщин?
Кто так тебя поймет? Кто назовет милой?
Кого ласкать начнешь? Кому кусать губы?
А ты, Катулл, терпи! Пребудь, Катулл, твердым!

* * *

Фурий, ты готов и Аврелий тоже
Провожать Катулла, хотя бы к Инду
Я ушел, где море бросает волны
На берег гулкий.

Иль в страну гиркан и арабов пышных,
К сакам и парфянам, стрелкам из лука,
Иль туда, где Нил семиустый мутью
Хляби пятнает.

Перейду ли Альп ледяные кручи,
Где поставил знак знаменитый Цезарь,
Галльский Рейн увижу иль дальних бриттов
Страшное море —

Все, что рок пошлет, пережить со мною
Вы готовы. Что ж, передайте милой
На прощанье слов от меня немного,
Злых и последних.

Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но пещень
Каждому руша.

Только о моей пусть любви забудет!
Но ее вине иссушилось сердце,
Как степной цветок, проходящим плугом
Тронутый насмерть.

* * *

Всех полуостровов и островов в мире
Жемчужинка, мой Сирмион, — хоть их много
В озерах ясных и в морях Нептун держит.
Как счастлив я, как рад, что вновь тебя вижу!
Расставшись с Финией, с Вифинией дальней,
Не верю сам, что предо мною ты, прежний.
О, что отраднее: забот свалить бремя
И возвратиться с легкою душой снова,
Устав от долгих странствий, к своему Лару
И на давно желанном отдохнуть ложе!
Вот вся награда за труды мои... Милый
Мой Сирмион, ликуй: хозяин твой прибыл!
Ликуйте, озера Лабийского волны!
Все хохочите, сколько в доме есть Смехов!

* * *

В посвященье Диане мы,
Девы, юпоши чистые.
Пойте, юпоши чистые,
Пойте, девы, Диану!

О Латония, высшего
Дочь Юпитера вышняя,
О рожденная матерью
Под оливой делийской, —

Чтоб владычицей стала ты
Гор, лесов густолиственных,
И урочищ таинственных,
И потоков гремящих!

В муках родов глаголема
Ты Люциной-Юнопою;
Именуешься Тривней,
С чуждым светом Луною!

Бегом месячным меришь ты
Путь годов, и хозяину
Добрым полишишь ты сельский дом
Урожаем, богиня.

Под любым из имен святись
И для племени Ромула
Будь опорой доброю,
Как бывала издревле!

* * *

Хлам негодный, Волюзия ашталы!
Вы сгорите, обет моей подружки
Выполняя. Утехам и Венере
Обещала она, когда вернусь я
И метать перестану злые ямбы,
Худший вздор из дряннейшего поэта
Подарить хромоногому Гефесту
И сналить на безжалостных поленьях.
И решила негодная девчонка,
Что обет ее мил и остроумен!
Ты, рожденная морем темно-синим,
Ты, царица Идалия и Урий,
Ты, Анкону хранящая и Голги,
Амафунт, и песчаный берег Книда,
И базар Адриатики, Диррахий, —
Благосклонно прими обет, Венера!
Вы ж не ждите! Живей в огонь ступайте,
Вздор нескладный, неленица и бредни,
Хлам негодный, Волюзия ашталы!

* * *

Плохо стало Катутлу, Корнифиций,
Плохо, небом клянусь, и тяжело стало,
Что ни день, что ни час — то хуже, хуже...
Но утешил ли ты его хоть словом?
А ведь это легко, пустое дело!
Я сержусь на тебя... Ну где же дружба?
Но я все-таки жду хоть два словечка,
Пусть хоть грустных, как слезы Симонида.

* * *

Вы сюда, мои ямбы, поспешите!
Все сюда! Соберитесь отовсюду!
Девка подлая смеет нас дурачить.
И не хочет стихов моих тетрадку
Возвратить. Это слышите вы, ямбы?
Побегите за ней и отнимите!
Как узнать ее, спросите? По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей,
По бесстыдной, разнузданной походке.
Окружите ее, кричите в уши:
«Эй, распутница! Возврати тетрадки!
Возврати нам, распутница, тетрадки!»
В грош не ставит? Поганая подстилка!
Порожденье подлеяшего разврата!
Только мало ей этого, наверно!
Если краски стыдливого румянца
На собачьей не выдавите морде,
Закричите еще раз, втрое громче:
«Эй, распутница! Возврати тетрадки!
Возврати нам, распутница, тетрадки!»
Все напрасно! Ничем ее не тронуть!
Изменить вам придется обращенье,
Испытать, не подействует ли этак:
«Дева чистая, возврати тетрадки!»

* * *

Добрый день, долгоногая девчонка,
Колчепогая, с хрипотою в глотке,
Большерукая, с глазом как у жабы,
С деревенским, нескладным разговором,
Казнокрада формийского подружка!
И тебя-то расславили красивой?
И тебя с нашей Лесбией сравнили?
О, бессмысленный век и бестолковый!

* * *

Акму нежно обняв, свою подругу,
«Акма, радость моя! — сказал Септимий. —
Если я не люблю тебя безумно
И любить не готов за годом годы,
Как на свете никто любить не в силах,
Пусть в Ливийских песках или на Инде
Повстречаюсь со львом я белоглазым!»
И Амур, до тех пор чихавший влево,
Тут же вправо чихнул в знак одобренья.
Акма, к другу слегка склонив головку
И пурпуровым ртом касаясь сладко
Томных юноши глаз, от страсти пьяных,
«Жизнь моя! — говорит. — Септимий милый!
Пусть нам будет Амур один владыкой!
Верь, сильнее твоего, сильнее и жарче
В каждой жилке моей пылает пламя!»
Вновь услышал Амур и не налево,
А направо чихнул в знак одобренья.
Так, дорогу начав с благой приметы,
Оба любят они, любимы оба.
Акма другу милей всего на свете,
Всех сирийских богатств и всех британских.
И Септимий один у верной Акмы,
В нем блаженство ее и все желающа.
Кто счастливей бывал, какой влюбленный?
Кто Венеру знавал благоприятней?

* * *

Вот повеяло вновь теплом весенним,
Вот под мягким Зефира дуновеньем
Равноденственная стихает буря.
Покидай же, Катулл, поля фригийцев,
Пашни тучные брось Никеи знойной:
К азиатским летим столицам славным.
Уже рвется душа и жаждет страстивий,
Уж торопятся ноги в путь веселый.
Вы, попутчики милые, прощайте!
Хоть мы из дому вместе отправлялись,
По дорогам мы разным возвратимся.

* * *

Друг Лициний! Вчера, в часы досуга,
Мы табличками долго забавлялись.
Превосходно и весело играли.
Мы писали стихи поочередно.
Подбирали размеры и меняли.
Пили, шуткой на шутку отвечали.
И ушел я, твоим, Лициний, блеском
И твоим остроумием зажженный.
И еда не могла меня утешить,
Глаз бессонных в дремоте не смыкал я,
Словно пьяный, ворочался в постели,
Поджидая желанного рассвета,
Чтоб с тобой говорить, побить с тобою.
И когда, треволнением утомленный,
Полумертвый, застыл я на кровати,
Эти строчки тебе, мой самый милый,
Написал, чтоб мою тоску ты понял.
Берегись же, и просьб моих не вздумай
Осмеять, и не будь высокомерным,
Чтоб тебе не отместила Немезида!
В гневе грозна она. Не богохульствуй!

* * *

Кажется мне тот богоравным или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
Видеть и слышать

Сладостный твой смех; у меня, бедняги,
Лесбия, он все отнимает чувства:
Вижу лишь тебя — пропадает сразу
Голос мой звонкий.

Тотчас мой язык цепенеет; пламя
Пробегает вдруг в ослабевших членах,
Звон стоит в ушах, покрывает очи
Мрак непроглядный.

От безделья ты, мой Катулл, страдаешь,
От безделья ты бесишься так сильно.
От безделья царств и царей счастливых
Много погибло.

* * *

Тот, кто все рассмотрел огни необъятного мира,
Кто восхождение звезд и нисхождение постиг,
Понял, как пламенный блеск тускнеет бегущего солнца,
Как в им назначенный срок звезды уходят с небес,
Как с небесных путей к высоким скалам Латвийским
Нежным привывом любовь Тривию сводит тайком,—
Тот же Конон и меня увидал, косу Береники,
Между небесных огней яркой пролившую свет,
Ту, которую всем посвящала бессмертным царица,
Стройные руки свои к небу с молитвой воздев,
Тою порою, как царь, осчастливленный браком недавним,
В край ассирийский пошел, опустошением грозя,
Сладостный след сохраняя еще состызанья почного,
Битвы, добывшей ему девственных прелестей дань.
Разве любовь не мила жене новобрачной? И разве,
Плача у ложа утех между огней торжества,
Дева не лживой слезой омрачит родителей радость?
Нет, я богами клянусь,— стопы нескрещенн дев.
В том убедили меня стенанья и пени царицы
В час, как на гибельный бой шел ее муж молодой.
Разве ты слезы лила не о том, что покинуто ложе,
Но лишь о том, что с тобой милый твой брат
разлучен?
О, как до мозга костей тебя пронзила тревога,
Бурным волнением своим всю твою душу объяв!
Чувства утратив, ума ты едва не лишилась, а прежде,
Знаю, с детства еще духом была ты тверда.
Подвиг забыла ли ты, который смутит и храбрейших,
Кои и мужа и трон завосвала себе?
Сколько печальных речей при проводах ты говорила!
Боги! Печальной рукой сколько ты вытерла слез!
Кто из бессмертных тебя изменил? Иль с телом желанным
В долгой разлуке бывать любящим так тяжело?
Кровь проливая быков, чтобы муж твой любимый вернулся,
Ты в этот час и меня всем посвящала богам,—

Лишь бы вернуться ему! А он в то время с Египтом
В непродолжительный срок Азию пленную слил.
Сбылись желанья твои — и вот, в исполнении обетов,
Приобщена я как дар к хору небесных светил.
Я против воли, — клянусь тобой и твоей головою! —
О, против воли твое я покидала чело.
Ждет того должная мзда, кто подобную клятву нарушит!
Правда, — но кто ж устоит против железа, увы?
Сломлен был силой его из холмов высочайший, какие
Видит в полете своем Фии блистающий сын,
В те времена, как, открыв себе новое море, мидяне
Через прорытый Афон двинули варварский флот.
Как устоять волосам, когда все сокрушает железо?
Боги! Пусть пропадет племя халибов навек!
Этот народ стал первым искать рудоносные жилы
В недрах земли и огнем твердость железа смягчать!
Срезаны раньше меня, о судьбе моей плакали сестры, —
Но в этот миг, бороздя воздух шумящим крылом,
Одноутробный брат эфиопа Мемпона, Локридский
Копь Арсинои, меня в небо унес на себе.
Там он меня поместил на невинное лоно Венеры,
Через эфирную тьму вместе со мной пролетев.
Так Зефирита сама — гречанка, чей дом на побережье
Знойном Канона, — туда древле послала слугу,
Чтобы сиял не один средь небесных огней многоцветных
У Ариадны с чела снятый венец золотой,
Но чтобы также и мы, божеству посвященные пряди
С русой твоей головы, в небе горели меж звезд.
Влажной была я от слез, в обитель бессмертных вселяясь,
В час, как богиня меня новой явила звездой.
Ныне свирепого льва я сияньем касаюсь и Девы;
И — Ликаопова дочь — рядом Каллисто со мной.
К Западу я устремляюсь, на миг лишь, вечером поздним,
Следом за мной в океан медленный сходит Боот.
И хоть меня по ночам стопы попирают бессмертных,
Вновь я Тефии седой возвращена поутру.
То, что скажу, ты без гнева прими, о Рамнунтская Дева,
Истину скрыть никакой страх не заставит меня, —
Пусть на меня, возмущась, обрушат проклятия звезды, —
Что затаила в душе, все я открою сейчас:
Здесь я не так веселюсь, как скорблю, что пришлось
разлучиться,
Да, разлучиться навек мне с головой госпожи.

Волосы холить свои изощрялась искусная дева,—
Сколько сирийских мастей я выпивала тогда!
Вы, кого сочетать долженствует свадебный факел!
Прежде чем скинуть покров, нежную грудь обнажить,
Юное тело отдать супруга любовным объятьям,
Мне из ониксовых чаш радостно лейте елей;
Радостно лейте, молясь о всегда целомудренном ложе.
Но если будет жена любодеежня творить,
Пусть бесплодная пыль вопьет ее дар злополучный,—
От недостойной жены жертвы принять не могу.
Так, новобрачные, пусть и под вашу кровлей всечасно
Вместе с согласием любовь долгие годы живет.
Ты же, царица, когда, на небесные глядя созвездья,
Будешь Венере дары в праздничный день приносить,
Также и мне удели сирийских часть благовоний,
Не откажи и меня жертвой богатой почтить.
Если бы звездам упасть! Вновь быть бы мне царской косою!
О, если б вновь Водолей близ Ориона сиял!

* * *

Милая мне говорит: лишь твою хочу быть женою,
Даже Юпитер желать стал бы напрасно меня.
Так говорит. Но что женщина в страсти любовнику шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!

* * *

Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться не может
Преданной дружбой, как я, Лесбия, был тебе друг.
Крепче, чем узы любви, что когда-то двоих нас вязали,
Не было в мире еще крепких и вязущих уз.
Ныне ж расколото сердце. Шутя ты его расколола,
Лесбия! Страсть и печаль сердце разбили мое.
Другом тебе я не буду, хоть стала б ты скромною снова,
Но разлюбить не могу, будь хоть преступницей ты!

* * *

Если о добрых делах вспоминать человеку отрадно
В том убежденье, что жизнь он благочестно провел,
Веры святой не пятнал никогда, в договоры вступая,
Ради обмана людей всеу к богам не взывал,—
То ожидает тебя, за долгие годы, от этой
Неблагодарной любви много отрады, Катулл.
Все, что сказать человек хорошего может другому
Или же сделать кому,— сделал ты все и сказал.
Сгинуло, что недостойной душе доверено было...
Так почему же теперь пуще терзаешься ты?
Что не окрепнешь душой, себе не найдешь утешенья,
Гневом гонимый богов, не перестанешь страдать?
Долгую трудно любовь пресечь внезапным разрывом,
Трудно, поистине так,— все же решишь наконец!
В этом спасенье твое, решишь, собери свою волю,
Одолевай свою страсть, хватит ли сил или нет.
Боги! Жалость в вас есть, и людям не раз подавали
Помощь последнюю вы даже на смертном одре,
Киньте взор на меня, несчастливца, и ежели чисто
Прожил я жизнь,— из меня вырвите черный недуг!
Оцепенением он пропикает мне в члены глубоко,
Лучшие радости прочь гонит из груди моей.
Я уж о том не молю, чтоб она предпочла меня снова
Или чтоб скромной была,— это немислимо ей,
Лишь исцелиться бы мне, лишь мрачную хворь мою
сбросить.
Боги! О том лишь прошу — за благочестье мое.

* * *

И ненавижу ее и люблю. «Почему же?» — ты спросишь.
Сам я не знаю, но так чувствую я — и томлюсь.

* * *

Квинтию славят красивой. А я назову ее стройной,
Белой и станом прямой. Все похваляю по частям.

Не назову лишь красавицей. В Квинтии нет обаянья,
В теле роскошном таком искорки нету огня.
Лесбия — вот кто красива! Она обездолила женщин,
Женские все волшебства соединила в себе.

* * *

Лесбия вечно ругает меня. Не молчит ни мгновенья,
Я поручиться готов — Лесбия любит меня!
Ведь и со мной не иначе. Ее и клянц и брашу я,
А поручиться готов — Лесбию очень люблю!

* * *

Если желанье сбывается свыше надежды и меры,
Счастья нечаянного день благословляет душа.
Благословен же будь, день золотой, драгоценный,
чудесный,
Лесбии милой моей мне возвративший любовь.
Лесбия снова со мной! То, на что не надеялся, — сбылось!
О, как сверкает опять великолепная жизнь!
Кто из людей счастливей меня? Чего еще мог бы
Я пожелать на земле? Сердце полно до краев!

* * *

Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша, так ты
сказала.
Будем друг другу верны и не узнаем разлук!
Боги великие! Сделайте так, чтоб она не солгала!
Пусть ее слово идет чистым от чистой души!
Пусть проживем мы в веселье спокойные, долгие годы,
Дружбы взаимной союз непарушимо храня.

Оды

* * *

К Меценату

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
 О, отрада моя, честь и прибежище!
 Есть такие, кому высшее счастье —
 Пыль арены взметать в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная
 Их возносит к богам, мира властителям.
 Есть другие, кому любо избранником
 Быть квиритов толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского
 Он собрал урожай в житницы бережно;
 А того, кто привык заступом вскапывать
 Лишь отцовский надел, — даже богатствами

Всех пергамских царей в море не выманишь
 Кораблем рассекать волны коварные.
 А купца, если он, бури неистойвой
 Устрашася, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей, — вновь за почипкою
 Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
 Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
 Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит, — зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Всё охотник в лесу, — лань ли почуяла
Свора верных собак, сети ль кабан прорвал.

Но меня только плющ, мудрых отличне,
К вышним близит, меня роща прохладная,
Где ведут хоровод нимфы с сатирами,
Ставит выше толпы, — только б Евтерпа мне

В руки флейту дала и Полигимния
Мне наладить пришла лиру лесбийскую.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

* * *

К Августу-Меркурию

Вдосталь снега слал и зловещим градом
Землю бил Отец и смутил весь Город,
Ринув в кремль святой грозные стрелы
Огненной дланью.

Всем навел он страх, не настал бы снова
Грозный век чудес и несчастной Пирры,
Век, когда Протей гнал стада морские
К горным высотам,

Жили стаи рыб на вершинах вязов,
Там, где был приют лишь голубкам ведом,
И спасались вплавь над залитым лесом
Робкие лани.

Так и нынче: прочь от берегов этрусских
Желтый Тибр, назад повернувши волны,
Шел дворец царя сокрушить и Весты
Храм заповедный,

Риму мстить грозя за печаль супруги,
Впавшей в скорбь, — хоть сам не велел Юпитер —
Волны мчал он, брег затопляя левый,
Илии верен.

Редким сыновьям от отцов порочных
Суждено узнать, как точили предки
Не на персов меч, а себе на гибель
В распре гражданской.

Звать каких богов мы должны, чтоб Рима
Гибель отворотить? Как молить богиню
Клиру чистых дев, если мало внемлет
Веста молитвам?

Грех с нас жертвой смыть на кого возложит
Бог Юпитер? Ты ль, Аполлон-провидец,
К нам придешь, ramen твоих блеск укрывши
Облаком темным.

Ты ль, Венера, к нам снизойдешь с улыбкой —
Смех и Пыл любви вокруг тебя витают;
Ты ль воззришь на нас, твой народ забытый,
Март-прародитель?

Ты устал от игр бесконечно долгих,
Хоть и любишь бой, и сверканье шлемов,
И лицо бойца над залитым кровью
Вражеским трупом.

Ты ль, крылатый сын благодатной Майи,
Принял на земле человека образ
И согласие дал нам носить прозвание
«Цезаря мститель».

О, побудь меж нас, меж сынов Квирина!
Благосклонен будь: хоть злодейства наши
Гнев твой будят, ты не спеши умчаться,
Ветром стремный,

Ввысь. И тешься здесь получать триумфы,
Зваться здесь отцом, гражданином первым.
Будь нам вождь, не дай без отмщенья грабить
Конным парфянам.

* * *

К кораблю Вергилия

Пусть Киприда храпит тебя,
Пусть хранят Близнецы, звезды-водители,
И родитель ветров Эол,
Провожая тебя веяньем Япига.

Я доверил тебе, корабль,
И ветрилам твоим друга Вергилия,
Половину души моей, —
Принеси же его к берегу Аттики.

Трижды медная грудь была
У того удальца, у дерзновенного,
Кто впервые свой хрупкий струг
Предал ярости волн, штормы и смерч презрев —

Аквилона и Аффрика,
И дождливых Гнад, нота неистовства,
Нота властного буйства вод
Возмущать и смирать в логове Адрия.

Что угрозы и смерть тому,
Кто воочию зрел чудищ невиданных
И взбешенного моря зев
Между скал роковых Акрокеравнии!

О, напрасно провидец-бог
Отделил океан и оградил им твердь,
Раз суда святотатственно
Разрезают кормой даль заповедных вод.

С дерзким вызовом, все презрев,
Род мятеся людской, руша святой запрет,
Дерзкий отпрыск Япета нам
Не к добру дар огня хитростью выманил.

Только с высей эфира был
Им похищен огонь, тотчас нахлынула
Хворь ордой лихорадок; смерть
Свой ускорила шаг, прежде медлительный.

Дал созданию бескрылому
Крылья мудрый Дедал — средь пустоты парить.
Переплыл Ахерон Геракл —
Возвратился, как был, из безвозвратной мглы.

Нет для смертных преград земных!
Безрассудная ж дурь на небо просится,
Но не терпит, чтоб всех за грех
Громовержец поверг гневною молнией.

* * *

Пирре

Что за щеголь — омыт весь ароматами,
Весь в гирляндах из роз — в гроте так яростно
Стан сжимает твой, Пирра?
Для кого эти локоны

Скромно вяжешь узлом? Ох, и оплачет он,
Будет клясть, и не раз, клятвы неверные,
Будет на море бурном,
Черным тучам в свой черный час

Удивляясь, глотать соль накипевших слез,
Он теперь — золотой, нежною, верною —
Не на миг, а навеки —
Он тобой упоен. Увы,

Ослепительна ты. Горе слепым! А я,
Из пучины едва вышлыв, спасителю —
Богу моря одежды,
Еще влажные, в дар принес.

* * *

К Агриппе

Пусть тебя, храбреца многопобедного,
Варий славит — орел в песнях Меонии —
За дружины лихой подвиги на море
И на суше с тобой, вождем.

Я ль, Агриппа, дерзну петь твои подвиги,
Гнев Ахилла, к врагам неумолимого,
Путь Улисса морской, хитролукавого,
И Пелоповы ужасы?

Стыд и Музы запрет, лировладычицы
Мирной, мне не велят, чуждому подвигов,
В скромном даре своем, Цезаря славного
И тебя унижать хвалою.

Как достойно воспеть Марса в броне стальной,
Меркурия, что крыт пылью троянскою,
И Тидида вождя, мощной Палладою
До богов вознесенного?

Я пою о пирах и о прелестницах,
Острый чей поглоток страшен для юношей,
Будь я страстью объят или не мучим ей,
Я — поэт легкомысленный.

* * *

К Лидии

Ради богов бессмертных,
Лидия, скажи: для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
Стал чуждаться игр, не теряя пыли арены знойной,

И не гарцует больше
Он среди других молодцов, галльских коней смиряя
Прочной уздой зубчатой?
Иль зачем он стал желтых вод Тибра бояться, — точно

* * *

Гимн Меркурию

Вещий внук Атланта, Меркурий! мудро
Ты смягчил людей первобытных нравы
Тем, что дал им речь и назначил меру
Грубой их силе.

Вестник всех богов, я тебя прославлю
В песне. Ты творец криворогой лиры,
Мастер в шутку все своровать и сирятать,
Что бы ни вздумал.

Ты угнал и скрыл Аполлона стадо,
И сердитый Феб, с малышом ругаясь,
Вдруг среди угроз рассмеялся: видит,
Нет и колчана.

Ты Приама вел незаметно ночью:
Выкуп ценный нес он за тело сына,
В стан врагов идя меж огней дозорных
Мимо Атридов.

В край блаженный ты беспорочных души
Вводишь; ты жезлом золотым смряешь
Сонм бесплотный — мил и богам небесным,
Мил и подземным.

* * *

К гадающей Левконой

Ты гадать перестань: нам наперед знать не дозволено,
Левконой, какой ждет нас конец. Брось исчисления
Вавилонских таблиц. Лучше терпеть, что бы ни ждало
нас,—

Много ль зим небеса нам подарят, наша ль последняя,
Об утесы биясь, ныше томит море Тирренское
Бурей. Будь же мудра, вина цеди, долгой надежды пить
Кратким сроком урежь. Мы говорим, время ж завистное
Мчится. Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему.

* * *

К Лидии

Как похвалишь ты, Лидия,
Розоватый ли цвет шеи у Телефа,
Руки ль белые Телефа,—
Желчью печень моя переполняется.

И тогда не владею я
Ни умом, ни лицом: слезы украдкою
По щекам моим катятся,
Выдавая огонь, сердце сжигающий.

Я сгораю, когда тебе
Буйный хмель запятнал плечи прекрасные
Или пламенный юноша
Зубом запечатлел след на губе твоёй.

Не надейся любезною
Быть надолго тому, кто так неистово
Милый ротик уродует,
У Венеры самой нектар отведавший.

Те лишь много крат счастливы,
Кто связался навек прочными узами:
Им, не слушая жалобы,
Не изменит любовь раньше, чем смерть придет.

* * *

К республике

О корабль, вот опять в море несет тебя
Бурный вал. Удержись! Якорь брось в гавани!
Неужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла,— бурей твоя мачта надломлена,—
Снасти жутко трещат,— скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную

Силу волн? Паруса — в ключья растерзаны;
Нет богов на корме, в бедах прибежища;
И борта расписные
Из соснового дерева,

Что в понтийских лесах, славное, срублено,
Не помогут пловцу, как ни гордишься ты.
Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!

* * *

Парис-Похититель

Вез Елену Парис по морю в отчий дом,
Опозорил пастух гостеприимный кров.
Вдруг Нерей смеленал ветры гульливые,
Судьбы грозные повещал:

«Не к добру ты добыл в жены красавицу,
Будет день — соберет Греция воинство:
Поклянется оно грешный расторгнуть брак
И обрушить Приамов град.

Сколько поту прольют кони и войны!
Горе! Сколько могил роду Дарданову!
Наготове эгид, и четверня гремит
Пред Палладой неистовой.

О, напрасно, Парис, будешь расчесывать
Гордо кудри свои, будешь кифарою —
Негой песен пленять женщин забывчивых,
Тщетно будешь в альковной мгле

Укрываться от стрел кносского лучника,
И от гула борьбы, и от погони злой:
Неотступен Аянт — поздно, увы! Лишь пыль
Умастит волоса твои.

Оглянись, уж летит гибель троянская —
Лаэртид, а за ним видишь ли Нестора?
Настигает тебя Тевкр Саламишиин
И Сфенел — он и в битве смел,

И конями рукой правит искусною.
В бой вступил Мерион. Фурней взмыл, летит:
Вот он, бешеный, вот — ищет в бою тебя
Сам Тидит, что страшней отца.

Как в ложбине, вдали волка завидя, мчит,
Вкус травы позабыв, серна стремительно,
Так, дрожа, побежишь, еле дыша, и ты,—
Это ли обещал любви?

Долгий гнев кораблей, силы Ахилловой,—
Иллопу продлит срок перед гибелью:
За зимою зима... Испенелит дотла
Огонь ахейн златой Цергам.

* * *

К богине любви

Мать страстная страстей людских,
Мне Семелы дитя — бог опьянения,
И разгула веселый час
Позабытой любви сердце вернуть велят.

Жжет мне душу Гликеры блеск,—
Ослепительней он мрамора Пароса,
Жжет дразнящая дерзость,— глаз
Отвести не могу от обольстительной.

Обуян я Венерой: вмиг
С Кипра вихрем ко мне — и не опомниться...
Где там скифы! Какой там парф
Скакуна горячит в бегстве обманчивом!

Дерна, мальчики, листьев мне,
Мирта, лавров сюда! Мирры, двухлетнего
В чаше жертвенной дать вина!
Жертва склонит любовь быть милосерднее.

* * *

К Меценату

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его недаром
Я своей рукой засмолил в кувшине
В день незабвенный,

В день, когда народ пред тобой в театре
Встал, о Меценат, и над отчим Тибром
С ватиканских круч разносило эхо
Рукоплесканья.

Цёкубским вином наслаждайся дома
И каленских лоз дорогою влагой, —
У меня же, друг, ни Фалерн, ни Формий
Чаш не наполнят.

* * *

К хору юношей и девушек

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кипфию, юноши,
И Латоне любезной!
Всеблагодару Юпитеру!

Славьте, девы, ее, в реки влюбленную,
Как и в сени лесов хладного Алгида,
В Эрманфские дебри,
В кудри Крага зеленого.

Вы же, юноши, в лад славьте Темпейский дол,
Аполлону родной Делос и светлого
Бога, рамо чье лирой
И колчаном украшено.

Пусть он, жаркой мольбой вашею тронутый,
Горе войны отвратит с мором и голодом
От народа, направив
Их на персов с британцами!

* * *

К Аристию Фуску

Кто душою чист и незлобен в жизни,
Не нужны тому ни копье злых мавров,
Ни упругий лук, ни колчан с запасом
Стрел ядовитых.

Будет ли лежать его путь по знойным
Африки пескам, пль в глуши Кавказа,
Иль в стране чудес, где побережье лижут
Волны Гидаспа.

Так, когда брожу я в лесу Сабинском
Без забот, с одной только песней к милой
Лалаге моей, — с безоружным встречи
Волк пзбегает.

Равного ж ему не кормили зверя
Давние леса, не рождала даже
И пустыня та, что всех львов питает
Грудью сухою.

Брось меня в страну, где весны дыханье
Не живет лесов и полей увялых,
В тот бесплодный край, что Юпитер гневно
Кроет туманом;

Брось меня туда, где бег солнца близкий
Знойностью лучей обезлюдил землю, —
Лалаги моей разлюблю ль я голос
Или улыбку?

* * *

Хлое

Что бежишь от меня, Хлоя, испуганно,
Словно в горной глуши лань малолетняя!
Ищет мать она. в страхе
К шуму леса прислушалась.

Шевельнет ли весна листьями взлетными,
Промелькнет ли, шурша, прозелень ящери
В ежевике душистой, —
Дрожью робкая изойдет.

Оглянись, я не тигр и не готульский лев,
Чтобы хищной стоной жертву выслеживать.
Полно, зову покорствуй,
Мать на мужа сменить пора.

* * *

К Вергилию на смерть Квинтилия Вара

Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни, — ты, кому дал Отец
Звонкий голос с кифарою!

Так! Ужели ж навек обнял Квинтилия
Сон? Найдут ли ему в доблестях равного
Правосудья сестра — Честь неподкупная,
Совесь, Правда открытая?

Многим добрым сердцам смерть его горестна,
Но, Вергилий, тебе всех она горестней.
У богов ты, увы, с верой не вымолишь
Друга, что ты доверил им!

И хотя бы умел лучше Орфея ты
Сладкозвучной струной лес привораживать,
Оживишь ли черты лика бескровного,
Раз Меркурий, не знающий

Снисхожденья к мольбам, страшным жезлом своим
Уж коснулся его, чтоб приобщить к теням?
Тяжко! Но перенести легче с покорностью
То, что нам изменить нельзя.

Реже по ночам в запертые ставни
 Раздается стук молодежи дерзкой,
 Чтоб прервать твой сон, и покой свой любит
 Дверь на пороге,

Что она легко покидала прежде.
 Стала слышать ты реже все и реже:
 «Спа лишен тобой я, — ужель спокоен,
 Лидия, сон твой?»

Увядая, ты по лихим повесам
 В свой черед всилакнешь в уголке безлюдном
 Под навес ветров, что ярятся пуце
 В ночь поволунья;

И в тот час, когда любострастья пламень,
 Что в обычный срок кобылицу бесит,
 Распалит тебя, ты возропщешь, плача,
 В горьком сознанье,

Что и плющ и мирт лишь в красе зеленой
 Ценит молодежь, предавая воле
 Спутника зимы — ледяного ветра
 Листья сухие.

Во славу музам горесть и груз тревог
 Ветрам отдам я. По морю Критскому
 Пусть горечь дум моих развеют.
 Буду беспечен и глух. Не слышу,

Какой властитель Арктики грома шлет,
 Пред кем трепещет царь Тиридат. О ты,
 Пимплея, муза ликованья
 Чистых ключей, увенчай, сплетая

Цветы в гирлянде, милого Ламня.
Коль слово косо, так славословь со мной,
Под хор сестер лесбосским плектром —
Песнею Ламня обессмерти!

* * *

К пирующим

Не для сраженнїи чаши пазначены,
А для веселья скромного в добрый час.
Ну что за варварский обычай
Распрей кровавой кончатъ пирунку!

Вино и свечи, право, не вяжутся
С мечом мидийским. Други, уймите крик!
Долой бесчинство! Крепче левой
Облокотись и пируй пристойно.

И мне палили щедро фалернского,
Не разбавляя. Пусть же признается
Мегиллы брат, с какого неба
Ранен он насмерть и чьей стрелою.

Ах, он уперся! Только за выкуп нью!
Плати признанием! Кто б ни была она,
Огопь стыда не жжет Веперы,
Ты благородной любовью грешен.

Так пачистую! Смело выкладывай!
Надежны уши. Ну же! О, мученик!
Увы, какой Харибде гиблой
Ты отдаешь свой чистейший пламень!

Какая ведьма или фессалийский маг,
Какое зелье может спасти тебя?
Иль бог? От такой химеры
Даже Пегас не упас бы чудом.

О царица Книда, царица Пафа,
 Спизойди, Венера, в волнах курений
 С Кипра в светлый дом молодой Гликеры,
 Вняв ее зову.

Пусть с тобой спешат и твой мальчик пылкий,
 Грации в своих вольных тканях, шимфы.
 Без тебя тоской повिताя Геба,
 С пей и Меркурий.

Что просит в новом храме поэт себе
 У Аполлона? И с возлиянием
 О чем он молит? Не богатых
 Просит он нив среди полей Сардинских,

Не стад обильных в жаркой Калабрии,
 Не злата с костью белой из Индии,
 Не тех угодий, что спокойным
 Током живет молчаливый Лирис.

Пускай снимают гроздь каленские,
 Кому Фортуна их предоставила;
 Пусть пьет кунец хоть золотым
 Чашами вина — свою наживу, —

Богов любимец, ибо не раз в году
 Простор он видит вод Атлантических
 Без наказания. Мне ж оливки,
 Мне лишь цикорий да мальвы — пища.

Так дай прожить мне тем, что имею я,
 О сын Латоны! Дай мне, молю тебя,
 Здоровья и с рассудком здравым
 Светлую старость в союзе с лирой.

Ли́ра! Нас зовут. Коль в тени мы пели
 В час досуга песнь, что прожить достойна
 Год иль много лет, — то сложи теперь мне
 Римскую песню.

На небе звенел граждаппи лесбосский,
 Грозный на войне, а в минуты мира,
 Подводя корабль, изможденный бурей,
 К берегу сырому,

Певший Вакха, Муз и Венеру с сыном,
 Что повсюду с ней неразлучно рядом,
 И красавца Лика глаза и кудри
 С черным отливом.

Феба ты краса, на пирах Юпитер
 Рад тебе внимать, от трудов ты сладкий
 Отдых всем даешь, я к тебе взываю
 Благоговейно!

Альбий, полно терзать память Гликерою,
 Вероломную клясть, полно элегии,
 Полуночник, слагать — знаю, затмил тебя
 Мальчуган у отступницы.

К Киру пьяная страсть жжет Ликориду. Лоб
 Узкий хмурит она. Кир же к Фолое льнет,
 Недотроге, — скорей волки Апулии
 Коз покроют неугаших,

Чем Фолоя впадет в грех любострастия.
 Знать, Вечере дано души несродные
 И тела сопрягать уз неразрывностью
 По злокозненной прихоти,

Открывалось и мне небо любви, но был
Я Мирталой пленен вольноотпущенной:
Притянула меня яростней Адрия
Близ излучин Калабрии.

* * *

Отречение

Пока, безумной мудрости преданный,
Я перадивным богопоклонником
Беспечно жил, я заблуждался.
Ныне ладью повернул и правлю

К теченьям давним. Тучегопитель-бог,
Сверканьем молний тьму рассказующий,
Вдруг прогремел на колеснице
По небу ясному четвернею:

И твердь от грома, реки-скиталицы,
И Стикс, и недра Тартаром страшного
Тенара, и предел Атланта
Потрясены. Переменчив жребий:

Возвысить властен бог из ничтожества
И гордых славой ввергнуть в бесславие.
Смеясь, сорвет венец Фортуна
И, улыбаясь, им увенчает.

* * *

К пирующим

Теперь — пируем! Вольной ногой теперь
Ударим оземь! Время пришло, друзья,
Салийским щедро угощеньем
Ложка кумиров почтить во храме!

Нам в погребях нельзя было дедовских
Цедить вино, доколь, Капитолию
Разгром готова, государству
Смела в безумье грозить царица

С порочной сворой хворых любимчиков,
Мечтам не зная дерзостным удержу,
Сама от сладостной удачи
Пьяная, но поубавил буйство,

Когда один лишь спасся от пламени
Корабль, и душу, разгоряченную
Впном Египта, в должный трепет
Цезарь поверг, на упругих веслах

Гоня беглянку прочь от Италии,
Как гонит ястреб робкого голубя
Иль в снежном поле фессалийском
Зайца — охотник. Готовил цепи

Оп роковому диву. Но доблестней
Себе искала женщина гибели:
Не закололась малодушно,
К дальним краям не помчалась морем.

Взглянуть смогла на пепел палат своих
Спокойным взором и, разъяренных змей
Бесстрашно в руки взяв, смертельным
Тело свое напитала ядом,

Вдвойне отважна, — так, умереть решив,
Не допустила, чтобы ладья врагов
Венца лишённую царшу
Мчала рабкой на триумф их гордый.

* * *

К прислужнику

Неприятна, мальчик, мне роскошь персов,
Не хочу венков, заплетенных лыком.
Перестань искать, где еще осталась
Поздняя роза.

Нет, прошу — ни с чем не свивай прилежно
Мирт простой. Тебе он идет, прислужник,
Также мне пристал он, когда под сенью
Пью виноградной.

Квинту Деллию

За мудрость духа! Круто придется ли —
 Невозмутимость выкажи, счастье ли
 Сверкнет — смири восторгов бурю,
 Ибо ты смертен, о друг мой Деллий:

Рабом ли скорби ты проскучаешь век,
 Рабом ли неги с кубком фалериского,
 В траве под небом полулежа,
 Вкусишь ты, празднуя, дни блаженства.

Зачем, скажи мне, тополь серебряный,
 Сплетаясь ветвями с мощной сосной, зовет
 Под сень прохладную и воды
 Перебегают в ручье нагорном?

Вина подать нам! Нежный бальзам сюда!
 Рассыпать розы, краткие прелестью,
 Пока дела, года и нити
 Черные Парок не возбраняют.

А там усадьбу — домик с угожьями,
 Где плещут волны желтые Тибра, — все,
 Что ты скушал, конил годами,
 Неотвратимый наследник примет.

Будь ты потомком древнего Инаха,
 Будь богатеем, будь простолюдином,
 Будь нищим без гроша и крова,
 Ты обречен преисподней — Орку.

Вращайся, урна! Рапо ли, поздно ли,
 Но рок свершится, жребии выпадут,
 И увлечет ладья Харона
 Нас в безвозвратную мглу изгнанья.

* * *

Ксантию Фокейцу

Ксантий, нет стыда и в любви к рабыне!
Вспомни, не раба ль Брисенда белым
Телом ураган пробудила в гордом
Сердце Ахилла?

Не был ли пленен красотой Текмессы,
Пленицы, Аянт — Теламона племя?
Не Атрида ль страсть опалила к деве,
Жадно добытой,

В час, когда в дыму закружились башни
Трон под стеной фессалийца Пирра,
Гектор пал — и град стал добычей легкой
Грекам усталым.

Ты смущен: тебя назовет ли зятем
Важная родня золотой Филлиды?
Явно, кровь царей у красотки — только
Доля чернавки.

Верь, такую дочь от трущобной черни
Не рождала мать, как дитя позора:
И верна по гроб, и чужда корысти —
Чудо и только.

Одобряю я и лицо, и руки,
Голени ее, — не ревнуй, приятель,
Где уж мне! Вот-вот, как ни грустно, стукнет
Полностью сорок.

* * *

К Септимию

Ты со мною рад и к столпам Геракла,
И к кантабрам плыть, непривычным к игу,
И в Ливийский край, где клопочут в Сирте
Маврские волны.

Ну, а мне милей в пожилые годы
Тибур, что воздвиг гражданин Аргосский,—
Отдохну я там от тревог военных
Суши и моря.

Если ж злые в том мне откажут Парки,
Я пойду в тот край, для овец отрадней,
Где шумит Галез, где когда-то было
Царство Фаланта.

Этот уголок мне давно по сердцу,
Мед не хуже там, чем с Гиметских склонов,
А плоды олив без труда поспорят
С пышным Венафром.

Там весна долга, там дарит Юпитер
Смену теплых зим, и Авлон, что Вакху-
Плодоносу люб, зависти не знает
К лозам Фалерна.

Тот блаженный край и его стремнины
Ждут меня с тобой, там слезою должной
Ты почтишь, скорбя, неостывший пепел
Друга-поэта.

* * *

На возвращение Помпея Вара

В дни бурь и бедствий, друг неразлучный мой,
Былой свидетель Брутовой гибели,
Каким ты чудом очутился
Снова у нас под родимым небом?

Помпей, о лучший из собутыльников,
Ты помнишь, как мы время до вечера
С тобой за чашей коротали,
Вымочив волосы в благовоньях?

Ты был со мною в день замешательства,
Когда я бросил щит под Филиппами
И, в прах зарыв покорно лица,
Войско сложило свое оружие.

Меня Меркурий с поля сражения
В тумане вынес воп незамеченным,
А ты подхвачен был теченьем
В новые войны, как в волны моря.

Но ты вернулся, слава Юпитеру!
Воздай ему за это пирушкой:
Уставшее в походах тело
Надо расправить под сенью лавра.

Забудемся над чашами массика,
Натремся маслом ароматическим,
И нам сплетут венки из мирта
Или из свежего сельдерея.

Кто будет пира распорядителем?
Клянусь тебе, я буду дурачиться
Не хуже выпивших фракийцев
В честь возвращенья такого друга.

* * *

К Лицинию Мурене

Будень жить ладней, не стремясь, Лициний,
Часто в даль морей, где опасны бури,
Но и не теснясь к берегам перовным
И ненадежным.

Тот, кто золотой середине верен,
Мудро избежит и убогой кровли,
И того, что зависть в других питает,—
Дивных чертогов.

Чаще треплет вихрь великаны-сосны;
Тяжелей обвал высочайших башен,
И вершины гор привлекают чаще
Мощный удары.

Кто умен, тот ждет перемены ветра
И в наильве бед, и в лукавом счастье.
И приводит к нам, и уводит зимы
Тот же Юпитер.

Пусть и горек час — не всегда так будет!
Не всегда и Феб потрясает луком:
Наступает миг — и струной он будит
Сонную Музу.

Силен духом будь, не клонись в напасти,
А когда вовсю дует ветер попутный,
Мудро сократи, подобрав немного,
Вздувшийся парус.

* * *

Постуму

О Постум! Постум! Льются, скользят года!
Какой молитвой мы отдалим приход
Морщин и старости грядущей,
И неотступной от смертных смерти?

Хотя б трехстамп в день гекатомбами
Ты чтил Плутона неумолимого,
Волной печальной Леты властно
Скован навек Гернон трехтелый

И дерзкий Титий. Друг мой, увы, и мы,
Земли питомцы, переплывем предел
Реки скорбей — богов потомки
Иль обнищавшие мы подошки.

Кровавой битвы зря избегаем мы
И воли громовых бурного Адрия
И зря оберегаем тело
От вредоносных ветров осенних.

Дано узреть нам мутный и медленный
Коцит, во мраке ада блуждающий,
И Данаид бесславных длани,
И нескончаемый труд Сизифа.

Дано покинуть землю, и дом, и плоть
Жены, и сколько б ты ни растил дерев,
За кратковременным владыкой
Лишь кипарис безотрадный сходит.

А мот-наследник, смело откупорив
Цекуб, хранимый в дедовском погребѣ,
Достойный кубка понтификов,
На пол рукою прольет небрежной.

* * *

О римской роскоши

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняет платан безбрачный

Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены масляны рощи,
Столько плодов приносившей прежде;

И лавр густою переял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый, —
Предки другой нам пример давали.

Скромны доходы были у каждого,
Но умножалась общая собственность;
В своих домах не знали предки
Портиков длинных, лицом на север,

Простым дерном умели не брезговать,
И дозволяли камень обтесанный
Лишь в государственных постройках
Да при убранстве священных храмов.

* * *

Гросфу Помпею

Мира у богов при дыханье шквала
Молит мореход. Над Эгеем тучи
Месяц кроют тьмой, поглотив мерцанье
Звезд путеводных.

Мира! — Пыл бойца остудил фракнец.
Мира! — Мид устал колыхать колчаном.
Где же купишь, Гросф, этот мир за геммы,
Злато иль пурпур?

Роскошью прикрой, консуларским саном:
Крикнет ликтор: «Эй! Сторонитесь!» Тщетно:
Вьется рой забот под лепным карнизом,
Ум суетится.

Труженик простой упрощает счастье:
Отчая блеснит на столе солонка,
Легких снов его не тревожит алчность,
Страх да оглядка.

Краток жизни срок, а желаньям жадным
Нет числа. Зачем? И зачем так машит
Свет шших земель? От себя едва ли
Бегством спасемся.

Всходит и на борт корабля забота,
Коншиков она, как ни шпорь, догонит —
Диких серп быстрее и быстрее бури,
Слушницы Эвра.

Чем душа жива, тем живи сегодня.
Завтра счет иной. И в лазурном смехе
Горечь утопи. Не бывает счастья
Без червоточин.

Славец был Ахилл, да недолго прожил.
Долго жил Тифон — все старел и высох.
Может быть, тот час, что тебе на гибель,—
Мне во спасенье.

У тебя мычат по лугам коровы,
Кобылица ржет — к четверце по масти,
Плащ роскошен твой — из багряной шерсти,
Крашенной дважды.

Я же принял в дар от неживой Парки
Деревеньку, дух эолийской музы,
Утонченный стиль да еще презренье
К черни зловредной.

Гимн Вакху

Я Вакха видел, — верьте мне, правнуки,
Учил он песням в дальней расселине,
И нимфы-ученицы, вторя,
Всё озирались на уши фавнов.

Эво! трепещет и потрясен мой ум.
Я полон Вакха и ликования.
Зову, дрожу, эво! пьянею.
О, пощади, не грози мне тирсом.

В стихи виденья просятся: дикие
Бегут вакханки, бьет искрометный ключ
Струей вина, близ рек молочных
Мед из дуплистых деревьев сочится.

В дыму видений к звездам возносится
Стан Ариадны. Вижу, как рушится
Чертог безумного Пентея,
Вижу Ликурга-фракияца гибель.

Ты оплетаешь реки притоками,
Ты укрощаешь море Индийское,
Ты волосы менад, хмелея,
Вдруг перетиашешь узлом змеиным.

Ты опрокинул Рета, грозящего
Свирепой пастью, лапами львиными,
Когда гиганты штурмовали
Трон Олимпийца ордой безбожной.

Хотя ты склонен к пляске и пению,
К игре и шуткам и не для битв рожден,
Не мастер наносить удары, —
Равен ты мощью в войне и мире.

Тебя увидя, золоторогого,
У врат айда, Цербер, виляющий
Хвостом, всей пастью трезычной
Лижет покорно твои колени.

* * *

К Меценату

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликкий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.

Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Уже я чую: тоньше становятся
Под грубой кожей скрытые голени —
Я белой птицей стал, и перья
Руки и плечи мои одели.

Лета быстрее сына Дедалова,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора брег, заливы Сирта,
Гиперборейских полей безбрежность,

Меня узнают даки, таящие
Свой страх пред римским строем, колхидяне,
Гелоны дальние, иберы,
Галлы, которых питает Рона.

Не надо плача в дни мнимых похорон,
Ни причитаний жалких и горести.
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

* * *

К хору юношей и девушек

Противна чернь мне, чуждая тайн моих,
Благоговейте молча: служитель муз —
Досель неслыханные песни
Девам и юношам я слагаю.

Цари грозны для трепетных подданных,
А бог Юпитер грозен самим царям:
Велик крушением Гигантов,
Мир он колеблет движеньем брови.

Иной раскинет шире ряды борозд
В своих поместьях; родом знатней, другой
Сойдет за почестями в поле;
Третьего выдвинут нрав и слава;

Четвертый горд толпою приспешников;
Но без пристрастья жребьем реиает смерть
Судьбу и знатных и ничтожных:
В урне равны имена людские.

Кто чует миг над шеей преступною,
Тому не в радость яства Сицилии:
Ни мирный звон, ни птичье пенье
Сна не воротят душе тревожной.

А миротворный сон не гнушается
Лачугой скромной сельского жителя,
Реки теплого побережья,
Зыблемых ветром лощин Темпейских.

Лишь тем, кому довольно насущного,
Совсем не страшен бурного моря шум,
Когда нагрянет буйным вихрем
Гед, восходя, иль Арктур, склоняясь;

Не страшен град над винными лозами,
И не страшна земля, недовольная
То ливнем злым, то летней сушью,
То холодами зимы суровой.

А здесь и рыбам тесно в пучине вод —
За глыбой глыба рушится с берега,
И вновь рабов подрядчик гонит:
Места себе не найдет хозяин

На прежней суше. Но и сюда за ним
Несутся следом Страх и Предчувствия,
И на корабль взойдет Забота
И за седлом примостится конским.

Так если нам ни мрамором Фригии,
Ни ярче звезд блистающим пурпуром,
    Ни соком лоз, ни нардом персов
    Не успокоить душевной муки,—

Зачем я буду строить на новый лад
Чертоги с пышным входом? Зачем менять
    На хлопотливые богатства
    Мирные шивы долин Сабинских?

* * *

К римскому юношеству

Военным долгом призванный, юноша
Готов да будет к тяжким лишениям;
    Да будет грозен он парфянам
    В бешеной схватке коньком подъятым.

Без крова жить среди бранных опасностей
Пусть он привыкнет. Пусть, увидав его
    Со стен твердыни вражьей, молвит
    Дочке-невесте жена тирапа:

«Ах, как бы зять наш будущий, царственный,
В искусстве ратном мало лишь сведущий,
    Не раззадорил льва, что в сечу
    Бурно кидается в яром гнев!»

И честь и радость — пасть за отечество!
А смерть равно разит и бегущего
    И не щадит у тех, кто робок,
    Спин и поджилок затрепетавших.

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет Доблесть славой немеркнувшей
    И не приемлет, не слагает
    Власти по прихоти толп народных.

И, открывая небо достойному
Бессмертья, Доблесть рвется заказанным
    Путем подняться и на крыльях
    Быстро летит от толпы и грязи.

Но есть награда также молчанию:
И если кто нарушит Церерыны
Святые тайны, то его я
Не потерплю под одною кровлей

Иль в том же челне. Часто Дпéспитер
Карает в гневе с грешным невинного;
А кто воистину преступен,
Тех не упустит хромая Кара.

* * *

Астерия и Гиг

Гиг вернется, не плачь! Ветры весной тебе,
Астерия, примчат верного юношу,—
А товары какие
Вывез Гиг из Вифинии!

Гиг вернется,— его к берегу Орика
Нот свирепый занес в пору безумства бурь.
Там в холодной постели
Ночь за ночью он слезы льет.

Был подослан женой юной хозяйна
К Гигу сводник: «Больна Хлоя, несчастную
Твой же пламень сжигает,—
Так посол уещал его.—

Близок был и Пелей к мрачному Тартару:
Исполиту отверг. Гибель настгла бы,
Но...» Всё новые были
Греховодную шить плели.

Тицетно! Глух, как скала дальней Икарин,
Гиг внимает словам. Сердцем он тверд. И ты
Эпшею, соседу,
Не дарю, Астерия, глаз.

Он наездник лихой! Пусть же гарцует он!
В поле Марсовом нет равных соперников,—
Пусть пловцов пересилит,
Рассекая ладонью Тибр,—

Только к ночи запри дверь, не выглядывай
Из окна на призыв флейты и, жалобы
И упрек принимая,
К переулку жестокой будь.

* * *

К Лидии

— Мил доколе я был тебе,
И не смел ни один юноша белую
Шею нежно рукой обвить,
Я счастливее жил, нежели персов царь.

— Ты доколь не пылал к другой
Страстью, не возносил Хлою над Лидией,
С громким именем Лидия,
Я счастливей жила римляпки Илли.

— Покорен я фракиянкой,—
Хлоя сладко поет, лире обучена.
За нее умереть готов,
Только жизни бы срок девушке рок продлил.

— Мы взаимно огнем горим,
Я и Калаид, сын Орнита-эллина.
Дважды ради него умру,
Только жизни бы срок юноше рок продлил.

— Что, коль вновь возвратится страсть
И железным ярмом свяжет расставшихся?
Что, коль рыжую Хлою — прочь,
И отворится дверь брошенной Лидии?

— Хоть звезды он прекраснее,
Ты же легче щены, непостоянное
Адриатики бешеной,—
Жить с тобою хочу и умереть, любя!

* * *

Лице

Если б даже струя Доша далекого
Утоляла тебя в доме у варвара,
Ты меня у твоей двери, продрогшего
На ветру, пожалела бы.

Лица, вслушайся в ночь: створы ворот скрипят,
Там, под кровлями вилл, воем на вой ветров
Отзывается сад, и леденит снега
Сам Юпитер, властитель стуж.

Пред любовью сломил жестокосердие,
Берегись, побежит вспять колесо судьбы,
Иль тиренец тебя недосыгаемой
Пенелопой на свет родил?

Ах, тебя ни мольбы, ни драгоценный дар,
Ни влюбленной толпы бледность — фиалки цвет,
Не преклонят, ни мечь мужу, гречашкою
Уязвленному. Смилуйся,

Поощади! Хотя ты сердцем, как дуб, мягка
И нежней, чем укусы змей Мавританни.
Мне ли век под дождем, даже с небес любви,
У порога погоды ждать?

* * *

К лире

О Меркурии, мог Амфион кифарой
Камни громоздить — ученик твой верный:
Так звени же в лад, черепаха! Пой мне,
Щит семиструнный!

Говорливой ты не бывала прежде.
Ныне голос твой — на пиру и в храме.
Так звени же в лад! Да преклонит Лида
Слух прихотливый.

Я б сравнил ее с кобылицей в поле:
Любо ей играть — не дается в руки,
Брачных уз бежит, отбивая круто
Натиск влюбленных.

Лира, за тобой, чаровницей, тигры
И леса толпой. Ты звенишь, и реки
Замедляют бег, и, замороженный
Вратарь Аида,

Цербер путь тебе уступает: змея
Злобно по плечам у него клубятся,
Смрадом дышит пасть, и слюна сочится
Из трезычной.

И невольный вздох Икснон и Титний,
Просветлев лицом, издают, и урна
Данаид суха, пока ты жестоких
Песней пленяешь.

Спой же Лиде былль о преступных девах,
Расскажи, за что их карают казнию,
Осудив черпать для бездонной бочки
Воду бессрочно.

Спой об их судьбе и во мраке Орка.
Прокляты они! И на что дерзнули!..
Прокляты! Мужей-новобрачных ночью
Сонных зарезать!

Но одна из дев, клятвопреступленьем
Осквернив уста, освятила брак свой
И за то почет обрела навеки
Ложью высокой.

«Встань, — сказала, — встань, пробудись, супруг мой,
Пробудись, пль сон непробудным станет.
Тестя обмани и сестер бесчестных,
Встань, мой желанный!

Словно стая львиц меж телят, лютуя,
Юношей они в одиночку губят.
Я душой нежна: не убью, не брошу
Друга в темницу.

Пусть отец меня отягчит цепями
Лишь за то, что я пожалела мужа,
Или пусть сошлет на край света морем
К дальним нумидам.

О, беги, молю, без оглядки, мпльй,
Пока ночь тебе и любовь защитой!
Добрый путь! А мне, горемычной, вырежь
Надпись над гробом».

* * *

Раздумье Небулы

О, как грустно, Небула, избегать игры Амура,
Не осмелиться похмельем смыть тоску, а осмелеешь,
Языком отхлещет ментор.

Где же, баловень Киферы, где плетенка для кудели,
Трудолюбие Минервы? Ты унес их в свиденья
О красавце из Липары.

Как у юноши, у Гебра, тиберийскою волною
Торс лоснящийся омочит — он затмит Беллерофонта,
И в борьбе и в беге спорый,

Он оленя на поляне вдоль стремительного стада
Легким дротиком пагонит, кабана в колючей чаще
На рогатину подденет.

*

Бандузийский ключ

Ключ, звенящий хрусталь, мой Бандузийский ключ
Я бы чистым вином, я бы венком почтил.
Жди же козлика в жертву.
Уж набухли на лбу его

Рожки, пыла любви буйные вестники.
Но не буйствовать им. В струи студеные,
Берег твой обогащая,
Брызнет кровь у питомца стад.

Не иссушит тебя жгучим лобзаньем луч
В пору Сириуса, ты — прохлада и сень
Утомленным от плуга
Бугаям и отарам гор.

Будь прославлен, мой ключ! Будь из ключей ключом,
В честь твою восхваляю дуб над расщелиной,
Там, где ток говорливый
Струй твоих по камням бурлит.

* * *

К Фавну

Фави, о нимф преследователь пугливых!
По полям открытым моих владений
Благостен пройди и уйди заботлив
К юным приплодам.

И ягненок заклан к исходу года,
И вина достанет у нас для полных
Чаш, подруг любви, и алтарь старинный —
В дымке курений.

Вон стада на злчных лугах резвятся,—
Возвратились дни твоих нон декабрьских,
И гуляет рядом с волом досужим
Люд деревенский.

Бродит волк в отаре — не страшно овцам.
В честь твою листву осыпают рощи.
Пахарь рад, что трижды ногой ударил
Злостную землю.

Вакх, я полон тобой! Куда
 Увлекаешь меня? В рощи ли, в гроты ли
 Вдохновение мчит меня?
 Где, в пещере какой Цезаря славного,

Блеск извечный стихом своим
 Вознесу я к звездам, к трону Юпитера?
 Небывалое буду петь
 И доселе никем в мире не петое!

Как вакханка, восстав от сна,
 Видя Гебр пред собой, спешную Фракию
 И Родою, что лишь варварской
 Попираем стопой, диву дивуется,

Так, с пути своего сойдя,
 Я на берег дивлюсь и на пустынный лес.
 Вождь наяд и менад, легко
 Стройный ясець рукой вмиг исторгающих,

Петь ничтожное, долнее
 Больше я не могу! Сладко и боязно,
 О Ленси, за тобой идти,
 За тобою, лозой лоб свой венчающим.

* * *

Девцам долго знал я, чем правиться,
 И был в любви достойным воителем,—
 Теперь оружие и лиру
 После побед их стена та примет,

Что охраняет образ Венеры нам.
 Сюда, сюда несите вы факелы
 И грозные воротам вражьи
 Крепкие ломы, крутые луки.

О золотого Кипра владычица
И стен Мемфиса, вечно бесснежного!
Высоко поднятым бичом ты
Раз хоть коснись непокорной Хлоп!

* * *

Позищение Европы

Пусть напутствует печестивых криком
Птица бед, сова, или завыванье
Суки, иль лисы, или ланувийской
Щенной волчицы.

Пусть пересечет им змея дорогу,
Чтоб шарахнулись от испуга кони.
Я же в час тревог о далеком друге —
Верный гадатель.

К ворону взову: от восхода солнца
Пусть летит ко мне для приметы доброй,
Прежде чем уйдет пред непастьем в тонн
Вещая птица.

Помни обо мне, Галатея, в счастье
Для тебя одной все дороги глажу,
Чтобы дятла стук иль ворона слева
Не задержали.

Видишь, как дрожит и тревожно блещет
На краю небес Орнон? Несет ли
Адрий черный шторм или Япиг грозы,—
Все прозреваю.

Пусть на вражьих жен и детей обрушит
В бешенстве слепом ураган востока
Злой пучины рев и прибрежный грохот
Скал потрясенных.

О, припомни быль, как Европа, тело
Белое быку, хитрецу, доверив,
Побледила вдруг: закипело море
Тьмою чудовищ.

На заре цветы по лугам сбирала
И венки плела так искусно нимфам,
А теперь кругом, куда зор ни кинуть,—
Звезды да волны.

Вот на брег крутой многоградный Крита
Выбралась в слезах, восклицая: «Славу
Добрую мою, о отец, и скромность
Страсть победила!

Где? Откуда я? Только смерть искупит
Мой девичий грех. Наяву ли плачу,
Вспоминая срам, или пещорочной
Девой играют

Призраки, пустых свидений сонмы,
Пролетев порог из слоновой кости?
Ах, что лучше: плыть по волнам или в поле
Рвать новилику?

Если бы сейчас мне попался в руки
Тот проклятый бык, я бы истерзала
Милого дружка, я б рога сломала
В ярости зверю.

Стыд мне, стыд, увы! Позабыть пенаты!
Стыд мне, жгучий стыд! Смерть зову и медлю.
Лучше б мне блуждать среди львов, о боги,
В полдень нагою.

Но пока еще не запали щекп
И бурлива кровь у добычи нежной,
Красотой моей, о, молю, насытьте
Тигров голодных».

«Жалкая, — твердит мне отец далекий, —
Что ж не смеешь ты умереть, Европа?
Пояс при тебе. Вот и ясен. Только —
Петлю на шею.

Иль тебе милей об утесы биться,
О зубцы камней? Так вверяйся буре,
И раздумье прочь!.. Или ты, царевна,
Предпочитаешь

Быть второй и шерсть теревить для ложа
Варварки, твоей госпожи?» Горюет

Дева, и, смеясь, так коварно внемлют
Плачу Венера

И Амур-шалун с отзвеневшим луком.
А повеселясь: «Берегись,— сй молвит,—
Удержи свой гнев, коль рога преклонит
Бык примпренно.

Знай, тебя любил, как жену, Юпитер.
Так не плачь навзрыд и судьбу Европы
С гордостью неси. Твое имя примет
Вскоре полмира».

* * *

В праздник Нептуналий

Как отпраздновать веселей
День Нептуна? Открой, Лида, цесубское,
Дар заветный, о мой провор,
Искру жизни придай чопорной мудрости.

Полдень клонится в тень, а ты
Медлишь, словно застыл в небе летучий день,
Не выносишь из погребя
Нам амфору времен консульства Бибула.

Мы прославим Нептуна мощь,
Неренд волоса густо-зеленые
И на лире изогнутой
Мать Латону и бег Цинтии-лучницы.

Завершим же владычицей,
Что над Кинидом царит и над Кикладами:
Мчат на Паф ее лебеди,
Но достойна и Ночь горестной пении.

* * *

Памятник

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни спедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд

Нескончасмых лет, время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похороп. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Назван буду везде — там, где пенстовый
Авфид ропщет, где Дави, скудный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,
Первым я приобщил песню Эолни
К италлийским стихам. Славою заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

* * *

К Юлу Антонию

Тот, держась на крыльях, скрепленных воском,
Морю имя дать обречен, как Икар,
Кто, о Юл, в стихах состязаться дерзко
С Пиндаром тщится.

Как с горы поток, папосный ливнем
Сверх своих берегов, устремляет воды,
Рвется так, кинит глубиной безмерной
Пиндара слово.

Фебова венца он достоин всюду —
Новые ль слова в дифирамбах смелых
Катит, мчится ль вдруг, отрешив законы,
Вольным размером;

Славит ли богов или царей, героев,
Тех, что смерть песли подделом кентаврам,
Смерть Химере, всех приводившей в трепет
Огненной пастью;

Иль поет копя и борца, который
С игр элидских в дом возвратился в славе,
Песню, в честь его, одарив, что сотни
Статуй ценнее;

С скорбною ль женой об утрате мужа
Плачет, ей до звезд его силу славит,
Нрав златой и доблесть, из тьмы забвенья
Вырвав у смерти.

Полным ветром мчится диркейский лебедь
Всякий раз, как ввысь к облакам далеким
Держит путь он, я же пчеле подобен
Склонов Матина:

Как она, с трудом величайшим, сладкий
Мед с цветов берет ароматных, так же
Средь тибурских роц я слагаю скромно
Трудные песни.

Лучше ты, поэт, полпозвучным плектром
Нам споешь о том, как, украшен лавром,
Цезарь будет влечь через Холм священный
Диких сггабров.

Выше, лучше здесь ничего не дали
Боги нам и рок, не дадут и впредь нам,
Даже если б вдруг времена вернулись
Века золотого.

Будешь петь ты радость народа, игры,
Дни, когда от тяжб отрешится форум,
Если бог к мольбам снизойдет, чтоб храбрый
Август вернулся.

Вот тогда и я подиевать отважусь,
Если только речь мою стоит слушать,
Цезаря возврат привечая: «Славься,
Ясное солнце!»

«О, триумф!» — не раз на его дороге,
«О, триумф!» — не раз возгласим, ликуя,
И воскурит Рим благосклонным вышним
Сладостный ладан.

Твой обет — волов и коров по десять,
Мой обет — один лишь бычок, который
Уж покинул мать и на сочных травах
В возраст приходит.

У него рога — словно серп на небе
В третий день луны молодой; примета
Есть на лбу — бела, как полоска снега,—
Сам же он рыжий.

* * *

Манлию Торквату

Снег покидает поля, зеленеют кудрявые травы,
В буйном цвету дерева.
Облик меняет земля, что ни день, то спокойнее в руслах
Шумные воды бегут.

Грация стала смелей, повела в хороводе — нагая —
Нимф и сестер-близнецов.
Что нам бессмертия ждать? Похищает летучее время
Наши блаженные дни.

Стужу развеял Зефир, но и лето весну молодую
Губит и гибнет само,
Не принимая даров, что приносит нам осень. И снова
Зимние бури придут.

В круговороте времен возмещается месяцем месяц,
Мы же, в загробную мглу
Канув, как пращур Эней, или Тулл, или Анк, превратимся
В пыль и бесплотную тень.

Кто поклянется тебе, о Торкват, что не будет последним
Завтрашний день для тебя!
Все, что при жизни скопил, да минует наследников жадных,
Рук не минуя твоих.

Если ты завтра умрешь и Минос на суде преисподнем
Свой приговор изречет,
Ни красноречье твое, ни твоя родовитость, ни кротость
К жизни тебя не вернут.

Даже Диана сама не могла своего Ипполита
Девственный прах оживить,
Даже Тезей не разбил на застывших руках Пиритоя
Леты холодных цепей.

Поверь, погибнуть рок не судил словам,
 Что я, рожденный там, где шумит Авфид,
 С досель неведомым искусством
 Складывал в песни под звуки лиры.

Хотя Гомер и первый в ряду певцов,
 Но все же Пиндар, все же гроза — Алкей,
 Степенный Стесихор, Кеосец
 Скорбный, — еще не забыты славой.

Не стерло время песен, что пел, шутя,
 Анакреонт, и дышит еще любовь,
 И живы, вверенные струнам,
 Пылкие песни Лесбийской девы.

Ведь не одна Елена Лаконская
 Горела страстью к гостю-любовнику,
 И пленяя лицом его и платьем,
 Роскошью царской и пышной свитой.

И Тевкр не первый стрелы умел пускать
 Из луков критских; Троя была не раз
 В осаде; не одни сражались
 Идоменей и Сфенел — герои

В боях, достойных пення Муз, приял
 Свирепый Гектор и Деифоб лихой
 Не первым тяжкие удары
 В битвах за жен и детей сограждан.

Немало храбрых до Агамемнона
 На свете жило, но, не оплаканы,
 Они томятся в вечном мраке —
 Вещего не дал им рок поэта.

Талант безвестный близок к бездарности,
 Зарытой в землю. Лоллий! Стихи мои
 Тебя без славы не оставят;
 Не уступлю я твоих деяний

В добычу алчной пасти забвения.
Тебе природой ум дальновидный дан,
    Душою прям и тверд всегда ты
    В благоприятных делах и трудных;

Каратель строгий жадных обманищников —
Ты чужд корысти всеувлекающей;
    Ты не на год лишь консул в Риме —
    Вечно ты консул, пока ты судишь,

Превыше личной выгоды ставя честь,
Людей преступных прочь отметаешь дар
    И сквозь толпу враждебной черни
    Доблесть проносишь, как меч победный.

Не тот счастливым вправе назваться, кто
Владеет многим: имя счастливого
    К лицу тому лишь, кто умеет
    Вышних даянья вкушать разумно,

Спокойно терпит бедность суровую,
Боятся пуще смерти постыдных дел,
    Но за друзей и за отчизну
    Смерти навстречу пойдет без страха.

* * *

В день рождения Мецената

Есть кувшин вина у меня, Филлида,
Девять лет храпю альбанни душистый,
Есть и сельдерей для венков, разросся
    Плющ в изобилье.

Кудри им обвей — ослепишь красою.
В доме у меня серебро сместя,
Лаврами алтарь оплетен и алчет
    Крови ягненка.

Полон двор людей. Суета. Хлопочут
И спуют туда и сюда подростки,
Девушки. Огня языки завилась
    Клубами дыма.

В честь кого даю этот пир — не скрою:
Иды подошли. Мой апрель любимый.
Пополам они разделяют — месяц
Пеннорожденной.

Свят мне этот день и почти святее
Дня рожденья. Знай, этот день отметив,
Долгих лет число Меценат мой новым
Годом пополнит.

Не видать тебе Телефа. Богачка
У тебя его перебила ловко
И к ноге своей приковала цепью,
Пленнику милой.

Дерзкою мечтой одержимых учит —
Это ль не урок! — Фаэтон сожженный.
Сбросил и Пегас с облаков на землю
Беллерофонта.

Достижимого домогайся. В мире
О несбыточном и мечтать напрасно.
Ровню выбирай. Так приходи, мой вечер
Неги любовной.

Жду тебя; к другой уж не вспыхну страстью.
Поздно. Не забудь разучить размеры.
Милый голос твой их снует: смиряет
Песня тревогу.

* * *

Вергилию

Уже веют весной ветры фракийские,
Гонят вдаль паруса, море баюкая,
Не гремят от снегов реки набухшие,
Цепенея, не снят луга.

Вьет гнездо и зовет жалобно ласточка:
«Итис, Итис, вернись!» Прокля злосчастная.
Опозорила род мезтью кровавою
Сладострастному варвару.

На свирели в траве нежной по пастбищам
Тучных стад пастухи песнями тешатся,
Бога радуя: мил Пану аркадскому
Скот и горной дубравы мрак.

Есть, Вергилий, пора жажды томительной,
Коль по вкусу тебе вина каленские,
Знай, приятель-клиент выпренных нобилей,
Нардом выкупишь Вакха дар.

Банка нарда бутылъ целую выманит,—
Та бутылъ в погребах спит у Сульпиция,
От нее у надежд крылья расплещутся,
Горечь дум как рукой сметет.

Коль согласен вкусить радости пиршества,
Плату мне прихвати! И не подумаю
Безвозмездно тебя, как богатей какой,
Чашей полною потчевать.

Так не медли, отбрось мысли корыстные,
Погребальный костер не за горами — ждет,
Каплю глупости, друг, в бочку премудрости
Примешать иногда не грех.

* * *

Лику

Я богов заклинал, Лику,— заклятиям
Вияли боги. Клянусь, ты постарела, да,
А зангрывать рада?
Слыть красавицей? Пить? Любить?

Запоздалую страсть песней подхлестывать,
Под хмельком вереща: «Эрос!» А он приник
К щечкам Хрипи цветущим,
Мастерицы под цитру петь!

Прихотлив, не летит к дубу усохшему,
Мимо,— мимо тебя, мимо, позорище:
Зубы желты, морщины,
Взбилнсь клочья волос седых.

Нет, забудь, не вернут коскине пурпуры
И камня тебе тех золотых былых
Дней, которые в фастах
Отсчитал календарный рок.

Где же чары твои? Где обаянья дар?
Прелесть пляски? Увы! Где же та Лика, где!
Вся — дыхание страсти,
Чуть поманит — и сам не свой.

Ей на поприще нег даже с Кинарою
Состязаться не грех. Только Кинаре срок
Краткий Парки судили,
А красавице Лике век,

Каркая, коротать старой вороною
На посмешище всем юным искателям
Пылких встреч. Полюбуйтесь-ка:
Факел стал головешкою.

* * *

К Августу

Хотел я грады петь полоненные
И войны, но по лире ударил Феб,
Чтоб не дерзнул я слабый парус
Вверить простору зыбей тирренских.

Твой век, о Цезарь, нивам обилье дал;
Он возвратил Юпитеру нашему,
Сорвав со стен кичливых парфов,
Наши значки; он замкнул святыню

Квирина, без войны опустевшую;
Узду накнул на своеволие,
Губившее правопорядок;
И, обуздавши преступность, к жизни

Возвал былую доблесть, простершую
Латинян имя, мощь италийскую,
И власть, и славу, от заката
Солнца в Гесперии до восхода.

Хранит нас Цезарь, и ни насилие
Мир не нарушит, ни межусобица,
Ни гнев, что меч кует и часто
Город на город враждой подымлет.

Закон покорно вытерпит Юлня,
Кто воду пьет Дулая глубокого,
И сер, и гет, и перс лукавый,
Или же тот, кто близ Дона вырос.

А мы и в будний день, и в день праздничный
Среди даров веселого Либера,
С детьми и с женами своими
Перед богами свершив моленье,

Петь будем по заветам по дедовским
Под звуки флейт про славных вонтелей,
Про Трою нашу, про Анхиза
И про потомка благой Венеры.

Ю б и л е й н ы й   г и м н

Феб и ты, царица лесов, Диана,
Вы, кого мы чтим и кого мы чтили,
Светочи небес, снизойдите к просьбам
В день сей священный —

В день, когда завет повелел Сивиллы
Хору чистых дев и подростков юных
Воспевать богов, под покровом коих
Град семихолмный.

Ты, о Солнце, ты, что даешь и прячешь
День, иным и тем же рождаясь снова,
О, не знай вовек ничего славнее
Города Рима!

Ты, что в срок рожать помогаешь женам,
Будь защитой им, Илифия, кроткой,
Хочешь ли себя называть Люциной
Иль Генитальей.

О, умножь наш род, помоги указам,
Что пздал сенат об идущих замуж,
Дай успех законам, поднять сулящим
Деторождець!

Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной.

Парки! вы, чья песнь предвещает правду:
То, что рок судил, что хранит, пезыблем,
Термин — бог, продлите бывшее счастье
В новые веки!

Хлебом пусть полна и скотом, Церере
В дар Земля венок из колосьев вяжет,
Ветром пусть плоды и живящей влагой
Вскормит Юпитер.

Благосклонно, лук отложив и стрелы,
Юношей услышь, Аполлон, моления!
Ты, царица звезд, о Луна младая,
Девушкам внимли!

Если вами Рим был когда-то создан
И этрусский брег дан в удел троянцам,
Отчий град послушным сменить и Ларов
В бегстве успешном.

За Энеем чистым уйдя, который
Указал им путь из горящей Трои,
Спасшись сам, и дать обещал им больше,
Чем потеряли,—

Боги! честный нрав вы внушите детям,
Боги! старцев вы успокойте кротких,
Роду римлян дав и приплод и блага
С вечною славой.

Всё, о чем, быков принося вам белых,
Молит вас Анхиза, Венеры отпрыск,
Да получит он, ко врагам смиренным
Милости полный.

Вот на суше, на море перс страшится
Ратей грозных, острых секир альбанских,
Вот и гордый скиф, и индеец дальний
Внемлют велениям.

Вот и Верность, Мир, вот и Честь, и древний
Стыд, и Доблесть вновь, из забвенья выйдя,
К нам назад идут, и Обилье с полным
Близится рогом.

Вещий Феб, чей лук на плечах сверкает,
Феб, который люб девяти Каменам,
Феб, который плет исцеленье людям
В тяжких недугах,

Он узрит алтарь Палатинский оком
Добрым, и продлит он навеки Рима
Мощь, из года в год одаряя новым
Счастьем Лацій.

С Алгида ль высот, с Авептина ль внемлет
Здесь мужей пятнадцати гласу Дева,
Всех детей молениям она любовно
Ухо преклонит.

Так решил Юпитер и сонм всевышних,
Верим мы, домой принося надежду,
Мы, чей дружный хор в песнопенье славил
Феба с Днаною.

Эподы

* * *

На Альфия

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Последье дедов пахнет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали, в логу заброшенном,

Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных;
Когда ж в угодьях Осень вскинет голову,
Гордясь плодами зрелыми,—
Как рад снимать он груш плоды отборные
И виноград пурпуровый
Тебе, Приап, как дар, или тебе, отец
Сильван, хранитель вотчины!
Захочет — ляжет иль под дуб развесистый,
Или в траву высокую;
Лепечут воды между тем в русле крутом,
Щебечут птицы по лесу,
Струям же вторят листья нежным шепотом,
Сны павевая легкне...
Когда ж Юпитер-громовержец вызовет
С дождями зиму снежную,
В тепета гонит кабанов свирепых он
Собак послушных сворою
Иль расстилает сети неприметные,
Дроздов ловя прожорливых,
Порой и зайца в петлю ловит робкого,
И журавля залетного.
Ужель тревоги страсти не развеются
Среди всех этих радостей,
Вдобавок, если ты с подругой скромною,
Что нянчит малых детушек,
С какой-нибудь сабинкой, апулийкою,
Под солнцем загоревшею?
Она к приходу мужа утомленного
Очаг зажжет приветливый
И, скот загнав за изгородь, сама пойдет
Сосцы доить упругие,
Затем вина подаст из бочки легкого
И трапезу домашнюю.
Тогда не надо ни лукринских устриц мне,
Ни губана, ни камбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего
Восточный ветер с бурей;
И не прельстят цесарки африканские
Иль рябчики Ионии

Меня сильнее, чем оливки жирные,
С деревьев прямо снятые,
Чем луговой щавель, для тела легкая
Закуска из просвирника,
Или ягненок, к празднику заколотый,
Иль козлик, волком брошенный.
И как отрадно наблюдать за ужином
Овец, бегущих с пастбища,
Волов усталых с плугом перевернутым,
За ними волочащимся,
И к ужину рабов, как рой, собравшихся
Вкруг ларов, жиром блещущих! —
Когда наш Альфий-ростовщик так думает, —
Вот-вот уж и помещик он.
И все собрал он было к Идам денежки,
Да вновь к Календам в рост пустил!

* * *

К римскому народу

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы, парфянам на руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь, правнуков заклившая.

Идет корабль, с дурным отчалив знаменем,
 Неся вонючку Мевия.
 Так в оба борта бей ему без усталы,
 О Австр, волнами грозными!
 Пусть, море вздыбив, черный Евр пронесится,
 Дробя все снасти с веслами,
 И Аквилон пусть дует, что нагорные
 Крошит дубы дрожащие,
 Пускай с заходом Орiona мрачного
 Звезд не сияет благостных.
 По столь же бурным пусть волнам он носится,
 Как греки-победители,
 Когда сгорела Троя и Паллады гнев
 На судно пал Аяксово.
 О, сколько пота предстоит гребцам твоим,
 Тебе же — бледность смертная,
 Позорный мужу вопль, мольбы и жалобы
 Юпитеру враждебному,
 Когда дождливый Нот в заливе Адрия,
 Взреветши, разобьет корму.
 Когда ж добычей жирной будешь тешить ты
 Гагар на берегу морском,
 Тогда козел блудливый вместе с овцами
 Да будет бурям жертвою!

Ночью то было — луна сияла с прозрачного неба
 Среди мерцанья звездного,
 Страстно когда ты клялась, богов оскорбляя
 заране, —
 Клялась, твердя слова мои
 И обвивая тесней, чем плющ ствол дуба высокий,
 Меня руками гибкими,
 Ты повторяла: доколь Орион мореходов тревожит,
 А волк грозит стадам овец,
 Длинные ветер доколь развеивает власы Аполлона, —
 Взаимной будет страсть твоя!

Больно накажет тебя мне свойственный прав, о Пезра:
Ведь есть у Флакка мужество,—
Он не претерпит того, что ночи даришь ты другому,—
Найдет себе достойную,
И не вернет твоя красота мне прежнего чувства,
Раз горечь в сердце вкралась!
Ты же, соперник счастливый, кто б ни был ты, тщетно
гордишься,

Моим хвальною несчастьем;
Пусть ты богат и скотом и землею, пускай протекает
По ней рекою золото;
Пусть доступны тебе Пифагора воскресшего тайны,
Прекрасней пусть Нирея ты,—
Всё же, увы, и тебе оплакать придется измену:
Смеяться будет мой черед!

* * *

К римскому народу

Вот уже два поколения томятся гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается,—
Рим, что сгубить не могли ни марсов соседнее племя,
Ни рать Порсены грозного этрусская,
Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллоброги, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскую кровью,—
Отдаст он землю снова зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
Наш Рим, над прахом предков надругается;
Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О, ужас! будут дерзостно разметаны...
Или, быть может, вы все иль лучшие ждете лишь слова
О том, чем можно прекратить страдания?
Слушайте ж мудрый совет: подобно тому как фокейцы,
Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились венпри, волки лютые,—
Так же бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали по морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надуумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!

* * *

О сотрапезники! Ныне угрюмые бросьте заботы,
Чтобы сверканье дня сумрачный дух не смутил.
Речи тревоги душевной пусть будут отвергнуты, чтобы,
Ей не поддавшись, душа дружбе предаться могла.
Радость не вечна: часы улетают; так будем смеяться:
Трудно у судеб отнять даже единственный день.

ЭПИТАЛАМА

Ныне ступайте, союз сочетайте с ложем стыдливым
И научитесь нести шалости пылкой любви;
Пусть же объятия скрепит мать нежных Амуров; владеет
Всею Италией она, в Книде, благая, царит;
Пусть установит согласие своим благосклонно величьем,
Пусть же отцы молодых дедами станут скорей.

Элегии

* * *

Кто же тот первый, скажи, кто меч ужасающий создал?
Как он был дик и жесток в гневе железном своем!
С ним человеческий род узнал войну и убийства,
К смерти зловещей был путь самый короткий открыт.
Иль тот бедняк не повинен ни в чем? Обратили мы сами
Людям во зло этот меч — пугало диких зверей.
Золота это соблазн и вина: не знали сражений
В дни, когда нежным птенцом бегал у ваших я ног.
Не было ни крепостей, ни вала, и спал беззаботно
С пестрой отарой своей мирный овечий пастух.
Встарь мне жилось бы легко, не знал бы я копий грозящих
И, содрогаясь душой, звуков трубы не ловил.
Ныне влекут меня в бой, и, может быть, враг уже точит
Стрелы, чьи острия скоро мне сердце пронзят.
Лары отцов, охраняйте мне жизнь! Меня вы растили
В дни, когда нежным птенцом бегал у ваших я ног.
Да не смущает вас то, что из древнего пня родились вы:
Те же вы были в доме предков старинных моих.
Верность святей береглась, когда, радуясь бедному дару,
Бог деревянный, простой в скромной божнице стоял.
Добрый он делался вмиг, посвящал ли молящийся грозди
Иль из колосьев венки в волосы бога вплетал.
Тот, чьи желанья сбылись, приносил пироги в благодарность,
Девочка-дочка вослед чистые соты несла.
Лары, гоните же прочь паконечники медные копий,
Жертвою будет у вас сельских хлевов боровок;

В чистой одежде за ней я пойду, оплетенные миртом
Буду корзины нести, миртом обвив и чело.
Этим я вам ужогу; другой пусть оружием бряцает,
С помощью Марса в бою вражьих сражает вождей.
Чтоб за пирушкой моей вспоминал о подвигах воин
И на полночном столе лагерь вином рисовал.
Что за безумье — войной призывать к себе черную гибель!
Смерть уж и так нам грозит, крадется тихой стопой.
Нет в преисподней ни лоз, ни посева, — там бешеный

Цербер,

Там по стигийским волнам лодочник страшный плывет;
Там возле черных болот блуждают бледные толпы —
Щеки истерзаны там, обожжены волоса.
Сколь же похвальнее тот, у кого безмятежная старость
В хижине милой гостит, внуков любимых растит!
Ходит он сам за отарой своей, а сын за ягненком;
Если ж устанет в трудах, воду согреет жена.
Быть бы таким! Да позволит судьба заснуть сединою,
Вспомнить на старости лет были минувших времен!
Цыне же мир да питает поля! Ведь мир этот ясный
Первый на пашню быков в согнутых ярмах привел;
Мир возрастил нам лозу и припрятал сок виноградный,
С тем чтоб отцовский сосуд сына вином наполнил;
Мир наступил, и блестят мотыга и плуг, а доспехи
Мрачные диких бойцов в темном ржавеют углу.
Сын деревень из рощи везет, немного подвынив,
В мирной телеге своей внуков, детей и жену.
Но загремит Венеры война — и поднимет бедняжка
Вопль о разбитых дверях, вырванной пряди волос,
Плачет в тоске о подбитой щеке; а сам победитель
Плачет пад силой слепой диких своих кулаков.
Им плутоватый Амур подсыпает ругательства в ссору,
Сам же, на драку смотря, он равнодушно сидит.
Ах, не из камня ли тот и железа, кто может ударить
Женщину? Этим с небес он низвергает богов.
Право, довольно с него изодрать ее тонкие ткани,
Право, довольно покров на голове растрепать;
Хватит того, что слезы текут: четырежды счастлив
Ты, вызывающий плач женщины гневом одним!
Тот же, кто вечно готов руками буянить, пусть носит
Щит и дреколье: вдали быть от Венеры ему.
К нам снизойди, о мир всеблагой, и, вздымая свой колос,
Из осиянных одежд щедро плоды рассыпай!

* * *

Гений Рожденья идет к алтарям, возносите молитвы,
Юные жены, мужи, все воспевайте хвалу!
Ладан благой да горит, в очагах да горят фимиамы;
Их из богатых земель томный привозит араб.
Гений да снидет сюда, принимая дары поклоненья;
Кудри святые его нежный венчает веноч.
Чистый народ пусть течет с чела благовонного бога,
Пусть он вкусит пирога, чистым напьется вином;
Он на моленья твои да кивнет, Корнует, благосклонно.
Ну же! Чего ж ты молчишь? Гений кивает: проси!
Просьбу твою подскажу: ты просишь верной супруги!
О, я уверен, богам это известно давно.
Ты не попросишь себе земель безграничного мира,
Где молодой земледел пашет могучим волом,
Ты не попросишь себе блаженной Индии перлов,
Сколько бы их ни несли волны восточных морей.
Так да свершится! Пускай летит на трепещущих крыльях
И золотые несет брачные цепи Амур,—
Крепки да будут они до тех пор, пока вялая старость
Не накидает морщин, волосы посеребрив,
Гений Рождения пусть приходит и к дедам и внукам,
Пусть у колен старика юная стая шалит.

Элегии Лигдама

* * *

С сердцем железным был тот, кто у девушки отнял впервые
Юношу иль у него силой любимую взял.
Был бессердечен и тот, кого тоска не сломила,
Кто в состоянье был жить даже в разлуке с женой.
Тут уже твердости мне не хватит, тупое терпенье
Мне не по силам: тоска крепкие рушит сердца.
Не постыжусь я правду сказать и смело сознаюсь
В том, что полна моя жизнь множеством горьких обид.
Что же! Когда наконец я тенью прозрачною стану,
Черная скроет зола бледные кости мои,

Пусть и Неэра придет, распустив свои длинные кудри,
Пусть над костром роковым в горести плачет она.
С матерью милой она пусть придет — со спутницей

в скорби:

Зятя оплачет она, мужа оплачет жена.
Манам моим мольбу вознеся и душе помолившись,
Благочестиво затем руки водою омыв,
Все, что от плоти моей останется, — белые кости —
Вместе они соберут, черные платья падев.
А подобравши, сперва оросят многолетним Лиэем
И белоснежным потом их окропят молоком;
Влажные кости они полотняным покрывалом осушат
И, осушив, наконец сложат во мраморный склеп.
Будут пролиты там товары богатой Панхен,
Все, что Ассирия даст и аравийский Восток;
Слезы прольются тогда, посвященные памяти нашей:
Так бы хотел опочить я, обратившись во прах.
Надпись пускай огласит причину печальной кончины,
Пусть на гробнице моей каждый прохожий прочтет:
«Здесь почит Лигдам: тоска и скорбь о Неэре,
Злая разлука с женой гибель ему принесла».

Элегии

* * *

Кипиши глазки меня впервые пленили, к несчастью,
А до того никакой страсти я вовсе не знал.
Очи потупило вмиг перед ней самомнение былое:
Голову мне придавил резвой погою Амур.
Он прихотил меня не любить непорочных красавиц,
Дерзкий, заставив мою без толку жизнь проводить.
Вот уже целый год любовным огнем я пылаю,
Боги, однако же, всё неблагоклонны ко мне.
Меланион, о Тулл, жестокость смирил Иасиды
Тем, что на подвиг любой он безбоязненно шел:
Как одержимый блуждал в пещерах горы Парфенийской
И на охоту ходил он на косматых зверей;
Он и от боли стонал, оглашая аркадские скалы
В час, когда злобный Гилей ранил дубиной его.
Этим он мог покорить быстроногой девушки сердце:
Значат не мало в любви подвиги, слезы, мольбы.
Мне же ленивый Амур не придумает новых уловок,
Да и привычный свой путь он уж давно позабыл.
Вы, что морочите нас, Луну низвести обещая,
Трудитесь жертвы слагать на чародейный алтарь,—
Сердце моей госпожи склоните ко мне поскорее,
Сделайте так, чтоб она стала бледнее меня.
Смело поверю тогда, что созвездья дано низводить вам,
Реки назад возвращать силой колхидской волшбы.
Вы ж, дорогие друзья, с запоздалым своим утешеньем
Сердцу, больному от мук, дайте лекарства скорей:
Стойко я буду терпеть и позж, и боль прижиганья,
Лишь бы свободно излить все, чем бушует мой гнев.

Мчите к чужим племенам, по волнам вы меня упосите,
Чтобы из жен ни одна мой не открыла приют.
Здесь оставайтесь, кому Амур, улыбаясь, кивает,
И наслаждайтесь всегда счастьем взаимной любви.
Мне же Венера, увы, посылает лишь горькие ночи,
И никогда не замрет, тщетно пылая, любовь.
Бойтесь вы этого зла: пусть каждого милая держит
Крепко, привычной любви он да не сменит вовек.
Если же вовремя вы не проникнитесь мудрым советом,
Позже с какою тоской вспомните эти слова!

* * *

Там, где блаженствуешь ты, прохлаждаешься, Цинтия, —
в Байях, —
Где Геркулеса тропа вдоль по побережью бежит,
Там, где любишься ты на простор, подвластный феспротам,
Или на синюю зыбь у знаменитых Мизен, —
Там вспоминаешь ли ты обо мне в одинокие ночи?
Для отдаленной любви есть ли местечко в душе?
Или какой-нибудь враг, огнем пылая притворным,
Отнял, быть может, тебя у песнопений моих?
Если бы в утлом челне, доверенном маленьким веслам,
Воды Лукрина могли дольше тебя удержать!
Если б могли не пустить стесненные воды Тевфранта,
Гладь, по которой легко, руку меняя, грести...
Лишь бы не слушала ты обольстительный шепот другого,
Лежа в истоме, в тиши, на опустевшем песке!
Только лишь страх отойдет, — и неверная женщина тотчас
Нам изменяет, забыв общих обоим богов.
Нет, до меня не дошло никаких подозрительных слухов...
Только... ты там, а я здесь... вот и боишься всего.
О, не сердись, если я поневоле тебе доставляю
Этим посланием грусть... Но виновата — боязнь.
Оберегаю тебя прилежней матери нежной.
Мне ли, скажи, дорожить жизнью моей без тебя?
Цинтия, ты мне и дом, и мать с отцом заменила,
Радость одна для меня — ежеминутная — ты!
Если к друзьям прихожу веселый или, напротив,
Грустный, — «Причина одна: Цинтия!» — им говорю.
Словом, как можно скорей, покидай развращенные Байи, —
Много разрывов уже вызвали их берега,
Ах, берега их всегда во вражде с целомудрием женским...
Сгните вы с морем своим, Байи, погибель любви!

Эти пустыни молчат и жалоб моих не расскажут,
В этом безлюдном лесу царствует только Зефир:
Здесь я могу изливать безнаказанно скрытое горе,
Коль одинокий утес тайны способен хранить.
Как же мне, Кинфия, быть? С чего мне начать исчисленья
Слез, оскорблений, что ты, Кинфия, мне нанесла?
Я, так недавно еще счастливым любовником слывший,
Вдруг я отвергнут теперь, я нежеланен тебе.
Чем я твой гнев заслужил? Что за чары тебя изменили?
Иль опечалена ты новой изменой моей?
О, возвратись же скорей! Поверь, не топтали ни разу
Мой заповедный порог стройные ножки другой.
Хоть бы и мог я тебе отплатить за свои огорченья,
Все же не будет мой гнев так беспощаден к тебе,
Чтоб не на шутку тебя раздражать и от горького плача
Чтоб потускнели глаза и подурнело лицо.
Или, по-твоему, я слишком редко бледнею от страсти,
Или же в речи моей признаков верности нет?
Будь же свидетелем мне, — коль знакомы деревья с любовью,
Бук и аркадскому ты милая богу сосна!
О, как тебя я зову под укромною тенью деревьев,
Как постоянно пишу «Кинфия» я на коре!
Иль оскорбленья твои причинили мне тяжкое горе?
Но ведь известны они лишь молчаливым дверям.
Робко привык исполнять я приказы владычицы гордой
И никогда не роптать громко на участь свою.
Мне же за это даны родники да холодные скалы,
Должен, о боги, я спать, лежа на жесткой траве,
И обо всем, что могу я в жалобах горьких поведать,
Должен рассказывать я только певуньям лесным.
Но, какова ты ни будь, пусть мне «Кинфия» лес отвечает.
Пусть это имя всегда в скалах безлюдных звучит.

Кто бы впервые ни дал Амуру обличье ребенка, —
Можешь ли ты не назвать дивным его мастерство?
Первый ведь он увидал, что влюбленный живет безрассудно,
Ради пустейших забот блага большие губя.

Он же Амура снабдил и парюю крыльев летучих,
И человеческих сердец легкость он придал ему:
Право же, носимся мы всю жизнь по изменчивым волнам,
Нас то туда, то сюда ветер все время влечет.
Держит рука у него, как и должно, с забубриной стрелы,
И за плечами стрелка кносский привязан колчан:
Мы и не видим его, а он уже ранил беспечных,
Из-под ударов его цел не уходит никто.
Стрелы засели во мне, засел и ребяческий образ;
Только сдастся, что он крылья свои потерял,
Нет, из груди у меня никогда он, увя, не умчится
И бесконечно ведет войны в крови у меня.
Что же за радость тебе гнездиться в сердцах иссушенных?
Стрелы в другого меча, если стыда не забыл!
На повичках твоей яд испытывать, право же, лучше:
Ведь не меня ты, мою мучаешь жалкую тень;
Если погубишь ее, кто другой воспевать тебя будет?
Легкая Муза моя славу тебе создает:
Славит она и лицо, и пальцы, и черные очи
Той, что ступает легко нежною ножкой своей.

* * *

Тайну хотите узнать своего вы последнего часа,
Смертные, и разгадать смерти грядущей пути,
На небе ясном найти путем финикийской науки
Звезды, какие сулят людям добро или зло;
Ходим ли мы на парфян или с флотом идем на британцев,—
Море и суша таят беды на темных путях.
Сызнова плачете вы, что своей головы не спасете,
Если на схватки ведет вас рукопашные Марс;
Молите вы и о том, чтобы дом не сгорел и не рухнул
Или чтоб не дали вам черного яда испить.
Знает влюбленный один, когда и как он погибнет:
Вовсе не страшны ему бурный Борей и мечи.
Пусть он даже гребцом под стигийскими стал тростниками,
Пусть он, мрачный, узрел парус подземной ладьи:
Только бы девы призыв долетел до души обреченной —
Вмиг он вернется с пути, смертный поправши закон.

Любовные элегии

* * *

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
 Поразморило меня, и на постель я прилег.
 Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта,
 Так что была полутень в комнате, словно в лесу,—
 Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом
 Иль когда почь отошла, но не возник еще день.
 Кстати такой полумрак для девушек скромного нрава,
 В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
 Вот и Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
 По белоснежным плечам пряди спадали волос.
 В спальню входила такой, по преданию, Семпирамида
 Или Лаида, любовь знавшая многих мужей...
 Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала,—
 Скромница из-за нее все же боролась со мной.
 Только, сражаясь, как те, кто своей не желает победы,
 Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
 И показалась она перед взором моим обнаженной...
 Мне в безупречной красе тело явилось ее.
 Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
 Как были груди полны — только б их страстно
сжимать!
 Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
 Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
 Стоит ли перечислять?.. Всё было восторга достойно.
 Тело нагое ее я к своему прижимал...
 Прочее знает любой... Уснули усталые вместе...
 О, проходили бы так чаще полудни мои!

* * *

Значит, я буду всегда виноват в преступлениях новых?
Ради защиты вступать мне надоело в бой.
Стоит мне вверх поглядеть в беломраморном нашем театре,
В женской толпе ты всегда к ревности повод найдешь.
Кипнет ли взор на меня неповинная женщина молча,
Ты уж готова прочесть тайные знаки в лице.
Женщину я похваляю — ты волосы рвешь мне ногтями;
Стану хулить, говоришь: я заметаю следы...
Ежели свеж я на вид, так, значит, к тебе равнодушен;
Если не свеж, так зачах, значит, томясь по другой...
Право, уж хочется мне доподлинно быть виноватым:
Кару нетрудно стерпеть, если ее заслужил.
Ты же винишь меня зря, напраслине всяческой веришь,—
Этим свой собственный гнев ты же лишаешь цены.
Ты погляди на осла, страдальца ушастого вспомни:
Сколько его ни лупи,— он ведь резвей не идет...
Вновь преступленье: с твоей мастерицей по части причесок,
Да, с Кипассидою, мы ложе, мол, смяли твое!
Боги бессмертные! Как? Совершить пожелаю я измену,
Мне ли подругу искать низкую, крови простой?
Кто ж из свободных мужчин захочет сближенья с рабыней?
Кто пожелает обнять тело, знававшее плеть?
Кстати добавь, что она убирает с редким искусством
Волосы и потому стала тебе дорога.
Верной служанки твоей ужель домогаться я буду?
Лишь донесет на меня, да и откажет притом...
Нет, Венерой клянусь и крылатого мальчика луком:
В чем обвиняешь меня, в том я невинен,— клянусь!

* * *

Ты, что способна создать хоть тысячу разных причесок;
Ты, Кипассида, кому только богинь убирать;
Ты, что отнюдь не простой оказалась в любовных забавах;
Ты, что мила госпоже, мне же и вдвое мила,—
Кто же Коринне донес о тайной близости нашей?
Как разузнала она, с кем, Кипассида, ты спишь?
Я ль незначай покраснел?.. Сорвалось ли случайное слово
С губ и невольню язык скрытую выдал любовь?..

Не утверждал ли я сам, и при этом твердил постоянно,
Что со служанкой грешить — значит лишиться ума?
Впрочем... к рабыне пылал, к Брисеиде, и сам фессалиец;
Вождь микенский любил Фебову жрицу — рабу...
Я же не столь знаменит, как Ахилл или Тантала отпрыск, —
Мне ли стыдиться того, что не смущало царей?
В миг, когда госпожа на тебя взглянула сердито,
Я увидал: у тебя краской лицо залилось.
Вспомни, как горячо, с каким я присутствием духа
Клялся Венерой самой, чтоб разуверить ее!
Сердцем, богиня, я чист, мои вероломные клятвы
Влажному ветру вели в дали морские умчать...
Ты же меня наградишь изволь за такую услугу:
Нынче, смуглянка, со мной ложе ты вновь раздели!
Неблагодарная! Как? Головою качаешь? Боишься?
Служишь ты сразу двоим, — лучше служи одному.
Если же, глупая, мне ты откажешь, я все ей открою,
Сам в преступленье своем перед судьей повинюсь;
Все, Кипассида, скажу: и где и как часто встречались;
Все госпоже передам: сколько любились и как...

* * *

В цирке сегодня сижу я не ради коней знаменитых, —
Нынче желаю побед тем, кого ты избрала.
Чтобы с тобой говорить, сидеть с тобою, пришел я, —
Чтобы могла ты узнать пыл, пробужденный тобой...
Ты на арену глядишь, а я на тебя: наблюдаем
Оба мы то, что хотим, сыты обоих глаза.
Счастлив возница, тобой предпочтенный, кто бы он ни был!
Значит, ему удалось вызвать вниманье твое.
Мне бы удачу его!.. Упряжку погнав из ограды,
Смело бы я отдался бурному бегу коней;
Спины бичом бы хлестал, тугие б натягивал вожжи;
Мчась, того и гляди, осью бы мету задел!
Но, лишь тебя увидав, я бег замедлил бы тотчас,
И ослабевшие вмиг выпали б вожжи из рук...
Ах, и Пелопс едва не упал на ристании в Пизе
Лишь оттого, что узнал твой, Гипподамия, лик.
Все же победу ему принесла благосклонность подруги, —
Пусть же победу и нам даст благосклонность подруг!..

Хочешь сбежать?.. О, сиди!.. В одном мы ряду и бок о бок...

Да, преимущества есть в правилах мест цирковых.
«Вы, направо от нас, над девушкой сжальтесь, соседка:

Ей нестерпимо, ведь вы вся на нее налегли!

Также и вы, позади, подберите немножечко ноги,

Полно вам спину ее твердым коленом давить!..»

Твой опустился подол и волочится по полу,— складки

Приподыми, а не то я их тебе подберу.

Ну и ревнивец подол! Скрывает прелестные ноги,

Видеть их хочет один... Ну и ревнивец подол!

Ноги такой красоты Меланион у Аталанты,

Бегом несущейся прочь, тронуть стремился рукой.

Ноги такие еще у Днаны в подобранном платье

Пишут, когда за зверьем, смелых смелее, бежит.

Их не видал, а горю... Что ж будет, когда их увижу?

Пламя питаешь огнем, в море вливаешь воды!

Судя по этим красам, представляю себе и другие,

Те, что от взоров таят тонкие ткани одежд...

Хочешь, пока на тебя ветерочком я легким повею,

Перед тобою махать веером стану? Иль нет?

Видно, в душе у меня, а вовсе не в воздухе, жарко:

Женской пленен я красой, грудь мою сушит любовь...

Мы говорим, а уж пыль у тебя оседает на платье.

Прочь, недостойная пыль! С белого тела сойди!..

Тише!.. Торжественный миг... Притаитесь теперь и молчите...

Рукоплещите! Пора! Вот он, торжественный миг...

Шествие... Первой летит на раскинутых крыльях Победа.

К нам, о богиня! Ко мне! Дай мне в любви победить!

Кто почитатель морей, пускай рукоплещет Нептуну,—

Я равнодушен к воде, землю свою я люблю...

Марсу ты хлопай, боец! А я ненавижу оружие:

Предпочитаю я мир,— с миром приходит любовь.

Будь к прорицателям, Феб, благосклонен, к охотникам, Феба!

Рук же искусных привет ты, о Минерва, прими!

Ты, земледел, поклонись Церере и томному Вакху!

Всадник, кулачный боец, с вами Кастор и Поллукс!

Я же, Венера, тебе и мальчикам с луком их метким

Рукоплещу, я молю мне в моем деле помочь.

Мысли моей госпожи измени, чтоб любить дозволяла...

Вижу: богиня сулит счастье кивком головы!

Ну же, прошу, обещай, подтверди обещанье богини,—

Будешь мне ты божеством, пусть уж Венера простит!

Всеми богами клянусь в торжественном шествии этом —

Будешь на все времена ты госпожою моей!..

Ноги свисают твои,— ты можешь, ежели хочешь,

На перекладинку здесь кончики их опереть...

Снова арена пуста... Начиная Великие игры,

Претор пустил четверни первым забегом вперед.

Вижу, кто избран тобой. О, пусть победит твой избранник!

Кажется, кони и те чуют желанья твои...

Горе! Как далеко по кругу он столб огибает!

Что ж ты наделал? Другой ближе прошел колесом!

Что ты наделал? Беда! Ты красавицы предал желанья...

Туже рукой натяни левые вожжи, молю!..

Неуча выбрали мы... Отзовите его, о квиристы!

Дайте же знак поскорей, тогой махните ему!..

Вот... Отозвали... Боюсь, прическу собьют тебе тоги,—

Спрячься-ка лучше сюда, в складки одежды моей...

Но уж ворота опять распахнулись, и вновь из ограды

Ряд разноцветных возниц гонит ретивых коней.

Ну, победи хоть теперь, пронесись на свободном

пространстве,

Чтобы ее и мои осуществились мольбы!..

Осуществились мольбы... госпожи... Мои же — напрасны...

Пальмы он ветвь получил,— мне ж предстоит добывать...

Ты улыбнулась, глазком кое-что обещая игриво...

Будет пока... Но потом и остальное мне дай!

* * *

Если над Мемноном мать и мать пад Ахиллом рыдала,

Если удары судьбы трогают вышних богинь,—

Волосы ты распусти, Элегия скорбная, ныне:

Ныне по праву, увы, носишь ты имя свое.

Призванный к песням тобой, Тибулл, твоя гордость и слава,—

Ныне бесчувственный прах на запылавшем костре.

Видишь, Венеры дитя колчан опрокинутым держит;

Сломан и лук у него, факел сиявший погас;

Крылья поникли, смотри! Сколь жалости мальчик достоин!

Ожесточенной рукой бьет себя в голую грудь;

Кудри спадают к плечам, от слез струящихся влажны;

Плач сотрясает его, слышатся всхлипы в устах...

Так же, преданье гласит, на выносе брата Энея,

Он из дворца твоего вышел, прекрасный Иул...

Ах, когда умер Тибулл, омрачилась не меньше Венера,
Нежели в час, когда вепрь юноше пах прободал...
Мы, певцы, говорят, священны, хранимы богами;
В нас, по суждению иных, даже божественный дух...
Но оскверняется все, что свято, непрошеной смертью,
Руки незримо из тьмы тянет она ко всему.
Много ли мать и отец помогли исмарийцу Орфею?
Много ли проку, что он пеньем зверей умирал?
Лин — от того же отца, и все ж, по преданью, о Лине
Лири, печали полна, пела в лесной глубине.
И меонийца добавь — из него, как из вечной криницы,
Ток пиэрийской струи пьют песнопевцев уста.
В черной, однако, Аверн и его погрузила копчина...
Могут лишь песни одни жадных избежать костров.
Вечно живут творенья певцов: и Трои осада,
И полотно, что в ночи вновь распускалось хитро...
Так, Немесиды вовек и Делии имя пребудет, —
Первую пел он любовь, пел и последнюю он.
Что приношения жертв и сестры Египта? Что пользы
Нам в чистоте сохранять свой целомудренный одр?..
Если уносит судьба наилучших — простите мне дерзость, —
Я усомниться готов в существованье богов.
Праведным будь — умрешь, хоть и праведен; храмы святы
Чти — а свирепая смерть стащит в могилу тебя...
Верьтесь прекрасным стихам... но славный Тибулл
бездыханен?

Все-то останки его тесная урна вместит...
Пламя костра не тебя ль унесло, песнопевец священный?
Не устрасился огонь плотью питаться твоей.
Значит, способно оно и храмы богов золотые
Сжечь, коль свершило, увы, столь святотатственный грех.
Взор отвратила сама госпожа эрицинских святилищ
И — добавляют еще — слез не могла удержать...
Все же отраднее так, чем славы и почестей чуждым
В землю немилую лечь, где-то в безвестном краю.
Тут хоть закрыла ему, уходящему, тусклые очи
Мать и дары принесла, с прахом прощаясь его.
Рядом была и сестра, материнскую скорбь разделяла,
Пряди небрежных волос в горе руками рвала.
Здесь Немесида была... и первая... та... Целовали
Губы твои, ни на миг не отошли от костра.
И перед тем как уйти, промолвила Делия: «Счастья
Больше со мною ты знал, в этом была твоя жизнь!»

Но Немесида в ответ: «Что молвишь? Тебе б мое горе!
Оп, умирая, меня слабой рукою держал».
Если не имя одно и не тень остается от смертных,
То в Елисейских полях будет Тибулла приют.
Там навстречу ему, чело увенчав молодое
Лаврами, с Кальвом твоим выйди, ученый Катулл!
Выйди — коль ложно тебя обвиняют в предательстве друга, —
Галл, не умевший щадить крови своей и души!
Тени их будут с тобой, коль тени у тел существуют.
Благочестивый их сонм ты увеличил, Тибулл.
Мирные кости — молю — да покоятся в урне надежной,
Праху, Тибулл, твоему легкой да будет земля.

* * *

Так как супруга моя из страны плодородной фалисков,
Мы побывали, Камилл, в крепости, взятой тобой.
Жрицы готовились чтить пречистый праздник Юноны,
Игры устроить ей в честь, местную телку заклать.
Таинства в том городке — для поездки достаточный повод,
Хоть добираться туда надо подъемом крутым.
Роща священная там. И днем под деревьями темень.
Взглянешь — сомнения нет: это приют божества.
В роще — Юноны алтарь; там молятся, жгут благовонья;
В древности сложен он был неизощренной рукой.
Только свирель возвестит торжеств начало, оттуда
По застеленным тропам шествие чинно идет.
Белых телушек ведут под рукоплесканья народа,
Вскормленных здесь на лугах сочной фалернской
травой.

Вот и телята, еще не грозны, забодать не способны;
Жертвенный боров бредет, скромного хлева жилец;
Тут и отары вожак крепколобий, рога — завитками;
Нет лишь козы ни одной — козы богине претят:
В чаще однажды коза увидела некстати Юнону,
Знак подала, и пришлось бегство богине прервать...
Парни еще и теперь пускают в указчицу стрелы:
Кто попадает в козу, тот получает ее...
Юноши стелют меж тем с девицами скромными вместе
Вдоль по дорогам ковры там, где богиня пройдет.

А в волосах у девиц — ободки золотые, в камешках,
Пышный спадает подол до раззолоченных ног.
В белых одеждах идут, по обычаю древнему греков,
На головах пронести утварь доверили им.
Ждет в безмолвье народ блестящего шествия... Скоро!
Вот и богиня сама движется жрицам вослед.
Праздник — на греческий лад: когда был убит Агамемнон,
Место убийства его и достоянье отца
Бросил Галез, а потом, наскитавшись и морем и сушей,
Славные эти возвел стены счастливой рукой.
Он и фалисков своих научил тайнодействиям Юноны, —
Пусть же во благо они будут народу и мне!

Т р и с т и и

* * *

Будешь читать — не забудь: в этом томике каждая буква
Создана в бурные дни мною на скорбном пути.
Видела Адрия ширь, как, дрожа, в леденящую стужу,
В пору декабрьских бурь, я эти строки писал.
Помнится, Истм одолев, отделяющий море от моря,
Мы на другом корабле к дальнему берегу шли...
Верно, Киклады тогда изумлялись жару поэта:
Как он под ропот и рев моря бормочет стихи.
Дивно и мне, не пойму, как мой дар не погиб безвозвратно
В этой пучине души, в этом кипенье волны.
Плод отупенья мой жар иль безумья, не в имени дело:
Но, упоенный трудом, дух мой упавший воспрял.
Часто в дождь и туман мы блуждали по морю слепо,
Гибелью часто грозил Понт под созвездьем Плеяд,
Свет омрачал нам Боот, Эриманфской медведицы сторож,
Зевом полуночных вод нас поглощал ураган.
Часто хозяином в трюм врывалось море. Но, вторя
Ритму, дрожащей рукой стих за стихом вывожу.
Стонут канаты, скрипят под напором упорного шторма,
Вздыбился, будто гора, гребнем изогнутый вал,
Сам рулевой к небесам воздевает застывшие руки:
Кормчее дело забыл, помощи молит у звезд.

Всюду, куда ни взгляну, только смерти несметная сила.

Смерти страшится мой ум — в страхе молитвы твержу.
В гавани верной спастись? Ужасает неверная гавань.

Воды свирепы. Увы! Суша страшнее воды.

Козни людей и стихий обоюдно меня удручают.

Робко трепещет душа! Грозны — и меч и волна.

Меч — да не жаждет ли он этой кровью поэта упиться?

Море! — не славы ль оно ищет, мне гибель суля?

Варвары слева грозят: по душе им грабеж да разбой.

Вечно на той стороне войны, да сечи, да кровь.

Моря великий покой возмущают зимние бури:

В этих свирепых сердцах волны свирепствуют злей.

Тем снисходительней будь ко мне, мой строгий читатель,

Если мой стих как стих ниже высоких похвал.

Я не в садах у себя пишу, как, бывало, писали.

Друг мой, уютный диван, где ты, опора костям?

Носит пучина меня в бледном свете полярного полдня,

Темно-зеленая зыбь брызгами лист обдаёт.

В злобе лютует зима, негодует завистница: смею

Все же писать под свист колких укусов-угроз.

Бьет человека зима. И пусть ее! Милости просим,

Каждому — мне и зиме — песня своя дорога.

* * *

Только предстанет очам той ночи печальной картина,

Ночи последней, когда с Римом прощалась душа,

Только припомню, как я покидал все, что дорого сердцу,

И набегаёт слеза — медленно каплей ползёт.

Время к рассвету текло, когда из Италии милой

Мне удалиться велел Цезарь, как Цезарь велит.

Срок для сборов был скуп: ни с духом собраться, ни с мыслью...

Ошеломленный, немой, долго я был в забытии.

Не было сил поручить провожатым и слугам заботу,

Денег, одежды запас, нужный изгнаннику, взять.

Словно столбняк на меня... Как громом небес пораженный,

Смертью не принят, живой: жив или не жив — не пойму.

Все же затменьё ума пересилила горечь разлуки:

Я из беспамяतства тьмы медленно к свету пришел

И огорченным друзьям в утешение вымолвил слово:

Да, поредела толпа — двух или трех насчитал.

Сам я рыдал, и меня, рыдая, жена обнимала.
По неповинным щекам слезы струились дождем.
За морем дочь, далеко — у побережья Ливийской пустыни,
Не долетала туда грустная весть обо мне.
Здесь же стенанье и плач: будто плакальщиц хоры в хоромах,
Будто хоронят кого многоголосой толпой.
Жены и мужи по мне, по усопшему, дети горюют,
В каждом глухом уголке вижу я слезы и скорбь.
Если ничтожное мы уподобить великому вправе,
Трое захваченной был ныне подобен мой дом.
Ночь. Не звенят голоса ни людей, ни встревоженной своры,
В небе высоком луну мгlistые кони несли.
И в озаренье ее различил я вблизи Капитолий:
Тщетная близость — увы! — к ларам печальным моим.
«Силы верховные, вы, сопредельные боги, — воззвал я, —
Храмы священные, впредь видеть мне вас не дано.
Я покидаю богов, хранителей града Квирина:
Век благоденствовать вам — с вами прощаюсь навек.
И хотя поздно греметь щитом, когда рана смертельна,
Не отягчайте враждой бремя изгнанника мне.
О, передайте, молю, небожителю-мужу: повинен
Я в заблужденье, но чист от преступления душой.
Ведомо вам — так пусть покаравшему ведомо будет;
Если помилует бог, к счастью мне путь не закрыт».
Так я всевышних молил. Еще жарче молила подруга,
И задыхались мольбы от содроганий и спазм.
В космах рассыпанных кос перед ларами в горе поверглась,
Губы дрожат, к очагу льнут: но погас мой очаг.
Сколько горчайших слов изливала на хмурых пенатов,
Мужа оплакивая, — только бессильны слова.
Ночи стремительный бег не позволил мне далее медлить.
В небе Медведицы ось низко ушла под уклон.
Что предпринять? Увы! Любовь не привяжет к отчизне,
Был предуказан уход в эту последнюю ночь.
Помню, бывало, не раз говорил торопившему: «Полно,
Что ты торопишь! Куда? Да и откуда? Пойми».
Помню, бывало, не раз назначал я час расставанья,
Этот обманчивый час, крайний, последний мой час.
Трижды ступал на порог, и трижды меня отзывали,
И отступала опять, сердцу внимая, нога.
Я говорил им: «Прощай» — и снова бессвязные речи,
Снова дарю поцелуй — вечный, предсмертный

«прости». —

Снова твержу порученья, все те же, обманом утешен,
И оторвать не могу глаз от любимых моих.
Выкрикнул: «Что мне спешить? Впереди — только Скифия,
ссылка.

Здесь покидаю я Рим. Вправе помедлить вдвойне,
Боги, живую жену от живого живой отрывают,
Дом, домочадцев моих — всё покидаю навек.
И, собутыльники, вас, друзей, так по-братски любимых...
О мое сердце, залог дружбы Тезеевой, плачь!»
Их обнимаю... Еще... невозбранно. Но вскоре, быть может,
Мне возбранят, навсегда. Скорбен дарованный час.
Плачем, роняем слова. А в небе предвестником грозным,
Утренней ранней звездой, вспыхнул, как рок, Люцифер.
Не расставање, нет! Это плоть отрываю от плоти:
Там осталась она — часть моей жизни живой.
Метта-диктатора так разрывали каратели-кони,
В разные стороны мчась: был он предателем — Метт!
Помню ропот и вопль — голоса моих близких. О, боги!
Вижу неистовство рук — рвут обнаженную грудь.
Плечи мои обхватив, жена не пускает, повисла.
Скорбную речь примешав к мужским горячим слезам:
«Нет, ты один не уйдешь. Вместе жили и вместе в дорогу.
Буду я в ссылке тебе, ссыльному, ссыльной женой.
Мне уготовлен твой путь. И я на край света с тобою.
Малый прибавится груз к судну изгнания, друг.
Цезаря гнев повелел тебе покинуть отчизну.
Мне состраданье велит: Цезарь, мой Цезарь — оно!»
Так убеждала жена, повторяя попытки былые.
Сникла бессильно рука перед насильем нужды.
Вырвался. Труп ли живой? Погребенный, но без погребенья...
Шерстью обросший иду, дикий, с косматым лицом.
Милая, — слух долетел, — от горя до сумерек темных,
Рухнув, на голой земле в доме лежала без чувств.
Тяжко привсталась потом, заматав грязь волосами,
Медленно выпрямив стан, окоченелый в ночи,
Долго оплакивала — то себя, то дом опустелый,
То выкликала в тоске имя отторгнутого.
Так горевала она, как если бы дочери тело
Видела рядом с моим на погребальном костре.
Смерть призывала она: умереть и забыться навеки.
Не по охоте жива — только чтоб жить для меня.
Помни же, друг, и живи. Об изгнальнике помни... О, судьбы!
Помни, живи для него — участь ему облегчи.

Если в столице у вас об изгнаннике помнят — Назоне,
 Если живет без меня в городе имя мое,
 Там, далеко, далеко, где и звезды в море не сходят,
 Там обретаюсь во тьме варварства — варварских орд.
 Дики кругом племена: сарматы, да бессы, да геты...
 Сборище темных имен — мне ли, поэту, под стать?
 В пору тепла мы живем под широкой защитой Дуная:
 Волн бурливый разлив — вражьим набегам рубеж.
 Лету на смену зима угрюмые брови насупит,
 В белый, как мрамор, покров землю оденет мороз,
 В дни, пока дует Борей и свиреп снегопадами Север,
 Терпит покорно Дунай дрожь громахающих арб.
 Снег да метель. Ни дожди, ни солнце тот снег не растопят.
 Крепче и крепче его в броню сбивает Борей.
 Прежней еще не смелó, а новый все валит и валит,
 Так и лежит кое-где век от зимы до зимы.
 Тут ураган налетит, — ударит и с грохотом рушит
 Башни, ровняя с землей, кровлю рванул — и унес.
 Кутают тело в меха, в шаровары из шкур, когда люто
 За душу стужа берет: только лицо на ветру.
 Лыдьники звенят при ходьбе, свисая с волос и качаясь,
 И от мороза бела, заледенев, борода.
 Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда;
 Вынут из кадки — не пьют: колют, глотая куском.
 Высказать вам, как ручки промерзают до дна от морозов,
 Как из озер топором ломкую воду берут?
 Равен Дунай шириной папирусоносному Нилу.
 Многими устьями он в мощный втекает залив.
 Вод синеокую даль он, ветрами сковав, замыкает,
 И под броней ледяной к морю сокрыто скользит.
 Там, где сверкало весло, пешеходы ступают, и звонко
 Режет копыто коня гладь затвердевшую волн.
 По повозданным местам, над скользящими водами цугом
 Варварский тащат обоз шеи сарматских быков.
 Верьте — не верьте, но нет мне корысти враньем
 пробавляться,
 И очевидцу не грех полную веру давать...
 Вижу ледовый настил, уходящий в безбрежные дали,
 Скользящая сверху кора сжала безмолвие вод.
 Мало увидеть — иду: я по твердому морю шагаю,

И под стопой у меня влага не влажной была.
Будь твой пролив роковой, Леандр, таким же когда-то,
Мы не вменяли б ему юноши гибель в вину.
Ныне дельфинам невмочь, изогнувшись, мелькнуть

над волною.

Пусть попытаются: лед сломит игривую прыть.
Пусть, свирепея, Борей гремит, порывая крылами,
Воды не дрогнут: тиха в сжатой пучине вода.
Сдавлены льдами, стоят корабли в этом мраморе моря,
И не разрезать веслом оцепенелый простор.
Вижу в прозрачности льдов застывших рыб вереницы,
Меж замороженных див есть и немало живых.
Только, бывало, скует свирепая сила Борей
Воды морские иль рек вольнолюбивый порыв,
Только проглядят Дунай Аквилоны досуха, тотчас
Варвар на резвом коне хищный свершает набег.
Варвар! Силен он конем и далеко летящей стрелою:
Опустошит широко землю соседей сосед.
Жители — в бегство: беда!.. В полях, никем не хранимых,
Хищники дикой ордой грабят покинутый скарб,
Скудное грабят добро — и скот, и скрипучие арбы —
Все, чем сыт и богат наш деревенский бедняк.
Кто не укрылся, того, заломив ему за спину руки,
Прочь угоняют: прости, дом и родные поля.
Прочие жалко падут под зубчатыми стрелами. Варвар
Жало крылатой стрелы в капельный яд обмакнул.
Все, что врагу унести иль угнать не по силам, он губит:
И пожирает огонь скромные избы селян.
Даже в дни мира дрожат, трепеща перед зимним

набегом,

И не взрывает никто плугом упорной земли.
Здесь — или видят врага, иль боятся, когда и не видят,
И пребывает земля в дебрях степных целиной.
Здесь под сенью листья виноградная гроздь не свисает.
Пенистым суслом по край не заполняется кадь.
Яблоко здесь не растет. Не нашел бы Аконтий приманки,
Чтобы на ней написать, — только б Кидиппа прочла.
Голые степи кругом: ни деревьев, ни зелени — голо.
Не для счастливых людей гиблые эти места.
Да, до чего широко раскинулись мир и держава!
Мне в наказание дана именно эта земля.

Год на исходе. Зефир холода умеряет. Докучно
 Тянется для томтян зимний томительный срок.
 Золоторунный баран, не донесший до берега Геллу,
 В небе уравнивает длительность ночи и дня,
 Весело юным рукам собирать полевые фиалки,
 Дань деревенской красы — сами фиалки взошли.
 В пестроузорчатый плат рядятся луга, зацветая,
 Птица встречает весну горлом болтливым: ку-ку!
 Только б вину искупить, под стропилами крыш хлопотливо
 Ласточка, грешная мать, гнездышко птенчикам вьет.
 Выпрыснул злак из земли, в бороздах тапмый Церерой,
 Чуть огляделся — и ввысь тянется нежный росток.
 Всюду, где зреет лоза, проступают почки на ветке, —
 Только от Гетской земли лозы мои далеки.
 Всюду, где есть деревья, набухают буйно побеги, —
 Только от Гетской земли те деревья далеки.
 Ныне... там отдых в чести. Отошли говорливые тяжбы
 Красноречивых витий Форума. Играм черед.
 Тут скаковые дела, тут на копьях, мечах поединки,
 Дротки мечут, звеня, вертится обруч юлой.
 Юность проточной водой, из источника Девы, смывает
 С тел, утомленных борьбой, масла лоснящийся след.
 Сцена царит. Горячи взрывы жаркие рукоплесканий.
 Три театра гремят форумам трижды взамен.
 Трижды счастливы! Стократ! Числом не исчислить все
счастье
 Тех, кому в городе жить не возбраняет приказ.
 Здесь же... я вижу, снега растопило внешнее солнце,
 Не пробивают уже проруби в тверди озер.
 Море не сковано льдом. И погонщик-сармат, понукая,
 Не волочит через Истр нудный, скрипучий обоз.
 Медленно будут сюда прибывать одинокие шкуны:
 Будет качаться корма — гостя понтийских причал.
 Я поспешу к моряку. Обменяюсь приветом. Узнаю:
 Кто он, откуда, зачем прибыл, из дальних ли мест?
 Диво, коль он не пришлец из ближайших приморских окраин
 И безопасным веслом не взбородил нашу зыбь.
 Редкий моряк поплывет из Италии таким морем,
 Редко приманит его берег унылый, без бухт.
 Если же гость обучен латинской иль эллинской речи,
 Звуком пленит дорогим — есть ли что сердцу милей!

Только обычно сюда от пролива и волн Пропонтиды
Гонит, надув паруса, ветер попутный суда.
Кем бы ты ни был, моряк, но отзвук молвы отдаленной
Все ж перескажет и сам станет ступенью молвы.
Только бы он передал о триумфах Тиберия слухи
И об обетах святых Августа — бога страны,
И о тебе не забыл, бунтовщица Германия; низко ль
Ты к полководца ногам грустной склонилась главой?
Кто перескажет, тому — хоть прискорбно, что сам я не видел, —
Двери в доме моем я широко распахну.
В доме? Увы мне, увy! Дом Назона не в дебрях ли скифских?
И не свое ли жилище Кара мне в лары дала?
Боги, пусть эту юдоль каратель не домом до гроба —
Только приютом на час, долей случайной сочтет.

* * *

Если с плющом на челе мой портрет у тебя сохранился,
Праздничный Вакхов венок сбрось с его гордых волос:
Этот веселый убор подобает счастливым поэтам,
Но не опальной главе быть изваянной в венке.
Что говорю! Притворись, будто ты не услышал признанья,
Сердцем пойми, — иль зачем носишь на пальце меня?
Ты в золотой ободок мой образ оправил, и ловит
В нем дорогие черты друга-изгнанника взор.
Смотришь, и, мнится, не раз замирал на губах твоих возглас:
«Где ты, далекий мой друг и собутыльник, Назон?»
Благодарю за любовь. Но стихи мои — высший портрет мой.
Их поручаю тебе, ты их по дружбе прочти:
О превращенье людей повествуют они, чередуясь.
Труд довершить до конца ссылка творцу не дала.
Я, удаляясь, тогда в сокрушение своими руками
Бросил творенье свое в пламя... — и много других.
Ты Мелеагра сожгла, родимого сына, Алфея,
Испепелив голову, мать уступила сестре.
Я, обреченный судьбой, мою книгу, мой плод материнский,
Сам погибая, обрек жарким объятьям костра,
Муз ли, повинных в моем прегрешении, возненавидя?
Труд ли, за то, что незрел и, словно щепень, шершав?
Но не погибли стихи безвозвратно — они существуют:
Много гуляло тогда списков тех строк по рукам.

Пусть же отныне живут, услаждая досуг не бесплодно
Тем, кто читает стихи. Вспомнят они обо мне.
Впрочем, кто в силах прочесть не досадуя, если не знает,
Что завершающий лоск мной не наведен на них.
Труд с наковальни был снят, недокованный молотом. Тонко
Твердый напильник его отшлифовать не успел.
Не похвалы я ищу, а милости. Счел бы за счастье,
Если, читатель, тебе я не паскучу вконец .
Ты шестистрохье мое в заголовке вступительной, первой
Книжки моей помести, если готов предпослать.
«Свитка, утратившего стихотворца, рукой ты коснулся.
Место да будет ему в Городе отведено.
Благоволенье излей, памятуя: не сам сочинитель
Свиток издал. Он добыт, верно, с его похороном».
Если погрешность найдешь в неотделанных строках, охотно
Я бы исправил ее... но не судила судьба.

* * *

Что ты злорадно, наглец, над моею бедою ликуешь,
Кровью дыша, клеветой усугубляешь вину?
Ты из утробы скалы народился, выкормок волчий,
Я говорю: у тебя — камень в бездушной груди.
Где же предел, укажи, где вал твоей ярости схлынет?
Иль не до края полна горести чаша моя?
Варваров орды кругом, берега неприятного Понта,
Шаг мой и вздох сторожит звездной Медведицы взор.
Слышу дикарский язык. Перемолвиться не с кем поэту.
Только тревога да страх в этих недобрых местах.
Словно олень на бегу, наскочивший на лапы медвежьи,
Словно овечка в кольце горных свирепых волков,
Так в окруженье племен воинственных, степью теснимый,
Ужасом скатый, живу: враг что ни день на плечах.
Или за милость мне счесть эту казнь? Подруги лишенный,
Родины, дружбы, детей, — здесь, на чужбине, один?
Иль не карают меня? Только Цезаря гнев надо мною?
Но разве Цезаря гнев — малая кара и казнь?
Есть же любители, есть растравлять незажившую рану
И распускать языком сплетни о нраве моем!
Где возражать не дано, там любой краснойбай — громовержец.
Все, что потрясено, наземь свалить легко.

Башен оплот сокрушать — высокою доблести дело,
То, что упало, топтать — подлого труса почин.
Нет, я не то, чем я был. Что же призрак пустой поражаешь?
Камни, один за другим, мечешь в мой пепел и прах?
Гектор-воитель, в бою — был Гектором. Но, по равнине
Жалко влачимый в пыли, Гектором быть перестал.
Не вспоминай же, каким ты знавал меня в годы былые:
Только подобие я — бывшего смутная тень.
Что же попреками ты эту тень язвишь и бичуешь?
О, пощади, не тревожь мрака печальной души.
Пусть, так и быть, полагай, что мои обвинители правы,
Что заблужденье мое умысел злой отягчил,
Вот я — изгнанник, взгляни, насыть свою душу! Двойную
Кару несущ: тяжка ссыльному глушь и судьба.
Даже палач площадной оплакал бы жребий поэта.
Все же нашелся судья кару завидной признать.
Ты Бузирида лютей, ты зверее безумца, который
Медленно, зло раскаляя медное чрево быка,
Сам же, глупец, подарил свою медь Сицилийцу-тирану,
Так восхваляя ему изобретателя дар:
«В этой диковине, царь, механизм превосходит картинность,
В ней не одна красота форм вызывает хвалу.
Створка чудесная здесь на боку быка притаилась.
Хочешь кого погубить, тело в отверстие брось.
Бросил — и жги не спеша, жар огня нагнетая... И тут-то
Бык замычит — и живым будет мычанье быка.
Дай мне за выдумку, царь, за подарок высокий подарок,
Чтобы достойна творца эта награда была».
Высказал. Тут Фаларид воскликнул: «О выдумщик дивный,
Сам на себе испытай дивного вымысла мощь!»
Долго ли, коротко — вдруг, жестоким терзаемый жаром,
Длительный рев испустил выдумщик мудрый, мыча.
Сгинь, сицилийская быль! Далеко ты от скифов и гетов.
Я возвращаюсь в тоске, кто бы ты ни был, к тебе.
Что же, скорей утоляй свою жажду кровью поэта,
Празднуй, ликуй, до конца жадное сердце потешь.
Я по пути испытал столько бедствий на суше и море,
Что злополучья мои тронули б даже тебя.
Если бы с ними сравнить скитанья Улисса, поверь мне,
Гнева Нептуна сильнее грозный Юпитера гнев.
Как бы ты ни был могуч, а я грешен — греха не касайся,
Руки жестокие прочь! Не бередь моих ран.

Пусть заглохнет молва о «злодействе» поэта Назона,
Дай затянуться рубцом этим минувшим делам.
Вспомни о судьбах людских! Переменчивы судьбы: возносятся
Ныне, а завтра гнетут. Бойся, всему свой черед.
Ты к испытаниям моим проявляешь чрезмерное рвенье.
Я бы мечтать не посмел о дружелюбье таком.
Не благоденствую, нет. Опасенья напрасны. Уймись же!
Горе за горем влечет Цезаря гнев за собой.
Чтобы проникся, постиг, не за вымыслы счел мой скорби:
Дай тебе бог испытать ту же печаль и судьбу.

Понтийские элегии

* * *

Негодовать или молчать? Скрыть имя или имя на площадь,
На всенародный позор низкую душу твою?
Не назову. Умолчу. Не хочу обессмертить упреком:
Славу сыскал бы тебе стих мой, ославив тебя.
В дни, когда барка моя опиралась о прочное днище,
Первым ты вызвался, друг, под моим парусом плыть,
Хмуρο фортуны лицо, и ты, — о, понятно, понятно! —
Ты на попятный... Беда! Помощи ждут от тебя.
Ты и видать не видал и слышать не слышал о Назоне:
Кто он? Что за Назон — в знатном кругу имен?
Я — тот Назон, это я, припомни, тот самый, который
Чуть не с пеленок с тобой спаян был дружбой сленой,
Тот, кому первому ты поверял неотложное дело,
Кто и в забавах твоих первым затейником был.
Я — тот сожитель и друг — ближайший, теснейший,
домашний,
Музой единственною был я тогда для тебя.
Да, это я! Обо мне не спросил твой язык вероломный:
Жив ли я, умер и где — мало печали тебе.
Или, меня не любя, ты притворно разыгрывал дружбу?
Или притворству был чужд, — значит, пустышкой был.
Что ж оттолкнуло тебя? Душа от обиды изныла?
Если нет правды в тебе, терпкий упрек мой правдив.
Что же, какая вина вдруг преградой стала бывшему?
Мне ли вменяешь в вину грустную участь мою?
Мог не оказывать мне услуг ни словом, ни делом,
Но на бумаге черкнуть мог бы словечко, как друг?

Я не поверил ушам, будто ты надо мной, над лежащим,
Подло глумился, меня, слов не щадя, поносил.
Что ты творишь, слепец! Фортуна изменчива. Что же
Ты состраданья себя, слез при крушенье лишил?
Ах, неустойчивый шар выдает легковесность богини:
Кончиком шаткой ноги счастье на шаре стоит.
Листика легче она, дуновения ветреней, вдоха...
Только твоя пустота легкости этой равна.
Все человек дела на топчайшей подвешены нити,
Случай — и рушится вдруг несокрушимый оплот.
Кто на земле не слышал о богатстве невиданном Крезат!
Жалкою жпзнью и той стал он обязан врагу.
Или тиран Сиракуз, пред которым страна трепетала,
Перебивался едва черной работой, как раб.
Вспомни Великого! Он, величайший, снизив октаву
Перед клиентом, просил кротко помочь беглецу.
Также другой властелин земли от края до края,
Мироправитель, терпел горшую в мире пужду:
Сам триумфатор, гроза, сокрушитель Югурты и кимвров,
Консул, венчающий Рим славой все новых побед,
Марий — в трясину болот, в тростники зарывался под тину.
Сколько же сраму его славе пришлось претерпеть!
Властно играет в делах человеческих тайная сила.
Разум доверчив, — увы! — верен ли нынешний час?
Если б мне кто предсказал: «Ты уйдешь в край далекий
Евксина,
В страхе пред гетской стрелой будешь с оглядкой
жить», —
Я бы ответил: «Пророк, выпей сок, очищающий разум,
Иль чемеричный настой — тот антикирский травник».
Но испытанье пришло. Избежать карающей длани
Смертного мог бы, но рук бога богов — не могу.
Так трепещи же и ты. Вот мнится: забрезжила радость,
Слово еще на губах. Глянь! обернулась в печаль.

* * *

ФРАГМЕНТ ЭЛЕГИИ

Как-то в кругу томитян говорил я о доблести вашей
(Я и по-гетски могу и по-сарматски болтать).
Некий старик среди нас на мое восхваленье такую
Речь величаво повел звонкому слову в ответ:

«Гость дружелюбный, и нам слово «дружба» — не чуждое слово

В этом далеком от вас, Истром омытом краю.
В Скифии есть уголок, именуемый древле Тавридой —
Бычьей землей. Не года скачут от гетов туда.
Там я близ Понта рожден. Не к лицу мне стыдиться

отчизны.

Фебу, богиню, чтят жертвами жители гор.
Там и поныне стоят на плечах кслюш-великанов
Храмы, и к ним переход — в сорок ступеней пролет.
Статуя с неба сошла, по преданию, в эту обитель.
Верно, молва не пуста: цоколь от статуи цел.
Жертвенник в камне скалы сверкал белизною природной:
Ныне он тускл и багров, кровью пропитанный жертв.
Жрица безбрачная там роковые вершила обряды:
И превышала она знатностью скифских невест.
Грозен обычай веков, заповеданный предками скифам:
«Да упадет под мечом девственным жертвой пришлец».
Моцио царил там Фоант, знаменитый по всей Меотиде.
Берег Евксинский не знал мужа славнее, чем он.
И притекла, говорят, Ифигения, некая дева,
В годы державства его к нам по воздушным волнам:
Будто ее ветерки, под облаком в небе лелея,
Волею Фебы, как соя, в эти места увлекли...
Многие годы она алтарем управляла и храмом,
С грустью невольной рукой скорбный обычай блюдя.
Вдруг занесли паруса двух юношей к храму Тавриды.
На берег вольной ногой оба ступили, смеясь.
Возрастом были равны и любовью. Молва сохранила
Их имена — и звучат ныне: Орест и Пилад.
Юношей жадно влекут к алтарю беспощадной богини
Тривии. За спину им руки загнули враги.
Вот их кропит водой очистительной жрица-гречанка,
Рыжие кудри друзей длиною лентой крепит,
Их обряжает она, виски обвивает повязкой.
Для промедленья сама ищет в смущенье предлог.
«Я не жестока, о нет! Простите мне, юноши, — молвит, —
Варварский этот обряд горше мне варварских мест.
Скифский обычай таков. Но какого вы племена люди?
Столь злополучно куда держите путь по морям?» —
Смохла. И слышит она священное родины имя,
Милых сограждан своих в пленниках вдруг узнает.

Глухо бормочет: «Один из двоих обречет себя в жертву,
Вестником в отчий дом пусть воротится другой».
Жертвой наметив себя, в путь Пилад торопит Ореста.
Друг отвергает. За смерть жаркая тяжба идет.
В праве на смерть не сошлись. Других разногласий не знали.
Спорят: кому из двоих душу за друга отдать?
Длится меж юношей бой — состязанье в любви беззаветной.
К брату дева меж тем трудно выводит письмо.
Брату наказы дает. Но тот, кому дева вручала,
Был,— о, превратность судеб! — братом и был ей родным.
Образ богини втроем похищают немедля из храма,
К морю тайком... и корма пенит безбрежный простор.
Канули годы, века, но образ дружбы высокой
Юношей чтят и досель в Скифии, в темной стране».
С детства знакомую была так закончил старик незнакомый,
Все похвалили рассказ — честности добрый пример.

* * *

Это письмо — о поэт! — царей величайший потомок,
Прямо от гетов к тебе, шерстью обросших, идет.
Странно, что имя твое,— прости мне стыдливую правду,—
Имя Севера в моих книжках нигде не звучит!
Прозой суровой у нас переписка очередная
Не прекращалась, но был в пренебрежении стих.
В дар не слал я тебе элегий на добрую память:
Что мне дарить! Ты сам и без меня одарен.
Кто бы дарил Аристею мед, Триптолему пшеницу,
Вакху терпкий фалерн иль Алкиною плоды?
Духом ты плодови́т и в кругу жнецов Геликона
Жатву тучнее твоей вряд ли собрат соберет.
Слать стихотворцу стихи — что дубраве зеленые листья,
Вот где корень моей скромной задержки, Север.
Впрочем, и я уж не тот: оскудел талантом,— похоже,
Будто побережья пески плугом впустую пашу;
Или как ил забивает протoki подводные грязью
И при заглохших ключах дремлет течение вод,—
Так и душу мою илом бедствий судьба запрудила,
И оскудевшей струей стих мой уныло течет.
В этой глухой стране сам Гомер, поселенный насильно,
Стал бы меж гетами впрямь гетом до корня волос.

Не укоряй же, я слаб и ослабил поведья работы,
Редко теперь вывожу буквы усталой рукой.
Тот сокровенный порыв, питающий душу поэтов,
Обуревавший меня некогда, — где он? Иссяк,
Чуть шевелится, ползет. На таблички нудная муза
Будто насильно кладет нехотя пальцы мои.
И наслажденье писать — лишь тень наслажденья былого.
Как-то безрадостно мне в ритмы слова сопрягать.
Иль оттого, что плоды стихотворства не сорваны мною?
Сорваны! Горек был плод, — в том-то и горе мое.
Иль оттого, что слагать стихи, когда некому слушать,
То же, что гордо во тьме в такт, словно в танце, ступать.
Слушатель пыл придает, от хвалы дарование крепнет.
Слава, как шпоры копы — вихрем взнесет до небес.
Здесь же... читать стихи?.. Но кому? Белокурый кораллам?
Или иным дикарям-варварам Истра-реки?
Что же, скажи, предпринять при таком одиночестве?
Праздность
Чем мне заполнить? И как длительный день скоротать?
Я не привержен к вину и к метанью костей, когда время
Так неприметно бежит в смене удач — неудач.
Землю пахать?.. Я бы рад, да злая война не радеет:
В этом свирепом краю плугом не взрыть целины.
Что ж остается? Одна отрада холодная — музы.
Нет, не к добру послужил мне этот дар Пниерид.
Ты же, кого поит счастливее ключ Аонийский,
Чти свой удачливый труд, неистребимо люби
И, пред святынею муз благоговей, — для чтенья
Мне на край света сюда новую книгу пришли.

Эпиграммы

* * *

Всё, что мы видим вокруг, пожрет ненасытное время;
Всё низвергает во прах; краток предел бытия.
Сохнут потоки, мелеют моря, от берегов отступая,
Рухнут утесы, падет горных хребтов крутизна.
Что говорю я о малом? Прекрасную сень небосвода,
Вспыхнув внезапно, сожжет свой же небесный огонь.
Всё пожирается смертью; ведь гибель — закон, а не кара.
Сроки наступят — и мир этот погибнет навек.

* * *

Корсика, землю твою заселил пришлец из Фокии,
Корсика, имя твое было в ту пору Курнос.
Корсика, брег твой короче Сардинии, круче, чем Ильва.
Корсика, множеством рыб реки богаты твои.
Корсика, как ты ужасна, когда разгорается лето,
Но несравненно страшней в дни под пылающим Псом.
Будь милосердною к тем, кто в изгнании здесь погибает;
Тем, кто здесь заживо мертв, легкой да будет земля.

* * *

Корсика дикая сжата скалою крутой отовсюду;
Выжжена вся — и лежит всюду бескрайность пустынь;
Осенью нет здесь плодов, и летом колосья не зреют,
Древо Паллады к зиме здесь не приносит даров.

Только дождями богата весна и не радуется взору;
В этой проклятой земле даже трава не растет.
Хлеба здесь нет, нет ни капли воды, ни костра

для умерших.
Здесь лишь изгнанник живет вместе с изгнанным вдвоем.

К ЛУЧШЕМУ ДРУГУ

Крисп, ты — сила моя и спасенье скользящего в бездну,
Крисп, украшение ты форума древнего; власть,
Крисп, ты являл, лишь желая скорее помочь человеку,
Берегом был и землей ты в катастрофе моей.
Мне ты — единая честь и оплот в опасностях верный,
Ныне для скорбной души ты — утешенье одно.
Крисп, ты прекрасная вера и милая пылкая доблесть;
Сердце всегда у тебя медом Кекропа полно.
Краспоречивому деду, отцу ты великая слава,
Кто б ни лишился тебя, станет изгнанником он:
В неумолимой земле я распластан, придавленный

к скалам,—
Сердце ж с тобой, и его не оторвать от тебя.

О ПРОСТОЙ ЖИЗНИ

«Дружбы царей избегай», — поучал ты в речении кратком:
Эта большая беда все же была не одной.
Дружбы еще избегай, что блистает чрезмерным величием,
И сторонись от всего, что восхваляют за блеск!
Так, и могучих владык, прославляемых громкой молвою,
Знатных домов, что тяжки происхождением своим,
Ты избегай; безопасный, их чти издалека, и парус
Свой убери: к берегам пусть тебя лодка несет.
Пусть на равнине фортуна твоя пребывает и с равным
Знайся всегда: с высоты грозный несется обвал!
Нехорошо, если с малым великое рядом: в покое
Давит оно, а упав, в пропасть влечет за собой.

РОДИНЕ О СЕБЕ

Кордуба, ныне власы распусти и оденься печалью,
Плача, над прахом моим должный исполни обряд.
Дальняя Кордуба, ныне оплачь твоего песнопевца,
Тяжко горюя теперь, а не иною порою.
И не тогда, когда в мире столкнулись враждебные силы
И налегла на тебя злая громада войны.
Ты, пораженная горем двойным, от обоих страдала,—
Были врагами тебе Цезарь тогда и Помпей;
И не тогда, когда триста смертей тебе припичнула
Ночь лишь одна, что была ночью последней твоей;
Не лузитанский когда твои стены рушил наемник,
Прямо в ворота твои вражеский меч ударял.
Доблестный твой гражданин и слава твоя очутился
В сонмище бед: распусти, Кордуба, ныне власы!
Но благодарен тебе я: природа тебя поместила
Вдаль, к Океану: и ты меньше страдаешь вдали.

О БЛАГЕ ПРОСТОЙ ЖИЗНИ

Малым я полем владею, доходом и скромным и честным,
Но доставляют они мне беспредельный покой.
Дух мой, не ведая страха, с одним лишь спокойствием
И не страшится злодейств, что за бездельем идут. дружен
Пусть привлекают других и война, и курульные кресла,—
Всё, что лелеет в себе тщетную радость свою.
Почестей я не ищущу; быть бы частью народа простого
И до последнего дня днями своими владеть.

О БОГАТСТВЕ И БЕСЧЕСТИИ

Нет, несчастье одно в подобной жизни,
Что счастливой считаете вы ложно:
На руках созерцать камней сверканье,
Или ложе отделать черепахой,
Или нежить свой бок мягчайшим пухом,
Пить из кубков золотых, на алом лежа,

Царской трапезой тяжко стол уставив,
Все, что было с полей ливийских спято,
Положив, не вместить в одной кладовой.
Но не быть у толпы в фаворе — счастье,
Не бояться, дрожа, любой невзгоды,
Не пылать, обнажив оружие яро;
Кто сумеет таким пребыть, сумеет
Самую подчинить себе Фортуну.

О СМЕРТИ ДРУГА

Отнят Крисп у меня, мой друг, навеки;
Если б выкуп за друга дать я мог бы,
Я свои разделил бы тотчас годы,
Лучшей частью моей теперь оставлен;
Крисп, опора моя, моя отрада,
Гавань, высшее счастье: мне отныне
Уж не будет ничто отрадой в жизни.
Буду дни я влачить опустошенный:
Половина меня навеки сгубла!

О РАЗВАЛИНАХ ГРЕЦИИ

Греция, скошена ты многолетней военной бедою,
Ныне в упадок пришла, силы свои подорвав.
Слава осталась, но Счастье погибло, и пепел повсюду,
Но и могилы твои так же священны для нас.
Мало осталось теперь от великой когда-то державы;
Бедная, имя твое только и есть у тебя!

О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ ЛЮБВИ

Злом подстрекаемы чьим рвутся нежные узы — не знаю:
Этой великой вины взять на себя не могу.
Зло навалилось, и силы сгубило сжигающим жалом, —
Рок ли виною тому или виной божество.
Что понапрасну богов обвинять? Хочешь, Делия, правды?
Дан я любовью тебе, отнят любовью одной.

О ЗВОНЕ В УШАХ

Звонкое ухо, зачем ты все ночи звенишь непрерывно,
Молвишь не знаю о ком, вспомнившем ныне меня?
«Ты вопрошаешь, кто это? Звучат тебе уши ночами,
Всем возвещая: с тобой Делия так говорит».
Делия правда со мной говорит: дуновенье приходит
Нежное тихо ко мне в шепоте милом ее, —
Делия именно так молчаливые таинства ночи
Голосом тихим своим любит порой нарушать:
Да, не пначе, сплетением рук обняв мою шею,
Тайные речи вверить близким привыкла ушам.
Я не узнал: до меня ее голоса образ доходит,
В звоне тончайшем ушей сладостный слышится звук.
Не прекращайте, молю, непрерывным струиться звучаньем!
Молвил,— а вы между тем смолкли, увы, навсегда.

О РЕВНИВИЦЕ

Вот как меня сторожить, Косконпя, надо: пусть узы
Будут не слишком тяжки, но и не слишком легки.
Легкие слишком — сбегу, и порву — тяжелые слишком;
Но никуда не уйду, если ты будешь мила.

Эпиграммы

* * *

Исса птички Катулловой резвес,
Исса чище голубки поцелуя,
Исса ласковее любой красотки,
Исса Индий всех камней дорожке,
Исса — Публия прелесть-собачонка.
Заскулит она — словно слово скажет,
Чует горе твое и радость чует,
Спит и сны, подвернувши шейку, видит,
И дыханья ее совсем не слышно.
А когда у нее позыв желудка,
Каплей даже подстилку не замочит,
Но слегка тронет лапкой и с постельки
Просит снять себя, дать ей облегчиться.
Так чиста и невинна эта сучка,
Что Венеры не знает, и не сыщем
Мужа ей, чтоб достойным был красотки.
Чтоб ее не бесследно смерть умчала,
На картине ее представил Публий,
Где такой ты ее увидишь истой,
Что с собою самой не схожа Исса.
Иссу рядом поставь-ка ты с картиной:
Иль обеих сочтешь за настоящих,
Иль обеих сочтешь ты за портреты.

* * *

Феший на вечную честь посвятил могильному праху
Рошу с возделанным здесь чудным участком земли.
Здесь Антулла лежит, покинув безвременно близких,
Оба родителя здесь будут с Антуллой лежать.
Пусть не польстится никто на это скромное поле:
Будет оно господам вечно подвластно своим.

* * *

Я предпочел бы иметь благородную, если ж откажут,
Вольноотпущенной я буду доволен тогда.
В крайности хватит рабы, но она победит их обеих,
Коль благородна лицом будет она у меня.

* * *

Что за причина тебя иль надежда в Рим привлекает,
Секст? И чего для себя ждешь ты иль хочешь, скажи?
«Буду вести я дела, — говоришь, — Цицерона блестящей,
И на трех форумах мне равным не будет никто».
И Атестин вел дела, и Цивис, — обоих ты знаешь, —
Но не один оплатить даже квартиры не мог.
«Если не выйдет, займусь тогда я стихов сочиненьем:
Скажешь ты, их услышав, подлинный это Марон».
Дурень ты: все, у кого одежонка ветром подбита,
Или Назоны они, или Вергилии здесь.
«В атрии к знати пойду». Но ведь это едва прокормило
Трех-четырех: на других с голоду нету лица.
«Как же мне быть? Дай совет: ведь жить-то я в Риме
решился?»
Ежели честен ты, Секст, лишь на авось проживешь.

* * *

И лица твоего могу не видеть,
Да и шею твоей, и рук, и ножек,
И грудей, да и бедер с поясницей.
Одним словом, чтоб перечня не делать,
Мог бы всей я тебя не видеть, Хлоя.

Малый Юлиа садик Марциала,
 Что, садов Гесперидских благодатней,
 На Яникуле длинном расположен.
 Смотрят вниз уголки его на холмы,
 И вершину его с отлогим склоном
 Осеняет покровом ясным небо.
 А когда затуманятся долины,
 Лишь она освещенной выдается.
 Мягко к чистым возносится созвездьям
 Стройной дачи изысканная кровля.
 Здесь все семеро гор державных видно,
 И весь Рим осмотреть отсюда можно,
 И нагорья все Тускула и Альбы,
 Уголки все прохладные под Римом,
 Рубры малые, древние Фидены
 И счастливую девичьею кровью
 Анны рощицу плодную Перенны.
 Там,— хоть шума не слышно,— видишь, едут
 Соляной иль Фламиньевою дорогой:
 Сладких снов колесо не потревожит,
 И не в силах ни окрик корабельный,
 Ни бурлацкая ругань их нарушить,
 Хоть и Мульвиен рядом мост и быстро
 Вниз по Тибру суда скользят святому.
 Эту, можно сказать, усадьбу в Риме
 Украшает хозяин. Ты как дома:
 Так он искренен, так он хлебосолен,
 Так радушно гостей он принимает,
 Точно сам Алкиной благочестивый
 Иль Молорх, что недавно стал богатым.
 Ну, а вы, для которых все ничтожно,
 Ройте сотней мотыг прохладный Тибур
 Иль Пренесту иль Сетию крутую
 Одному нанимателю отдайте.
 А по-моему, всех угодий лучше
 Малый Юлиа садик Марциала.

* * *

Мать Флакцилла и ты, родитель Фронтон, поручаю
Девочку эту я вам — радость, утеху мою,
Чтобы ни черных теней не пугалась Эротия-крошка,
Ни зловещего пса Тартара с пастью тройной.
Полностью только шесть зим она прожила бы холодных,
Если бы столько же дней было дано ей дожить.
Пусть же резвится она на руках покровителей старых
И по-младенчески вам имя лепечет мое.
Нежные кости пусть дерн ей мягкий покроет: не тяжкой
Будь ей, земля, ведь она не тяготила тебя!

* * *

Вот что делает жизнь вполне счастливой,
Дорогой Марциал, тебе скажу я:
Не труды и доходы, а наследство;
Постоянный очаг с обильным полем,
Благодушье без тяжб, без скучной тоги,
Тело, смолоду крепкое, здоровье,
Простота в обращении с друзьями,
Безыскусственный стол, веселый ужин,
Ночь без пьянства, зато и без заботы,
Ложь скромное без досады нудной,
Сон, в котором вся ночь как миг проходит,
Коль доволен своим ты состояньем,
Коль смерть не страшна и не желанна.

* * *

В Анксуре мирном твоём, Фронтин, на морском побережье,
В Байях, которые к нам ближе, — в доме у реки,
В роще, где даже и в зной, когда солнце в созвездии Рака,
Нет надоедних цикад, и у озер ключевых
Мог на досуге с тобой я верно служить Пиэридам,
Ныне же я изнурен Римом огромным вконец.
Есть ли здесь день хоть один мой собственный? Мечемся
в море
Города мы, и в труде тщетном теряется жизнь
На содержанье клочка бесплодной земли подгородной
И городского жилья рядом с тобою, Квирин.

Но ведь не в том лишь любовь, чтобы денно и поцню пороги
    Нам обивать у друзей — это не дело певца.
Службою Музам клянусь я священной и всеми богами:
    Хоть нерадив я к тебе, все же тебя я люблю,

* * *

Спит в преждевременной здесь могиле Эротия-крошка,
    Что на шестой лишь зпме сгублена злою судьбой.
Кто бы ты ни был моей наследник скромной усадьбы,
    Ты ежегодно свершай маленькой тени обряд:
Да перушим будет дом и твои домочадцы здоровы
    И да печален тебе будет лишь камень ее.

* * *

Страшно, Авит, для тебя, что, до старости живши в латинском
    Городе, все говорю я о далеских краях.
Тянет меня на Таг златоносный, к родному Салону
    И вспоминаю в полях сельских обильный наш дом.
Та по душе мне страна, где при скромном достатке богатым
    Делаюсь я, где запас скудный балует меня.
Землю содержим мы здесь, там земля нас содержит; тут скупо
    Глеет очаг, и горит пламенем жарким он там;
Дорого здесь голодать, и рынок тебя разоряет,
    Там же богатством полей собственных полнится стол;
За лето сносишь ты здесь четыре тоги и больше,
    Там я четыре пошу осени тогу одну.
Вот и ухаживай ты за царями, когда не приносит
    Дружба того, что тебе край наш приносит, Авит.

* * *

Флаву нашему спутницей будь, книжка,
В долгом плаванье, но благоприятном,
И легко уходи с попутным ветром
К Терракона испанского твердыням.
На колесах ты там поедешь быстро
И Салон твой п Бильбилы высоты,
Пять упряжек сменив, увидеть сможешь.
Спросишь, что поручаю я? Немногих,

Но старинных друзей моих, которых
Тридцать зим и четыре я не видел,
Тотчас, прямо с дороги ты приветствуй
И еще поторапливай ты Флава,
Чтоб приятное он и поудобней
Подыскал мне жилье недорогое,
Где бы мог твой отец отдаться лени.
Вот и все. Капитан зовет уж грубый
И бранит задержавшихся, а ветер
Выход в море открыл. Прощай же, книжка:
Ожидать одного корабль не станет.

* * *

Благой Венеры берег золотой, Байи,
О Байи, вы природы гордой дар милый!
Пусть тысячью стихов хвалил бы я Байи,
Достойно, Флакк, не восхвалить бы мне Байи.
Но Марциал мой мне дороже, чем Байи.
Об них обоих было бы мечтать дерзко.
Но если боги в дар дадут мне все это,
То что за счастье: Марциал мой и Байи!

* * *

Ты теперь, Ювенал, быть может, бродишь
Беспокойно по всей Субуре шумной,
Иль владычной Дианы холм ты топчешь:
Понукает тебя к порогам знати
Потогонная тога, и томишься
Ты, всходя на Большой и Малый Целий.
Я ж опять, декабррей проживши много,
Принят сельскою Бильбиллой родною,
Что горда своим золотом и сталью.
Здесь беспечно живем в трудах приятных
Мы в Ботерде, в Платее — кельтиберских
То названия грубые местечек.
Сном глубоким и крепким сплю я, часто
Даже в третьем часу не пробуждаясь:
Отсыпаюсь я всласть теперь за время,
Что все тридцать годов недосыпал я.
Тоги нет и в помине; надеваю
Что попало, с поломанных взяв кресел.

Я встаю — уж очаг горит приветно
Кучей дров, в дубняке соседнем взятых.
Все оставила ключница горшками.
Тут как тут и охотник. Ты такого
Сам не прочь бы иметь в укромной роще.
Одевает рабов моих приказчик
Безбородый — он все остричься просит.
Так и жить я хочу и так скончаться.

* * *

Рощица эта, ключи, и сплетенного сень винограда,
И орошающий все ток проведенной воды,
Луг мой и розовый сад, как в Пестумс, дважды цветущем,
Зелень, какую мороз и в январе не побьет,
И водоем, где угорь у нас прирученный ныряет,
И голубятня под цвет жителей белых ее —
Это дары госпожи: вернувшись чрез семь пятилетий,
Сделан Марцеллою я был этой дачи царьком.
Если бы отчие мне уступала сады Навспкая,
Я б Алкиною сказал: «Предпочитаю свои».

* * *

Целых тридцать четыре жатвы прожил
Я, как помнится мне, с тобою, Юлий.
Было сладко нам вместе, было горько,
Но отрадного все же было больше;
И, коль камешки мы с тобой разложим
На две кучки, по разному их цвету,
Белых больше окажется, чем черных.
Если горести хочешь ты избегнуть
И душевных не ведать угрызений,
То ни с кем не дружись ты слишком тесно:
Так, хоть радости меньше, меньше горя.

* * *

Уник, ты носишь со мной единое кровное имя
И по занятиям своим близок и по сердцу мне,
В стихотвореньях своих ты только брату уступишь,
Ум одинаков у вас, но твое сердце нежней.

Лесбийей мог бы ты быть любим вместе с тонким Катуллом,
Да и Коринна пошла б после Назона с тобой.
Дул бы попутный зефир, если ты паруса распустил бы,
Берег, однако же, мил так же, как брату, тебе.

ЭПИГРАММЫ, ПРИПИСЫВАВШИЕСЯ МАРЦИАЛУ

О СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Делаю что у себя я в деревне? Отвечу я кратко:
Утром молюсь, посмотрю за порядком и дома и в поле
И надлежащую всем назначаю я слугам работу.
После читаю, зову Аполлона и Музу тревожу.
Маслом натершись потом, занимаюсь я легкой борьбою
Вволю, и радостно мне на душе, и корысти не знаю.
Песнь за обедом с вином, игра, баня, ужин и отдых.
Малый светильник тогда, немного истративший масла,
Эти стихи мне дает — почным приношение Музам.

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Пусть не дает мне судьба ни высшей доли, ни низшей,
А поведет мою жизнь скромным срединным путем.
Знатных зависть гнетет, людей ничтожных — обиды.
Счастливы те, кто живет, этих не знаючи бед.

РИМСКИЕ ПОЭТЫ II—VI ВЕКОВ

РОЗЫ

Это случилось весной; холодком и колючим и нежным
 День возвращенный дышал раннего утра порой.
 Ветер прохладный еще, Авроры коней предваряя,
 Опередить призывал зноем пылающий день.
 По перекресткам дорожек бродил я в садах орошенных
 И зарождавшимся днем думал ободрить себя.
 Видел я льдинки росы, что на травах склоненных висели,
 И на листьях овощей видел я льдинки росы:
 Видел — на стеблях широких играли округлые капли
 И тяжелели они, влагой небесной полны.
 Видел, как розы горели, взращенные Пестом, омыты
 Влагой росы; и звезда нового утра взошла.
 Редкие перлы блистали на ином тропуток ветках;
 С первым сиянием дня им суждено умереть.
 Тут и не знаешь, берет ли румянец у розы Аврора
 Или дарует его, крася румянцем цветы.
 Цвет у обеих один, и роса и утро — едины;
 Ведь над звездой и цветком равно Венера царит.
 Может быть, общий у них аромат? Но где-то в эфире
 Первый струится; сильнее дышит ближайший,
другой.

Общая их госпожа — у звезды и у розы — Венера
 Им повелела надеть тот же пурпурный наряд.
 Но приближалось мгновенье, когда у цветов, зародившись,
 Почки набухшие вдруг разом открыться должны.
 Вот зеленеет одна, колпачком прикрытая листьев;
 Виден сквозь тоненький лист рдяный наряд у другой.
 Эта высокую грань своего открывает бутона,
 Освобождая от пут пурпур головки своей.

И раздвигает другая на темени складки покрова,
Людам готовясь предстать в сонме своих лепестков.
Разом являет цветок красоту смеющейся чаши,
Щедро выводит густой, сомкнутый строй лепестков.
Та, что недавно горела огнем лепестков ароматных,
Бледная ныне стоит, ибо опали они.
Диву даешься, как время грабительно все отнимает,
Как при рожденье своем старятся розы уже.
Вот говорю я, а кудри у розы багряной опали,
Землю усеяв собой, красным покровом лежат.
Столько обличий, так много рождений и все обновленья
День лишь единый явил и довершил один день!
Все мы в печали, Природа, что прелесть у розы мгновенна:
Дашь нам взглянуть — и тотчас ты отбираешь дары.
Временем кратким единого дня век розы отмерен,
Слита с цветением роз старость, губящая их.
Ту, что Заря золотая увидела в миг зарожденья,
Вечером, вновь возвратясь, видит увядшей она.
Что ж из того, что цветку суждено так скоро погибнуть, —
Роза кончиной своей просит продлить ее жизнь.
Девушка, розы собирай молодые, сама молодая:
Помни, что жизни твоей столь же стремителец бег.

К СВОЕЙ ЖЕНЕ

Будем жить, как мы жили, жена! Тех имен не оставим,
Что друг для друга нашли в первую брачную ночь!
Да не настанет тот день, что нас переменит: пусть буду
Юношей я для тебя, девушкой будь для меня!
Если бы старше я был, чем Нестор, и если б Дейфобу
Кумскую ты превзошла возрастом, что до того!
Знать мы не будем, что значит преклонная старость!
Не лучше ль,
Ведая цену годам, счета годов не вести!

К ГАЛЛЕ, УЖЕ СТАРЕЮЩЕЙ ДЕВУШКЕ

Я говорил тебе: «Галла! Мы старимся, годы проходят:
Пользуйся счастьем любви: девственность старит скорей!
Ты не вяла, и подкралась шагами неслышными старость,
Вот уже воротить дней, что погибли, нельзя!

Горько тебе, и клянешь ты, зачем не пришли те желанья
Прежде к тебе иль зачем нет больше прежней красы!
Все ж мне объятья раскрой и счастье, не взятое, даруй:
Если не то, что хочу,— то, что хотел, получу!

ЖИВОПИСЦУ О ПОРТРЕТЕ БИССУЛЫ

Биссулы не передашь ни воском, ни краской поддельной;
Не поддается ее природная прелесть искусству.
Изображайте других красавиц, белила и сурик!
Облика тонкость руке недоступна ничьей. О художник,
Алые розы смешай, раствори их в лилиях белых:
Цвет их воздушный и есть лица ее цвет настоящий.

Эпиграммы

ЭХО

Силишься тщетно зачем воссоздать мой облик, художник?
Можно ль гневить божество, что неизвестно тебе?
Дочь языка и воздуха я, мать бесплотная звука,
И, не имея души, голос могу издавать.
Звук замирающий я возвращаю в его окончанье
И, забавляясь, иду вслед за реченьем чужим.
В ваших ушах я, Эхо, живу, проходящая всюду;
Хочешь меня написать — голос возьми напиши!

* * *

Люди тебя называют уродливой, Криспа: не знаю;
Ты хороша для меня: сам я умею судить.
Мало того — ведь любви сопутствует ревность,— хочу я:
Будь безобразной для всех, прелестью будь для меня.

ГАЛЛЬСКИЕ МУЛЫ

Ты посмотри на послушных питомцев бушующей Роны,
 Как по приказу стоят, как по приказу бредут,
 Как направление меняют, услышав шепот суровый,
 Верной дорогой идут, слыша лишь голоса звук.
 Нет на них упряжки тесной, вожжей они вовсе не знают,
 Бременем тяжким у них шею ярмо не гнетет.
 Долгу, однако, верны и труд переносят с терпением,
 Варварский слушают звук, чуткий свой слух наострив,
 Если погонщик отстанет, из воли его не выходят,
 Вместо узды и бича голос ведет их мужской.
 Издали кликнет — вернуться, столбятся — опять их разгонит,
 Быстрых задержит чуть-чуть, медленных гонит вперед.
 Влево ль идти? И свой шаг по левой дороге направят.
 Голос изменится вдруг — тотчас же вправо пойдут.
 Рабского гнета не зная, свободны они, но не дики;
 Пут никогда не неся, власть признают над собой.
 Рыжие, с шкурой лохматой, повозку тяжелую тащат
 В дружном согласье они, так что колеса скрипят.
 Что ж мы дивимся, что звери заслушались песни Орфея,
 Если бессмысленный скот галльским покорен словам?

О СТАРЦЕ, НИКОГДА НЕ ПОКИДАВШЕМ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ВЕРОНЫ

Счастлив тот, кто свой век провел на поле родимом;
Дом, где ребенком он жил, видит его стариком.
Там, где малюткою ползал, он нынче с посохом бродит;
Много ли хижине лет — счет он давно потерял.
Бурь ненадежной судьбы изведать ему не случилось,
Воду, скитаясь, не пил он из неведомых рек.
Он за товар не дрожал, он трубы не боялся походной;
Форум, и тяжбы, и суд — все было чуждо ему.
Мира строенья не знал он и в городе не был соседнем,
Видел всегда над собой купол свободный небес.
Он по природным дарам, не по консулам, годы считает:
Осень приносит плоды, дарит цветами весна.
В поле он солнце встречает, прощается с ним на закате;
В этом привычном кругу день он проводит за днем.
В детстве дубок посадил — нынче дубом любитесь статным,
Роща с ним вместе росла — старятся вместе они.
Дальше, чем Индии край, для него предместья Вероны,
Волны Бенакских озер Красным он морем зовет.
Силами свеж он и бодр, крепки мускулистые руки,
Три поколения уже видит потомков своих.
Пусть же другие идут искать Иберии дальней,
Пусть они ищут путей — он шел надежным путем.

ВСТУПЛЕНИЕ

Все, с чем резвилось дитя, чем тешился возраст любовный,
В чем пнерийскую соль сеял болтливый язык,
Все в эту книгу вошло. И ты, искушенный читатель,
Перелистав ее всю, выбери, что по душе.

ТУКЦИАН

* * *

Песни рождают любовь, и любовью рождаются песни:
Пой, чтоб тебя полюбили, люби, чтоб тебя воспевали.

ПЕНТАДИЙ

О ПРИХОДЕ ВЕСНЫ

Вижу, уходит зима; над землею трепещут зефиры,
Воды от Эвра теплы: вижу, уходит зима.
Всюду набухли поля и земля теплоту ожидает,
Зеленью новых ростков всюду набухли поля.

Дивные тучны луга, и листва одевает деревья,
 Солнце в долинах царит, дивные тучны луга.
 Стон Филомелы летит недостойной, по Итису, сыну,
 Что на съедение дан, стон Филомелы летит.
 С гор зашумела вода и по гладким торопится скалам,
 Звуки летят далеко: с гор зашумела вода.
 Сонном весенних цветов красит землю дыханье Авроры,
 Дышат Темпей луга сонном весенних цветов.
 Эхо в пещерах звучит, мычашию стад подражая;
 И, отразившись в горах, Эхо в пещерах звучит.
 Вьется молодая лоза, что привязана к ближнему вязу,
 Там, обрученная с ним, вьется молодая лоза.
 Мажет стропила домов щебетунья ласточка утром:
 Новое строя гнездо, мажет стропила домов.
 Там под платаном в тени забыться сном — наслажденье;
 Вьются гирлянды венков там под платаном в тени.
 Сладко тогда умереть; жизни нити, теките беспечно;
 И средь объятий любви сладко тогда умереть.

НАРЦИСС

Тот, чьим отцом был поток, любовался розами мальчик,
 И потоки любил тот, чьим отцом был поток.
 Видит себя самого, отца увидеть мечтая,
 В ясном, зеркальном ручье видит себя самого.
 Тот, кто дриадой любим, над этой любовью смеялся,
 Честью ее не считал тот, кто дриадой любим.
 Замер, дрожит, изумлен, любит, смотрит, горит, вопрошает,
 Льнет, упрекает, зовет, замер, дрожит, изумлен.
 Кажет он сам, что влюблен, ликом, просьбами, взором,
 слезами,
 Тщетно целуя поток, кажет он сам, что влюблен.

МОГИЛА АЦИДА

Ацида здесь, на вершине горы, ты видишь гробницу,
 Видишь бегущий поток там, у подножья холмов?
 В них остается доныне память о гневе Циклопа,
 В них и печаль и любовь, светлая нимфа, твои!

Но, и погибнув, лежит он здесь, погребен, не без славы:
Имя его навсегда шумные воды стремят.
Здесь он еще пребывает, и кажется нам, он не умер:
Чья-то лазурная жизнь зыблется в ясной воде.

МОДЕСТИН

СПЯЩИЙ АМУР

Как-то младенец Амур, побежден легкокрылой дремотой,
В зарослях мирта лежал на траве, увлажненной росой.
Тут-то, скользнув из пропастей Дита, его обступили
Души, которых когда-то терзал он жестокою страстью.
«Вот он, вот мой охотник! Связать его!» — Фебра вскричала.
Злобная Сцилла в ответ: «По волосу волосы вырвать!»
«Нет, изрубить на куски!» — Медея и сирая Прокна,
«Душу исторгнуть мечом!» — Дидона и Канака просят,
«Бросить в огонь!» — Эвадна, «Повесить на дереве!» — Мирра,
«Лучше в реке утопить!» — Аретуса кричит и Библида.
Тут, проснувшись, Амур: «Ну, крылья, на вас вся надежда!»

РЕГИАН

КУПАНИЕ В БАЙАХ

Прежде, чем в Байские воды войти, благая Венера
Сыну Амуру велела с факелом в них окунуться.
Плавая, искру огня обронил он в студеные струи.
Жар растворился в волне: кто войдет в нее, выйдет
влюбленным.

ЛИНДИН

О ВОЗРАСТЕ

Если хочешь ты жизнь прожить счастливо,
Чтоб Лахеса дала увидеть старость,—
В десять лет ты играть, резвясь, обязан,
В двадцать должен отдаться ты наукам,
В тридцать лет ты стремишься вести процессы,
В сорок лет говори изящной речью,
В пятьдесят научись писать искусно,
В шестьдесят насладись приобретенным;
Семь десятков прошло — пора в могилу;
Если восемь прожил, страшись недугов,
В девяносто рассудок станет шатким,
В сто и дети с тобой болтать не станут.

ФЛОР

О ТОМ, КАКОВА ЖИЗНЬ

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре наметил имя той, которую любил.
Ни конца нет, ни покоя с той поры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв,

* * *

Два есть бога-огненосца: Аполлон и Дионис.
Оба в пламени повпыты, дух в обоих огневой.
Оба жар приносят людям: тот лучами, тот вином.
Этот гонит сумрак ночи, этот сумерки души.

Т И Б Е Р И А Н

* * *

По долине, по поляне пробегал, звеня, ручей.
Затканный в цветы, смеялся искорками камешков.
Ветерок над ним, играя, ласково повенчал,
Темной лавра, светлой мирта шелестящий зеленью.
А кругом цвела цветами мурава зеленая,
И румянилась шафраном, и белела лилиями,
И фиалки ароматом наполняли рощицу.
А среди даров весенних, серебрищихся росой,
Всех дыханий благовонней, всех сияний царственной,
Роза, пламеник Дионы, возносила голову.
Стройно высились деревья над росистой травой,
Ручейки в траве журчали, пробиваясь там и тут,
И во мшистые пещеры, оплетенные плющом,
Просочась, точили влагу каплями хрустальными.
А по веткам пели птицы, пели звонче звонкого,
Вешнее сливая пенье с нежным воркованием.
Говор вод перекликался с шелестами зелени,
Нежным веяньем зефира сладостно колеблемой.
Зелень, свежесть, запах, пенье — рощи, струй, цветов
и птиц —
Утомленного дорогой радовали путника.

* * *

Птица, влажной застигнутая тучей,
Замедляет полет обремененный:
Ни к чему непрерывные усилья,
Тягость перьев гнетет ее и давит —
Крылья, прежней лишившиеся мощи,
Ей несут не спасение, а гибель.
Кто, крылатый, стремился к небосводу,
Тот низвергнут и падает, разбитый.
Ах, зачем возноситься так высоко!
Самый сильный и тот лежит во прахе.
Вы, с лопутным несущиеся ветром
Гордецы, не о вас ли эта притча?

СУЛЬПИЦИЙ ЛУПЕРК СЕРВАСИЙ-МЛАДШИЙ

О ТЛЕННОСТИ

Суждена всему, что творит природа,
Как его ни мним мы могучим, — гибель.
Все являет нам роковое время
Хрупким и бренным.

Новое русло пролагают реки,
Путь привычный свой на прямой меняя,
Руша пред собой неуклонным током
Берег размытый.

Роем толщу скал водопад, спадая,
Тупится сошник на полях железный,
Блещет, потускнев, украшенья пальцев —
Золото перстня...

ЛУКСОРИЙ

ПОХВАЛА САДУ ЕВГЕЦИЯ

Сад, где легкой стопой текут Напей,
Где дриады шумят зеленым сонмом,
Где Диана царит среди нимф прекрасных,
Где Венера таит красы сверканье,
Где усталый Амур, кольчан повесив,
Вольный, снова готов зажечь пожары,
Ацидальские где резвятся девы, —
Там зеленой красы всегда обилье,
Там весны аромат струят аомы,
Там кристальные льет источник струи
И по лону из мха, играя, мчится,
Дивно птицы поют, журчанью вторя.

Тирских всех городов любая слава
Пред таким уголкем склонись покорно.

О РУЧНОМ ВЕПРЕ. ВСКОРМЛЕННОМ
ПРИ ОБЕДЕННОМ ЗАЛЕ

Вепрь, для бога войны рожденный жить на кручах гор,
В чащах круша дерева, шумящие под бурями,
Корм принимает из рук в чертогах раззолоченных,
Буйный смиряя нрав привычкою к покорности.
Он беломраморных стен не тронет бивнем пеннистым,
Комнатных пышных убранств копытом не запачкает —
Так он жметя и льнет к руке господской ласковой,
Словно в служители взят не Марсом, а Венерою.

О НАРЦИССЕ

Видя свой облик, Нарцисс устремляется к глади зеркальной;
Гибнет один от любви, видя свой облик, Нарцисс.

КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕ, ПРЕДАННОЙ
ЦЕЛОМУДРИЮ

Чудо твоей красоты ослепительно и совершенно, —
Ты же всегда норовишь лишь непорочность блюсти.
Диву даешься, зачем получила ты власть над природой —
Правом Паллада своим, телом — Киприда сама.
Вовсе не радость тебе — получить наслаждение в браке:
Даже и видеть совсем ты не желаешь мужчин.
В сердце, однако, моем ядовито-блаженная дума:
Право, ну как это ты можешь не женщиной быть?!

ХВАЛА РОЗЕ В СТО ЛЕПЕСТКОВ

Верю, что Солнце златое восходом окрасило розу,
Иль из лучей предпочло сотканной видеть ее,
Или, коль сто лепестков отличают розу Киприды, —
Значит, Венера сама кровь излила на нее.
Роза — созвездье цветов, светоч розовых зорь над полями,
Цвет с ароматом ее стоят небесной красоты.

О ЖЕНЩИНЕ ПО ИМЕНИ МАРИНА

Некто, страстью горя, схватив нагую Маришу,
В море, в соленой волне с нею сошелся, как муж.
Не порицаний — похвал достоин любовник, который
Помнит: Венера сама в море была рождена!

ВИТАЛ

О СТРАСТИ И ВИНЕ

Не поддавайся безудержной страсти к Венере и Вакху,
Ведь причиняют они вред одинаковый нам.
Силы Венера у нас истощает, а Вакха избыток
Немощь приносит ногам, сильно мешая в ходьбе.
Многих слепая любовь понуждает к открытию тайны;
Хмель, безрассудству уча, также о тайном кричит.
Пагубной часто войны Купидон бывает причиной;
Также нередко и Вакх руки к оружию стремится.
Трою ужасной войной погубила бесстыдно Венера,
Но и лапифов, Иакх, в битве ведь ты погубил.
Оба они, наконец, приводят в неистовство разум,
И забывают тогда люди и совесть и стыд.
Путами спутай Венеру, надень на Ллэя оковы,
Чтоб не вредили тебе милости этих богов!
Жажду пускай утоляет вино, а благая Венера
Служит рождению, и нам вредно за грань перейти.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ РАЗНЫХ ВЕКОВ

ХВАЛА СОЛНЦУ

Землю когда от вселенной природы мощь отделила,
Солнце нам день подарило. Недвижные тучи на небе
Разорвало и свой лик в розовеющем мире явило.
В вечном движении своем заблестали прекрасней созвездья;
Солнца не знающий день — это мрак. А теперь мы впервые
Свет познаем и небес ощущаем тепло золотое.
С этой поры элементы природы творят человека.
С этой поры появились животные все и возникло
Все, что в небе живет, на земле и в воде обитает.
С этой поры теплота, охватившая мир, разлилася,
Жизни, текущей как мед, всеблагие дары расстилая.
С розовой бездною вместе, как встарь, поднимаются кони,
Ноздри вздымая высоко и пламени жар выдыхая.
Мрак разрывается солнцем. И вот, золотое, с Востока
Светочи сеет оно по зажженным эфира просторам.
Там же, где всходит Титан в шафранное золото мира,
Вдруг раскрывается все, что скрывалось в молчании ночи;
Вот уж сверкают леса, и поля, и цветущие нивы,
Море в недвижном покое и реки волной обновленной:
Свет золотой пробегает легко по трепещущим струям.
Но у крылатых коней пятацуются, сверкая, поводья...

Ось золотая горит, а сама колесница сверкает
И, драгоценная, блещет, подобна сиянию Феба.
Он же над миром царит, времена утверждает и гордо
Светлую голову ввысь среди потоков эфира возносит.
Только его одного из богов, царящего в мире,
Нам и дано лицезреть, и следят его шествие нивы.
Доблести дивной созданье, которому пламя подвластно,

Он, посылая лучи, ощущениями нас наделяет.
Здесь зарождает тела, здесь жизнь, и над всеми царит он.
Феникс нам служит примером, из пепла родившийся снова,
Что от касания Феба все жизнь получает на свете.
Он, кто для смерти рожден, после смерти рождается снова:
Ибо рождение — смерть, а кончина в огне — возрождение.
Гибнет он множество раз и, воспрянув, опять умирает.
Он на утесе сидит средь лучей и сверкания Феба;
Жар, насылаемый смертью, что снова приходит, вливает.
Солнце сияньем пурпурным земли заливают пределы.
Солнцу навстречу земля выдыхает весной ароматы.
Солнце, тебе живописно травую луга зеленеют.
Солнце — зеркало небес и божественный символ величия.
Солнце, что небо собой рассекает, вовек не стареет.
Солнце — лик мировой, средоточье подвижное неба.
Солнце — Церера, и Либер оно, и самый Юпитер.
Солнце — Гекаты сиянье; божеств в нем тысяча слита.
Солнце лучи разливает с несущейся в небе квадриги.
Солнце утром восходит, сверкая с пределов востока.
Солнце, окрасив Олимп, возвращает нам день лучезарный.
Солнце восходит — и лира ему откликнется нежно.
Солнце зашло — но волна теплоту сохраняет светила...
Солнце — лето, осень, зима и весна, что желанна.
Солнце — месяц и век, Солнце день, год и час обнимает.
Солнце — шар из эфира и мира сверкающий светоч;
Солнце — друг земледельца — ко всем морякам благосклонно.
Солнце собой возрождает все то, что способно меняться.
Солнце в движении вечном бледнеть заставляет светила.
Солнцу отвечает море спокойным сверканием глади.
Солнцу дано весь мир озарять живительным жаром.
Солнце — и мира и неба краса — для всех неизменно.
Солнце — и дней и ночей божество — конец и начало.

ХВАЛА ЛУНЕ

Гордость вселенной — Луна, наибольшее в небе светило,
Солнечный блеск отраженный — Лула, сиянье и влажность,
Месяцев мать — Луна, возрожденная в щедром потомстве.
Небом, подвластной Солнцу, ты звездной упряжкой правишь.
Ты появилась — и родственный день часы набирает;
Смотрит отец-Океан на тебя обновленной волною;

Дышит тобою земля, заключаешь ты Тартар в оковы;
Систром звуча, воскрешаешь ты зимнее солнцестоянье.
Кора, Исида, Луна! Ты — Церера, Юнона, Кибела!
Чередованию дней ты на месяц даруешь названиее,
Месяца дни, что на смену идут, опять обновляя;
Ты убываешь, когда ты полна; и, сделавшись меньше,
Снова полнеешь; всегда ты растешь и всегда убываешь.
Так появиись и пребудь благосклонной к молениям нашим,
Кротких тельцов размести по сверкающим в небе созвездьям,
Чтобы вращала судьба колесо, приносящее счастье.

ХВАЛА ОКЕАНУ

Волн повелитель и моря творец, владеющий миром,
Все ты объемлешь своей, Океан, волною спокойной,
Ты для земель назначаешь пределом разумным законы,
Ты созидаешь моря, и источники все, и озера;
Даже все реки тебя своим отцом называют.
Пьют облака твою воду и нивам дожди возвращают;
Все говорят, что свои берега без конца и без края
Ты, обнимая, сливаешь с густой синевою небосвода.
Феба упряжке усталой ты отдых даруешь в пучине
И утомленным лучам среди дня доставляешь питание,
Чтобы сверкающий день дал горящее солнце народам.
Если над морем царишь ты, над землями, небом и миром,
То и меня, их ничтожную часть, услышь, досточтимый,
Мира родитель благой; я с мольбою к тебе обращаюсь:
Где б ни судили суровые судьбы довериться морю,
Морем твоим проплывать и по грозно шумящей равнине
Путь совершать, ты корабль на пути сохрани невредимым.
Глубь голубую раскинь по спокойной спине без предела;
Пусть, лишь колеблясь слегка, лазурью кудрявятся воды,
Только б надуть паруса и оставить на отдыхе весла.
Пусть возникают течения, которые силой могучей
Двигают корабль; я их рад бы считать и рад их увидеть.
Пусть же борта корабля в равновесье всегда пребывают,
Вторит журчанье воды кораблю, бороздящему море.
Счастливо дай нам, отец, закончить плаванье наше;
На берегу безопасном доставь в долгожданную гавань
Спутников всех и меня. И поскольку ты это даруешь,
Я благодарность тебе принесу за великий подарок.

НОЧНОЕ ПРАЗДНЕСТВО ВЕНЕРЫ

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Вновь весна, весна и песни; мир весною возрожден.
Вся любовь весной взаимна, птицы все вступают в брак.
Дождь-супруг своею влагой роще косы распустил.
И Диона, что скрепляет связь любви в тени ветвей,
Обвивает стены хижин веткой мирта молодой.
На высоком троне завтра будет суд она вершить.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Из высоко бьющей крови волн пенящихся своих,
Средь морских просторов синих и своих морских коней,
Из дождей-супругов создал Понт Диону в плеске волн.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Ведь сама богиня красит цветом пурпурным весну,
Теплым ветра дуновеньем почки свежие растит,
Распускает их на ветках и сверкающей росы
Рассыпает капли — перлы, этой влажной почы след.
И, дрожа, слезинки блещут, вниз готовые упасть.
Вот стремительная капля задержалась на лугу,
И, раскрывшись, почки пурпур, не стыдясь, являют свои.
Влажный воздух, что ночами звезды светлые струят,
Утром с девушек-бутонов покрывала снимет их.
Всем Диона влажным розам повелела в брак вступить.
Создана Киприда кровью, поцелуями любви,
Создана она из перлов, страсти, солнечных лучей.
И стыдливость, что скрывало покрывало лишь вчера,
Одному супруга завтра мужу явит, не стыдясь.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Нимфам всем велит богиня к роще миртовой идти.
Слутник дев, шагает мальчик, по поверить не могу,
Что Амур не занят делом, если стрелы носит он.
Нимфы, в путь! Оружье бросил и свободным стал Амур;
Безоружным быть обязан, обнаженным должен быть,
Чтоб не рапил он стрелою и огнем не опалил.
Все же, нимфы, берегитесь! Ведь прекрасен Купидон.

Ибо он, и обнаженный, до зубов вооружен.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Целомудренно Венера посылает дев к тебе.

Об одном мы только просим: ты, о Делия, уйди,
Чтобы лес звериной кровью больше не был обагрен.

И сама б тебя просила, если б упросить могла,

И сама тебя позвала б, если б ты могла прийти,

Ты могла б три ночи видеть, как ликует хоровод;

Собрались народа толпы, чтобы весело плясать

Средь увитых миртом хижин, на себя надев венки.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Грон убрать цветами Гиблы повелела нам она:

Будет суд вершить богиня, сядут Грации вблизи.

Гибла, всех осыпь цветами, сколько есть их у весны!

Гибла, рви цветов одежды, Эниский расстели ковер!

Нимфы гор сюда сойдутся, будут здесь и нимфы сел,

Кто в лесной тиши, и в рощах, и в источниках живет.

Мать-богиня всем велела им с Амуром рядом сесть,

Но ни в чем ему не верить, пусть он даже обнажен.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Пусть она в цветы оденет зеленеющую сень;

Завтра день, когда впервые сам Эфир скрепляет брак.

Чтобы создал год весенний нам отец из облаков,

В лоно всеблагой супруги ливень пролился — супруг.

Слившись с нею мощным телом, он плоды земли вскормил;

А сама богиня правит и рассудком и душой,

Проникая в нас дыханьем сил таинственных своих.

Через небо, через землю, через ей подвластный Понт

Напоила семенами непрерывный жизни ток,

Чтобы мир пути рожденья своего познать сумел.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Ведь сама она троянских внуков в Лаций привела,

Из Лаврента деву в жены сыну отдала сама.

Вскоре Марсу даст из храма деву чистую она,

И сабинянок и римлян ею был устроен брак;

От него квириты, рамны, внуки Ромула пошли;

И отец и юный цезарь тоже ею рождены.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Села полнятся блаженством, села все Венеру чтут:
Сам Амур, дитя Дионы, говорят, в селе рожден.
И его, лишь он родился, поле приняло на грудь
И, приняв, дитя вскормило поцелуями цветов.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

Выше дроков на полянах бычьи лоснятся бока;
Без помехи жаждет каждый брачный заключить союз.
Овцы скрылись в тень деревьев, с ними их мужья — самцы.
Птицам певчим повелела петь богиня — не молчать;
Оглашаются озера резким криком лебедей,
В пышной тополевой сени Филомела вторит им.
Верь, любви волнение слышно в мелодичной песне уст
И на варвара-супруга в ней не сетует сестра.
Вот запела. Мы умолкли. Где же ты, весна моя?
Словно ласточка, когда же перестану я молчать!
Музу я сгубил молчаньем, Феб не смотрит на меня.
Так Амиклы их молчанье погубило навсегда.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит
вновь!

ПЕСНЯ ГРЕБЦОВ

Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется; эй-а!
Моря бескрайнего бог, улыбаясь безоблачным ликом,
Гладь широко распростер, успокоив неистовство бури,
И, усмиренные, спят беспокойно тяжелые волны.

Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Пусть заскользит, встрепенувшись, корабль под ударами весел.
Небо смеется само и в согласии с морем дарует
Нам дуновение ветров, чтоб наполнить стремительный парус.

Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Нос корабельный, резвясь, как дельфин, пусть режет пучину;
Дышит она глубоко, богатырскую мощь обнажая
И за кормой проводя убаленную борозду пены.

Эй-а, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: эй-а!
Слышится Кора призыв; так воскликнем же громкое: эй-а!
Море запенится пусть в завихрениях весельных: эй-а!
И непрерывно в ответ берега откликаются: эй-а!

В ЛЮБЛЕННЫЙ АМУР

Что за огонь меня жжет? Доселе вздохнуть не умел я.
Бог ли какой нашелся сильнее Амурова лука?
Или богиня-мать, злему року покорствуя, брата
Мне родила? Или стрелы мои, разлетевшись по свету,
Ранили самое небо и ныне мир уязвленный
Кару мне избрал? Мои знакомы мне раны:
Это пламя — мое, и оно не знает пощады.
Жжет меня страсть и месть! Ликуй в надмирных пределах
Ты, Юпитер! Скрывайся, Нептун, в подводные глубины!
Недра казнящего Тартара пусть ограждают Плутона! —
Сброшу я тяжкий гнет! Полечу по оси мироздания,
Через пространства небес, через буйный Поит, через хаос,
Скорбных обитель теней; адамантные створы разверзну;
Пусть отшатнется Беллона с ее бичом ядовитым!
Кару, мир, прими, цепеней, покорись, задыхайся!
Мстит свирепый Амур и, раненный, полон коварства!

К ДУЛЬЦИИ

Счастливы мать и отец, тебя подарившие миру!
Счастливо солнце, что видит тебя в пути повседневном!
Счастливы камни, каких ты касаешься белой ногою!
Счастливы ткани, собою обвившие тело любимой!
Счастливо ложе, к которому Дульция всходит нагая!
Птицу ловят силком, а вепря путают сетью;
Я же навеки пленен жестокою к Дульции страстью.
Впдел — коснуться не смел; снова вижу — и снова не смею;
Весь горю огнем, не сторел и гореть не устану.

ОТКАЗ ОТ СЕРЬЕЗНОЙ ПОЭЗИИ

Время пришло для любви, для ласки тайной и нежной.
Час веселья настал: строгая Муза, прощай!
Пусть же входит в стихи Аретуса с грудью упругой,
То распустив волоса, то завязав их узлом!
Пусть на пороге моем постучится условленным стуком,
Смело во мраке ночном ловкой ступая ногой.

Пусть обовьют мне шею знакомые нежные руки,
Пусть белоснежный стан гибко скользнет на постель!
Пусть на все лады подражает игривым картинам,
Пусть в объятьях моих все испытает она!
Пусть, бесстыдней меня самого, ни о чем не заботясь,
Неугомонно любя, ложе колеблет мое!
И без меня воспоют Ахилла, оплачут Приама!
Час веселья настал: строгая Муза, прощай!

О ВОДАХ

Байи ты взором окнишь, их дома и блестящие воды.
Живолись вместе с волной всюду прославили их.
Ведь и вершины, сверкая, прекрасны в своих очертаньях,
И, низвергаясь, текут чистой струей родники.
Тот, кто желаньем полн испытать наслаждение двойное,
Кто преходящую жизнь сделать приятной сумел,—
В Байях кунается пусть, отдыхая душою и телом,
Теша картинами взор, тело волной освежив.

О КУПАЛЬНЯХ

Байам нашим струит свои светочи Солнце, и блеском
Комната вся залита, светочи эти храня.
Пусть же купальни другие огнем нагреваются снизу,—
Эти нагреты, о Феб, жаром небесным твоим.

ВОСХВАЛЕНИЕ ВРЕМЕН ГОДА

Диво-дары, пробудившись, весна обрывает у розы.
Знойное лето ликует, плодов изобилие вида.
Осени знак — голова, что увита лозой виноградской.
В холоде никнет зима, отмечая пернатыми время.

О ПАНТОМИМЕ

Мужа сильную грудь наклоня в женском изгибе,
Гибкий свой торс применив к нраву и жен и мужей,
Выйдя на сцену, танцовщик движеньем взывает к народу
И обещает слова мимикой рук передать.
Хор разливает когда свои милые песни и звукам
Вторит певец, подает песню движеньями оп.
Бьется, играет, пылает, неистов, кружится, недвижим,—
Он поясняет слова, их наполняя красой.
Каждая жилка дар речи имеет. Сколь дивно искусство,
Что при безмолвных устах телу велит говорить!

Зменные стихи

ГЕРО И ЛЕАНДР

Путь проложила любовь Леандру сквозь бурные волны —
К скорбной смерти ему путь проложила любовь.

К АПОЛЛОНУ И ЧИТАТЕЛЮ

Благодаренье тебе, Аполлон, вдохновитель поэтов!
Друг-читатель, прощай: благодаренье тебе.

Эпиграфические стихотворения

* * *

Нимфа здешних я мест, охраняю священный источник,
Дремлю и слышу сквозь сон ропот журчащей струи.
О, берегись, не прерви, водоем беломраморный тронув,
Сон мой: будешь ли пить или умываться, молчи.

* * *

Я — Урс, кто первый из носящих тогу стал
Играть в стеклянный мяч, храня достоинство,
При громких криках одобренья зрителей
В Агриппы термах, Титовых, Траяповых,
В Нероновых частенько, если верите.
Вот я. Ликуйте все, играющие в мяч,
Цветами роз, фиалок друга статую,
Листвой обильной и духами тонкими,
Друзья, почтите и возлейте чистый ток
Фалерна, или Цекуба, пль Сетии
Живому в радость из хранилищ Цезаря
И славьте стройным хором Урса старого:
Игрок веселый он, шутник, ученый муж,
Первоградских всех побил соперников
Умом, красою и отменной ловкостью.
Теперь стихами, старцы, скажем правду мы:
Я сам побит был — не один, а много раз —
Моим патроном Вером, трижды консулом.
Я слыть готов его эксоднарнем.

* * *

Родным была мила, скончалась девушкой.
Мертвая здесь я лежу, я стала прахом — землею,
Если ж Земля — божество, не мертвая я, но богиня.
Не оскорбляй, прошу, моих костей, прохожий.

* * *

Веселись, живущий, в жизни, жизнь дана в недолгий дар:
Не успеет зародиться — расцветет и кончится.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИРИКА

Классическим сводом текстов древнегреческой лирики считается сборник, составленный немецким филологом Теодором Бергком «*Poetae Lyrici Graeci*». Бергк впервые собрал в одном издании мелические фрагменты, рассеянные в виде цитат по самым разнообразным текстам различных эпох, ибо сборников мелики, в отличие от сборников эпиграмм, ни античность, ни византийская эпоха нам не оставили. Труд Бергка вышел в 1843 году и с тех пор неоднократно переиздавался с исправлениями и дополнениями. Из более поздних изданий греческих текстов назовем сборники Эрнста Дилля («*Anthologia lyrica Graeca*», fasc. I—III), периодически выходящие в Лейпциге и поныне.

Первым составителем антологии эпиграмм был Мелеагр (см. стр. 274), но самая ранняя дошедшая до нас антология — Константина Кефалы — относится лишь к X веку. Она и легла в основу первого печатного издания греческих эпиграмм («*Антология Плануды*»), вышедшего во Флоренции в 1494 году. Из наиболее полных последних изданий греческих эпиграмм отметим четырехтомник «*Anthologia Graeca*», вышедший в 1957—1958 годах в Мюнхене (с немецким стихотворным переводом).

В России первые стихотворные переводы греческой лирики появились более двухсот лет назад. В числе переводчиков были Ломоносов и Пушкин. Особенно большое место в русской переводной поэзии XVIII—XIX веков занимают Анакреонт и анакреонтика, и в нашем сборнике анакреонтика в переводах русских поэтов выделена в особый раздел.

Из крупных русских писателей XX века много сил отдали переводу греческой лирики Вяч. Иванов и В. В. Вересаев. В 1914 году в Москве вышел сборник «Алкей и Сафо. Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинника Вяч. Иванова». Переводы эти грешили порой довольно большими отступлениями от смысла под-

лирика и вообще чрезмерно свободным обращением с греческим текстом, что вызывало справедливые замечания, — в частности, Вересаева. Мы сочли, однако, необходимым широко представить и переводческую работу Вяч. Иванова, ибо она обладает несомненными художественными достоинствами и представляет собой заметную веху в жизни античной поэзии на русской почве.

В 1929 году В. В. Вересаев выпустил свои переводы из греческих поэтов с соответствующими статьями и комментариями десятым томом своего собрания сочинений, которое выходило тогда в издательство «Недра». В 1963 году Гослитиздат переиздал вересаевский сборник, дополнив его переводами новонайденных текстов («Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева» в серии «Библиотека античной литературы»).

Кроме сборников Вяч. Иванова и В. В. Вересаева, главными источниками для греческой части этой антологии послужили следующие издания:

1. «Греческая эпиграмма». Переводы с древнегреческого под редакцией Ф. Петровского, составление, примечания и указатель Ф. Петровского и Ю. Шульца. Вступительная статья Ф. Петровского. Гослитиздат, Москва, 1960.

2. «Поэты-лирики Древней Эллады и Рима в переводах Я. Голосовкера». Гослитиздат, Москва, 1955. Это наиболее полное собрание переводов покойного Я. Э. Голосовкера, много и плодотворно работавшего над античной поэзией.

3. Феокрит. Мосх. Бион. «Идиллии и эпиграммы». Перевод и комментарий М. Е. Грабарь-Пассек. Издательство АН СССР, Москва, 1958.

4. Г. Ф. Церетели. «История греческой литературы», т. 1. Образцы лирической и эпической поэзии. Тифлис, 1927.

Предлагаемая антология построена по хронологическому принципу, который отчасти нарушается лишь в том случае, когда мелика распределена по жанрам — из уважения к традиции и для того, чтобы дать читателю более четкое представление о видах древнегреческой лирики.

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

ГОМЕР

Обе эпиграммы приводятся как гомеровские в «Биографии Гомера», автором которой называют Геродота (V в. до н. э.). Эпиграмма «На гробницу Мидаса» цитируется и в других литературных памятниках. Первая эпиграмма написана так, что ее можно читать и в обратном порядке стихов.

На гробницу Мидаса (стр. 29). *Мидас* — мифологический царь Фригии, славившийся своим богатством.

Дар Аполлону (стр. 29).— Из контекста, в котором приводится эта эпиграмма, видно, что Гомер принес в дар Аполлону золотой кубок.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

«Родосская песня о ласточке», напоминающая украинские «колядки», призывный гимн «Дионису» и «Эйресиона» — песни обрядовые. «Антема» и «Хелихелина» связаны с распространенными народными играми.

Эйресиона (стр. 30).— *Эйресиона* — ветви, сплетенные шерстью, которые афиняне вешали перед дверьми дома два раза в году в честь бога Солнца и богинь времен года Ор (Гор).

Антема (стр. 31).— *Антема* — игра в цветы.

Хелихелина (стр. 31).— *Хелихелина* — от слова «хели» — черепаха. Игра в черепаху состояла в том, что одна девушка — «черепаха» отвечала на вопросы подруг, которые плясали вокруг нее.

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ VII—IV ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Мелика

ТЕРПАНДР ЛЕСВОССКИЙ

Терпандр (VII в. до н. э.) — музыкант и поэт, родился на острове Лесбосе, но жил главным образом в Спарте. Ему приписываются помещенные здесь стихи.

Возлияние (стр. 35).— *Сын Лето* — Аполлон.

АЛКЕЙ

Алкей — поэт конца VII — начала VI века до н. э. Когда власть в городе Митиленах на острове Лесбосе захватила демократическая партия во главе с Питтаком, на которого аристократ Алкей неоднократно нападал в своих стихах, поэту пришлось покинуть родину. Он вернулся только после отставки Питтака. Политическая борьба на Лес-

босе — одна из главных тем поэзии Алкея. Поэту приписывается изображение особой по размеру и ритму строфы — так называемой Алкеевой, которой написан, например, гимн «К Аполлону».

К Сапфо (стр. 36).— Ответ Сапфо на эти стихи см. на стр. 70.

К Аполлону (стр. 37).— У *касталийских струй*.— Касталля — источник на горе Парнасе, посвященный Аполлону и музам. *Север гиперборейский*.— Гиперборей — сказочный народ, жители дальнего севера.

К Гермению (стр. 38).— *Гермий* (Гермес) — вестник богов. *Киллена* — гора, где, согласно мифу, родился Гермес.

К Афиняне (стр. 38). *Коронейский храм*.— Коронейя — город в Беотии, близ которого находился храм Афины.

К Эроту (стр. 38).— *Радуга нам родила, Прида*.— Посланица богов Ирида, посредница между богами и людьми, считалась богиней радуги, соединявшей, по представлениям древних, небо и землю.

К Диоскурам (стр. 38).— *Диоскурами* (в переводе «Зевсовы отроки») — называли близнецов Кастора и Полидевка, рожденных Ледой, женой спартанского царя Тиндара (Тиндарей), от Зевса. Диоскуры слыли покровителями моряков. Знаком близости этих божеств считалось свечение оконечностей мачт. *От земли Пелопона* — то есть от Пелопоннеса.

Гимн реке Гебру (стр. 39).— *Гебр* — река во Фракии, нынешняя Марица.

Вина Елены (стр. 39).— В этом стихотворении, начало которого не сохранилось, Елене, виновнице гибели Троя, противопоставлена «невеста Эакиды», то есть невеста сына Эака Пелея — Фетида. По мнению переводчика Я. Э. Голосовкера, Алкей намекает на жену Питтака, якобы губящую Митилены. *Полубог-сын* — Ахилл.

«Медью воинской весь блещит...» (стр. 43).— *Арей* (Арес) — бог войны.

«Пить, пить давайте!..» (стр. 44).— *Мирсил* — митиленский тиран, политический противник Алкея.

Алкей в святилище Геры (стр. 47).— Оба стихотворения, помещенные под этим заголовком, написаны, по-видимому, после захвата власти Питтаком, когда Алкей вынужден был скрываться на священной территории храма. *Сын Гирра* — Питтак. Первую строфу второго стихотворения переводчик толкует как оракул Геры.

Послание Питтаку (стр. 48).— Судя по первой строфе, Питтак ответил отказом на ходатайство поэта о возвращении в родной город.

«Мой м поведай: сам уцелел Алкей...» (стр. 50).— *В терему совоокой Девы* — то есть в храме богини Афины, Парфеноне. Алкей потерял щит в бою во время войны митиленян с афинянами в 600 году до н. э.

Лето (стр. 51).— *Звездный ярился Пес*.— Большой Пес, или Сириус — самая яркая звезда, с появлением которой наступает жаркое время года.

«Помнят в Спарте Аристодема...» (стр. 54).— *Аристодем* — легендарный царь Лаконии.

«...об щ и й л е с б и й н е...» (стр. 54).— *Кемелий* — местное лесбийское божество, впоследствии отождествленное с Дионисом.

САПФО

Сапфо родилась во второй половине VII века до п. э. на острове Лесбосе и возглавляла у себя на родине одну из музыкально-поэтических школ. Ряд песен Сапфо посвящен ее ученицам. Во время гражданской войны на Лесбосе бежала в Сицилию, впоследствии, в числе других изгнанников, возвратилась на родину. По преданию, кончила жизнь самоубийством из-за несчастной любви, бросившись в море со знаменитой Левкадской скалы, но предание это не заслуживает доверия. Политическая борьба на Лесбосе, занимающая большое место в поэзии Алкея, в творчестве его современницы Сапфо прямого отражения не нашла. Главная тема Сапфо — любовь, неодолимая, иногда мучительная страсть. Именем Сапфо назван излюбленный размер ее стихотворений — сафова или сапфическая строфа (см., например, «Гимн Афродите»).

К б р а т у Х а р а к с у (стр. 57).— Упреки Сапфо брату вызваны его увлечением фракийской рабыней Дорихой.

М о л е н и е к Г е р е (стр. 58).— *Скамандр* — река в Трое.

«Стоит лишь взглянуть на тебя...» (стр. 62).— *Гермиона* — дочь легендарной Елены.

«Издалече, из отчих Сард...» (стр. 63).— Стихи обращены, как полагают филологи, к ученице Сапфо Аттиде, подруга которой Аригнота уехала в Сарды, столицу Лидии (в Малой Азии).

«Дети! Вы спросите, кто я была...» (стр. 64).— Это и следующие стихотворения представляют собой надгробные надписи, автором которых позднейшие антологии называют Сапфо.

«И какая тебя так увлекла...» (стр. 65).— *Спола* — женская одежда, которую при ходьбе прижимали к ноге выше циклолотки.

«Срок настанет...» (стр. 65).— *Розы Пиерии* — то есть дары муз. Пнерия — область в Македонии, древнейший центр культа муз.

«Покрывал этих пурпурных...» (стр. 66).— *Фокея* — афинская колония в Малой Азии.

«Киферея, как быть?..» (стр. 66).— *Киферея* — одно из прозвищ Афродиты.

«А они, хвалясь...» (стр. 67).— *Дориха* — см. прим. к стр. 57.
«Ты, Киприда! Вы, переиды-девы!..» (стр. 67).— Судя по этому стихотворению, Харакс порвал с Дорихой, и Сапфо согласна предать забвению ссору с братом.

«Все, что рассеет заря...» (стр. 68).— *Геспер* — божество вечерней звезды.

Свадьба Андрوماхи и Гектора (стр. 69).— *Плакия* (Плак) — лесистая гора в Малой Азии, у подножья которой была расположена Фива (Фивы) — родина Андрوماхи.

К Алкею (стр. 70).— См. прим. к стр. 36.

«Мать моя говорила мне...» (стр. 70).— Стихотворение восстановлено по двум фрагментам, найденным на разных папирусах.

АНАКРЕОНТ

Анакреонт (559—478 гг. до н. э.) родился в малоазиатском городе Теосе, много страствовал по разным областям Греции, жил при дворах тиранов,— в частности, на острове Самосе, при дворе знаменитого Поликрата. Имя Анакреонта известно теперь главным образом благодаря позднейшим, александрийским и византийским, подражаниям его лирике, на основе которых возникла «анакреонтическая» поэзия XVIII—XIX веков. Для творчества Анакреонта характерно легкое, беззаботное отношение к жизни, воспевание вина, чувственной любви, веселья. Среди русских переводчиков Анакреонта был Пушкин, который в шуточном стихотворении «Мое завещание друзьям» (1815 г.) даже назвал его своим учителем.

Артемиде (стр. 71).— *Лефей* (Летей) — приток реки Меандра (Малая Азия).

«Глянул Посидеоп на двор...» (стр. 72).— *Посидеси* — шестой месяц аттического календаря, середина зимы.

«Не сули мне обилье благ...» (стр. 72).— *Амалфея* — имя козы, вскормившей Зевса на Крите, где его мать Рея укрывала его от Кроноса. Рог Амалфеи обладал свойством давать все, чего бы ни пожелал его хозяин. *Тартесса* — город в Испании, близ устья Гвадалквивира, древняя финикийская колония. В VII веке до н. э. там побывали самосцы и вернулись оттуда разбогатевшими. Любопытно, что Тартессу упоминает именно Анакреонт, проживший много лет на острове Самосе.

«Поредели, побелели...» (стр. 73).— В подлиннике ни в этом, ни в других стихотворениях Анакреонта рифм нет.

«По три венка на пирующих было...» (стр. 75).— *Венок навкратидский*.— Навкратия (Навкратида) — греческий город, колония

мплетцев на восточном берегу Канонского рукава Нильской дельты. Об особенностях навкратидского венка никаких сведений нет.

Дары Дионису (стр. 77).— Это четверостишие служило, должно быть, надписью к картине или скульптуре, изображавшей трех вакханок.

Молитва Гермесу (стр. 77).— Принося жертву Гермесу, афинянин по имени Теллий просит бога даровать ему счастливую жизнь в своем деме (округе), который называется «дем Эвонимов».

На «Телку» Мирона (стр. 77).— *Мирон* — греческий скульптор V века до н. э. Его «Телке» посвящали эпиграммы и другие античные поэты (ср., например, эпиграмму Антипатра Сидонского, стр. 267).

АЛКМАН

Алкман (середина VII в. до н. э.) — древнейший мастер хоровой мелки. Родился в Малой Азии, но с молодых лет жил в Спарте, куда был привезен рабом и где стал признанным поэтом, руководя девичьими хорами, для которых и писал песни — так называемые парфенеи, или парфении.

«Не деревенщина — мужик ты...» (стр. 81).— По-видимому, девичий хор обращался к Алкману. *Эрисихеец* — то есть родом из города Эрисихи в Акарнании.

«Вот семь столов...» (стр. 81).— *Хрисокола* — кушанье из льняного семени и меда.

«Он уж подаст...» (стр. 81).— *Плод восхвалый пчел* — мед. *Хидрон* — вареная пшеница.

Парфенеи (стр. 81).— Единственный крупный отрывок, дошедший до нас от Алямана. Текст (на папирусе) был найден только в XIX веке в одной из египетских гробниц. Некоторые стихи переведены по предположительной реконструкции. После назидательного рассуждения о скромной по сравнению с богами доле смертного и соответствующего примера из мифологии (победа богов над гигантами) следует прославление девичьего хора, особенно девушек Агидо и Агесихоры. *Убитого Полидевком*.— Начало парфенеи не сохранилось, и кто был убит Полидевком — неясно. *Энарсфор*, *Себр*, *Бокол* и т. д. — сыновья мифического героя Гиппокоонта, убитые Гераклом. *Порос*.— Древний комментатор отождествляет это божество с Хаосом. Платон в «Пире» говорит о Поросе (изобилии) как об отце Эрота. *Порк* — морское божество. *Коль египетский*.— Егеты — народ в Иллирии (восточное побережье Адриатического моря). *Колаксаев копь* — по-видимому, скифский (у Геродота упоминается скифский царь Колаксай). *Ибенский* — лидийский. Перечислены знаменитые породы коней, а сравнение красивой девушки с

лошадью обычно для древнегреческой поэзии. *Орфрия*.— Вероятно, имеется в виду богиня Артемида Орфия («Восходящая» — эпитет Артемиды в Спарте и Аркадии). *Абтис* — то ли эпитет Артемиды, то ли неизвестное божество. *Ксанф* — река в Малой Азии.

«Я нес у тебе с молитвой...» (стр. 84).— *Кипер* (кипериск) — осоковое растение.

«Звонок голосые, нежно поющие девы...» (стр. 84).— Эти стихи писатель эллинистической эпохи Антигон Каристский цитирует с таким замечанием: «Когда самцы галционы (зимородка) становятся слабыми от старости и уже не могут летать, то самки берут их на крылья и несут на себе. И то, что говорит Алкман, совпадает с этим. Он говорит, что слаб от старости и не может ни двигаться вместе с хором, ни принимать участие в плясках девушек».

«Нет, не Афродита это...» (стр. 85).— Образец так называемого критского гекзаметра, стона которого отличается от дактилической стопы лишним слогом.

СТЕСИХОР

Стесихор (приблизительные даты жизни: 630—550 гг. до н. э.) родился в Сицилии. Настоящее имя поэта — Тисий, прозвище «Стесихор» значит «устроитель (постановщик) хоров». От хоровых лирико-эпических поэм Стесихора уцелело несколько отрывков.

«Гелиос, сын Гипериона...» (стр. 86).— *Гелиос* — бог Солнца, сын тирана Гипериона. Согласно мифу, Геракл (здесь он упоминается как «сын Зевсов») прицелился из своего лука в солнце, когда оно стало нестерпимо жечь его, и солнце, испугавшись, отдало Гераклу золотую чашу, в которой оно само переплывало океан по почам.

«...Ибо царь Тиндарей...» (стр. 86).— Среди дочерей Тиндарея были Елена, жена Менелая, похищенная Парисом и вступившая после его смерти в брак с Деифобом, и Клитемнестра, изменившая своему мужу Агамемнону с Эгистом. Поэтому дочери Тиндарея названы двубрачными, трибрачными и мужебеглыми. Как и предыдущий, этот отрывок представляет собой фрагмент хоровой песни на эпический сюжет.

«Много, много яблок кидонских...» (стр. 86).— *Кидонские яблоки* — айва. Кидония — город на острове Крите. Полагают, что это отрывок из описания свадьбы Елены и Менелая.

«Не по правде гласит преданье...» (стр. 86) — Отрывок из так называемой палинодии — новой песни, противоположной по смыслу ранее сочиненной, от которой автор, рассказавшись, отрекается. Суще-

ствует предание, что сначала Стесихор написал песню, оскорбительную для чести спартанской героини Елены, но был за это жестоко наказан и сочинил новую песню, началом которой и служит этот отрывок. Впоследствии слово «палинодия» стало у греков синонимом отречения вообще. *Пергам троянский* — возвышенная и укрепленная часть Трои (акрополь).

«Песнь всенародную в честь харит...» (стр. 87).— *Фригийский напев* — музыкальный лад, действовавший, по словам Аристотеля, возбуждающе.

ИВИК

Родина Ивика (VI в. до н. э.) — Италия. Как и Анакреонт, Ивик много странствовал и некоторое время жил при дворе самосского тирана Поликрата. Известен современному читателю главным образом по балладе Шиллера, обработавшего античную легенду о смерти поэта от рук разбойников.

В хороших песнях Ивика большое место занимает эротическая тема.

«Мой Эвриал, синеоких харит дитя...» (стр. 88).— *Пейто* — богиня убеждения, спутница Афродиты и Гермеса.

«На дереве том...» (стр. 89).— *Яркозубых пурпурниц*.— Имеется в виду какая-то птица с пурпурными перьями. *Алькион быстрокрылых* — то же, что гальцион (см. прим. к стр. 84).

«Из камней гладких ту сушу создали...» (стр. 90).— Речь идет о дамбе, соединившей остров Ортинию, часть города Сиракуз (Сицилия), с сушей.

Говорит Геракл (стр. 90).— *Сыновей Молионы убил я*.— Согласно мифу, сыновья-близнецы Молпоны, Эврит и Ктеат, племянники эпирского царя Авгия, были убиты, когда сражались против Геракла.

КОРИННА

Коринна, беотийская поэтесса (конец VI — начало V в. до н. э.), в своих стихах излагала местные, беотийские предания и героические мифы. На состязаниях поэтов Коринна неоднократно побеждала своего ученика Пиндара. Павсаний (II в. н. э.) объясняет успех Коринны тем, что песни ее были написаны понятным публике языком. Действительно, стихи Коринны написаны на беотийском наречии, и язык их лишен пиндаровской вычурности. Популярности Коринны способствовал, по видимому, и ее интерес к местным сказаниям.

Состязание Геликона с Кифероном (стр. 91).— *Геликон* — горный хребет на юге Беотии; здесь находились посвященные музам рощи и родники. *Киферон* — лесистая гора между Беотией и Атикой. Переводчик этого отрывка Я. Э. Голосовкер комментирует его так: «Фрагмент из хорового мелоса. Горы Геликон и Киферон получили свое наименование от двух враждующих друг с другом братьев, вступивших в единоборство. У Коринны они два великана. Между ними происходит музыкальное состязание — агон. Руководят состязанием музы. Судьи — боги. Голосование происходит посредством камешков. Киферон поет сказание о младенчестве Зевса. Боги присуждают ему победу. На нем овчина — одежда простолюдина (пастуха). Геликон в ярости вырывает из горных недр скалу (скала, очевидно, и есть гора Геликон) и обрушивает ее на головы толпы, обступившей место состязания». *Куреты* — спутники Реи, матери олимпийских богов. Рея передала куретам новорожденного Зевса, чтобы спасти его от Крона, пожравшего своих детей.

Дочери Асона (стр. 92).— Бог реки Асон, сын Океана, отец двадцати дочерей; имена некоторых из них носили беотийские города. Коринна обрабатывает миф, в основе которого лежат предания о странствовании греческих племен. Приводим комментарий переводчика Я. Э. Голосовкера: «Бог реки Асон вопрошает оракула Аполлона Птоийонского (Птоийон — гора) о местонахождении своих девяти дочерей. Прорицатель Акрефей, сын Орiona, открывает Асону, что его дочери похищены богами. Из хоровой песни Коринны на панирусе удобочитаемы только разрозненные строки вступления, воссоединенные в настоящем переводе в одно целое, и речь Акрефея. Упоминаемый им прорицатель Эвоним — беотийский *hegos* (герой). Ирией — эпоним (основатель) Танагры, отец Орiona. Он изгнал Эвонима и стал вместо него прорицателем Аполлона».

«Я М и р т и д е...» (стр. 93).— *Муртида* — беотийская поэтесса, современница Коринны и Пиндара.

ПИНДАР

Высшего расцвета торжественная хоровая мелика достигла в творчестве Пиндара (521—441 гг. до н. э.). Он знаменит своими песнями, прославлявшими победителей общегреческих конных состязаний. Оды-славословия поэт писал по заказу отдельных лиц или общин. Оды избитуют мифологическими именами и ассоциациями, отличаются выпяренным языком и сложными стихотворными размерами. Обычно пиндаровская ода разливает какою-нибудь общую мысль, вылетая в общее рассуждение хвалу предкам победителя и мифологические образы, непонятные нынешнему читателю без множества комментариев. Гораций сравнивал речь Пиндара с разлившимся потоком:

Как с горы поток, напоенный ливнем,
Сверх своих брегов устремляет воды,—
Рвется так, кипит глубиной безмерной
Пиндара слово...

Оды Пиндара члелятся на строфы, антистрофы и эподы. Строфы и антистрофы исполнялись разными полухориями и ритмически повторяли друг друга. Эподы (прпповы) имели свою, тоже повторяющуюся ритмическую систему. Оды Пиндара пазываются олимпийскими, истмийскими, пифийскими, пемейскими — в зависимости от места игр, победитель которых прославлялся поэтом. Кроме 45 полных эпипикиев (песен в честь победителя), до нас дошли отрывки из френов (плачей) и сколиев (за-стольных песен) Пиндара, но отрывки эти слишком малы, чтобы дать ясное представление о работе поэта в других жанрах.

Пиндар много путешествовал. Он жил в Фивах, в Афинах, в Сицилии, в Македонии, на острове Эгине и, возможно, побывал в Египте.

Вступление к первой истмийской оде (стр. 94).— *Делос... пусть на меня не гневится...*— На острове Делосе находилось святилище Аполлона, бога муз. *Кеос* — один из Кикладских островов. *Кадмейская страна* — Фивы; основателем Фив считался Кадм. *Сын был Алкменой здесь рожден.*— Речь идет о Геракле. *У псов Гермоновых лю-тых.*— Имеется в виду десятый подвиг Геракла — похищение коров трехголового чудовища Гермона. *Иолай* — племянник и спутник Геракла. *Кастор* — один из Диоскуров (см. прим. к стр. 38).

Первая пифийская ода (стр. 95).— *Гиерон Этнейский* — сицилийский тиран, правивший сначала в Геле, затем в Сиракузах. В 476 году до н. э. Гиерон основал город Этну, а в 470 году, одержав победу на пифийских играх, велел глашатаям называть себя Гиероном Этнейским (а не Сиракузским). При дворе этого тирана некоторое время жил Пиндар. Его прославления Гиерона Этнейского пародировал в своей комедии «Птицы» Аристофан. *Дремлет Зевса орел...*— Зевса изображали обычно со щитом (эгидой) и опустившим крылья орлом. *Ты ему на главу...*— Эти слова обращены к лире. *Сын Лагоны* — Аполлон. *Стоглавый Тифон* — сын Тартара и Геи, предводитель титанов, боровшихся против Зевса. *Пещера в горах... Киликийских.*— Киликия — страна в Малой Азии. *Кумские скалы.*— Кумы — город в Италии. *Сицилийской земли пределы...*— По Гомеру, поверженный и скованный Тифон находится в Киликии. Пиндар переносит его в Италию и Сицилию, соединяя два разных варианта мифа, по одному из которых Тифон был придавлен Везувием, по другому — Этной. *Страшный ток Гефеста* — огонь. *Любимь Кастальский ты ключ...*— см. прим. к стр. 37. *Я хочу одного лишь мужа воспеть* — Гиерона Этнейского. *Стрелы моих врагов.*—

Вероятнее всего. Пиндар имеет в виду других поэтов, живших при дворе Гиерона. *Сколько тяжких походов и битв* — намек на победы Гиерона над карфагенянами в 480-м и этрусками в 473 году. *Шовторил Филоклетов рок.* — Филоктет, получивший в дар от Геракла стрелы и лук, был укушен змеей. Рана распространяла невыносимое зловоние, и греки, пльвшие на Троянскую войну, высадили Филоктета на острове Лемносе. По впоследствии они вынуждены были обратиться к нему за помощью, и от руки Филоктета пал Парис, что решило исход Троянской войны. Пиндар сравнивает Гиерона с Филоктетом, но-видимому, потому, что сицилийский тиран страдал болезнью почек и, например, битвой при Агригенте руководил, не сходя с носилок. *Сын Поанта* — Филоктет, *Дейномен* — сын Гиерона, правитель основанной его отцом Этны. *Он заветы Гилла хранит.* — Гилл, сын Геракла, считался родоначальником дорийских (западных) племен греков, как и упоминаемый дальше Намфил, сын Эгимни. *Возле вершин Тайгетских...* — Тайгет — гора на Пелопоннесе. *Амиклы* — древняя столица Лаконии. *С Пинда сойдя...* — Пинд — горный хребет, отделявший Фессалию (восточная часть Северной Греции) от Эпира (западная ее часть). Пиндар говорит здесь о переселении дорийцев из Фессалии в Пелопоннес. *Тиндара детям* — Диоскурам (см. прим. к стр. 38). *Близ Аменской струи.* — Амен — река, на берегу которой стоял город Этна. *Пусть же в домах остается пуниец, смолкнет тирренов военный клич!* — Пунийцы — карфагеняне, тиррены — этруски. Те и другие были постоянными врагами сицилийцев. *Кумский морской бой.* — В битве при Кумах Гиерон одержал победу над этрусками. *Воспев Саламин.* — В знаменитом морском сражении близ острова Саламина афиняне победили персов в 480 году до н. э. По преданию, в тот же день сицилийцы одержали победу над карфагенянами. *Песню... про бой Киферонский.* — В битве при городе Платеях, неподалеку от горы Киферона, сражавшиеся с персами греческие войска возглавлял спартанский царь Павсаний, и поэтому «песня про бой Киферонский» адресуется Спарте. *Гимеры берег.* — Победу над карфагенянами в 480 году до н. э. Гиерон одержал на реке Гимере. *В честь Дейномена храбрых сынов.* — Гиерона и его младшего брата Гелона звали Дейноменами. Это же имя носил, как мы знаем, сын Гиерона. *О Крезовой ласке.* — Крез — лидийский царь VI века до н. э., славившийся богатством, щедростью и добротой. *Фаларис* — агригентский тиран VI века до н. э., известный своей жестокостью. Существует предание, что Фаларис сжигал людей в изготовленном для этой цели медном быке.

Девятая лифийская ода (стр. 101). — *Коневластной Кирены красу.* — Кирена — город в Ливии, названный так по имени дочери Гинсея, которую полюбил Аполлон и увез из Фессалии в Ливию. Прославляя победу Телесикрата из Кирены, Пиндар обращается к мифам, связанным с Ливией. *Делийского гостя* — Аполлона. *Он тогда горделивых*

лапифов царем был...— Гипсей, сын Пенея и Креусы, дочери Океана и Геи, был царем лапифов. Лапифы — мифическое племя, восставшее с кентаврами — полулюдьми-полулошадьми. *Хирон* — сын Крона и Фелиры, наиболее разумный среди кентавров. *И в Пифоне божественном ныне...*— Пипдар возвращается к победе Телесикрата в пифийских играх. *Как из Дельф — в край родной.*— Пифийские игры проходили близ города Дельф, на Криссейской равнине. *Эарисфей* — мифический царь, служа которому Геракл совершил свои двенадцать подвигов. *Амфитрион* — муж Алкмены, в отсутствие которого она родила от Зевса Геракла. *Кадмейцев посеянных гость...*— Амфитрион бежал вместе с Алкменой в Фивы к своему дяде Креонту, а предками фиванцев считались вооруженные люди, выросшие из посеянных Кадмом зубов дракона. *Вод диркейских.*— Дирка — река в Фивах. *Пификлей* — сын Амфитриона и Алкмены, сводный брат Геракла. *Старец морской* — Нерей. *На играх глубоководливой земли.*— Имеются в виду немейские игры, происходившие на Немейской долине. *Расскажу, как за дочерью славной Антея...*— Древним властителем Ливии считался герой греческой мифологии Антей, сын Посейдона и Геи, и поэтому в прославление ливийца Телесикрата вставляется рассказ о замужестве дочери Антея. Любопытно, что о стечении домогавшихся ее руки женихов говорится после слов: «Каждая дева... супругом тебя, Телесикрат, или сыном мечтала иметь». Такие ассоциативные переходы к мифологии очень свойственны стилю Пипдара. *Ирасы* — город в Ливии, центр одноименной области. *Всем своим сорока восьми девам...*— По более распространенному варианту мифа, у аргосского царя Даная было не сорок восемь, а пятьдесят дочерей. Сказание о Данае и Данаидах послужило темой одной из трагедий Эсхила.

БАКХИЛИД

Бакхилид — младший современник Пипдара и, как автор эпилитиев, его подражатель и соперник на состязаниях. Не отличаясь пипдаровской глубиной мысли, стихи Бакхилида славились главным образом изяществом формы, прозрачной простотой языка, пластичностью образов. До конца XIX века Бакхилида знали только по цитатам у других авторов. В 1896 году в египетских папирусах Британского музея было обнаружено 14 победных од и 6 так называемых дифирамбов — вакхических песен, первоначально связанных с культом Диониса. Впоследствии темы для дифирамбов заимствовались поэтами из мифов и о других богах и героях, которым, как и Дионису-Вакху, довелось пройти через тяжелые испытания. Кроме мелических отрывков, от Бакхилида до нас дошли две эпиграммы; их мы тоже приводим.

Юноши, или Тесей (стр. 108).— Драматическая баллада для солистов и хора. *Тесей* (Тезей) — сын афинского царя Эгея, идеализируемый как объединитель Аттики. Это произведение, прославляющее Тесея и написанное в честь Аполлона Делосского, несомненно пропагандирует идею морского владычества Афин, закрепленного Делосским морским союзом в 478 году до н. э. Первая строфа дифирамба является как бы вступительной ремаркой: Тесей плывет на остров Крит, чтобы убить там Минотавра, чудовище, которому афиняне должны были время от времени отдавать на съедение юношей и девушек. На судне находится и критский царь Минос. *Триера* — судно с тремя рядами гребцов. *Дева браней* — богиня Афина, покровительница Афин. *Бореады* — дочери Борея, северные ветры. *Потомок Пандиона* — Тесей, Пандион — отец Эгея и, следовательно, дед Тесея. *Ида* — название горного хребта. *Дочь... Питфеева* — Этра, дочь трезенского царя Питфея, жена Эгея. *Кносийских ратей повелитель*.— Кнос — город на острове Крите, слова «кносский» («кносийский») и «критский» были синонимами. *Гелиев зять*.— Минос назван так потому, что его женой была дочь Гелия (Гелиоса) Пасифая. *Трезена* — город в Арголиде. *Вот эту золотую красу...*— Имеется в виду кольцо. *Но гордые очи супруги отца...*— Речь идет об Амфитрите, жене Посейдона, который, по одному из вариантов мифа, был отцом Тесея.

Молитва Нике (стр. 112).— *Ника* — богиня победы. Считалась дочерью тирана Палланта. *Картея* — город на острове Кеосе, родине Баххилида.

ПРАКСИЛЛА

Праксилла (середина V в. до н. э.) славилась своими застольными песнями, но писала также дифирамбы и гимны. До нас дошло лишь несколько отрывков.

«Вспомни то, что сказал...» (стр. 113).— *Адмет* — царь города Фер в Фессалии, любимец Аполлона и Геракла.

«Вот что прекрасней всего...» (стр. 113).— Первая строка представляет собой прямую речь Адониса, любимца Афродиты, растерзанного вепрем. Фрагмент из эпического гимна Адонису.

Я м б ы

АРХИЛОХ

Архилох (VII в. до н. э.) считается основоположником ямбической поэзии, характерными чертами которой были простота, обыденность языка и обличительная, сатирическая направленность. Хотя от произве-

дений Архилоха до нас дошли лишь фрагменты, образ этого поэта вырисовывается достаточно отчетливо, так как фрагментов сохранилось сравнительно много. Родина поэта — остров Парос. Он был сыном аристократа и рабыни. Нужда заставила Архилоха покинуть родной Парос и переселиться на остров Фасос, где его отец основал паросскую колонию. Как и прочим паросцам, поэту приходилось сражаться против фракийцев и колонистов других городов и островов. В творчестве Архилоха отразилась жизнь война-наемника. Большое место в стихах Архилоха занимает его роман с Необулой, дочерью Ликамба, который сначала обещал выдать ее за Архилоха, но потом почему-то отказался. До разрыва с Необулой Архилох писал о ней с большой нежностью, после разрыва — с ненавистью, понося не только ее, но и ее отца и сестер. По преданию, не имеющему, впрочем, достоверного подтверждения, Необула и ее родные не снесли такого позора и покончили с собой. Погиб Архилох в бою, во время войны, которую паросцы вели против острова Наксоса.

«Я — служитель царя Эниалия...» (стр. 114).— *Эниалий* — прозвище Ареса, бога войны. «Эниалий» значит «воинственный», «босвой».

«В остром копье у меня...» (стр. 114).— *Исмар* — город на фракийском побережье, находившийся неподалеку от острова Фасоса. Превосходное исмарское вино неоднократно упоминается в «Одиссее».

«То не пращи засвилятся...» (стр. 114).— *Мужи — владыки Эвбеи*... — Воинственность эвбойцев отмечается и в «Илиаде».

«Носит теперь горделиво...» (стр. 115).— Если вспомнить стихотворные признания в потере щита Алкея (стр. 50) и Анакреонта (стр. 76), то эта тема может показаться традиционной для греческой поэзии. В римской лирике этот мотив встречается у Горация — ср. пушкинское «Из Горация («Кто из богов мне возвратил...»)». *Савец* — представитель одного из фракийских племен.

«Если б его голова...» (стр. 115).— Эти четыре строчки приводятся как архилоховские Плутархом. Первые две из них даны после слов: «Оплакивая мужа сестры, погибшего в море и не получившего обычного погребения, Архилох говорит, что он спокойнее перенес бы несчастье...»

«Очень много вороп...» (стр. 116).— *Пасифила* — «всеобщая подруга» — прозвище милетской гетеры Плангон.

«Наксоса были столпам п...» (стр. 116).— Принадлежность этого и следующего двустишия Архилоху оспаривается.

О Фасосе (стр. 116).— *Сирус* — река в Италии.

«Мне дела нет до Гига...» (стр. 117).— Из «Риторики» Ари-

стотеля известно, что эти слова Архилох вложил в уста некоего Харона, плотника. *Гиг* — лидийский царь, славился своим богатством.

«Главк, ты видишь...» (стр. 118).— Античный комментатор этих строк говорит, что здесь Архилох сравнивает войну с бурей на море. *Гирейская скала* — находилась на острове Теносе.

«Можно ждать чего угодно...» (стр. 119).— Стихи представляют собой отклик поэта на солнечное затмение либо 711-го, либо 648 года до н. э. (точные даты жизни Архилоха неизвестны).

«...Бурной поспымый волной...» (стр. 119).— Принадлежность этого фрагмента Архилоху оспаривается. *Салмидесс* — город во Фракии. *Чубагы*.— О чубах фракийцев говорилось и в «Илпаде»

Гимн Гераклу (стр. 120).— Комментируя свой перевод этого стихотворения, В. В. Вересаев пишет, что в схолиях (античных толкованиях) к Пиндару говорится: «Архилох, придя в Олимпию, пожелал исполнить гимн в честь Геракла, но не было кифареда. Архилох попытался подражать ритму и звуку кифары каким-нибудь словом. Сочинив слово «тенелла», он ввел его в свою песню. Подражая звукам кифары, сам он в промежутках песни хора говорил слово «тенелла», хор же пел остальное — именно: «Победитель, радуйся, о царь Геракл!», а потом дальше: «Ты сам и Илоай, бойцы-копейщики! Тенелла!» С тех пор вообще те, у кого не было аккомпаниатора на кифаре, пользовались этим припевом, трижды повторяя слово «тенелла».

СЕМОНИД АМОРГСКИЙ

Семонид Аморгский (VII в. до н. э.) родился на острове Самосе, а «Аморгским» назван потому, что основал колонию на острове Аморге, возглавив партию самосских переселенцев. От четырех книг, которые, по позднейшим свидетельствам, написал Семонид, до нас дошло несколько отрывков, но два из них — довольно большие — в 24 и 118 стихов. Никаких биографических сведений о Семониде, кроме приведенных выше, не сохранилось.

«Внимай, дитя...» (стр. 121).— Этот и следующей отрывки — ямбические варианты неоригинальных по мысли поучений, очень пространенных в современной Семониду поэзии. У Феогнида, Мимнерма, Солона подобные рассуждения оформлены как элегии.

«Различно же и женщины нрав...» (стр. 122).— Женоненавистническая поэма Семонида отразила господствовавший, по-видимому, в Греции VII—VI веков до н. э. взгляд на женщин. Суровым и недоверчивым отношением к женщине отличаются и законы афинского государственного деятеля и поэта этой эпохи Солона. В Афинах и Спарте были даже

особые должностные лица, гипекономы, наблюдавшие за поведением женщины. Все семонидовские сравнения заимствованы из поговорок, пословиц и дидактических поэм Гесиода, и отрывок этот представляет собой скорее тенденциозную компиляцию, чем плод собственных размышлений автора.

ГИППОНАКТ

Гиппонакта (VI в. до н. э.) называют еще «Клазоменским», потому что, бежав из родного Эфеса, он поселился и прожил всю свою жизнь на острове Клазомены. Бежал поэт, как полагают, от расправы, грозившей ему со стороны эфесских тиранов, которых он высмеивал в своих стихах. Но и на новом месте Гиппонакт, по имеющимся сведениям, нажил себе врагов в лице двух тамошних скульпторов, выставивших даже карикатурное изображение поэта. По преданию, слишком, впрочем, похожему на предание об Архилохе и семье Ликамба, чтобы показаться достоверным, Гиппонакт отомстил обидчикам, доведя их своими язвительными стихами до самоубийства.

Главная тема Гиппонакта — бедность, тяжелая нужда. Как и Архилох, Гиппонакт — человек самой демократической среды. С первого взгляда кажется, что у Гиппонакта нет такого гордого, полного достоинства отношения к невзгодам жизни, как у Архилоха. Но это впечатление обманчиво: в жалобах поэта на бедность много тонкого юмора, мягкой, умной иронии. Ирония есть и в самом звучании стихов Гиппонакта, в их метре. Поэт ввел в литературный обиход так называемый холпямб (в переводе — «хромой ямб»), заимствовав, но-видимому, этот размер из фольклора. Широкое распространение холпямб получил лишь дватри века спустя, в александрийской поэзии, но в истории литературы он так и остался связан с именем Гиппонакта.

«К а н д а в л п о - м е о н и й с к и ...» (стр. 125).— *Меония* — старое название Лидии (Малая Азия). *Кандавл* — мифологический лидийский герой, образ которого со временем слился с образом Гермеса. *Друг ночных воров* — Гермес; считался покровителем всевозможных промыслов, доставляющих богатство, в том числе — воровства.

«Г е р м е с К и л л е н с к и й , М а й и с ы н ...» (стр. 125).— Нимфа гор Майя родила Гермеса на горе Киллене, в Аркадии, и поэтому «Килленский» — частый эпитет Гермеса.

«Д в а д н я в с е г о б ы в а ю т ...» (стр. 126).— Эпиграмму сходного содержания мы находим много веков спустя у Паллада (см. стр. 314).

КАЛЛИН

Каллин Эфесский (VII в. до н. э.) считается литературным родоначальником элегии, особого жанра греческой лирики. Из произведений Каллипа до нас дошло всего несколько отрывков. Помещенные здесь стихи написаны в связи с вторжением киммерийцев в Малую Азию и обращены к эфесской молодежи.

ТИРТЕЙ

О Тиртее существует предание, ненадежное как источник биографических данных, но любопытное содержащейся в нем оценкой творчества поэта. Согласно этому преданию, спартамцам во время их войны с мессенцами (вторая половина VII в. до н. э.) дельфийский оракул велел попросить воссачальника у афинян. Издеваясь над спартамцами, афиняне будто бы отправили к ним хромого школьного учителя Тиртея. Но оказалось, что тот стоит хорошего полководца. Тиртей поднял дух спартамцев своими песнями, и Спарта одержала победу в войне. Кроме воинственных элегий, Тиртей писал маршевые песни — эмбатырии.

«Сам ведь Кронийон...» (стр. 128).— *Гераклиды* — потомки Геракла, которыми считали себя древние правители Спарты, пришедшие на Пелопоннес («земля Пелопа») из Дориды, где и находился упомянутый здесь город Эриней.

«Так как потомки вы все...» (стр. 129).— См. предыдущее примечание.

«Я не считаю достойным...» (стр. 130).— *Красавец Тифон* — сын троянского царя Лаомедонта, возлюбленный богини утренней зари Эос. *Мид* (Мидас) — см. прим. к стр. 29. *Кинир* — царь острова Кипра, любимец Аполлона. *Пелоп* — внук Зевса, мифический правитель Пелопоннеса. *Адраст* — мифический аргосский царь.

СОЛОН

Солон (начало VI в. до н. э.) — известный афинский государственный деятель, пропагандировал свои социальные реформы и в поэтическом творчестве. Законодательство Солона означало переход от государства родовой аристократии к государству имущих, когда частная собственность, вырастая внутри родовой, общинной, создавала угрозу ка-

балы для обнищавших членов рода. Проведенное Солоном разделение граждан по имущественному цензу предоставило некоторые политические права мелким свободным производителям — виноградарям, ремесленникам, сельским хозяевам и позволило этому сословию больше эксплуатировать рабов и неимущих свободных граждан.

Отдельные строки, дошедшие до нас под именем Солона, мы находим и среди стихов Феогида. Такие совпадения объясняются тем, что уже в древности точно не знали, кто автор некоторых популярных, часто цитировавшихся стихов.

Саламин (стр. 132).— Афины, рассказывает Плутарх, неоднократно пытались отвоевать у мегарцев захваченный теми остров Саламин, но каждая такая попытка кончалась неудачей. Безуспешные сражения разоряли Афины, и был издан закон, запрещавший под страхом смертной казни высказываться за возобновление спора о Саламине. Тогда Солон притворился сумасшедшим и, выйдя на рынок, прочел во всеуслышание элегию, призывавшую к борьбе за Саламин. Афины начали войну и, выиграв ее под руководством Солона, вернули себе Саламин. *Фелегандрием или сикинитом* — то есть жителем Фелегандра или Сикина, маленьких островов.

Благозаконие (стр. 132).— Наивно было бы думать, что строки, осуждающие рабство, направлены против рабовладельческого строя как такового. Реформы Солона защищали беднейших свободных граждан от произвола родовой знати, которая закабаляла их и превращала в рабов.

К Мимнерму (стр. 134).— Ср. на стр. 137 стихотворение Мимнерма Колофонского, где тот выражает желание дожить лет до шести-десяти.

К Фоку (стр. 134).— Это стихотворение цитирует Плутарх, говоря об отвращении Солона к тирании.

«Моей свидетельницей...» (стр. 135).— *Я убрал с нее позор... столбов.*— Солон освободил должников от долгов, в знак чего были убраны каменные столбы, отмечавшие отданные в залог участки земли. *Другим... свободу дал.*— Солон отменил долговое рабство. *Уставы общих малым и великим прав.*— Законодательство Солона уравнивало в правах богатых и бедных свободных граждан.

МИМНЕРМ КОЛОФОНСКИЙ

Родиной Мимнерма (род. около 600 г. до н. э.) малоазиатский город Колофон считается лишь на том основании, что в одном из своих стихотворений поэт назвал его «любимым». Биографических сведений о

Мимнерме не сохранилось. Главная тема его поэзии — любовь, а главный мотив его любовных элегий, посвященных, по преданию, флейтистке Нанноб,—преходящесть молодости, кратковременность радостей жизни. Мимперму подражали некоторые авторы эллинистической эпохи,— в частности, Каллимах, и также известные римские поэты, как Овидий, Тибулл и Проперций.

«Вечную, тяжкую старость послал Молневержец Тифону...» (стр. 137).— *Молневержец* — Зевс. По просьбе богини утренней зари Эос, Зевс сделал ее возлюбленного Тифона бессмертным, но Эос не испросила для него вечной молодости, и Тифон, навсегда превратившись в старика, лишился любви богини.

«Пилос покинув высокий...» (стр. 137).— Мимнерм рассказывает о том, как пилосцы основали колонии в Колофоне и Смирне. *Пеллей* — сын Посейдона, мифологический царь упоминаемого уже Гомером Пилоса. Название «Пилос» носили три города в Пелопоннесе.

«Век не увез бы из Эп...» (стр. 138).— *Эя* — город в Колхиде, куда отправились за золотым руном предводительствуемые Ясоном аргонавты. Пелий отнял власть над Полком (Фессалия) у своего брата Эсона, а своего племянника Ясона послал в Колхиду за золотым руном. *Гелию труд вековечный...*— Речь идет о движении солнца («Гелия», «Гиперионова сына»), которое, по представлению Мимнерма, совершало ночной путь с запада («гесперидская страна») на восток («край эфиопов») по океану («чрез волны», «поверху вод»).

ФЕОГНИД

До нас дошел целый сборник элегий Феогнида, превышающий по объему наследие любого современного ему (VI в. до н. э.) поэта и всех лириков, ему предшествовавших. Первая часть этого сборника содержит 1230 стихов назидательного и автобиографического содержания, вторая — 159 стихов содержания почти сплошь эротического. Из элегий Феогнида явствует, что поэт был мегарским аристократом. После захвата власти «подлыми», или «дурными», он бежал из родного города, бросив все свое имущество, и жизнь его была наполнена несправедливостью к «черни» и тоской по родине. Многие элегии Феогнида обращены к некоему Кирну, сыну Полипая. Реже встречаются обращения к другим лицам (Симонид, Клеарист, Демонакт, Ономакрит, Тимагор). Все эти имена, однако, не дают ключа к каким-либо дополнительным деталям феогнидовской биографии.

«Сын Кронид, владыка...» (стр. 139).— Сборник Феогнида открывается традиционными обращениями к божествам — сначала к

Аполлону как покровителю искусств, затем к его сестре Артемиде, наконец — к харитам и музам.

«Зевсова дочь...» (стр. 139).— *Ты, что Атридом жертвой была почтена.*— Перед отплытием из Авлиды в Трою Атрид (то есть сын Атрея — Агамемнон) принес в жертву Артемиде свою дочь Ифигению.

«Зевсовы дочери...» (стр. 139).— *На Кадмовой свадьбе.*— На свадьбе Кадма (см. прим. к стр. 94) с дочерью Арея и Афродиты Гармонией были все боги.

«Кирн! Пусть будет печать...» (стр. 140).— По мнению некоторых ученых, этой «печатью» и было обращение к Кирну.

«То, от чего магнесийцы погибли...» (стр. 155).— *Магнесия* — город в Малой Азии, разрушенный киммерийцами в 726 году до н. э.

«Только одну признает...» (стр. 157).— *Радамант* — сын Зевса и Европы, мудрый и справедливый судья подземного царства. *Сизиф Эолид* — Сизиф, сын Эола; славился своей хитростью. Умирая, он велел жене не хоронить его, а попав в подземное царство, попросил бога Аида отпустить его на землю, чтобы наказать жену за то, что та не исполнила священного обряда погребения. *Персефона* — жена Аида, распоряжалась душами умерших. *Нестор* — один из гомеровских героев, царь Пилоса; славился своим краспоречием.

«Зевс, живущий в эфире...» (стр. 158).— *Форминга* — струнный музыкальный инструмент, похожий на арфу.

«Благоволя к Алкафою...» (стр. 159).— *Алкафой* — мегарский герой. С помощью Аполлона он восстановил мегарские городские стены, разрушенные критянами.

«Некогда быть самому...» (стр. 159).— *В земле Сикелийской* — в Сицилии.

«Быть точнее, чем циркуль...» (стр. 160).— *Пифон* — место, где находился Дельфийский оракул; названо так по имени чудовищного змея Пифона, охранявшего долину, куда пришел в поисках места для оракула Аполлон, который и убил Пифона.

«Как же дерзаете вы...» (стр. 161).— *Скиф* — здесь: либо имя собственное, либо, по предположению других филологов, синоним слова «пьяница» (греки считали скифов пьяницами).

«К гибели, к воронам все наше дело идет!...» (стр. 161).— *К воронам* — греческое идиоматическое выражение, равнозначное нашему «к черту».

«Горе мне, я бессилен...» (стр. 163).— *Керинт* — город на восточном побережье острова Эвбеи, самого большого острова Эгейского моря. *Лелантский* — от слова «Лелант», названия равнины на острове Эвбее. *Кипселиды* — потомки Кипсела, тирана Коринфа с 698 по 658 год до н. э.

«Только липль скроет земля...» (стр. 166).— *Эреб* — вечный мрак. *Дар Диониса* — здесь: вино.

«Шею свою врагам...» (стр. 167).— *Тмол* — горный хребет в Лидии.

«Кирн, погубила уже...» (стр. 170).— *Колофон* — Вероятно, имеется в виду завоевание этого малоазиатского города лидийским царем Гигом (Гигесом). *Смирна* — была разрушена лидийским царем Алиаттом. *Магнесия* — см. прим. к стр. 155.

«О Киферея-Киприда, искусная в кознях...» (стр. 174).— *Искусная в кознях* — обычный эпитет Афродиты (ср., например, «Кознодейка» в «Гимне Афродите» Саффо). По-гречески в обоих случаях одно и то же слово — «долоплокос».

СИМОНИД КЕОССКИЙ

Симонид (556—467 гг. до н. э.) — выдающийся мастер торжественной хоровой песни. Особенно славился своими «плачами» (френами), у древних вошло даже в поговорку выражение «Симонидовы слезы». Очень популярны были также его гипорхемы (песни, сопровождавшие пляску) и элликии (победные песни). Аристофан ввел в число персонажей своей комедии «Птицы» поэта, подражающего Симониду, а Платон посвятил значительную часть своего диалога «Протагор» разбору одного симонидовского стихотворения. Этот разносторонне талантливый автор работал во всех современных ему жанрах поэзии, и греки очень высоко ценили его эпиграммы, особенно патриотические, прославлявшие героев войны с персами. Поскольку эпиграмм Симонида сохранилось гораздо больше, чем его мелических стихов, произведения этого поэта помещены нами в этом разделе, а не в разделе мелики.

Родина Симонида — остров Кеос. Как и Анакреонт, Пиндар, Бакхилд (последний, возможно, приходился ему племянником), Симонид жил при дворах различных тиранов, покровительствовавших поэзии; был близок, в частности, к Гиппарху — афинскому тирану и к Гиерону — тирану сицилийскому. Умер поэт в Сицилии.

Подлинность части эпиграмм, дошедших до нас под именем Симонида, сомнительна, но так же обстоит дело с наследием почти всех его современников.

Отрывок элегии (стр. 175).— *Славный хиосец* — Гомер. В числе семи греческих государств, претендовавших на звание родины Гомера, был остров Хиос.

Анакреонту (стр. 175).— *Барбитон* — струнный музыкальный инструмент.

Дар Павсания Аполлону (стр. 176).— *Павсаний* — спартанский полководец, одержал в 479 году, в знаменитой битве при Платее, победу над персами. Фукидид сообщает, что эти стихи были высечены Павсанием на треножнике без ведома государства; впоследствии надпись была признана спартанцами нескромной и уничтожена.

Зевсу-Освободителю (стр. 176).— Из текста видно, что эта надпись была сделана на алтаре.

Защитникам Тегей (стр. 176).— *Тегей* — город в юго-восточной части Аркадии. Трудно сказать, что имеет в виду эта эниграмма: упорные войны тегейцев со спартанцами или участие тегейцев в битве с персами при Платее.

Дар афинян Афине Палладе (стр. 177).— Геродот говорит, что эта надпись была высечена на скульптуре, изображавшей колесницу с четырьмя конями и поставленной в афинском Акрополе в честь победы над беотийцами и халкидянами.

Мегарская надпись (стр. 177).— *Писея* — гавань города Мегары.

«В этой могиле лежит...» (стр. 178).— Существует рассказ о том, что однажды, пристав на судне к берегу, Симоид нашел там труп убитого и похоронил его. Ночью похороненный явился поэту во сне и предостерег его от плавания на этом судне, которое потом и в самом деле погибло.

Пан Мильтиада (стр. 178).— Геродот сохранил рассказ о том, что незадолго до знаменитой Марафонской битвы гонец афинского полководца Мильтиада встретил в Аркадии бога Пана, которого там особенно чтили, и бог обещал помочь грекам. Приисав поражение персов охватившему их, благодаря вмешательству Пана, «паническому» страху, афиняне посвятили богу грот, где и была высечена эта надпись.

Фермопильские надписи (стр. 178).— *Фермопилы* — узкий проход в горах, который греки во главе со спартанским царем Леонидом героически защищали от персов в 480 году до н. э. Третья из помеченных здесь надписей была особенно знаменита в античной древности.

Лев на могиле Леонида (стр. 179).— Второе двустипное этой эниграммы приписывается также александрийскому поэту Каллимаху. О Леониде см. предыдущее примечание. Имя «Леонид» в переводе значит «потомок льва».

«Памятник это Мегистия...» (стр. 179).— Приводя эту эниграмму, Геродот говорит, что Симоид написал ее «по дружбе с убитым». *Сперхий* — река в Фессалии.

Корифьянам, навшим на Саламине (стр. 179).— В 480 году греки во главе с афинским полководцем Фемистоклом одержали у острова Саламина важную победу над персидским флотом. Островом Аянта Саламина назван потому, что там существовал культ этого мифо-

логического героя, сына саламинского царя Теламона. На Саламине ежегодно устраивались игры в честь Аянта — аянтея.

Афины павшим на Эвбее (стр. 180).— Эпитафия павшим в войне с беотийцами и халкидянами в 506—505 годах до н. э. *Эрип* — узкая полоса моря, отделяющая остров Эвбею от материка.

Павшим афины павшим (стр. 180).— Эпитафия афины павшим, по-видимому, во время войны со спартанцами (508 г. до н. э.).

Эпитафия Тимокреонту (стр. 181).— *Тимокреонт* — лирический поэт, родом с острова Родоса, соперник Симонида.

Эпитафия собаке (стр. 181).— *Пелион, Осса* — горы в фессалийской области Магнесии.

Победителю на Олимпийских играх (стр. 182).— По-видимому, надпись к статуе юноши.

О себе (стр. 182).— *Адимаг* — был архонтом (членом высшего правительственного органа Афин) в 477 году до н. э. *Хорег* — человек, набирающий хор на свои средства.

Геракл и Несс (стр. 182).— Этот отрывок хоровой песни обнаружен среди недавно найденных папирусов. *Он друга убил*.— В приступе безумия Геракл сбросил со стены своего друга Ифита. *Калидон* — город в Этолии, недалеко от реки Эвена. *К соседям бежал*.— Из Калидона Геракл направился в фессалийский город Трахин.

Даная и Персей (стр. 184).— Образец мелического «плача», мастером которого был Симонид. Даная — дочь аргосского царя Акрисия; была заключена отцом в ящик со своим сыном Персеем, которого родила от Зевса. Согласно предсказанию, сын Данаи должен был убить Зевса.

КСЕНОФАН

Философ Ксенофан (VI в. до н. э.), по некоторым сведениям, приехал на склоне лет из родного Колофона в италийский город Элею и основал там так называемую элейскую (или элеатскую) школу греческой философии. До нас дошли лишь фрагменты главного философского сочинения Ксенофана — поэмы «О природе», написанной дактилическим гекзаметром. Ксенофан был врагом закрепленных Гомером и Гесиодом религиозных представлений и высмеивал характерный для эллинской религии антропоморфизм — наделение божеств человеческими чертами. Сохранившиеся элегические фрагменты Ксенофана свидетельствуют о его незаурядном поэтическом даровании.

«Чистый лоснится пол...» (стр. 185).— Эти известные стихи Пушкина представляют собой вольный перевод гекзаметрами самого большого из донедших до нас элегических фрагментов Ксенофана.

В подлиннике обычный размер элегий — чередование гекзаметра с пентаметром.

«Что среди смертных...» (стр. 185).— Этот и следующие отрывки принадлежат философской поэме «О природе».

ПАРРАСИЙ

Паррасий — один из самых знаменитых греческих живописцев V—IV веков до н. э. В древности восхищались живостью его портретов и точностью рисунка. Дошедшие до нас эпиграммы Паррасия представляют собой авторские надписи к картинам.

ХЕРИЛ

О Хериле (V в. до н. э.) известно, что он был автором эпической поэмы о персидских войнах.

На гроб Сарданапала (стр. 188).— Имя сирийского царя Сарданапала было для греков символом восточной пышности и роскоши. См. также эпиграмму Кратета Фиванского, представляющую собой пародию на эту эпиграмму Херила (стр. 203).

ЭВЕН ПАРОССКИЙ

От Эвена Паросского (середина V в. до н. э.) сохранилось лишь несколько эпиграмм.

«Лучшая мера для Вакха...» (стр. 189).— Здесь «Вакх» синоним вина, «нимфы» — воды.

АНТИМАХ

Антимах (вторая половина V в. до н. э.) родился в Колофоне. Автор эпической поэмы «Фиваида», элегической «Лида», а также эпиграмм, в которых отразилась ученость автора, прекрасно знавшего мифологию.

На статую вооруженной Киприды (стр. 190).— *Кроталы* — трещотки, погремушки. *Тритонская богиня* — Афина, культ которой был поначалу связан с культом морского божества Тритона.

ИОН ХИОССКИЙ

Ион Хиосский (умер в 422 г. до н. э.) был автором трагедий, элегий и дифирамбов. Дошедшие до нас сборники греческой лирики иногда путают его произведения со стихами его тезки — Иона Эфесского. Помеченные здесь двустишия представляют собой вольные переводы Пушкина: первое — мелпческого фрагмента, второе — заключительных строк элегии, сохранившейся полностью.

ИОН ЭФЕССКИЙ

Точное время жизни Иона Эфесского неизвестно, по из помещенных здесь эпиграмм видно, что умер он позднее Эврипида (480—406 гг. до н. э.).

Эврипиду (стр. 192).— *Кончил ты дни, послужив пищей волчатникам-псам.*— По недостоверному преданию, Эврипид был растерзан собаками, когда возвращался ночью от ключницы македонского царя Архелая с любовного свидания. В *Пеллейской земле* — то есть в Македонии, столицей которой был город Пелла.

ПЛАТОН

Платон (427—347 гг. до н. э.), знаменитый философ-идеалист, был одним из крупнейших греческих поэтов и мастеров прозы. Отрицательно относясь к художественному творчеству как теоретик, Платон на практике показал себя одаренным художником — и в своих философских диалогах, и в двадцати пяти эпиграммах нефилософского содержания.

Астеру (стр. 193).— Имя «Астер» значит по-гречески «звезда».

Диону Сиракузскому (стр. 194).— Стихотворение посвящено памяти сиракузского тирана Диона, с которым Платон дружил. *Гекуба* — жена троянского царя Приама, потерявшая в войне почти всех своих детей и мужа. *Благих осуществление надежд.*— Дион пришел к власти, свергнув другого тирана — Дионисия-младшего.

Эретрийцам, умершим в Персии (стр. 194).— В первую греко-персидскую войну жители эвбейского города Эретрии были угна-

ны неприятелем в Персию. *Сузы* — столица одной из персидских провинций, зимняя резиденция персидских, а впоследствии парфянских царей. *Экбатана* — главный город Мидии, летняя резиденция царей.

«Золото пекто наше...» (стр. 195).— Эта и следующая эпиграммы составляют такую же пару, как две предыдущие эпиграфны: в обоих случаях Платон дает две вариации одной темы.

Эпиграфны (стр. 196).— *К трону Миноса*.— По позднейшим сказаниям, критский царь Минос, сын Зевса и Европы, был судьей в царстве мертвых.

Аристофану (стр. 196).— О том, что Платон очень любил и ценил великого комедиографа Аристофана, свидетельствует и платоновский диалог «Пир».

Дар Ланды (стр. 196).— *Лаида* (Лайса) — красавица гетера, которой посвящено множество греческих и латинских эпиграмм. Переложением французского перевода одной латинской эпиграммы IV века н. э. и является стихотворение Пушкина «Лайса Венере, посвящая ей свое зеркало» (1814 г.):

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет век,
Седого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в сплах зреть себя в прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

Паднисси (стр. 197).— *Вместо алого меда я из амфоры своей воду студеную лью*.— Амфоры служили сосудами не для воды, а для вина, меда или масла.

На «Афродиту» Праксителя (стр. 198).— Афинский скульптор Пракситель изваял статую Афродиты по заказу кидян, жителей малоазиатского города Киддоса (Кипда). *Воспламенен был Арей*.— Имеется в виду миф о любовной связи между Афродитой и богом войны Аресом. *Выслушать суд над собой*.— Имеется в виду суд Париса, отдавшего Афродите знаменитое яблоко раздора.

«Только в тенпестую роцу вошли мы...» (стр. 199).— *Сына Киферы, малютку*...— Речь идет об Эроте.

ГЕГЕСИПП

О жизни и деятельности Гегесиппа (по-видимому, конец V — начало IV в. до н. э.) никаких достоверных сведений не сохранилось.

На гроб Тимона (стр. 200).— *Тимон* — известный афинский мизантроп, жил в V веке до н. э. Эпиграммы на Тимона писали и другие греческие авторы. Это была такая же неоригинальная тема, как «Телка» Мирона или «Афродита» Праксителя.

ЭВЕН АСКАЛОНСКИЙ

Эвен Аскалонский жил в V веке до н. э. Никаких других сведений о нем не сохранилось.

ДЕМОДОК

Никаких достоверных сведений об этом авторе IV века до н. э. нет.

КРАТЕТ ФИВАНСКИЙ

Кратет Фиванский (IV в. до н. э.) — известный философ-киник, ученик Диогена.

Пародия на эпиграмму-эпитафию Херила (стр. 203).— Эпитафию Херила см. на стр. 188.

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА (IV—I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

МЕНАНДР

Менандр (примерные даты жизни: 343—291 гг. до н. э.) — известный писатель, автор бытовых комедий.

«Честь вам, два сына Неокла...» (стр. 207).— *Два сына Неокла.*— Имя «Неокл» носили отцы двух знаменитых людей — полководца Фемистокла, умершего за 120 лет до рождения Менандра, и философа Эпикура. Если второй «сын Неокла» действительно Эпикур, то эпиграмма свидетельствует о чрезвычайно раннем признании заслуг этого философа (Менандр умер, когда Эпикуру было около двадцати лет).

ЭРИННА

Предание связывает Эринну с Сапфо, называя их подругами. В действительности Эринна жила гораздо позднее, чем Сапфо, в IV веке до н. э. Не дошедшая до нас эпическая поэма Эринны «Прялка» высоко

ценилась александрийскими поэтами, которые даже сравнивали ее с «Илиадой» и «Одиссеей». Родина Эринны — остров Тенос, один из Кикладских островов.

«Рыба помпил!» (стр. 208).— *Рыба помпил* — рыба-лоцман.

Эпитафии Бавкиде (стр. 208).— То, что эпитафий две и обе одинаковой длины, показывает, что предназначались они для двух надгробных столбов (стел), стоявших по обе стороны урны.

АДЕЙ

Адей (356—323 гг. до н. э.) — современник Александра Македонского.

Эврипиду (стр. 210).— Адей опровергает ходячую легенду о смерти Эврипида (см. прим. к стр. 192). *Арстуса* — город в Македонии.

На Певкеста (стр. 210).— *Певкест* — полководец Александра Македонского, спасший однажды царю жизнь и назначенный за это наместником в Персии. *Добер* — город в Македонии. *Пеонийский* — прилагательное от «Пеония» (название области в Македонии).

На гемму Трифона (стр. 210).— *Галена* — нимфа, олицетворяющая спокойное море.

ФАЛЕК

Фалек, по-видимому, современник Александра Македонского. Известен изобретением одиннадцатисложного стиха, названного впоследствии его именем — «фалеков стих» и очень любимого Катуллом.

На памятник Ликона (стр. 211).— Образец фалекова стиха. *Ликон* — комик, жил при Александре Македонском.

ФИЛЕТ КОССКИЙ

Филет Косский (приблизительные даты жизни: 340—285 гг. до н. э.) — известный в эллинистическую и римскую эпоху автор любовных элегий. Вторая из помещенных здесь эпиграмм написана ямбическим триметром — размером, обычным для драматической поэзии.

Посидипп (III в. до н. э.) — эпиграмматист, родом из Сицилии.

Застольная (стр. 213).— *Кекропов сосуд* — то есть сосуд аттический (Кекроп — мифологический царь Аттики и основатель Афин). *Зенон, Клеанф* — философы-стоики.

Девушке (стр. 213).— *Пафия* — Афродита. Эпитет связывает эту богиню с Пафосом, городом на Кипре, одним из центров ее культа.

Душа и страсть (стр. 214).— Противоречие между душой и страстью — частый мотив александрийской поэзии. *Аканф* — медвежья лапа, растение, облюбованное изобразительным искусством античности.

На бюст Александра Македонского (стр. 215).— По античным свидетельствам, скульптор Лисипп изображал Александра Македонского в разных видах и позах — сидящим на троне, скачущим на копе, стоящим на колеснице и т. п., и Александр не желал, чтобы его изображал какой-либо другой художник.

На храм Арсиной-Киприды (стр. 215).— *Арсиноя* — жена и сестра властителя Египта Птолемея II Филадельфа, почиталась как богиня не только после смерти, но и при жизни. *Паварх* (начальник флота) *Калликрат* — построил на свои средства храм Арсиной на Зефирском мысу.

На Фаросский маяк (стр. 215).— *Фарос* — остров близ Александрии Египетской. На этом острове в 279 году до н. э. был построен знаменитый маяк, считавшийся в древности одним из «семи чудес света». Лукиан (писатель II в. н. э.) рассказывает, что по окончании работ строитель Фаросского маяка *Сострат* высек на камне сооружения слова: «Сын Дексифана Сострат — богам-хранителям, на благо плавающим». Эту надпись Сострат покрыл слоем цемента и сверху написал имя Птолемея, но вскоре цемент осыпался, и все увидели первую надпись. *Протей* — морское божество, мифический хозяин острова Фароса. *Тавров Рог* — один из трех каналов между морем и Александрией.

О жизни (стр. 216).— С этой эпиграммой Посидиппа много веков спустя полемизировал ученый Метродор (см. стр. 312), переделавший пессимистические стихи поэта-александрийца в оптимистические.

ФЕОКРИТ

Годом рождения Феокрита, крупнейшего представителя буколической поэзии (от греческого «буколос» — «пастух, пасущий коров и быков»), принято считать 315 год до н. э., год его смерти неизвестен. В дошедшем до нас сборнике стихотворений Феокрита, составленном, по-

видимому, в I веке до н. э., 30 стихотворений, так называемые идиллии, посвящены главным образом пастушеской теме, остальные 25 — эпиграммы. Античная буколическая поэзия, воспевавшая радости сельской жизни и любви, дала яркие картины природы, быта и правдивое изображение любовных переживаний. В эпиграммах, в отличие от идиллии, лирическое начало поэзии Феокрита свободно от эпического и драматического элемента. Часть эпиграмм носит буколический характер, в них встречаются традиционные пастушеские имена, но большинство эпиграмм — это посвященные надписи и эпитафии. Жил Феокрит главным образом в Сицилии и Южной Италии.

«С белой кожей Дафнис...» (стр. 217).— Имя Дафнис пришло в буколическую поэзию из малоизвестного сицилийского мифа о Дафнисе, сыне Гермеса, охотившемся вместе с богиней Артемидой и радовавшем ее игрой на свирели. Оно стало нарицательным именем для певцов-пастухов, впоследствии им воспользуется Вергилий, а Лонг назвал так героя своей знаменитой повести.

«Дафнис, ты дремлешь...» (стр. 218).— *Приап* — бог садов и полей, покровитель козонасов и виноградарей.

«Тирсис несчастный, доволен!..» (стр. 218).— *Тирсис* — традиционное буколическое имя.

К статуе Энихарма (стр. 220).— *Энихарм* — драматический поэт VI—V веков до н. э. В этой эпиграмме одиннадцатисложный фалексов стих чередуется с архилоховым стихом.

К статуе Писандра (стр. 220).— *Писандр* — эпический поэт VII века до н. э., автор поэмы о Геракле, от которой сохранилось лишь несколько незначительных фрагментов. *Камир* — город на острове Родосе. Эпиграмма написана фалексовым стихом.

К статуе Асклепия (стр. 221).— *Асклепий* — бог врачевания, считался сыном Аполлона.

Эпитафия Ортону (стр. 221).— Эта эпиграмма дошла до нас и в числе стихотворений Леонида Тарентского.

Эпитафия Гиппопакту (стр. 222).— Написана хориямбом, любимым размером поэта, памяти которого она посвящена.

Смерть Адониса (стр. 222).— Принадлежность этого стихотворения Феокриту сомнительна.

КАЛЛИМАХ

Каллимах родился в 310 году до н. э. в Кирене, греческом торговом городе на северном побережье Африки. Был сначала учителем, потом, своей образованностью обратив на себя внимание Птолемея Фла-

дельфа, получил предложение заведовать Александрийской библиотекой. Итогом историко-литературных изысканий Каллимаха были так называемые «Таблицы» — энциклопедический свод сведений о греческих писателях. Умер около 240 года до н. э. Из множества его сочинений лучше всего сохранились гимны и эпиграммы. Гимны перегружены литературными и филологическими намеками, они написаны скорее ученым и изощренным стилистом, чем поэтом-художником. Лирическое начало творчества Каллимаха нашло наиболее сильное выражение в его эпитафиях.

Приношение Серапису (стр. 224).— *Серапис* — одно из главных божеств Египта в эпоху греческих его царей — Птолемеев. *Дикт* — город на острове Крите. Эпиграмма написана от имени жителя Дикта Менпта, который участвовал в военном походе против города Геспериса (Киренаика).

Вереникс (стр. 224).— *Вереника* (Береника) — жена царя Птолемея Эвергета, пресемника Филадельфа. «Царедворцем в точном значении этого слова Каллимах, однако, никогда не был; судя по некоторым из его высказываний, мы вправе даже заключить, что показная роскошь, плоская лесть и раболозное низкопоклонство, царившие при дворах эллинистических государей, ему, человеку тонкой внутренней культуры, были противны» («История греческой литературы», т. III, Москва, 1960, стр. 54).

«Не выношу я поэмы киклической...» (стр. 225).— *Киклическими* — называются поэмы, написанные в VIII—VI веках до н. э. в подражание гомеровским и посвященные различным периодам истории Троянской войны. Художественных достоинств гомеровского эпоса эти поэмы не имели, и слово «киклический» было почти синонимом слова «банальный».

На поэму Креофила (стр. 226).— Эпиграмма написана от лица поэта Креофила. Киклический поэт Креофил, по преданию, друг Гомера, который назван здесь «божественным песнопевцем», считался автором поэмы о походе Геракла на остров Эвбею. *Эврит* — царь эвбейского города Эхалии, отец убитого Гераклом Ифита и Иолен (Иолы), которую Геракл потребовал себе в жены.

Эпитафия Батту (стр. 226).— Один из немногих источников сведений о происхождении Каллимаха.

Фериду (стр. 227).— Эпиграмма представляет собой надгробную надпись. *Стадиодром* — участник состязания в беге.

Клеомброту (стр. 227).— *Амбракиец* — уроженец города Амбракии (Южный Эпир). «Диалог о душе» — платоновский «Федон».

«Если ты в Кизик придешь...» (стр. 228).— *Кизик* — город на берегу Пропонтиды (Мраморного моря).

«Если бы не было быстрых судов...» (стр. 228).— Если не удавалось найти останки умершего или если родной город хотел особо почтить погибшего на чужбине героя, греки сооружали так называемые кенотафы (точный перевод— «пустые могилы»), то есть надгробия без трупа, и ухаживали за ними, как за настоящими могилами.

ГЕДИЛ

Гедил— поэт III века до н. э. Сохранилось около десяти его эпиграмм.

Эпитафия флейтисту Феону (стр. 230).— Была свободно переведена Пушкиным, снабдившим свой перевод пометкой «Из Афenea» (1833 г.):

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил
И, вдохновенный, парек младенца Феоном. За чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
Славил и Вáтала он, молодого красавца: прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

Фимела — возвышение посреди оркестры, той части греческого театра, где находились хор и актеры. *Эпалам* — «прекраснорукый», человек с искусными руками. *Главка* — женщина-композитор III века до н. э., уроженка острова Хиоса.

Приношение Киприде (стр. 230).— Эта эпиграмма была вольно, современными стихами с рифмами, переведена К. Н. Батюшковым в 1817—1818 годах:

Свершилось: Никагор и пламенный Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили..
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие пз дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы:
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора!

Асклепиад Самосский (III в. до н. э.) — один из наиболее знаменитых поэтов александрийской эпохи. Главная тема его стихов — любовь. До нас дошло около сорока его эпиграмм. Некоторая часть представляет собой эпитафии и краткие высказывания о литературных произведениях. Стихотворные размеры, известные под именем большого и малого асклепиадовых стихов, существовали в греческой поэзии и до Асклепиада, но названы его именем.

«Тихо, венки мои, здесь...» (стр. 231).— Эта эпиграмма, в числе других стихотворений из греческой антологии, была вольно переведена К. Н. Батюшковым:

Свидетели любви и горести моей,
 О, розы юные, слезами омоченны!
 Красуйтесь в венках над хижинкой смиренной,
 Где милая таится от очей!
 Помедлите, венки! Еще не увядайте!
 Но если явится,— пролейте на нее
 Все благоволие свое.
 И локоны ее слезами напятайте:
 Пусть остановится в раздумье и вздохнет.
 А вы, цветы, благоухайте
 И милой локоны слезами наштайте!

«Снегом и градом осыпъ меня...» (стр. 232).— В последнем стихе — намек на миф о Данае, которой Зевс овладел, превратившись в золотой дождь.

«Брось свою девственность...» (стр. 232).— *Ахерон* (Ахеронт) — река в подземном царстве.

«Сладок холодный напиток...» (стр. 232).— *Хлена* — верхняя шерстяная одежда.

«Сбегай, Деметрий...» (стр. 233).— *Главкиски* и *фикидии* — названия морских рыб.

На гроб Лянта (стр. 235).— Об Лянте см. прим. к стр. 179. Эпиграмма написана от лица Доблести, скорбящей о том, что оружие Ахилла было присуждено не Лянту, а хитрому и лживому Одиссею.

На статую Вереники (стр. 235).— См. прим. к стр. 224.

Гесиоду (стр. 235).— *Гесиод* (VIII в. до н. э.) — самый известный после Гомера греческий энический поэт, автор поэмы «Работы и дни», содержащей множество практических советов по части земледелия, и «Теогонии», поэмы о происхождении богов.

На «Лиду» Антимаха (стр. 235).— Об Антимахе Колосфонском см. прим. к стр. 190. Элегическая поэма «Лида» написана на темы героических сказаний и названа по имени умершей возлюбленной Антимаха. Александрийцы очень высоко ценили творчество Антимаха и ставили его в один ряд с Гомером. *Внучки Кодра* — афинянки, эпитет тревожит теперь афинского царя Кодра (приблизительно XI в. до н. э.). Учепая витпеватость этого эпитета вполне в духе александрийской поэзии.

На поэму Эринны (стр. 236).— Об Эринне см. прим. к стр. 208. Речь идет о поэме «Прялка». Эринне посвятил эпиграмму и Антипатр Сидонский (см. стр. 268).

АЛЕКСАНДР ЭТОЛИЙСКИЙ

Александр Этолийский (приблизительные даты жизни: 315—239 гг. до н. э.) родился в этолийском городе Плевроне, сотрудничал в Александрийской библиотеке. Считался знатоком трагедии и пробовал свои силы в этом жанре.

ЛЕОНИД ТАРЕНТСКИЙ

Леонид Тарентский (III в. до н. э.) — один из самых одаренных поэтов эпохи эллинизма. В отличие от многих других авторов александрийской школы, заботившихся главным образом о внешнем изяществе своих произведений и о том, чтобы показать в них свою литературную образованность, Леонид отразил в содержании и языке своих эпиграмм быт средиземноморского простонародья. Покинув родной Тарент после завоевания его римлянами (272 г. до н. э.), поэт провел всю свою жизнь в скитаниях. Жертвенные и надгробные эпиграммы, сочинявшиеся Леонидом, по-видимому, по заказу мелких ремесленников, рыбаков, пастухов, дают яркую картину тяжелой трудовой жизни этих людей.

Приношения тарентипцев Афинае (стр. 238).— Из текста обеих эпиграмм видно, что они относятся к войне между тарентипцами и их соседями, италийским племенем лукапов. Война эта происходила в первой четверти III века до н. э. *Корифасийская Афина*.— Корифасий — мыс и город в Мессении (Южная Италия), где находился храм богини Афины.

Приношение Пирра Афинае (стр. 238).— *Пирр* — эвирский царь, разбивший в 274 году до н. э. войско македонского царя Антигона Гопата. *Итонская Афина*.— Итон — город в Фессалии (Северная Греция), где находился храм Афины. *Смелых галатов щиты*.— Войско Антигона

Гоната состояло из галатов (кельтское племя). *Молоссы* — племя, жившее в южной части Эпира. *Закиды* — потомки мифического героя Эака, сына Зевса и Эгины, от которого вел свой род Пирр.

«Эрот» Праксителя (стр. 239).— *Феснии* — беотийский город, где жила знаменитая гетера Фрина, послужившая Праксителю моделью для его «Афродиты Книдской».

«Афродита Анадиомена» Апеллеса (стр. 239).— *Анадиомена* («вышедшая из моря») — эпитет Афродиты, родившейся, по одному из вариантов мифа, из морской пены. Моделью для картины Апеллеса служила, по преданию, также Фрина Феснийская. *Апеллес* — знаменитый греческий живописец IV века до н. э., упоминаемый, между прочим, Пушкиным, положившим в основу стихотворения «Сапожник» рассказ об Апеллесе в «Естественной истории» Плиния-старшего.

Эринне (стр. 241).— По преданию, Эринна (о ней см. прим. к стр. 208) умерла девятнадцать лет от роду.

Теллену (стр. 241).— *Теллен* — флейтист и сочинитель песенок, жил в IV веке до н. э.

Диогену (стр. 241).— Эпиграмма написана в форме обращения Диогена, известного философа-киника IV века до н. э., к Харону, перевозчику душ мертвых в подземном царстве. *Собака* — прозвище философов киической школы. *Обол* — мелкая монета, которую принято было класть за щеку умершему, чтобы он мог расплатиться с Хароном.

Жертва критских пиратов (стр. 243).— Надпись на кенотафе (см. прим. к стр. 228).

Эпитафия рыбаку Фериду (стр. 244).— Название звезды Арктур (ярчайшей в созвездии Волопаса) употреблено метафорически, как обозначение осени и зимы, неблагоприятных для рыбаков времен года, когда эта звезда хорошо видна.

«Молча проследуйте мимо...» (стр. 245).— *Гиппоакт* — см. прим. к стр. 125.

СИММИЙ

Помещенные здесь эпиграммы приписываются одним Симмию Фиванскому, современнику Сократа и Платона, другими — с большим основанием — Симмию Родосскому, поэту и грамматiku III века до н. э.

Софоклу (стр. 248).— Эпиграмма посвящена второму из трех знаменитых греческих трагиков. *Плющ ахарнийский*.— Плющом увенчивали победителей драматических состязаний. *Ахарны* — один из округов Аттики.

Платону (стр. 248).— Имя Платон было, по некоторым сведениям, прозвищем (от греческого «платос» — «широкий»), которое придумал Сократ, настоящее же имя знаменитого философа — Аристокл.

ДИОСКОРИД

От поэта Диоскорида (III в. до н. э.) до нас дошло около сорока эпиграмм, среди которых — несколько эпитафий поэтам, свидетельствующих об историко-литературных интересах автора.

«Сводят с ума меня...» (стр. 249).— Последняя строка эпиграммы имеет в виду миф о царе Мидасе. Во время музыкального состязания Аполлона с Паном Мидас принял сторону последнего, и за это Аполлон наделил Мидаса ослиными ушами. Цирюльник, случайно открывший эту тайну, испытывал потребность поделиться ею с кем-нибудь. Выкопав яму и прошептал в нее: «У царя Мидаса ослиные уши», он засыпал яму землей, но выросший на этом месте камыш выдал своим шелестом тайну Мидаса.

«В белую грудь...» (стр. 249).— На ночном празднестве в честь Адониса, финикийского божества, олицетворявшего умирающую и воскресающую растительность, женщины били себя в грудь в знак скорби о смерти этого прекрасного юноши.

Эпитафия Феспиду (стр. 250).— *Феспид* — поэт и актер VI века до н. э. Его считают родоначальником трагедии, так как на празднике Дионисий он первый прибавил к хоровому пению новостование, введя актера-рассказчика и мимическо-хореографическое представление. Впоследствии Эсхил ввел второго актера, а потом греческая драма претерпела и другие преобразования. Произведений Феспиды не сохранилось.

Эсхилу (стр. 250).— «Отец трагедии» Эсхил ввел не только второго актера, но и театральную машинерию и живопись, изменив тем самым «вид... и сцены самой».

Софоклу (стр. 250).— Первое лицо в этой эпиграмме — деревянное изображение сатира с трагической женской маской в руке — памятник на могиле Софокла. *Флиунтский помост* — театр пелопоннесского города Флиунта, откуда был родом основатель сатирической драмы (особого театрального жанра) Пратин.

Эпитафия Анакреонту (стр. 251).— *Смердис*, *Бафилла* (Вафилла), *Эврипила* — имена возлюбленных Анакреонта. На острове Самосе, родине Бафиллы, была статуя этого мальчика, славившегося своей красотой.

Сосифею (стр. 251).— *Сосифей* — драматург александрийской эпохи, возобновивший постановки сатирических драм. *Краснобородый плясун*, от лица которого написана эта эпиграмма, — изображение сатира на могиле Сосифея. *Клянусь я флиунтским хором сатиров* — см. прим. к стр. 250. *Посил плющ этот муж на себе* — см. прим. к стр. 250. *Тирс* — вакхический жезл, увитый плющом и виноградом и увенчанный сосновой шишкой.

Махону (стр. 251).— *Магон* — александрийский поэт III века до н. э., автор комических сенок в стихах. Последние два стиха этой эпиграммы варьируют распространенную в эллинистическую эпоху мысль о том, что Александрия — преемница культурного наследия Афин.

Жалоба актера (стр. 252).— *Галл* — жрец богини Кибелы; иногда это слово употреблялось в значении «евнух», так как жрецы Кибелы были скопцами. *Темениды* — дети аргосского царя Темена, герои не дошедшей до нас трагедии Эврипида. *Гирнефо* — дочь Темена.

АНИТА

Во вступительном стихотворении к своему «Венку» — сборнику греческих эпиграмм — Мелеагр Гадарский, перечисляя поэтов, чьи «цветы» влетены в венок, называет в первую очередь «лилии Аниты». Биографических сведений об этой поэтессе III века не сохранилось.

«Видишь, как важно...» (стр. 253).— Эта и следующая эпиграммы являются, по-видимому, надписями к изображениям.

«Перед кончиной, обняв дорогого отца...» (стр. 255).— В этой эпиграмме речь идет не об одной из девяти муз (Эрато звали музу любовной поэзии), а о девушке по имени Эрато.

Трем милетским девушкам, убившим себя при нашествии галатов (стр. 255).— *Милет* — был взят галатами в 278 году до н. э.

Эпитафия рабу (стр. 255).— *Ман* — распространенное среди рабов имя.

АЛКЕЙ МЕССЕНСКИЙ

Алкей Мессенский (конец III — начало II в. до н. э.) — современник македонского царя Филиппа III (время правления: 221—179 гг. до н. э.), который был объектом ядовитых эпиграмм Алкея Мессенского.

«Без похорон и без слез...» (стр. 256).— В 197 году до н. э., когда большинство греческих государств перестало поддерживать Филиппа III, римский полководец Тит Квинкий Фламиний наголову разбил войско царя при Киноскефалах (Фессалия). *Мириада* — десять тысяч. Число убитых греков, конечно, преувеличено. *Эмафия* — древнее название Македонии. Озлобленный этой эпиграммой, Филипп, по преданию, перефразировал два ее первых стиха следующим образом:

Без коры, без листвы, о прохожий, на этом кургане
Для Алкея большой сооружается крест.

«Не одного лишь тебя...» (стр. 257).— Филипп III отравил на пиру постов Эпикрата и Каллия. Кентавры были побеждены из-за своего пристрастия к вину ланифам, легендарным фессалийским племенем. Кентавр, упоминаемый в эпиграмме,— Эвригион, ушавшийся на свадебном пиру у ланифа Пирифоя. *Одноглазый* — Филипп III. *Харон* — см. прим. к стр. 241.

СИМОНИД МАГНЕСИЙСКИЙ

Симонид Магнесийский — историк одного из эллинистических царей, Антиоха III, занимавшего сирийский престол с 224 по 187 год до н. э.

Галл и лев (стр. 258).— *Галл*, жрец *Кибелы* — см. прим. к стр. 252.

БИОН

Бион (II в. до н. э.) — последователь Феокрита, буколический поэт. Ему приписываются сравнительно большая поэма «Плач об Адонисе», фрагмент поэмы «Ахилл и Дейдамея» и восемнадцать мелких стихотворений. Родина Биона — Смирна.

«Геспер, ты светоч златой Афродиты...» (стр. 259).— *Геспер* — название планеты Венеры, когда она восходит вечером.

МОСХ

В «Плаче о Бионе», который приписывается Мосху, автор говорит о себе как об уроженце Авсонии (Южная Италия). Византийский автор X века Свида называет Мосха сицилийцем. Кроме «Плача о Бионе», под

именем Мосха до нас дошли маленькие поэмы «Европа», «Эрос-беглец» и «Мегира» и четыре эпиграммы. По всей вероятности, Мосх — современник Биона.

Плач о Бионе (стр. 260).— Как пишет исследовательница и переводчица греческой буколической поэзии М. Е. Грабарь-Пассек, «вся хронология в этом «Плаче» настолько спутана (так, о смерти Биона плачет не только Феокрит, но и жившие еще раньше Филет и Асклепиад Самосский) и сам «Плач» настолько подражателен и компилятивен, что делать из него какие-либо выводы (биографического характера.— С. А.) невозможно». *Ныне алейте от горя вы, розы, и вы, анемоны* — намек на «Плач об Адонисе» Биона, где скорбь Афродиты описана, в частности, такими стихами:

Столько же слез проливает она, сколько крови Адонис,
Но, достигая земли, расцветает и то и другое.
Розы рождаются от крови, из слез анемоны вырастают.

Дорийская песня — здесь в смысле: пастушеская песня, буколика. *Девы Эагровы* — музы, *Эагр* — супруг музы эпической поэзии Каллиопы, отец Орфея. *Бистонские края* — Фракия; бистоны — фракийское племя. *Пань, приань*.— Необычное множественное число объясняется, по-видимому, тем, что в эллинистическую эпоху образы Приана и Пана распались и слились с какими-то мелкими божествами; недаром в этом же ряду упомянуты сатиры — похотливые козлоногие божества. *Эхо* — нимфа, возлюбленная Пана. *Сирена* — одна из трех сестер, превращенных Деметрой в птиц. В отличие от «Одиссеи», где сирены выступают в роли соблазнительниц, в эллинистической поэзии они изображаются плачущими. *Аздона* (соловей), *Хелидона* (ласточка), *Алькиона* (зимородок) и *Кеикс* — мифологические герои, превращенные в птиц. *Мемнонова птица*.— Спутники сына Эос (богини зари) Мемнона, убитого Аполлоном, были превращены в птиц, которые жалобно кричали над его могилой. *Галатей* — нимфа, которую преследовал безнадежно влюбленный в нее киклоп (одноглазый великан) Полифем. *Мелеса* — река близ Смирны, вытекающая из пещеры, где, по поверью, слагал свои песни Гомер. *Из ключей пагасидских*. — Имеется в виду Гиппокрена, источник на вершине горного хребта Геликона в Беотии, образовавшийся от удара копыта коня Пегаса и обладавший чудесным свойством вдохновлять поэтов. *Дочь Пиндаря* — Елена, сын *Фегиды* — Ахилл. *Аскра* — беотийское селение, родина поэта Геснода. *Лес беотийский тебя, а не Пиндара жаждет услышать*.— Привожу комментарий переводчицы: «Почему здесь упомянуты «беотийские леса», неясно: Беотия не богаче лесами, чем многие другие области Греции, а Пиндар не был поэтом, вос-

певавшим именно леса». *Ни о певце своем Теос...*— Теосский певец — Анакреонт. *Сикелид* — поэт Асклениад Самосский, названный здесь по отцу. *Ликид* — по-видимому, поэт Досиад Критский. *Галент* — местность и река на острове Косе. *Яд, о Бион, прикоснулся к устам твоим.*— Никаких других сведений о том, что Бион был отравлен, нет. *Дике* — богиня справедливости. *Алид* — Геракл, чьим двенадцатым подвигом было сошествие в подземное царство. *Родом она сицилийка.*— Кора (Персефона) названа сицилийкой, по-видимому, потому, что Плутон (Плутей) похитил ее на склонах горы Этны. *Орфей, Эвридика* — герои известного мифа. Когда Эвридика умерла от укуса змеи, ее муж, певец Орфей, спустился в подземное царство и растрогал музыкой владычицу преисподней Персефону, которая разрешила ему вернуть Эвридику на землю.

«Факел п лук отложив...» (стр. 264).— По всей вероятности, описание какого-то произведения изобразительного искусства. *Деб* — одно из имен богини Деметры. *Бык Европы* — Зевс, который похитил финикийку Европу, превратившись в быка.

АНТИПАТР СИДОНСКИЙ

От Антипатра Сидонского (II—I вв. до н. э.) сохранилось около ста эпиграмм. Некоторые из них, признанные теперь произведениями этого поэта, приписывались раньше его тезке, Антипатру Фессалоникскому, который жил несколько позднее.

Нериды на развалинах Коринфа (стр. 265).— После разрушения Коринфа римлянами в 146 году до н. э. город около ста лет не восстанавливался. Потомками Сизифа коринфяне названы потому, что этот герой считался основателем и первым царем Коринфа. Приводим вольный перевод этой эпиграммы, сделанный К. Н. Батюшковым:

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Мусия, золото, сияющее в них?
Увы! погиб навек Коринф столповенчанной!
И самый пепел твой развеян по полям.
Все пусто: мы одни зываем здесь к богам
И стонет Алкион один в дали туманной!

На храм Артемиды в Эфесе (стр. 265).— Сожженный Геростратом в 356 году до н. э., знаменитый храм Артемиды был заново

отстроен под руководством архитектора Диократа. Этот восстаповленный храм был отнесен к семи чудесам света, каковые и перечислены в эпиграмме. *Зевс в Олимпии*.— Имеется в виду статуя работы Фидия. *Колосс Гелиоса*.— Колоссальную статую Гелиоса на острове Родосе Антипатр мог видеть разве что в развалинах: она была разрушена уже в III веке до н. э. *Знаю Мавзола гробницу*.— Вдова карийского царя Мавзола, умершего в 352 году до н. э., воздвигла мужу огромный памятник, «Мавзолеей». *Парфенон* — здесь в общем смысле: «храм богини-девы», каковой и была Артемида, а не как название известного храма Афины в афинском акрополе. *Город Андрокла* — Эфес; его основателем считается Андрокл, сын последнего царя Аттики Кодра. *Титий* — великан, которого поразили своими стрелами Артемида и Аполлон за то, что он оскорбил их мать, богиню Лето (Латону).

Н и о б е (стр. 266).— Эпиграмма — скорее всего, надпись к скульптурной группе, изображающей Ниобу и ее детей.

На «Феспиад» Праксителя (стр. 266).— *Феспиады*— статуи вакханок работы Праксителя. *Хоростасия* — хоровое пение и пляски во время празднества. *Ликаонийский* — аркадский.

На «Некию» Никия (стр. 267).— *Некия* (в переводе — «вызывание душ мертвых») — традиционное название XI песни «Одиссея», рассказывающей о сошествии Одиссея в подземное царство. В эпиграмме речь идет о картине афинского живописца Никия на тему XI песни «Одиссея».

С т е с и х о р у (стр. 267).— О поэте Стесихоре см. прим. на стр. 86. *Катана* — город в Сицилии. *Говоря языком Пифагора...*— По пифагорейскому учению (Пифагор — греческий философ VI в. до н. э.), душа человека после смерти переселяется в тела других существ.

П и н д а р у (стр. 267).— Сравнение писателя с пчелой, а поэзии с медом было традиционным в античности.

А н т и м а х у (стр. 268).— Судя по сопоставлению Антимаха с Гомером, Антипатр имеет в виду не элегическую «Лиду», за которую хвалил Антимаха Асклеиад Самосский (см. стр. 235), а другую, эпическую его поэму «Фиваида».

С а н ф о (стр. 268).— *Мнемосина* — мать рожденных от Зевса девяти муз, дочь Урана и Геи.

Э п и т а ф и я А р и с т о м е н у (стр. 270).— *Аристомен* — мессенский военачальник VII века до н. э., почитавшийся как герой.

На могилу *Л а и д ы* (стр. 270).— *Лаида* — см. прим. к стр. 196. Имя Лаиды (Лаисы) стало нарицательным для гетеры вообще и утвердилось в русской антологической поэзии XIX в. *Пирена* — источник в Коринфе.

Филодем (I в. до н. э.) — известный эпикуреец, писавший и латинскую прозу. До нас дошло более тридцати его греческих эпиграмм — главным образом о любви. Родина поэта — палестинский город Гадара. За образованность его высоко ценил Цицерон. Любовная лирика Филодема оказала некоторое влияние на Овидия.

Молитва о плаванье (стр. 271).— *Ино* — дочь Кадма; как морское божество она почиталась под именем Левкофеи, а ее сын *Меликерт* — под именем Палемона. *Пирей* — афинская гавань.

На гетер (стр. 272).— *Сами уж мойры, должно быть, назвали меня Филодемом.*— Имя «Филодем» можно перевести как «любящий Демос». *Селена* — богиня луны. Возлюбленным ее был прекрасный юноша *Эндимион*, погруженный в вечную дремоту *Хоть индианка была...*— По мифу, Андромеда была не индианкой, а эфиопкой, дочерью царя Эфиопии Кефея. *Персей* — аргосский герой, который спас Андромеду от морского чудовища и женился на ней.

МЕЛЕАГР ГАДАРСКИЙ

Мелеагр (I в. до н. э.) составил первую антологию греческих поэтов — «Венок». В стихотворном вступлении к этому сборнику Мелеагр называет сорок шесть авторов, сравнивая каждого из них с каким-ни будь растением,— отсюда и название «Венок». Собственные эпиграммы, также включенные в эту антологию, поэт сравнил с ранними левкоями.

Жил Мелеагр сначала у себя на родине, в Палестине, где получил хорошее образование, затем в Тире (город на восточном берегу Средиземного моря), а в старости, когда им и был составлен «Венок», на острове Косе. В творчестве Мелеагра большое место занимает тема любви.

Фапион (стр. 277).— *Геллеспоитский пролив* — нынешние Дарданеллы.

Гелиодоре (стр. 279).— Приводим вольный перевод шестого из этих стихотворений, сделанный К. П. Гатюшковым:

В обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слез
И вопль отчаянья над холодной могилой
И гореть, как ты, мимолетных роз!
Ах! тщетно все! Из вечной сени
Ничем не призовем твоей прискорбной тени:

Добычу не отдаст завистливый Аид.
Здесь онеменение; все холодно, все молчит,
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите, что краса так рано погибает!
Но ты, о мать-земля! с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний,
Прими и усюкою в гостеприимной сени!

Весна (стр. 281).— *Ора* — см. прим. к стр. 30. *Из тельца просшедшие пчелы*.— По представлениям древних, пчелы самозарождались в гниющих трупах быков.

Автоэпитафии (стр. 282).— «Особо следует отметить автоэпитафии Мелеагра, в которых отразилось то огромное влияние, какое имела для Средиземноморья греческая культура, превратившая отдельные страны и народы, их населявшие, в единый эллинский мир. У передовых людей этого мира исчезает узкий и ограниченный национализм: они начинают сознавать себя гражданами того великого, не знающего никаких внешних пределов государства, идейным центром которого навсегда останутся утратившие всякое политическое значение Афины. Для всех приобщившихся к греческой культуре, будь они греки, финикийцы или сирийцы, кроме родной земли, есть одна общая родина — мир» («История греческой литературы», т. III, Москва, 1960, стр. 128). *Хариты Мениппа* — метафорическое упоминание философско-сатирических диалогов Мениппа, писателя III века до н. э., земляка Мелеагра; хариты — дочери Зевса, богини красоты, изящества, радости, дружбы и праздничного веселья.

АРХИИ МИТИЛЕНСКИИ

Тридцать пять эпиграмм, сохранившихся под именем Архия, принято приписывать не Архию из Антиохии, в защиту которого произнес одну из лучших своих речей Цицерон, а тезке цицероновского подзащитного, жившему, как и он, в I веке до н. э., — Архию из Митилен. Ряд эпиграмм Архия представляют собой надписи к скульптурам.

ГАЛЛ

Возможно, что автором помещенной здесь эпиграммы был Гай Корнелий Галл (род. в 69 г. до н. э.), друг Вергилия, посвятившего ему некоторые разделы сельских поэм, тот самый Галл, о котором сочувственно упоминают и Процерций, и Овидий, и Марциал.

На кубок с изображением Тантала (стр. 284).— Мифический царь Фригии Тантал за разглашение тайн Зевса был наказан низвержением в Лид и вечной жаждой: он стоял по горло в воде, но как только он собирался сделать глоток, вода отступала. Ручка кубка, которому посвящена эниграмма, представляла собой, по-видимому, изображение Тантала, припадающего губами к краю этого же сосуда.

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ РИМСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХ (I—VI ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ)

АНТИПАТР ФЕССАЛОНИКСКИЙ

Македонянин Антипатр (I в. до н. э.— I в. н. э.) долго жил в Риме, где пользовался покровительством тестя Юлия Цезаря, влиятельнейшего Люция Кальпурния Пизона, которому посвятил несколько эниграмм.

Водяная мельница (стр. 287).— Это стихотворение приводит в «Капитале» Карл Маркс. Говоря о том, что при капитализме машины, «самое мощное средство для сохранения рабочего времени, превращаются в надежнейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время», Маркс писал: «Антипатр, греческий поэт времени Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века!» Сноску с эниграммой Антипатра Маркс начинает такими словами: «Привожу здесь эти стихи... потому что они, подобно приведенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противоположность между античными и современными воззрениями» (цит. по кн. «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. 1, изд-во «Искусство», Москва, 1957, стр. 178—179). *Дар Деметры — хлеб.*

О девяти поэтессах (стр. 287).— *Сапфо, Корииня, Праксилла, Эрииня и Лиита* — представлены в нашем сборнике. *Телесилла* — поэтесса VI века до н. э. *Миро* — III века до н. э. *Муртида* — V века до н. э. *Поссида* — IV—III веков до н. э.

Аристофану (стр. 288).— *Площ ахарнейский* — см. прим. к стр. 248.

Пантомиму Пилладу (стр. 288).— Эниграмма посвящена известному пантомиму (танцовщику) эпохи Августа, выступавшему в хореографических представлениях на сюжеты трагедий. *Фимела* — см. прим. к стр. 230.

«Может за драхму Европу...» (стр. 289).— *Драхма* — греческая серебряная монета. Обыгрывая имя гетеры, эпиграмма намекает на миф о похищении Европы Зевсом.

«Утро настало, Хрисилла...» (стр. 289).— Эпиграмма содержит намек на миф о Тифоне и Эос (Заре) (см. прим. к стр. 137).

Киприде от Киферы (стр. 289).— *Вифилиянка* — жительница Вифинии, северо-западной области Малой Азии.

Остров Делос (стр. 289).— Этот остров, прежде важный культурный и торговый центр Греции, был варварски опустошен в I веке до н. э. Менофаном, полководцем воевавшего с римлянами восточного царя Митридата VI Евпатора. Согласно мифу, остров Делос был плавающим, пока не приютил Лето, которая здесь спаслась от преследовавшей ее Геры и родила от Зевса Аполлона и Артемиду.

Августу, идущему в восточный поход (стр. 290).— Написано в связи с походом 21—20 годов до н. э. *Краем отцов* — Восток назван потому, что римляне считали своим родоначальником троянца Энея.

АЛФЕЙ

Алфей (I в. до н. э.— I в. н. э.) — современник Антипатра. *Грусть о былом величии Греции*, прозвучавшая в стихотворении Антипатра Фессалоникского об острове Делосе, была едва ли не главным мотивом эпиграмм Алфея.

На «Илиаду» Гомера (стр. 291).— *Страны обеих земель* — то есть и Европы и Азии.

На гроб Фемистокла в Магнесии (стр. 291).— В Магнесии, где Фемистокл умер, находился, собственно, не гроб, а только памятник, ибо похоронен был этот знаменитый афинянин в родном Пирее. Тема стихотворения — победа Фемистокла над Ксерксом при Саламине (см. прим. к стр. 179).

Аргос (стр. 291).— *Слава угасла героев*.— Главной силой греков в Троянской войне были аргосцы во главе с царем Агамемноном. *Дело божественных рук*.— Стену вокруг Трои построили, по мифу, боги Посейдон и Аполлон. *Но оказался сильнее этот город*.— Имеется в виду, по-видимому, не Новый Илион, построенный неподалеку от разрушенной Трои, а то, что слава воспетого Гомером города оказалась долговечней, чем его стены.

Рим (стр. 292).— Эта эпиграмма была откликом на внешнеполитические успехи Августа. «Я расширил,— писал Август,— границы всех провинций римского народа, смежных с племенами, не подчинявшимися нашей власти. Мой флот поднялся по Океану до устья Рейна, на

Восток до границ кимвров, куда до сего времени не доходил ни один римлянин ни по морю, ни по суше».

Микены (стр. 292).— *Микены* — город в Арголиде, где сохранились остатки монументальных построек древнейшего, микенского периода истории Греции, которым, по-видимому, и обязан своим рождением миф о киклопах.

Остров Делос (стр. 292).— Эпиграмму Антипатра, на которую ссылается Алфей, см. на стр. 289.

РУФИН

Под именем Руфина (I в. н. э.) до нас дошло около сорока эпиграмм, почти все — эротического содержания.

Неизвестной (стр. 294).— *Лифо* (Пейто) — см. прим. к стр. 88. *Фелида* — богиня права и законного порядка. *Руки Афины*.— Афина покровительствовала также ремеслам.

АНТИФИЛ ВИЗАНТИЙСКИЙ

Антифил Византийский жил в I веке н. э. До нас дошло пятьдесят его эпиграмм.

«К милым отчизны брегам...» (стр. 296).— *Немезида* (Немесиды) — богиня, карающая за чрезмерное счастье и за гордыню.

Дикеархия (стр. 297).— В *Дикеархии* (греческая колония в Италии, ныне Поццуоли) — была большая гавань с молом, а при императоре Калигуле здесь был построен еще и огромный мост. Эпиграмма написана в форме диалога между морем и Дикеархией.

На «Медее» **Тимомахы** (стр. 298).— Копии этой картины Тимомахы (II в. до н. э.) или подражания ей остались на развалинах Помпеи и Геркуланума.

Диогену (стр. 298).— Философ-кипчак Диоген довольствовался удовлетворением минимальных потребностей.

ОНЕСТ

От Онеста (I в. н. э.) до нас дошло несколько эпиграмм.

О сатировской драме (стр. 299).— *Сатировская драма* — особый театральный жанр — возникла благодаря обработке плуточных народных игр, связанных с культом Диониса-Вакха. Участники хора

сатировской драмы надевали козы шкуры и хвосты, выходили полуобнаженными, со взъерошенными волосами. Действие происходило обычно в лесной глуши, где и было обиталище спутников Диониса, сатиров. Предводителем сатиров обычно выступал Силен — воспитатель Диониса. Внешнее оформление сатиловских драм, тесно связанных с народными играми в честь Диониса, было гораздо условнее, чем оформление трагедии. Наши сведения о сатиловской драме довольно скудны, так как полностью до нас дошла только одна сатиловская драма — «Киклоп» Эврипида. *Сикион* — город на северо-востоке Пелопоннеса, где устраивались вакхические шествия.

АВТОМЕДОНТ

Полагают, что эпиграммы, дошедшие до нас под именами Автомедонта Этолийского и Автомедонта Кизикского, принадлежат одному лицу и относятся к I веку н. э.

«Жизнь береги, человек...» (стр. 300).— *Тасос* — остров у берегов Карики (Малая Азия). Главным богатством Тасоса были мраморные карьеры. *Келесирия* — южная часть Сирии.

ФИЛИПП ФЕССАЛОНИКСКИЙ

Филипп Фессалоникский — поэт I века н. э., составитель сборника эпиграмм.

«Трун Леонида кровавый...» (стр. 301).— В «Палатинской антологии» эта эпиграмма стоит рядом с эпиграммой «Леонид Спартапский и персы» Антифила Византийского (см. стр. 297), которую лишь слегка варьирует.

АПОЛЛОНИД

Помещенные здесь две эпиграммы Аполлонида (I в. н. э.) верно-подданнически прославляют покорение римлянами древнейших центров греческой культуры.

«Критским стрелком уязвленный...» (стр. 302).— За участие в морском разбое римляне в 67 году до н. э. лишили Крит какой бы то ни было политической самостоятельности и соединили

его с Киренаикой в одну провинцию. Метафора с орлом и стрелком очень прозрачна: критяне в древности пользовались славой прекрасных стрелков из лука, а орел был знаком легиона, священным для римского воина символом.

На орла, появившегося на острове Родосе при Тиберии (стр. 302).— *Солнечный остров* — Родос; был посвящен Гелиосу, богу Солнца. *Нерон*.— Имеется в виду римский император Тиберий (время правления: 14—37 г. н. э.), чье полное имя было Тиберий Клавдий Нерон. *И неотлучно при нем, будущем Зевсе, я был*.— По греческой мифологии, орел — спутник и слуга Зевса, а римские императоры после смерти причислялись к сонму богов.

ЛОЛЛИЙ БАСС

Лоллий Басс (поэт I в. н. э.), судя по имени, — римлянин.

«Золотом течь не хочу...» (стр. 303).— Чтобы овладеть Данаей, Европой и Ледой, Зевс превращался соответственно в золотой дождь, быка и лебедя. *Обол* — см. прим. к стр. 241.

«Кифотарида-болтунья...» (стр. 303).— *Нестор* — мифологический герой, доживший до глубочайшей старости. *Олений век* — символ долголетия. *Левой рукою*...— Пальцами левой руки отсчитывали единицы и десятки, пальцами правой — сотни и тысячи.

ЛУКИЛЛИЙ

От Лукиллия, современника Нерона (I в. н. э.), до нас дошло около ста тридцати эпиграмм, в большинстве своем — сатирических. Творчество Лукиллия оказало несомненное влияние на римского поэта Марциала.

На астролога (стр. 304).— *Генитура* — положение звезд в час рождения. *Петосирсис* — египетский астролог.

На врачей (стр. 304).— *Исида, Гарнократ* (Гор) — египетские боги, почитавшиеся и в Риме.

На киников (стр. 305).— Эпиграмма направлена не столько против кинической философии, сколько против любителей легкого хлеба, лицемерно выдававших себя за последователей того или иного философского учения. Этот тип псевдофилософа был распространен в Римской империи I—II ввек н. э. В статье «Бруно Бауэр и раннее христианство» Энгельс писал: «Философы были или просто зарабатываю-

щими деньги школьными учителями, или же шутами на жалованье у богатых кутил. Некоторые были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, показывает пример господина Сенеки. Этот стойкий, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 607). *Гермодот* — лицо неизвестное.

НИКАРХ

Эпиграммы Никарха очень похожи на Лукиллиевы: те же нападки на врачей, на скряг, на предсказателей, тот же сатирический тон. Повидимому, оба поэта были современниками.

«Вызвал однажды на суд...» (стр. 306).— Вариация на тему этого стихотворения есть у Пушкина (пушкинисты считают ее вольной переделкой эпиграммы П. Пелиссона «Трое глухих»):

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова».
«Помилуй,— возопил глухой тому в ответ,—
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Почто ж идти вам брат на брата,
Ни тот и не другой, а девка виновата».

ДИОНИСИЙ СОФИСТ

Дионисий Софист жил в I—II вв. н. э.

Пьянице, унавшему под дождем (стр. 307).— Вино считалось даром Вакха, дождь — Зевса.

ЛУКИАН

Лукпана из Самосаты (II в. н. э.) Энгельс назвал «Вольтером классической древности» и «одним из лучших наших источников о первых христианах» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 411). Упадок старой философии, крах старой религии — главная тема творчества этого писателя. Под именем Лукпана, кроме прозаических произведений, до нас дошли две стихотворные пародии на греческую трагедию — «Трагоподагра» и «Быстроног», а также около

сорока эпиграмм дидактического и сатирического характера. Впрочем, принадлежность стихотворных текстов Лукиану некоторыми исследователями оспаривается.

О грамматике (стр. 310).— *Гнев, о богиня, воспой...*— начало «Илиады», обычно разбирающейся на уроках грамматики. *Ведь и тобою полны все пути* — пародийный намек на поэму Арата (IV в. до н. э.) «Феномены», которая начиналась стихом: «Зевсом полны все дороги, все площади, гавани, воды».

На врача (стр. 310).— «Илиада» начинается такими стихами:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Лид...

(Перевод Н. И. Гнедича)

Морским богам (стр. 311).— Кроме известных морских божеств, здесь упоминаются самофракийские боги. Это — кабиры, ведавшие плодородием земли и спасавшие мореходов от бурь. Культ кабиров был распространен главным образом на островах, и в частности, на острове Самофракии.

МЕТРОДОР

Метродор (IV в. н. э.) — ученый, автор сочинений по астрономии и геометрии, современник императора Константина, перенесшего столицу Римского государства из Рима в Византию. Большинство эпиграмм, дошедших до нас под именем Метродора, представляют собой арифметические задачи.

О жизни (стр. 312).— Полемическая переделка эпиграммы Посидиппа (см. стр. 216).

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

Римский император Юлиан (время правления: 361—363 гг. н. э.), прозванный христианами «Отступником», посвятил свои литературные труды идее возрождения старой языческой религии. Кроме прозаических произведений на греческом языке, от Юлиана осталось несколько эпиграмм.

На пиво (стр. 313).— Пиво, с которым Юлиан познакомился, скорее всего, в Галлии, было новым для многих его современников — средиземноморцев напитком. *Не Дионисом тебя величать, а Деметрием*

падо.— Если вино — дар Диониса, то пиво — дар покровительницы хлебных злаков Деметры. *Хлеборожденный*.— Обыгрывается эпитет Вакха — «огнерожденный». *Пе Бромий, а Бром*.— Обыгрывается созвучие эпитета Вакха «Бромий» («Шумный») со словом «бромос» (в переводе — «зловоние»).

ПАЛЛАД

Один из самых ярких литературных памятников упадка античной цивилизации — сто пятьдесят дошедших до нас стихотворений Паллада. Паллад жил в Александрии в конце IV и начале V века н. э. Поэт всей душой предан языческим культурным традициям, он с горькой иронией взирает на христиан, чья религия представляется последним эллинам чуждой и варварской. Строки Паллада выделяются среди других эпиграмм этой эпохи особым изяществом языка и стиха.

«Всякая женщина — зло...» (стр. 314).— Эти стихи Проспер Мериме поставил эпиграфом к «Кармен».

И п а т и и (стр. 314).— *Ипатиия* (Гипатия) — женщина-философ, выдающийся математик и астроном, была в 415 году растерзана в Александрии фанатиками-христианами.

На статую Геракла, опрокинутую христианами (стр. 314).— Эта и следующая эпиграммы относятся ко времени гонений на языческие культы, усилившихся после антиязыческого эдикта римского императора Феодосия I (время правления: 379—395 гг. н. э.). *Трехлуциным* — Геракл назван потому, что связь его матери Алкмены с Зевсом длилась три ночи.

На статуи богов, перенесенные для христианского культа в дом некоей Марины (стр. 315).— Возможно, что речь идет о младшей дочери императора Аркадия Марине (403—449) и об ее константинопольском дворце, куда могли быть перенесены для христианского культа статуи языческих богов.

Г р е к а м (стр. 315).— Последние две строки второго стихотворения намекают, по-видимому, на веру в воскресение Христа.

На грамматику (стр. 315).— Вторая и третья эпиграммы имеют в виду начало «Илиады», изучавшееся на первых уроках грамматики (см. прим. к стр. 310). *Пентастих* — пятистишие.

«Зевс отплатил нам огнем...» (стр. 316).— Намек на миф о Прометее, который похитил огонь у Зевса и отдал его людям.

«Снап, говорят, под стеной...» (стр. 318).— Возможно, что речь идет о развалинах храма Сераписа, египетского божества (см. прим. к стр. 224), культ которого распространился и в Риме, где его отождествляли с Юпитером. В 391 году храм Сераписа был разрушен христианами.

На хирурга (стр. 318).— Здесь греческое слово «гегемон» соответствует, по-видимому, латинскому «прокуратор» (наместник).

На актеров (стр. 319).— Первая эпиграмма, намекающая на мифы о превращении Дафны в лавр и Ниобы в камень, была переведена на латинский язык известным римским поэтом Авсонием, современником Паллада.

На монахов (стр. 319).— Эпиграмма построена на игре слов. Буквальное значение греческого слова «монах» — «одинокий», «живущий в уединении».

«Ник у печальную... видя...» (стр. 319).— *Ника* — богиня победы. Если даже допустить, что речь идет об астрологе IV века Патрикий, то все равно неизвестно, какая победа имеется здесь в виду.

ФЕОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Феон, под именем которого до нас дошли помещенные здесь эпиграммы, и носивший это имя отец Ипатию, математик конца IV — начала V века, — по всей вероятности, одно и то же лицо.

МАРИАН СХОЛАСТИК

От Мариана Схоластика (V—VI вв.) до нас дошло шесть эпиграмм.

Предместье Амасии (стр. 321).— *Амасия* — город в Малой Азии, некогда резиденция царей Понта.

ЮЛИАН ЕГИПЕТСКИЙ

Юлиан был гинсархом (префектом) Египта при императоре Юстиниане (время правления: 527—565 гг. н. э.).

На Демокрита (стр. 322).— *Демокрит* из Абдеры (460—370 гг. до н. э.) — знаменитый философ-материалист, был за оптимистический характер своего учения прозван «смеющимся», а философ Гераклит — «плачущим».

Эпифанию и Ипатию (стр. 323).— Известно, что племянник императора Анастасия Ипатий (здесь он назван: «*вождь авсопийцев*», то есть римлян) был по приказу Юстиниана брошен в море. Похвала милосердию Юстиниана полна иронии.

Агафий, византийский адвокат, поэт и историк, умер в 582 году. Агафий не только писал эпиграммы (их от него осталось около ста), но и составил третью — после сборников Мелеагра Гадарского и Филиппа Фессалоникского — антологию греческих эпиграмм. В сборнике Агафия, озаглавленном «Цикл», материал распределен по тематическим отделам.

Посвящение Афродите (стр. 324).— *Девять Дафновых книг* — сборник поэм Агафия.

Виноделы (стр. 325).— *Теплые наяды* — теплая вода. *Пафия* — см. прим. к стр. 213.

Новый Полемон (стр. 325).— Эпиграмма обыгрывает названия комедий Менаандра (см. прим. к стр. 207). Упомянутая здесь комедия «Хмурый» вышла в русском переводе под названием «Брюзга».

На статую Плутарха (стр. 326).— *Плутарх Херонейский* — знаменитый греческий историк и философ I века н. э., в своих «Параллельных (сравнительных) жизнеописаниях» дает 46 биографий греческих и римских деятелей, сопоставляя каждого римлянина с каким-нибудь греком.

МАКЕДОНИИ

Нани сведения о Македонии, от которого сохранилось 44 эпиграммы, очень скупы. Известно, что он был современником Агафия и имел звание консула.

«Был нездоров я вчера...» (стр. 328).— Ссылка на Гомера имеет в виду, по-видимому, стихи 705—706 из IX песни «Илиады»:

...Но прежде сердца ободрите

Пищей, вином: вино человеку я бодрость и крепость.

(Перевод Н. И. Гнедича)

На дом в Кибире (стр. 329).— *Кибир* — город в Кабалии, области на юге Малой Азии.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИЙ

«Силенциарий» — название должности и значит в переводе «блюститель тишины и спокойствия». В этом чине поэт и служил при дворе императора Юстиниана. Даты рождения и смерти Павла Силенциария

неизвестны. Он был современником Агафия, который в своей истории правления Юстиниана говорит о Павле Силенциарии как о замечательном поэте, описавшем в гекзаметрах константинопольский храм св. Софии. Вообще же Павел Силенциарий, как и Агафий, держался в своем творчестве эллинских традиций, и стихи, посвященные этими поэтами христианским святыням (у Агафия есть эпиграмма на икону Михаила Архангела), для их мироощущения неорганичны. Большая часть эпиграмм Павла Силенциария эротического содержания. Несколько его стихотворений свободно переведены на русский язык К. П. Батюшковым, который, не зная греческого, пользовался французскими переводами.

Золото и женщины (стр. 330).— Прямолинейно-материалистическое истолкование мифа о Данае было общим местом поздней античной поэзии. Ср., например, эпиграмму Македония «Золотом я привлекаю Эрота...» (стр. 329).

Запретная любовь (стр. 330).— Приводим вольный перевод Батюшкова:

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенье.
Как сладок поцелуй в безмолвьи ночей,
Как сладко тайное в любви наслажденье!

«Сеткой ли волосы стянешь...» (стр. 331).— Эпиграмма очень напоминает стихи Тибулла:

Если распустит косу, к лицу ей смятённые кудри,
Если их вместе сберет, правится узел волос!
Жжет она сердце, когда тирийскую паллу наденет,
Жжет она сердце, когда в снежной одежде войдет.

(Перевод Л. Остроумова)

С творчеством Тибулла Павел Силенциарий был, скорее всего, знаком.

«Видел я мучимых страстью...» (стр. 331).— *Ликомед* — царь Скироса, у которого, переодевшись в женское платье, скрывался не желавший участвовать в троянском походе Ахилл.

Старейшей подруге (стр. 332).— Приводим вольный перевод Батюшкова:

К постарелой красавице

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красотой,
Незрелой в таинствах любовного искусства.
Без жизни взор ее стыдливый и немой,
И робкий поцелуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
Текущий с жизнью в крови.

Заколдованный венок (стр. 332).— *Главка* (по другому варианту мифа — *Креуса*) — дочь коринфского царя *Креонта*, на которой собирався жениться, покинув *Медею*, *Ясон*. *Медея* послала *Главке* в подарок отравленные платье и венок, и та, надев их, сгорела заживо.

На сады *Юстиниана* (стр. 332).— Речь идет о канале в дворцовых садах императора *Юстиниана* в *Халкедоне* на южном берегу *Пропонтыды*, напротив *Византии*. *Переиды*, *наяды*, *гамадриады* — нимфы (соответственно) моря, источников, деревьев.

«Ох, да же в сласть по болтать...» (стр. 333).— *Дочери Инаха страж* — *Аргус*, стороживший *Ио*, возлюбленную *Зевса*, которая была превращена в корову.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Эпиграммы

На «*Илиаду*» и «*Одиссею*» (стр. 337).— *Лазртов сын* — *Одиссей*.

На «*Александрю*» («*Кассандру*») *Ликофрона* (стр. 338).— *Кассандра* — дочь троянского царя *Приама*. *Аполлон* наделил ее пророческим даром, но сделал так, что ее пророчествам никто не верил. Эпиграмма сравнивает поэму *Ликофрона* (род. около 330 г. н. э.) с лабиринтом и невразумительными пророчествами *Кассандры*. Действи-

тельно, поэма читается с трудом, она изобилует метонимиями и мифологическими именами.

Могила Диогена (стр. 338).— См. прим. к стр. 298.

Тимону (стр. 338).— См. прим. к стр. 200.

Гераклиту и Демокриту (стр. 339).— См. прим. к стр. 322.

Гиппократу (стр. 340).— *Гиппократ* — знаменитый греческий врач, «отец медицины» — родился около 460 года до н. э.

Геродоту (стр. 340).— «Отец истории» *Геродот* (480—425 гг. до н. э.) — автор большого труда, который александрийские ученые разделили на девять книг, дав каждой название одной из муз: I — Клио, II — Эвтерпа, III — Талия, IV — Мельпомена, V — Терпсихора, VI — Эрато, VII — Полигимния, VIII — Урания, IX — Каллиопа.

Колосс Родосский (стр. 340).— См. прим. к стр. 265.

«Гектора кровью обрызганный щит...» (стр. 340).— Остров *Саламин* — владение Лянта, остров *Итака* — Одиссея.

Приношение Кибеле (стр. 341).— *Кибела* — фригийская богиня, отождествлявшаяся греками с «Великой Матерью богов» — Реей. *Диндим* — гора во Фригии. *Женственный твой Алексид* — видимо, один из жрецов Кибелы, галлов, или корибантов (см. прим. к стр. 252).

Спартанцам, павшим при Фирее (стр. 341).— Речь идет о битве, происходившей между 548 и 544 годами до н. э. По Геродоту, аргосцы (в переводе эпиграммы архаичное «аргивяне») сочли себя победителями, когда их осталось двое против одного спартамца, и побежали домой, в Аргос. Спартанец же Офриад остался на месте и снял доспехи с мертвых врагов. При возобновлении спора спартамцы выиграли сражение. *Адрасова рода*.— Мифический царь Аргоса Адраст позорно покинул поле боя в войне против Фив.

На «Причины» Каллимаха (стр. 342).— В своей поэме Каллимах, следуя, по-видимому, примеру Гесиода, рассказывал, что посетил во сне муз. Эпиграмма содержит скрытую ссылку на то место «Одиссеи» (XIX, 562—567), где говорится о двух воротах, через которые к людям приходят сны, — роговых и из слоновой кости: первые — для верных, вених снов, вторые — для лживых, несбыточных.

Надпись на бесшумном водоподъемнике (стр. 343).— *Эхо* — нимфа, которую преследовал Пан. Гера наказала Эхо, приревновав к ней Зевса: та не могла говорить, когда другие молчат, и молчать, когда говорят другие.

«Это владыка эдонян...» (стр. 344).— Мифический царь эдонян (фракийцев) Ликург обидел Диониса и был наказан за это богами: он впал в безумство и убил своего сына, приняв его за виноградную лозу.

Анакреонтика в вольных переводах русских поэтов XVIII—XIX веков

«Анакреонтикой» называется собрание греческих стихотворений, написанных в подражание Анакреонту (см. стр. 71—79) разными авторами в разные времена, преимущественно, надо полагать, в поздней античности. Стихи эти призывают к беззаботному упоению жизнью, прославляют вино, чувственную любовь, застольное веселье. Благодаря своим безымянным греческим подражателям, «едва ли какой-либо другой греческий поэт Древней Греции был так известен, так распространен и имел такое влияние на литературные течения в западноевропейской и русской литературе, как Анакреонт» («История греческой литературы», т. I, стр. 247). Позднейшие подражатели и переводчики анакреонтической лирики часто не отличали ее от творчества самого Анакреонта.

«Мне петь было о Трое...» (стр. 345).— Этот и два других Ломоносовских перевода взяты из знаменитого «Разговора с Анакреоном», программного произведения, написанного в форме диалога Анакреонта и Ломоносова.

«Мастер в живописстве первой...» (стр. 346).— В *Родской стороне* — то есть на острове Родосе. *Минерва, Венера*.— Ломоносов называет Афину и Афродиту их римскими именами.

«В час полуденный недавно...» (стр. 347).— «Редкому грамотному,— писал переводчик этого стихотворения Н. А. Львов,— неизвестен славный красотами своими перевод г. Ломоносова оды сей, после которого не подобно бы, кажется, никому с высоким его талантом входить в поприще, но переводя в стихах с рифмами (которых в греческом нет), принужден был для того во многих иногда местах отступить от подлинника. Я же, не будучи рифмою одержим, должен был сделать верный только перевод мыслей Анакреоновых, стараясь ничего не пропустить и не смея ничего прибавить». Николай Александрович Львов (1751—1803) переводил анакреонтику с подстрочника, сделанного новогреческим церковным деятелем и писателем Евгением Булгарисом (1715—1806). *Воот, Арктос* — названия созвездий. *Прямо в сердце он меня*.— Приводим примечание самого переводчика: «В греческом сказано: «прямо в печеньку». Древние полагали, что престол любви должен быть в печенке. В последующие времена переместили оный в сердце. А в наш просвещенный век многие думают, что любовь в уме...»

«У юноши недавно...» (стр. 348).— *Дорическим языком* — на дорическом диалекте греческого языка. *Прекрасный сопостельник*.— Переводчик комментирует так: «Слово сие «сопостельник» ни в каком европейском языке, кроме русского, переведено быть не может».

«Некогда в стране Фригийской...» (стр. 348).— *Дочь Танталова* — Ниоба. *Пандиона дочь*.— По одной версии мифа, в ласточку была превращена дочь Пандиона Прокна, по другой — сестра Прокны Филомела.

С. А н т

ЛИРИКА РИМА

Римская лирика — это прежде всего пять прославленных поэтов конца Республики и начала Империи: Катулл, Тибулл, Проперций, Гораций, Овидий, а также более скромные имена «малых латинских поэтов» и неизвестные авторы позднего Рима, вплоть до VI века н. э.

Чрезвычайно популярные в средние века (особенно Гораций и Овидий), римские лирики были изданы на языке оригинала еще на заре книгопечатания: Гораций — до 1470 года, Овидий — в 1471 году, а Катулл, Тибулл и Проперций вместе — в следующем, 1472 году. В последующие века они выдержали огромное количество изданий. Среди последних Катулл в издании М. Шустера и В. Эйзенхута (Лейпциг, 1958) и Гораций в издании Клингнера (Лейпциг, 1959).

До нас не дошло такого всеобъемлющего собрания «малых латинских поэтов», каким является Греческая или Палатинская антология для греческой поэзии «малых форм» — элегии и эпиграммы. Однако уже в новое время гуманисты и филологи стали собирать образцы этого рода латинской поэзии. Открытие французского филолога Клавдия Салмазия (Клод Сомез, XVII в.), нашедшего «Латинскую антологию» — сборник небольших стихотворений, составленный еще в VI столетии, явилось началом. Собираение завершилось изданием в 1879—1883 годах обширного пятитомного сборника Эмиля Беренса «Малые латинские поэты» («Poëtae latini minores»).

В России живой интерес к римской лирике проявился еще в XVIII столетии. Горация переводили Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов. Его знаменитый «Памятник» («Оды», кн. III, 30) вызвал подражания Г. Р. Державина и А. С. Пушкина. Оды, сатиры и послания Горация перевел А. А. Фет (изданы в 1883 г.). Полное собрание сочинений Горация вышло на русском языке в издательстве «Academia» в 1935 году (под редакцией и с примечаниями Ф. А. Петровского). В том же году была издана его «Избранная лирика» в переводах А. П. Семенова-Тян-Шанского. В сборнике Я. Голосовкера «Поэты-лирики Древней Эллады и Рима» (Гослитиздат, Москва, 1963) помещены избранные переводы пяти крупнейших лириков Рима.

Овидия знал и любил А. С. Пушкин, рассказавший о поэте-изгнаннике в своих «Цыганах». Он же перевел стихотворение Катулла «Пьяной горечью Фалерна чашу мне наполни, мальчик». В 1963 году в Гослитиздате вышли «Любовные элегии» Овидия в переводе С. В. Шервинского.

Катулла перевел А. А. Фет (Москва, 1886, и Петербург, 1899). Его стихотворению на смерть воробья (III) подражал Дельвиг.

Три вольных перевода элегий Тибулла сделал Батюшков.

Катулл, Тибулл и Проперций вышли в серии «Библиотека античной литературы» (Гослитиздат, Москва, 1963).

В настоящий сборник включены также эпиграммы Марциала (в переводах Ф. А. Петровского), а также отдельные лирические стихотворения поздних римских поэтов Авсония и Клавдиана (IV—V вв.).

Поэты «Латинской антологии» опубликованы в издании «Памятники поздней античной поэзии и прозы II—V веков» (изд-во «Наука», Москва, 1964).

Совершенно особый вид поэзии представляют латинские эпиграфические стихотворения. Собранные Фр. Бюхелером («*Carmina epigraphica latina*», тт. I—III, Лейпциг, 1895—1926) в количестве около двух тысяч, они были частично переведены и изданы Ф. А. Петровским в его книге «Латинские эпиграфические стихотворения» (изд-во АН СССР, Москва, 1962), откуда образцы надписей и взяты для настоящего сборника.

ПОЭТЫ РИМА I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ — I ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

Валерий Катулл (87—57 гг. до н. э.) родом из Вероны. Умер в Риме. Первый латинский лирический поэт. Вместе с Тибуллом и Проперцием составляет триаду поэтов, мастеров любовной лирики. Особенно знамениты стихотворения, посвященные возлюбленной поэта — Лесбии.

«Плачь, Венера...» (стр. 357).— Этому стихотворению Катулла подражал Марциал в своей эпigramме на смерть собачки Иссы (см. стр. 463).

«Спросишь, Лесбия...» (стр. 358).— *Кирена* — город и область в Ливии. *Оракул... Аммона*.— Здесь Аммон отождествлен с Юпитером. *Батт* — легендарный основатель Кирены.

«Фурый, ты готов...» (стр. 359).— *Гирканы* — жители персидской области Гиркании. *Саки* — народ, живший на севере Персии, близ Каспийского моря.

«Всех полуостровов...» (стр. 360).— *Сирмион* — полуостров на озере Бенак (Северная Италия), где находился дом Катулла. *Лары* — божества домашнего очага.

«В посвящене Диане мы...» (стр. 360).— *Латония, Люцина, Тривия, Луна* — различные имена Дианы.

«Хлам негодный!» (стр. 361).— В стихах 12—14 названы места, известные культом Венеры: *Идалий* — город, *Амафунт* и *Голги* — селения на острове Кипре, *Урии* и *Анкона* — города в Южной Италии, на берегу Адриатики, *Дурраций* — приморский город в Иллирии.

«Плохо стало Катуллу...» (стр. 361).— *Корнифиций* — оратор и поэт, друг Катуллы.

«Добрый день...» (стр. 362).— *Казнокрад формийский* — Мамурра, начальник саперной части при Юлии Цезаре, адресат нескольких эпиграмм Катуллы.

«Вот повеяло вновь...» (стр. 363).— Катулл, совершавший в свите пропретора К. Меммия путешествие в Вифинию (Малая Азия), оставил его в Никее, столице Вифинии, и вернулся на родину.

«Друг Лициний!» (стр. 364).— *Лициний Кальв* — оратор и адвокат, близкий друг Катуллы.

«Тот, кто все рассмотрел...» (стр. 365).— *Латм* — гора в Кари (Малая Азия). В строках 5—6 намек на миф о Селене и Эндимионе. *Копон* — Копон Самосский (III в. до н. э.), александрийский математик и астроном, друг Каллимаха. *Береника* — см. прим. к стр. 224. В строках 27—28 намек на неудачную попытку мачехи Береники Арсиной выдать ее вопреки воле отца за Деметрия Полиоркета. *Сын Фии* — Солнце. *Через прорытый Афон...* — Во время похода Ксеркса на Грецию мидяне (персы) прорыли для прохода своих судов перешеек, отделявший мыс Афон от материка. *Халибы* — народ, живший на южном берегу Евксинского понта; считались изобретателями железа и рудного дела. *Брат... Мемнона* — ветер Зефир. *Конь Арсиной*. — Арсиной — сестра и жена египетского царя Птолемея Филадельфа (285—246 гг. до н. э.), признанная после смерти божеством (Венера-Зефиритида). *Каноп* — город в Египте. *У Ариадны с чела снятый венец золотой...* — Ариадна — дочь Миноса и Пасифаи. Став женой и жрицей Диониса, получила от богов свадебный дар — венец, который затем был помещен на небе в виде созвездия (Северная Корона). В следующих строках упомянуты созвездия Льва, Девы, Медведицы (дочь Ликаона), Волопаса (Ботт или Водт). *Тетфия* (Тетя) — сестра и супруга Океана, олицетворявшая вместе с ним водную стихию. *Рампунтская дева* — Немесида (Немезида), названная так по имени местечка Рампунт в Аттике, где были ее храм и статуя.

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — крупнейший римский поэт-лирик, перенесший на римскую почву размеры древнегреческой (эолийской) лирики. Автор четырех книг од (всего 103 стихотворения), восемнадцати сатир и семнадцати эподов, стихотворений, написанных

ямбическим размером. В 17 году до н. э., исполняя почетное поручение Августа, Гораций создает «Юбилейный гимн» для трехдневных празднеств в годовщину основания Рима, отмечавшихся один раз в сто десять лет. Творчество Горация противоречиво: восхваляя Августа, он пытается остаться в кругу тем частной жизни. На склоне лет поэт создает свои «Послания» (22) и «Науку поэзии». Необычайно популярный поэт в эпоху Возрождения (как лирик) и в новое время (как теоретик поэзии). Переводы А. Семенова-Тян-Шанского, Н. Гинцбурга и Г. Церетели отредактированы М. Гаспаровым. Редактура была выполнена для тома Горация, выходящего в серии «Библиотека античной литературы».

«Славный внук, Меченат...» (стр. 370).— *Квириты* — римские граждане. *Евтерпа* — муза-покровительница лирической поэзии. *Полигимния* — муза гимнов и пантомимы.

«Вдосталь снега слал и зловещим градом...» (стр. 371).— *Кремль святой* — Капитолий с храмом Юпитера. *Пирры век* — время «всемирного потопа». *Протей* — морской бог, пасший стада тюленей. *Дворец царя и храм Весты* — построены, по преданию, вторым римским царем, Нумой Помпилием. *Илия* — Рея Сильвия, мать Ромула и Рема. *Сын Майи* — Меркурий (Гермес).

«Пусть Киприда хранит тебя...» (стр. 373).— *Близнецы, звезды-водители* — Кастор и Поллукс (Полидевк), сыновья Юпитера и Леды, покровители моряков. *Яниг* — северо-западный ветер. *Аквилон* — северный (или северо-восточный) ветер. *Африк* — юго-западный ветер. *Гиады* — созвездие. Время их восхождения совпадало с периодом дождей. *Нот* — южный ветер. *Акрокеравний* — мыс на западной оконечности Эпира. *Отпрыск Янега* — Прометей. *Переплыл Атерон Геракла...* — намек на одиннадцатый подвиг Геракла, нисходившего в Аид за трехглавым псом Цербером (Кербером).

«Что за щеголь...» (стр. 374).— *Богу моря одежды, еще влажные, в дар принес.* — Так поступали моряки, спасшиеся при кораблекрушении.

«Ради богов бессмертных...» (стр. 375).— *Фетиды сын* — Ахилл.

«Смотри: глубоким снегом засыпанный...» (стр. 376).— *Соракт* — гора в области фалисков, к северу от Рима.

«Вещий внук Атланта...» (стр. 377).— *Атлант* — титан, поддерживавший, по мифу, небесный свод, отец Майи, матери Меркурия. Далее перечислены различные стороны культа этого бога (бог красноречия, изобретатель различных искусств, игры на лире, вестник богов и др.). *Ты Приама вел...* — Приама, предложившего Ахиллу выкуп за тело сына — Гектора. *Мимо атридов* — Агамемнона и Менелая, предводителей греков в походе под Троем.

«Ты гадать перестань...» (стр. 377).— *Вавилонские таблицы* — гороскопы халдейских астрологов.

«Вез Елену Парис по морю в отчий дом...» (стр. 379).— *Нерей* — морской бог, изрекает пророчество «пастуху», то есть Парису, похитившему Елену, жену спартанского царя Менелая. *Приамов град* — Троя (Илион). *Дардан* — мифический родоначальник троянцев. *Аянт* (Аякс) — сын саламинского царя Теламона, герой Троянской войны. *Лаэртид* — Улисс (Одиссей), сын Лаэрта. *Пестор* — царь Пилоса, старейший участник похода под Трою. *Тевкр* — брат Аянта, искусный стрелок из лука. *Сфенея* — искусный возница. *Мерион* — герой Троянской войны. *Тидит* — Диомед, сын Тидея, один из героев Троянской войны.

«Мать страстная страстей людских...» (стр. 380).— *Семель дитя* — Вакх. *Гликера* — прославленная гетера, современница Горация. О ней он упоминает в нескольких одах. *С Кипра вихрем ко мне...* — Кипр — любимое местопребывание Венеры.

«Кто душою чист...» (стр. 382).— *Аристий Фуск* — поэт и грамматик, друг Горация. *Гидасп* — река в Индии. *В лесу Сабийском*. — В области сабинян, в Средней Италии, находилось поместье Горация.

«Что бежишь от меня...» (стр. 382).— *Гетулия* — область в северо-западной части Ливии.

«Во славу музам горесть и груз тревог...» (стр. 384).— *Квинт Элий Ламий* — драматург и тонкий ценитель поэзии, друг Горация. *Тиридат* — армянский царь I века н. э. *Под хор сестер* — то есть муз. *Лесбосским плектром*. — Плектр — смычок, которым ударяли по струнам кифары (лиры); назван «лесбосским» по имени острова Лесбоса, где зародилась древнегреческая лирика, отличавшаяся богатством стихотворных размеров (см. «Памятник» Горация на стр. 410).

«Но для сражений чаши назначены...» (стр. 385).— Тема оды заимствована у Анакреонта. *С мечом мидийским...* — Мидийцы (персы и парфяне), как истинные «варвары», не расставались с оружием даже на пиру. *Фалернское* — один из лучших сортов темно-красного (почти черного) вина, названный по имени области в Кампанье (Средняя Италия). *Мегиаллы брат* — неизвестный, вероятно, вымышленный персонаж. *Фессалийский маг*. — Фессалия (на северо-востоке Греции) — классическая страна всякого колдовства и волшебства; там разворачивается действие романа Апулея «Золотой осел» («Метаморфозы»). *Химера* — мифическое чудовище с огнедышащей львиной пастью, телом козы и хвостом змеи. Побеждена героем Беллерофонтом с помощью крылатого коня Пегаса.

«Лира! Нас зовут...» (стр. 387).— *Гражданин лесбосский* — древнегреческий лирик Алкей (VII—VI вв. до н. э.). *Лик* — юноша, воспитанный Алкеем.

«Альбий, полно терзать память Гликерою...» (стр. 387).— *Гликера, Ликорида, Фолоя* — гетеры времени Горация. *Лоб узкий хмурит она...*— Небольшой лоб у женщин считался в то время красивым. *Близ излучин Калабрии.*— Морское побережье этой юго-восточной части Италии было сильно изрезано.

«Пока, безумной мудрости преданный...» (стр. 388).— *Тучегопитель-бог* — Юпитер. *Стикс* — река в подземном царстве. *Тенар* — мыс и город в Лаконии, близ которых, по преданию, находился спуск в подземное царство.

«За мудрость духа!..» (стр. 390).— *Квинт Деллий* — богатый римлянин, не раз менявший политическую ориентацию и ставший наконец сторонником Августа. *Парки* — три богини судьбы: Клото, Лахеса и Атропа. *Орк* (Плутон) — бог подземного царства; часто обозначает само подземное царство.

«Ксантий, нет стыда и в любви к рабыне!..» (стр. 391).— *Бризеида* (Брисеида) — пленница и возлюбленная Ахилла, отнятая у него Агамемноном. *Текмесса* — рабыня и возлюбленная Аянта (Аякса). О нем см. прим. к стр. 379. *Атрид* — Агамемнон. *К деве, жадно добытой...*— к Кассандре. *Филлида* — прислужница Ксантия.

«Ты со мною рад и столпам Геракла...» (стр. 391).— *Столпы Геракла* — Гибралтар. *Каптабры* — горное племя, жившее на севере Испании; покорено Августом в 25 году до н. э. *Сирты* — заливы на северном побережье Африки. *Маврские волны* — то есть мавританские, — по имени страны в Северной Африке. *Гражданин Аргосский* — Тибурн, мифический основатель Тибура (ныне Тиволи), выходец из Аргоса. *Галез* — река в Калабрии, близ города Тарента. *Фалаит* — спартаец, основатель Тарента. *Гиметт* — гора в Аттике, славящаяся мрамором и медом. *Венафр* — небольшой городок в Северной Кампанье, известный оливками и маслом. *Аелон* — гора в Калабрии, недалеко от Тарента, знаменитая своими виноградниками.

«В дни бурь и бедствий, друг неразлучный мой...» (стр. 392).— Ода обращена к Помпею Вару, вероятно, участнику гражданских войн, возвратившемуся в Рим после амнистии 29 года до н. э. А. С. Пушкин переложил эту оду в своем стихотворении «Кто из богов мне возвратил...». Сам Гораций был в войске Марка Юния Брута командиром легиона и участвовал в битве при Филиппах (42 г. до н. э.). *Меся Меркурий с поля сражения...*— намек на «Илиаду» Гомера (песнь III), где Афродита так спасает Париса от гнева Менелая. *Массик* — одно из лучших итальянских вин из виноградников горы Массика (в Кампанье).

«Будешь жить ладней, не стремясь, Лициний...» (стр. 393).— *Лициний Мурена* — шурин Мецената, консул 23 года до н. э., впоследствии казненный Августом.

«О Постум! Постум! Льются, скользят года!..» (стр. 394).— *Гекатомба* — жертва в сто быков; здесь в смысле: очень большая жертва. *Герион* — трехтотый великан, убитый Гераклом (десятый подвиг). *Тигий* — гигант, оскорбивший Латону, мать Аполлона и Дианы, и низвергнутый за это в Лид, где коршуны терзают его печень. *Коцит* — озеро в подземном царстве. *Данаиды* — пятьдесят дочерей аргосского царя Данаая. По приказу отца все они (кроме Гипермнестры) в брачную ночь убили своих мужей и за это обречены вечно наполнять водой бездонную бочку («бочка Данаид»). *Сизиф* — строитель и царь Коринфа. Наказан в Аиде тем, что вечно должен вкатывать на вершину горы камень, который скатывается вниз, едва достигнув вершины. *Лишь кипарис безотрадный...* — Кипарис считался погребальным деревом: его сажали близ могил.

«Мира у богов при дыханье шквала...» (стр. 395).— *Помпей Гросф* — богатый сицилийский землевладелец, римский всадник. *Отчая блещит на столе солонка...* — Серебряная родовая солонка, из которой высыпали жертву богам, — традиционная принадлежность патриархального римского дома. *Эвр* — восточный ветер. *Тифон* — возлюбленный богини зари Эос (Авроры), испросившей ему у Зевса бессмертие, но забывшей испросить и вечную юность. В старости настолько высох, что был превращен в кузнечика. *Шерсти, крашенной дважды...* — Дважды окрашенные пурпуром ткани ценились особенно высоко.

«Я Вакха видел...» (стр. 397).— *К звездам возносится стан Ариадны...* — Ариадна — дочь критского царя Миноса, увезенная и покинутая Тезеем (Тесеем), впоследствии жена Вакха. По мифу, ее свадебный венец был превращен в созвездие. *Пенгей* (Пенфей) — мифический царь Фив, противник культа Вакха. Был за это растерзан вакханками, среди которых находилась и его мать Агава. *Ликурга* — царь фракийского племени эдонов, противник культа Вакха. Зевс ослепил Ликурга и сократил срок его жизни. *Пет* — один из гигантов, восставших против Зевса.

«Внесусь на крыльях мощных...» (стр. 398).— Ода обращена к Гаю Цильнию *Меценату* (около 70—8 гг. до н. э.), римскому государственному деятелю, сподвижнику Октавиана Августа, покровителю Горация и других поэтов. Его имя стало нарицательным для обозначения покровителя наук и искусств. *Гиперборейские поля* — пределы гиперборцев, мифического народа, жившего на Крайнем Севере. *Марсы* — сабинское племя, жившее в Средней Италии. Его храбрость вошла в поговорку. *Гелоны* — здесь в смысле: скифы. Скифами римляне называли многие народы, населявшие степи на север и северо-восток от Черного моря. *Рона* — река в Галлии.

«Противна чернь мне...» (стр. 398).— *Па поле* — то есть на Марсовом поле, где во времена древней Римской республики выбирали должностных лиц. В строках 17—21 намек на рассказ о Дамокле, лю-

бимце сиракузского тирана Дионисия I Старшего (406—367 гг. до н. э.). Над головой Дамокла тиран велел повесить на одном конском волосе меч как напоминание о ненадежности человеческого счастья. *Гед* (Геды) — две звезды в созвездии Возничего; от их восхождения (в начале октября) до захождения Арктура (в конце ноября) — период осенних бурь. *Нард* — мазь из благовонных индийских растений.

«Гиг вернется, не плачь!..» (стр. 401). — *Орик* — гавань в Эпире, наиболее близкая к Италии. *Пелей* — отец Ахилла. Отверг любовь Ипполиты, за что та оклеветала его перед мужем, который едва не погубил Пелея, оставив его безоружным в пустыне на растерзание кентаврам. *Икария* — часть Эгейского моря, куда, по преданию, упал сын Дедала — Икар.

«Мил доколе я был тебе...» (стр. 402). — *Илия* — буквально: «Троянка». *Рея Сильвия* — мать Ромула и Рема.

«О Меркурий, мог Амфион кифарой...» (стр. 403). — *Амфион* — сын Зевса и Антиопы, дочери фиванского царя Никтея; легендарный строитель Фив; воздвигал стены города при помощи звуков лиры. *Иксион* — царь лапифов. За попытку овладеть Юноной прикреплен в Аиде к вечно вращающемуся огненному колесу. *Тигий* и *Данаиды* — см. прим. к стр. 394. *Нумиды* (нумидийцы) — жители Нумидии (Северная Африка).

«О, как грустно, Небула...» (стр. 405). — *Баловень Киферы* — Амур (Купидон). *Беллерофон* — см. прим. к стр. 385.

«Ключ, звенящий хрусталь...» (стр. 405). — *Бандузия* — нимфа источника, находившегося на родине Горация в Апулии близ города Венузии (ныне Веноза).

«Фавн, о нимф преследователь пугливых!..» (стр. 406). — *Фавн* — римское божество, покровитель полей и стад. Отождествляется с греческим Паном. Праздник Фавналий отмечался 5 декабря. *Бродит волк в огаре...* — По преданию, в праздник Фавналий волки не трогали стад.

«Вакх, я полон тобой!..» (стр. 407). — *Герб* — река во Фракии. *Родоп* — гора во Фракии. *Леней* — одно из имен Вакха.

«Девицам долго знала я, чем нравиться...» (стр. 407). — *Мемфис* — город в Египте.

«Пусть напутствует нечестивых криком...» (стр. 408). — *Ланувийская волчица* — от древнего города Ланувии в Лациуме, к юго-востоку от Рима. *Орион* — мифический охотник, убитый богиней Дианой. Его именем названо созвездие рядом с созвездием Плеяд. С заходом Ориона в Италии начинался период бурь, вызванных южным ветром Нотом. *Япиг* — северо-западный ветер. *Быку, хитрецу...* — Юпитеру, принявшему образ быка, чтобы похитить Европу, дочь финикийского царя Агенора. *Порог из слоеной кости* — намек на «Одиссею» Гомера (песнь XIX, ст. 564—565):

Сны, приходящие к нам воротами из кости слоновой,
Ложны, несбыточны, верить никто из людей им не должен!

«Как отпраздновать веселей...» (стр. 410).— *Пентуналии* — празднества в честь бога Нептуна — отмечались в конце июля. *Цекубское* — одно из лучших итальянских вин из области Цекуб в Южном Лациуме. *Бибул.* — Марк Кальпурний Бибул вместе с Юлием Цезарем консул 59 года до н. э. *Цингия-лучница* — Диана. *Что пад Книдом царит...* — Имеется в виду Венера.

«Создал памятник я...» (стр. 410). — Самая известная из од Горация, заключительная ода к первым трем книгам од. М. В. Ломоносов впервые перевел ее на русский язык. Ей подражали Г. Р. Державин и А. С. Пушкин. *Дева безмолвная* — старшая из жриц-весталок. Предводительствуемая верховным жрецом, она всходила на Капитолий для совершения молений Юпитеру о благе Рима. *Авфид* — река в Апулии. *Дави* — легендарный царь Апулии. *Первым я приобщил песню Эолии...* — то есть греческую лирику перенес на римскую почву. Гораций считал это главной своей заслугой. Главными представителями эолийской лирики (Эолия в Малой Азии) были Алкей и Сафо (VII—VI вв. до н. э.).

«Гот, держась на крыльях...» (стр. 411).— *Юл Антоний* — Гай Юл Антоний, поэт, сын триумвира Марка Антония. *Героев...* — Тезей, Пирифоя и Пелея. *Элидские игры* — то есть Олимпийские игры. *Диркейский лебедь* — Пиндар; он назван так Горацием по имени источника Дирки в Фессалии, на родине Пиндара. *Марци* — гора и мыс в Апулии близ города Венузии, родины Горация. *Сигамбры* — одно из германских племен, подчинившихся Августу. Из германского похода он возвратился в 16 году до н. э.

«Снег покидает поля...» (стр. 413). — Эта ода обращена к оратору Манлию Торквату. *Тулл* — Тулл Гостилий, третий римский царь. *Анк* — Анк Марций, четвертый царь Рима. *Перигой* — царь лапифов, друг Тезея. За попытку похитить Персефону прикован в подземном царстве к скале.

«Поверь, погибнуть рок не судил словам...» (стр. 414).— *Авфид* — см. прим. к стр. 410. *Лесбийская дева* — поэтесса Сафо. *Тевкр*, *Идомей*, *Сфенел*, *Гектор*, *Деифоб* — герои Троянской войны.

«Есть кувшин вина у меня...» (стр. 415).— *Альбани* — сорт вина. *Пеннорожденная* — Венера. *Фазгон* — сын бога солнца Гелиоса. Получив на один день управление огненной колесницей отца, не справился с конями и едва не зажег землю. Зевс поразил его молнией, и тот упал в реку Эридан.

«Уже веют весной ветры фракийские...» (стр. 416). — Ода обращена к торговцу-мореходу, а не поэту. *Игис* — см. о нем: Овидий, «Метаморфозы», VI, ст. 412—676. *Пард* — см. прим. к стр. 398.

«Хотел я грады петь полоненные...» (стр. 418).— *Святыня Квирина* — храм бога Януса, который закрывался только во время мира (при Августе — трижды). *Закон... Юлия*.— Имеется в виду один из законов, проведенный Августом в 18 году до н. э. и направленный на укрепление семьи. *Потомок благой Венеры* — Эней, легендарный родоначальник римлян.

Юбилейный гимн (стр. 419).— Написан в 17 году до н. э. по случаю «вековых» игр, справлявшихся раз в сто десять лет в честь подземных богов, а при Августе — в честь главных божеств: Юпитера, Юноны, Аполлона и Дианы. Его исполнял хор из двадцати семи мальчиков и двадцати семи девочек. *Заветы Сивиллы* — книги стихотворных пророчеств, истолкованием которых занималась особая греческая коллегия. *Семихолмный град* — Рим. *Солнце* — здесь: Феб-Аполлон. *Илифия* (также Люция и Гениталья) — имя Дианы, как богини родов. *Терми* — римский бог границ и межевых знаков, символ неприкосновенности. *Луна* — здесь: Диана, как богиня луны. *Алгиза, Венеры отпрыск* — Август. *Секиры альбанских* — то есть римских. По имени города Альба-Лонга, главного города латинян, откуда, по преданию, вышли основатели Рима Ромул и Рем. *Алгид* — гора в Лациуме, древнее место поклонения Диане. *Авентин* — один из семи римских холмов с храмом Дианы.

«Блажен лишь тот, кто, суеты не веда я...» (стр. 421).— *Сильван* — латинский бог лесов, полей и стад. *Лукрин* — озеро в Кампанье. *Иды* — названия пятнадцатого числа месяцев: марта, мая, июля и октября и тринадцатого числа остальных римских месяцев. *Календы* — название первого числа каждого месяца.

«Куда, куда вы валите, преступные...» (стр. 423).— Эпизод написан как отклик на события междоусобной борьбы между Октавианом и Секстом Помпеем (43—40 гг. до н. э.). *Когда лилась кровь Рема*...— Рема убил его брат Ромул; отсюда как бы ведут начало все междоусобия римлян.

«Идет корабль, с дурным отчалив знаменьем...» (стр. 424).— *Мевий* — скверный поэт. Гораций здесь предоставляет его неистовству всех ветров. *Звезды благостные* — Диоскуры, Кастор и Поллукс (Полидевк), покровители мореплавания. По мифу, превращены в созвездие Близнецов.

«Ночью то было...» (стр. 424).— Восход Ориона, созвездия рядом с созвездием Плеяд, приходился на опасное для мореплавания время года (поздняя осень, зима). *Пифагора тайны* — намек на учение Пифагора о метемпсихозе (переселении душ).

«Вот уже два поколения томятся гражданской войною...» (стр. 425).— То есть начиная от эпохи Суллы (138—78 гг. до н. э.). *Соревнующий дух капуанцев*...— Капуя продолжала упорно бороться с экспансией Рима даже после получения капуанцами прав

римского гражданства. Окончательно утратила автономию в 211 году до н. э. *Аллоброги* — одно из кельтских племен, жившее в юго-восточной части Галлии. *Кости Квирина* — то есть Ромула. *Фокейцы* — оставили свой город во время нашествия персов (VI в. до н. э.), не желая быть их рабами, и поклялись не возвращаться, пока не всплывет брошенный ими в море огромный камень. *Пад* — река в Северной Италии (ныне По). *Матин* — см. прим. к стр. 411.

ОКТАВИАН

Октавиан Август (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — основатель принципата, положившего начало Римской империи. Под его именем сохранилось несколько стихотворений.

Э п и т а л а м а (стр. 427).— *Идалия* — город на Кипре, место культа Весперы.

АЛЬБИЙ ТИБУЛЛ

Альбий Тибулл (около 60—19 гг. до н. э.) — римский поэт-элегик, автор двух книг элегий; две другие книги (элегии Лигдама и несколько стихотворений поэтессы Сульпиции) приписываются ему. Вместе с Катуллом и Проперцием составляет триаду римских поэтов-лириков. Он принадлежал к всадническому сословию. Основными темами его поэзии были: любовь, восхваление мира и тихой жизни на лоне природы. Рано умершему Тибуллу посвящена исполненная искреннего чувства элегия Овидия (см. стр. 440).

«Кто же тот первый, скажи...» (стр. 428).— Эта элегия — вдохновенный гимн миру и труду. *По стигийским волнам* — то есть по водам подземной реки Стикс. *Лодочник страшный* — Харон.

«Гений Рожденья идет к алтарям...» (стр. 430).— *Корнут* — друг Тибулла.

«С сердцем железным был тот...» (стр. 430).— *Лигдам* — поэт, современник Овидия, элегии которого приписывались Тибуллу. *Лизэй* — одно из имен Вакха; здесь в смысле: вино. *Панхейя* — сказочные земли в «счастливой Аравии».

СЕКСТ ПРОПЕРЦИЙ

Секст Проперций (около 49—15 гг. до н. э.) — римский поэт-элегик. О его жизни мы знаем немного. Он родился в Умбрии, вероятно, в городе Ассизи, в семье небогатых родителей. В Риме он появляется в начале 20-х годов до н. э. и входит в кружок Мecenата. Его высоко

ценил Овидий. Проперцию принадлежат четыре книги стихов, первая из которых, посвященная возлюбленной поэта Цинтии (Кипфии), принесла ему широкую известность.

«К и н ф и и г л а з к и м е н я в п е р в ы е п л е н и л и...» (стр. 432).— *Насида* — Аталанта; поражала копьем женихов, которых она обгоняла. *Меланион*, бросая ей под ноги золотые яблоки, победил ее в беге. *Тулла* — один из друзей Проперция, племянник Люция Волкация Тулла, консула 33 года до н. э. *Гилей* — кентавр, соперник Меланиона.

«Т а м , г д е б л а ж е н с т в у е ш ь т ы...» (стр. 433).— *Байи* — приморский город-курорт в Кампанье, знаменитый своими горячими (серными) источниками. Неоднократно упоминается в эпиграммах Сенеки и Марциала (см. ниже). *Феспроты* — парод, паселявший юго-запад Эпира. *Мизены* — римский город близ мыса Мизен. *Лукрии* — озеро в Кампанье (Средняя Италия). *Тевфрант* — река в Кампанье.

«Э т и п у с т ы н и м о л ч а т и ж а л о б м о и х н е р а с с к а ж у т...» (стр. 434).— *Аркадский бог* — Пан.

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— около 18 г. н. э.) — крупнейший, наряду с Вергилием и Горацием, римский поэт. Овидий родился в городе Сульмоне и принадлежал к древнейшему всадническому роду. В 8 году н. э. он был сослан Августом в город Томы (ныне Констанца) на берегу Черного моря, якобы за поэму «Искусство любви». В ранний период — лирик, в поздний — эпик и дидактик. Он был чрезвычайно популярен при жизни, в эпоху средних веков и Возрождения, а также в новое время. Его знал и любил А. С. Пушкин, с сочувствием упомянувший о нем в своих «Цыганах».

«Ж а р к о б ы л о в т о т д е ь...» (стр. 436).— *Семирамида* — вавилонская царица, знаменитая умом и красотой.

«Т ы , ч т о с п о с о б н а с о з д а т ь х о т ь т ы с я ч у р а з н ы х п р и ч е с о к...» (стр. 437).— *Брисеида* — см. стр. 391. *Вождь микенский* и *Тантала отпрыск* — Агамемнон, получивший в качестве военной добычи троянскую царевну Кассандру.

«В ц и р к е с е г о д н я с и ж у я н е р а д и к о н е й з н а м е н и т ы х...» (стр. 438).— *Пелопс* — царь Эллы и Аргоса, жених Гипподамии; успешно состязался в Пизе (Пелопоннес) с отцом Гипподамией Эпомаем, который, обгоняя, пронзал копьем всех побежденных им женихов дочери. *Меланион* — см. прим. к стр. 432. *Феба* — Диана, сестра Аполлона (Феб). *Кастор и Поллукс* — см. прим. к стр. 38, 424. Первого почитали как укротителя коней, второй славился как кулачный боец и покровитель этого вида состязаний.

«Если над Мемноном мать и мать над Ахиллом рыдала...» (стр. 440).— *Мемлон* — сын богини Авроры, царь эфиопов; убит под стенами Трои Ахиллом. Матерью Ахилла, также погибшего под Троей, была морская богиня, nereида Фетида. *Пул* (Асканий) — сын Энея. *Вепрь юноше паз прободал* — намек на судьбу Адониса, возлюбленного богини Венеры. *Орфей* — сын Аполлона и Каллиопы; своим пением он укрощал диких зверей. После смерти жены Эвридики Орфей оставался холоден ко всем женщинам и за это был растерзан вакханками. *Лин* — прекрасный юноша, сын Аполлона. Его безвременную смерть оплакивала и природа и люди. *Меониец* — Гомер, которого считали уроженцем Меонии (Лидии). *Аверн* — озеро близ города Кум, в Кампанье. Близ него, по преданию, находился спуск в подземное царство. *Полотно* — то есть покрывало Пенелопы, верной супруги Одиссея. Чтобы избежать второго брака, к которому ее принуждали и на который она соглашалась только тогда, когда соткет покрывало, — Пенелопа ночью распускала все, что успевала выткать за день. *Систр* — трещотка, род кастаньет. Употреблялась в культе Исиды и Кибелы, «Великой Матери богов». *Госпожа эрицинских святилищ* — Венера, названная так по имени сицилийского города Эрика, древнего места почитания богини. *Кальв* — Гай Лициний Кальв (I в. до н. э.), римский поэт, друг Катулла. *Обвиняют в предательстве друга...* — Речь идет о Галле, правителе Египта и друге Августа, попавшем впоследствии в опалу. Причины этого «предательства» Галла, о чем в Риме ходили слухи, нам неизвестны.

«Так как супруга моя из страны плодородной фалисков...» (стр. 442).— *Фалиски* — италийское племя. *Камилл* — Марк Фурий Камилл (V в. до н. э.), римский полководец, взявший столицу фалисков, город Фалерин, и крепость Вен. О каком городе идет речь здесь, неясно, ибо храмы Юноны были в обоих этих городах. *Галез* — сын Агамемнона и Клитемнестры (Брисейды), родоначальник фалисков.

«Будешь читать — не забудь...» (стр. 443).— *Истм* — истмийский или коринфский перешеек, отделяющий Эгейское море от Ионического.

«Только предстанет очам той ночи печальной картина...» (стр. 444).— *Град Квирина* — Рим. *Залог дружбы Тезеевой...* — Тезей вместе с верным другом Перитом, по его просьбе, спускался в подземное царство, чтобы похитить для него Персефону, жену Аида. В наказание за это Перитой был оставлен в подземном царстве, Тезей же освободил Геракл. *Люцифер* — буквально: «Светоносный» — название утренней звезды.

«Если в столице у вас об изгнаннике помнят...» (стр. 447).— Овидий был сослан в Томы — городок в Мезии у Черного моря (ныне Констанца). *Сарматы, бессы, геты* — фракийские племена, населявшие причерноморские степи близ Дуная. *Леандр* — юноша, переплы-

вавший каждую ночь Геллеспонт ради свидания со своей возлюбленной Геро, зажигавшей для него путеводный огонь. Когда однажды ветер погасил огонь, Леандр погиб. *Яблоко здесь не растет* — намек на древнее предание, обработанное поэтом Каллимахом: Аконтий, влюбившись в красавицу Кидиппу, вырезает на яблоке слова: «Клянусь Артемидой, я выйду за Аконтя», — и бросает его под ноги Кидиппе, которая прочла эти слова вслух и, таким образом, связана клятвой. В конце концов Кидиппу отдают в жены Аконтию. Сравни легенду о Меланионе и Аталанте.

«Год на исходе...» (стр. 449).— *Гелла* — дочь богини туч Непелы, сестра Фрикса, упавшая, по преданию, со спины золоторупного барана во время бегства от злой мачехи Ино в воды пролива, названного в честь Геллы Геллеспонтом (сейчас — Дарданеллы). *Ласточка, грешная мать...* — намек на миф о Прокне и Филомеле.

«Если с плющом на челе мой портрет у тебя сохранился...» (стр. 450).— *Труд довершить до конца...* — Речь идет о «Метаморфозах» (буквально: «Превращения»), поэме Овидия (в пятнадцати книгах), в которой собрано свыше двухсот сказаний о различных превращениях. Ее рукопись Овидий сжег в последнюю ночь перед отравлением в ссылку. *Ты Мелеагра сожгла, родимого сына, Алфея...* — Мелеагр — герой охоты на калидонского венря, участник похода аргонавтов. По мифу, его мать Алфея, разгневавшись на Мелеагра за убийство им в споре брата, бросила в огонь головешку, от которой, по решению Мойры, богини судьбы, зависела жизнь Мелеагра, и герой погиб.

«Что ты злорадно, наглед...» (стр. 451).— *Бузирид* — сын Посейдона, мифический царь Египта, приносявший в жертву чужестранцев, попадавших в его страну. Был убит Гераклом. *Сицилиец-тиран* — Фаларид, тиран сицилийского города Агригента (VI в. до н. э.), который зажаривал своих врагов в медном быке — изобретении литейщика Перилла; Перилл по приказу тирана первым на себе вынужден был испытать свое изобретение.

«Негодовать или молчать?..» (стр. 453).— *Тиран Сиракуз* — Дионисий II Младший, сын тирана Дионисия I (406—367 гг. до н. э.). Свергнутый в 343 году до н. э., он бежал из Сиракуз и стал школьным учителем в Коринфе. *Вспомни Великого...* — Речь идет о судьбе Гнея Помпея Великого, вероломно убитого в Египте в 48 году до н. э. *Марий* — Гай Марий, знаменитый римский полководец (I в. до н. э.), победитель пумидийского царя Югурты, кимвров и тевтонов; шесть раз избирался консулом. Потерпел поражение в борьбе с Суллой. *Антикира* — приморский город-курорт в Фокее, славившийся чемерицей, применявшейся в медицине как очищающее средство. Выражение «выпей чемерицы» значит: «приди в себя», «опомнись».

«Как-то в кругу томитян говорил я о доблести вашей...» (стр. 454).— Это фрагмент одной из понтийских элегий.

Истр — Дунай. *Феба* — здесь: Артемида Таврическая, жрицей которой была Ифигения. *Фоант* — мифический скифский царь. *Меотида* — Приазовье. *Тривия* — один из эпитетов Артемиды, а также Гекаты, с которой иногда отождествляли Артемиду.

«Э то п и с ь м о — о п о э т!..» (стр. 456).— *Аристей* — сын Аполлона и нимфы Кирены, древнейший земледельческий бог Греции, научивший людей пчеловодству. *Триптолем* — греческий герой; через него Деметра передала людям культуру разведения пшеницы. *Ликиной* — мифический царь феакийцев, гостеприимно принявший Одиссея (см. «Одиссея», песни VI—IX). *Кораллы* — дикое племя, жившее близ Дуная. *Ключ Аонийский* — Гиппокрена или Кастальский — источник муз.

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

Луций Анней Сенека (Сенека-младший) родился в г. Кордубе в Испании в 4 или 5 году до н. э., умер в 65 году н. э., вскрыв себе вены по приказу Нерона, обвинившего Сенеку в причастности к раскрытому заговору Пизона. Из приведенных нами эпиграмм первые три написаны самим Сенеской, остальные приписываются ему и отражают республиканские взгляды их предполагаемого автора. Под именем Сенеки сохранилось также десять трагедий и сатирическое «отыквление» умершего императора Клавдия.

«К о р с и к а , з е м л ю т в о ю...» (стр. 458).— *Фокея*—город в Ионии. *Ильва* — остров к западу от берегов Этрурии (ныне Эльба).

«К о р с и к а д и к а я с ж а т а...» (стр. 458).— *Древо Паллады* — маслина.

К л у ч и м у д р у г у (стр. 459).— *Кекрон* — древнеаттическое божество земли, легендарный царь Аттики. *Мед Кекрона* — «аттический мед», то есть красноречие.

Р о д и н е о с е б е (стр. 460).— *Кордуба* (ныне Кордова) — город в Испании, родина Сенеки. *Лузитанский* — от «Лузитания», древнего названия центральной части Испании.

О б л а г е п р о с т о й ж и з н и (стр. 460).— *Курульные кресла* — принадлежность высших римских магистров: консулов, преторов и курульных эдилов; здесь в смысле: государственная служба.

МАРК ВАЛЕРИЙ МАРЦИАЛ

Марк Валерий Марциал (около 40 г. — не позднее 104 г.) — крупнейший римский поэт-эпиграммист. Он родился в г. Бильбиле (Испания), долго жил в Риме и вернулся под старость в родные края. Мар-

циал — автор пятнадцати книг эпиграмм (более 1500), оказавший огромное влияние на эпиграмматическое творчество позднего Рима и нового времени. Плиний-младший (в 104 г.), откликаясь на смерть Марциала, отметил, что в его стихотворениях «очень много соли и желчи, но не менее прямодушия».

«Исса птички Катулловой резвее...» (стр. 463).— Намек на стихи Катулла, посвященные умершему воробью его возлюбленной Лесбии.

«Что за причина тебя...» (стр. 464).— *Агестин* и *Цивис* — адвокаты, современники Марциала. *Марон* — Публий Вергилий Марон (I в. до н. э.), крупнейший римский поэт-эпик, автор «Энеиды». *Атрий* — передний двор, зал при входе в римский дом.

«Малый Юлий садик Марциала...» (стр. 465).— *Гесперидские сады* — мифические сады дочерей Геспера, бога вечерней звезды, в которых росли золотые яблоки. Геракл с помощью Атланта добыл три золотых яблока из этих садов (двенадцатый подвиг). *Яппикул* — холм в Риме на правом берегу Тибра. *Тускул* — древний город в Лациуме. *Альба* — древний город к юго-востоку от Рима. *Рубры* — каменоломни в Этрурии у Фламиниевой дороги, ведущей в Армин и Милан. *Фидены* — город близ Рима. *Лина Перенна* — древняя итальянская богиня года. *Соляная дорога* — вела из Рима в древний сабинский город Реату (Лациум). *Мульвиев мост* — мост на Фламиниевой дороге. *Алкиной* — см. прим. к стр. 456. *Молорх* — мифический земледелец и виноградарь, гостеприимно угостивший Геракла. *Тибур* — город в Лациуме (ныне Тиволи). *Пренеста* — город к юго-востоку от Рима, место летнего отдыха римлян. *Сетия* — город в Лациуме, известный своим вином (Сетин).

«В Анксуре мирном твоём...» (стр. 466).— *Ликсур* — приморский город в Лациуме. *Фронтин* — Секст Юлий Фронтин, современник Марциала, автор сочинения, посвященного водопроводному делу. *Байи* — см. прим. к стр. 433. *Квирип* — 1) древнее итальянское божество, храм которого находился на одном из семи римских холмов — Квиринале; 2) прозвище Ромула после смерти.

«Странно, Авит, для тебя...» (стр. 467).— *Авит* — Луций Стергиний Авит, поэт и друг Марциала, консул 92 года. *Таг* — река в Испании (ныне Тахо). *Салон* — река в Испании.

«Флаву нашему...» (стр. 467).— *Терракон* — город в Испании (ныне Таррагона). *Бильбила* — город в Испании на реке Салоне, родина Марциала.

«Ты теперь, Ювенал...» (стр. 468).— Эпиграмма обращена к Дециму Юнию Ювеналу, поэту-сатирику, современнику Марциала, оставшемуся в Риме. *Субура* — шумная рыночная улица в Риме; имела дурную славу. *Дианы холм* — Авентин, один из семи римских холмов с

храмом Дианы. *Целий* — холм в юго-восточной части Рима. *Ботерда*, *Плагея* — месточки в Центральной (Кельтиберской) Испании.

«Рощица эта, ключи...» (стр. 469).— *Пестум* — город в Лукании (Южная Италия), знаменитый своими цветниками и двукратным цветением роз. *Марцелла* — богатая испанка, подарившая Марциалу, по возвращении его в Испанию, поместье. *Павсикая* — дочь царя феаков Алкиноя. О нем см. прим. к стр. 456.

«Целых тридцать четыре жатвы прожил...» (стр. 469).— *Юлий* — вероятно, Юлий Марциал, современник и один из ближайших друзей поэта Марка Валерия Марциала.

«Уник, ты носишь со мной...» (стр. 469).— *Коринна* — возлюбленная поэта Овидия.

РИМСКИЕ ПОЭТЫ II—VI ВЕКОВ

ДЕЦИМ МАГН АВСОНИЙ

Децим Магн Авсоний (IV в. н. э.) — один из крупных поэтов позднего Рима, автор поэмы «Мозелла» и многочисленных стихотворений, написанных разными стихотворными размерами; блестящий версификатор и знаток античных стихотворных размеров.

Розы (стр. 473).— *Пест* (Пестум) — см. прим. к стр. 469.

КЛАВДИЙ КЛАВДИАН

Клавдий Клавдиан (IV—V вв.) — грек родом из Египта, крупный поэт позднего Рима, автор поэм и многочисленных стихотворений. Сохранившиеся произведения Клавдиана могут быть датированы периодом между 395—404 годами.

О старце, никогда не покидавшем окрестностей Вероны (стр. 477).— Консулы в Риме избирались на один год; по ним велось летосчисление. *Бенак* — большое озеро в Северной Италии, к западу от Вероны.

ПОЭТЫ «ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ»

«Латинская антология» — собрание стихотворений, составленное уже в новое время. В основе его лежит антология, восходящая к началу VI века н. э., часть которой открыл в 1615 году французский филолог и гуманист Клавдий Салмазий (Клод Сомез). О поэтах, представленных в «Латинской антологии», мы почти ничего не знаем.

ПЕНТАДИИ

О приходе весны (стр. 478).— Стихотворение написано элегическими дистихами, в которых первое полустипише гексаметра (нечетные строки) повторяется во втором полустипиши пентаметра (четные строки) и которые получили наименование «эхопических», или «змеиных», стихов. *Эвр* — юго-восточный ветер. *Вьется молодая лоза...*— Лоза, обвивающая дерево,— распространенный в античной поэзии мотив, перешедший и в поэзию средневековья (Валафрид Страбон (IX в.), автор поэмы «О культуре садов», или «Садик»).

Нарцисс (стр. 479).— *Нарцисс* — по мифу, сын потока Кефиса и нимфы Лирियोны. *Дриада* — здесь: лесная нимфа Эхо, влюбленная в Нарцисса и от неразделенной любви высохла до такой степени, что от нее остался лишь голос.

Могила Ацида (стр. 479).— *Ацид* — река в Сицилии, возникшая, по мифу, из крови Ацида, сына Фавна и его возлюбленной Галатеи, убитого циклоном Полифемом.

МОДЕСТИИ

Спящий Амур (стр. 480).— Названные в стихотворении десять жертв любви, предлагая наказание Амуру, напоминают об их собственной участи: *Федра* — влюбилась в своего пасынка, чистого юношу Иинолита, отвергшего ее преступную любовь; *Сцилла* — дочь царя Мегары Ниса, ради любви к Миносу вырвала волнистый волос из головы своего отца; *Медея* — зарубила на куски своего брата Аспирта; о *Прокне* — см. прим. к стр. 348; *Дидона* — закололась, покинутая Энеем; *Капака* — покончила с собой по воле ее отца Эола, узнавшего о ее связи с братом Макарием; *Эвадна* — жена Капанея, дала ожечь себя на погребальном костре мужа; *Мирра* (Мирта) — за преступную любовь к отцу превращена в дерево; *Аретуса* — спасаясь от преследования речного бога Алфея, превратилась в ручей; *Библида* — рыдала, страдая от неразделенной любви к брату Кавну, и из ее слез образовался источник.

РЕГИАН

Купанье в Байях (стр. 480).— О Байях см. прим. к стр. 433.

ЛИНДИИ

О возрасте (стр. 481).— *Лакеса* — буквально: «определяющая участь», вторая из трех Парок (Клото, Лакеса, Атропа), прявшая нить человеческой жизни.

ТИБЕРИАН

«По долине, по поляне пробегал...» (стр. 482).— *Диона* — здесь: Афродита (Венера) (см. стр. 492, «Ночное празднество Венеры», строку 5).

ЛУКСОРИИ

Похвала саду Евгенция (стр. 483).— *Панеи* — нимфы долин. *Дриады* — нимфы лесов. *Ацидальские девы* — грации, с которыми, по преданию, Венера купалась в источнике Ацидалии (в Беотии). *Амом* — ароматическое растение, из которого приготавливали целебный бальзам.

ВИТАЛ

О страсти и вине (стр. 485).— В строке 9 намек на похищение Парисом Елены, жены спартанского царя Менелая, послужившее поводом к Троянской войне.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Хвала Солнцу (стр. 489).— *Поднимаются кони* — кони огненной колесницы Гелиоса. *Титан* — Солнце. *Либер* — одно из имен Вакха. *Тривия* — Геката, богиня призраков, повелительница теней подземного царства; отождествлялась с Дианой, Луной и другими божествами.

Хвала Луне (стр. 490).— *Систр* — трещотка, род кастаньет (см. прим. к стр. 440).

Ночное празднество Венеры (стр. 492).— Это стихотворение — один из лучших образцов лирической поэзии позднего Рима. Его авторство приписывали различным поэтам, от Катулла до Тибериана, однако автор его неизвестен. Это гимн для апрельского празднества в честь Венеры, которое продолжалось три ночи. По упомянутым в стихотворении сицилийским городам (Гибла и Энна), действие происходит в Сицилии. *Диона* — мать богини Афродиты; здесь: сама Афродита (Венера). В строках 10—11 намек на миф о рождении Венеры из пены морской. *Делия* — Артемида, названная так по месту ее рождения, острову Делосу. *Гибла* — гора на острове Сицилии, славившаяся цветами и медом. *Энна* — город в центре Сицилии; по мифу, Плутон похитил там Прозерпину (Персефону), когда та собирала цветы. В строках 63—64 оградилось учение стоиков о Венере как «мировой душе» (пневме), наполняющей все мироздание. *Троянские внуки* — Эней и его

спутники, прибывшие в Лаций после разрушения Трои. Мать Энея, Венера, покровительствовала сыну. *Из Лаврента деву* — Лавинию, дочь царя Латина. *Лаврент* — древний город в Лациуме, расположенный на побережье среди лавровых лесов. *Вскоре Марсу даст из храма деву* — то есть Рею Сильвию, родившую от Марса Ромула и Рема. *Рампы* — название одной из трех римских триб. *Варвар-супруг* — Терей. *Амиклы* — город к юго-востоку от Спарты. Закон запрещал гражданам Амикл передавать слухи о приближении врагов. Этим воспользовались доряне, захватившие город врасплох.

Песня гребцов (стр. 494).— *Кор* (Портун) — римский бог гаваней и портов.

Влюбленный Амур (стр. 495).— *Алмазные створы* — по имени адаманта — стали, булата, позднее алмаза. По преданию, из него были сделаны врата подземного царства.

О водах (стр. 496).— Это, как и следующее стихотворение — «О купальнях», — посвящено знаменитому курорту Байам.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Латинские эпиграфические стихотворения — своеобразный вид латинской поэзии — взяты из одноименной книги Ф. А. Петровского, изданной издательством АН СССР в 1962 году.

«Я — Урс, кто первый...» (стр. 498).— Надпись II века н. э. Об игре в стеклянный мяч других упоминаний не сохранилось. В строках 4—5 названы крупнейшие римские бани (термы): *Агриппы*, построенные Марком Випсанием Агриппой, соратником Октавиана Августа в 25 году до н. э.; *Тита* — построенные в 80 году н. э., и *Траяна* — наиболее великолепные из перечисленных выше, — построенные в начале II века н. э.; *Нерона* — сооруженные в 62 (или 64) году н. э. *Вер* — Марк Анний Вер, бывший в третий раз консулом в 126 году н. э., а не император Луций Вер (161—169).

«Родным была мила...» (стр. 498).— Эта эпитафия написана различными стихотворными размерами: 1 строка — ямб; 2—3 — гекзамеры; 4 — не поддается метрической расшифровке.

«Веселись, живущий, в жизни...» (стр. 498).— Надпись относится приблизительно к 215 году н. э.

Ю. Шульц

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Шервинский. Античная лирика . . . . .</i>	5
---	---

ГРЕЧЕСКАЯ ЛИРИКА

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Гомер

<i>На гробницу Мидаса. Перевод Л. Блуменау . . . . .</i>	29
<i>Дар Аполлону. Перевод Л. Блуменау . . . . .</i>	29

Народные песни

<i>Родосская песня о ласточке. Перевод А. Артюшкова . . . . .</i>	30
<i>Эйреспона. Перевод Я. Голосовкера . . . . .</i>	30
<i>Дяонису. Перевод Я. Голосовкера . . . . .</i>	31
<i>Антема. Перевод Я. Голосовкера . . . . .</i>	31
<i>Хелыхелина. Перевод Я. Голосовкера . . . . .</i>	31
<i>Локрийская любовная. Перевод Я. Голосовкера . . . . .</i>	31

Мелика

Тернаидр Лесбосский

Возлияние. Перевод Я. Голосовкера	35
К Зевсу. Перевод Вяч. Иванова	35

Алкей

К Сапфо. Перевод В. Вересаева	36
Веспа. Перевод Я. Голосовкера	36
К Аполлону. Перевод Вяч. Иванова	37
К Гермению. Перевод Вяч. Иванова	38
К Афине. Перевод Вяч. Иванова	38
К Эроту. Перевод Вяч. Иванова	38
К Диоскурам. Перевод Я. Голосовкера	38
Гимн реке Гебру. Перевод Я. Голосовкера	39
Вина Елены. Перевод Я. Голосовкера	39
Гимн Митиленам. Перевод Я. Голосовкера	39
«Что из кувшина чёрпать большим ковшом?..». Перевод Я. Голосовкера	40
Буря. Перевод Вяч. Иванова	41
Буря не унимается. Перевод Я. Голосовкера	41
Новый вал. Перевод Я. Голосовкера	42
К митиленянам. Перевод Я. Голосовкера	42
«Метит хищник царить!..». Перевод Вяч. Иванова	43
«Ни грозящим кремлем!..». Перевод Вяч. Иванова	43
«Медью воинской весь блещит!..». Перевод Вяч. Иванова	43
«Пить, пить давайте!..». Перевод Вяч. Иванова	44
К городу Митиленам. Перевод Я. Голосовкера	44
«Не помню, право!..». Перевод Я. Голосовкера	44
«Всенародным судом!..». Перевод Вяч. Иванова	45
«Ты был мне другом!..». Перевод Вяч. Иванова	45
«Нам сказать бы ему!..». Перевод Я. Голосовкера	45
«Не всегда продувной!..». Перевод Я. Голосовкера	46
«За кружкой кружку!..». Перевод Я. Голосовкера	46
Алкей в святилище Геры. Перевод Я. Голосовкера	47
Послание Питтаку. Перевод Я. Голосовкера	48
О лидийцах и Питтаке. Перевод Я. Голосовкера	40

«От пределов земли...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	49
«Моям поведай...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	50
Другу Меланиппу. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	50
Зима. <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	51
«Будем пить!..». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	51
Лето. <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	51
«Черплем из кубков мы...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	52
«Мнится: все бы нам пить да пить!..». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	52
«К чему раздумьем сердце мрачить...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	53
«Из душистых трав и цветов нахучих...». <i>Перевод Вяч. Ива-</i>	
<i>нова</i>	53
«Позовите мне, други...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	53
«На седую главу...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	53
«Помнят в Спарте Аристодема...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i> . . .	54
«...общий лесбийине...». <i>Перевод С. Лурье</i>	54

С а н ф о

Гимн Афродите. <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	55
«Богу равным кажется мне по счастью...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	56
«Близ луны прекрасной тускнеют звезды...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	56
«Сверху низвергаясь, ручей прохладный...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	56
«Приди, Киприда...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	57
Пенцера нимф. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	57
К брату Хараксу. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	57
Моление к Гере. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	58
К Анактории. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	59
Гонгиле. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	59
«Я к тебе взываю, Гонгила...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	60
К жепщинам. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	60
«Твой проезд мне — отрада...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i> . . .	61
«Мнится, легче разлуки смерть...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	61
«Стоит лишь взглянуть на тебя...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	62
«Между дев, что на свет...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	62
«Словно ветер...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	62
«...Те, кому я...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	62
«Венком охвати...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	63
«Эрос вновь меня мучит истомчивый...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	63
«Издамече, из отчих Сард...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	63

«Дети! Вы спросите, кто я была...». Перевод Вяч. Иванова	64
«Тело Тимады — сей прах...». Перевод Вяч. Иванова	64
«У меня ли девочка...». Перевод Вяч. Иванова	64
«И какая тебя...». Перевод В. Вересаева	65
«Срок настанет: в земле...». Перевод Вяч. Иванова	65
«Кто прекрасен...». Перевод В. Вересаева	65
«Я роскошь люблю...». Перевод В. Вересаева	65
«...но своего гнева не помню я...». Перевод В. Вересаева	66
«Покрывал этих пурпурных...». Перевод В. Вересаева	66
«Киферея, как быть?...». Перевод В. Вересаева	66
«Критянки, под гимн...». Перевод Вяч. Иванова	66
«Уж месяц зашел...». Перевод Вяч. Иванова	66
«Ты мне друг...». Перевод В. Вересаева	67
«А они, хвалясь, говорили вот что...». Перевод В. Вересаева	67
«Ты, Киприда! Вы, нерсиды-девы!...». Перевод Вяч. Иванова	67
«Мать милая!...». Перевод Вяч. Иванова	68
«Эй, потолок поднимайте!...». Перевод В. Вересаева	68
«Яблочко, сладкий налив...». Перевод Вяч. Иванова	68
«Все, что рассеет заря...». Перевод В. Вересаева	68
«Невинность моя...». Перевод В. Вересаева	68
«С амвросией там...». Перевод В. Вересаева	69
Свадьба Андромахи и Гектора. Перевод В. Вересаева	69
«Пели мы всю ночь про твою, счастливец...». Перевод Вяч. Иванова	69
К Алкею. Перевод В. Вересаева	70
«Мать моя говорила мне...». Перевод С. Лурье	70

Анакреонт

Артемиде. Перевод Л. Мея	71
Дионису. Перевод В. Вересаева	71
«Клеобула, Клеобула я люблю...». Перевод Я. Голосовкера	72
«О дитя, с взглядом девичьим...». Перевод Г. Церетели	72
«Глянул Посидеон на двор...». Перевод Г. Церетели	72
«Не сули мне обилье благ...». Перевод Я. Голосовкера	72
«Бросил шар свой пурпуровый...». Перевод В. Вересаева	72
«...бросился я...». Перевод В. Вересаева	73
«Поредели, побелели...». Перевод А. Пушкина	73
«Кобылица молодая...». Перевод А. Пушкина	73
«Что же сухо в чаше дно?...». Перевод А. Пушкина	74
«На пиру за полной чашей...». Перевод М. Михайлова	74
«Дай воды, вина дай, мальчик...». Перевод Я. Голосовкера	74

«По три венка на пирующих было...». Перевод Л. Мея . . .	75
«Десять месяцев прошло уж...». Перевод Л. Мея	75
«Пирожком я позавтракал...». Перевод В. Вересаева	75
«Люблю, и словно не люблю...». Перевод В. Вересаева	75
«Свежую зелень петрушки...». Перевод Л. Мея	75
«С ланью грудною...». Перевод Л. Мея	76
«Что ты бежишь от меня...». Перевод Л. Мея	76
«О Левкастида!..». Перевод Л. Мея	76
«А кто сражаться хочет...». Перевод В. Вересаева	76
«Гросив щит свой на берегах...». Перевод В. Вересаева	76
Дары Дионису. Перевод Л. Блуменау	77
Молитва Гермесу. Перевод Л. Блуменау	77
На «Телку» Мпрона. Перевод Л. Блуменау	77
Пирующим. Перевод Л. Блуменау	77
Надгробные надписи	
1. «Мужествен был Тсмокрит...». Перевод Л. Блуменау	77
2. «Об Агафоне могучем...». Перевод Л. Блуменау	78
3. «Тебя я больше всех друзей...». Перевод Л. Блуменау	78
«С болью думаю о том я...». Перевод С. Лурье	78
«Нежный Гиг средь нас носился...». Перевод С. Лурье	78

А л к м а н

«Три времени в году...». Перевод В. Вересаева	80
«Спят вершины высокие гор и бездн провалы...». Перевод В. Вересаева	80
«Часто на горных вершинах...». Перевод В. Вересаева	80
«Не деревенщина-мужик ты...». Перевод В. Вересаева	81
«Как-нибудь дам я треногий горшок тебе...». Перевод В. Вересаева	81
«Вот семь столов и столько же сидений...». Перевод В. Вересаева	81
«Он уж подаст бобовую пам кашу...». Перевод В. Вересаева	81
Парфеней. Перевод В. Вересаева	81
«Я песу тебе с молитвой...». Перевод В. Вересаева	84
«А он на флейте будет нам...». Перевод В. Вересаева	84
«Звонкоголосые, нежно поющие девы...». Перевод Г. Церетели	84
«Слова и мелодию эту...». Перевод В. Вересаева	85
«Знаю все напевы я...». Перевод В. Вересаева	85
«Тщетно крик все девушки подняли...». Перевод В. Вересаева	85
«Златокудрая Мегалострата...». Перевод В. Вересаева	85
«И сладкий Эрос...». Перевод В. Вересаева	85
«Нет, не Афродита это...». Перевод В. Вересаева	85

С т е с и х о р

«Гелиос, сын Гиперионов...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	86
«...Ибо царь Тиндарей...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	86
«Много, много яблок кидонских летело там в колесницу к владыке...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	86
«Не по правде гласит преданье...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i> «Муза, о войнах забудь и вместе со мною восславь...». <i>Пере- вод В. Вересаева</i>	86 87
«Песнь всенародную в честь харит...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	87
«Муза, звонкую песнь...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	87
«...больше всего...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	87
«Бесполезно и вовсе не нужно...». <i>Перевод В. Вересаева</i> . . .	87
«К умершему никто у нас...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	87

И в и к

«Мой Эвриал...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	88
«Только весною цветут цветы...». <i>Перевод В. Вересаева</i> . . .	88
«Эрос влажно мерцающим взглядом очей...». <i>Перевод В. Ве- ресаева</i>	88
«И горю, как долгою ночью горят...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	89
«Мирты, и яблони, и золотоцветы...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	89
«И соловьев...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	89
«На дереве том...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	89
«Из камней...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	90
Говорит Геракл. <i>Перевод В. Вересаева</i>	90
«Кассандра, Приама дочь...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	90
«Боюсь, чтоб чести у людей...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	90
«Чья жизнь уж погасла...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	90

К о р и н т а

Состязание Геликона с Кифероном. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	91
Дочери Асопа. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	92
«Дела героев и героинь...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	93
«Я Миртиде...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	93

П и н д а р

Вступление к первой истмийской оде. <i>Перевод М. Грабарь- Пассек</i>	94
Первая пифийская ода. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	95
Девятая пифийская ода. <i>Перевод В. Водовозова</i>	101

Бакхилид

«...Пленяет разум...». Перевод Вяч. Иванова	108
Юноши, или Тесей. Перевод И. Линенского	108
Молитва Нике. Перевод Л. Блауменау	112
«В поле за стенами града святилище это Зефиру...». Перевод Д. Усова	112

Праксилла

«Скорпион под любим...». Перевод В. Вересаева	113
«Вспомни то, что сказал...». Перевод В. Вересаева	113
«Пей же вместе со мной...». Перевод В. Вересаева	113
«Вот что прекрасней всего из того...». Перевод В. Вересаева	113

Ямбы

Архилох

«Я — служитель царя Эпналия, мощного бога...». Перевод В. Вересаева	114
«В остром конь у меня замешен мой хлеб...». Перевод В. Вересаева	114
«То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы...». Перевод В. Вересаева	114
«Чашу живее бери и шагай по скамьям корабельным...». Перевод В. Вересаева	114
«Носит теперь горделиво саниец мой щит безупречный...». Перевод В. Вересаева	115
«Скорбью стнящей крушась...». Перевод В. Вересаева	115
«Все человеку, Перякл...». Перевод В. Вересаева	115
«Если, мой друг Эсимид...». Перевод В. Вересаева	115
«Если б его голова...». Перевод В. Вересаева	115
«Жарко молися среди волн густокудрого моря седого...». Перевод В. Вересаева	116
«Главк, до норы лишь...». Перевод В. Вересаева	116
«Очень много ворон смоковница горная кормит...». Перевод В. Вересаева	116
«Накосоа были столпами Аристофонт и Мегатим...». Перевод В. Вересаева	116
«Кудри скрывавший покров Алкибия с себя низлагает...». Перевод В. Вересаева	116

О Фасосе. <i>Перевод В. Вересаева</i>	116
«Ни ямбы...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	116
«В свои объятия взяли...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	117
«Мне дела нет до Гига многозлатного...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	117
«Из дочерей Ликамба...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	117
«Своей прекрасной розе с веткой миртовой...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	117
«...старик влюбился бы...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	117
«Не стала бы старуха...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	117
«И ты, владыка Аноллон...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	117
«Главк, ты видишь...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	118
«Предоставь все божьей воле...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	118
«Мне не мил стратег высокий...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	118
«Кто падет, тому ни славы...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	118
«Сердце, сердце!...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	118
«Настроения у смертных...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	119
«Леофил теперь начальник...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	119
«И упасть на...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	119
«Можно ждать чего угодно...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	119
«...Бурной носимый волной...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	119
«Пророк неложный меж богов великий Зевс...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	120
«Что в голову забрал ты...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	120
«О Зевс, отец мой!...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	120
Гимн Гераклу. <i>Перевод В. Ниландера</i>	120

Семонид Аморгский

«Внимай, дитя...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	121
«О мертвом, если б были мы разумнее...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	121
«Различно женщины нрав сложил вначале Зевс...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	122

Гипнонакт

«Кандавл по-меонийски...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	125
«Гермес Килленский, Майи сын...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	125
«Ты не дал мне хламиды перстяной...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	125
«Богатства бог, чье имя Плутос...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	125
«Привольно жил когда-то он...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	126

«Я злу отдам усталую от мук душу...». Перевод Вяч. Иванова	126
«Художник! Что ты на уме...». Перевод Вяч. Иванова	126
«Прошу, любезный, не толкайся!..». Перевод Вяч. Иванова	126
«Два дня всего бывают милы нам жены...». Перевод Г. Церетели	126

Элегии, эпиграммы

Каллин

«Скоро ль воспрянете вы?...». Перевод Г. Церетели	127
---	-----

Тиртей

«Сам ведь Кронион...». Перевод Г. Церетели	128
«Так нам из пыльного храма изрек Аполлон-дальновержец...». Перевод Г. Церетели	128
«Доля прекрасная...». Перевод О. Румера	128
«Так как потомки вы все необорного в битвах Геракла...». Перевод В. Латышева	129
«Я не считаю достойным ни памяти доброй, ни чести...». Перевод В. Латышева	130
«Вперед, о сыны отцов...». Перевод В. Латышева	131

Солон

Саламин. Перевод Вяч. Иванова	132
Благозаконие. Перевод Г. Церетели	132
Седмицы человеческой жизни. Перевод В. Латышева	133
К Мимнерму. Перевод Ф. Зелинского	134
К Фоку. Перевод Ф. Зелинского	134
«Моей свидетельницей пред судом времен...». Перевод Вяч. Иванова	135

Мимнерм Колофонский

«Что за жизнь, что за радость...». Перевод Вяч. Иванова	136
«Вдруг распускаемся мы...». Перевод Вяч. Иванова	136
«Минет пора — и прекраснейший некогда муж пробужда- ет...». Перевод В. Вересаева	137
«Вечную, тяжкую старость послал Молневержец Тифону...». Перевод В. Вересаева	137

«...Но пролетает стрелой...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	137
«Если бы в мире прожить мне без тяжких забот и страданий...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	137
«...Одни из беспечных сограждан...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	137
«...да встанет меж нами с тобою правдивость!...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	137
«Пилос покинув высокий...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	137
«Взвек не увез бы из Эя большого руна золотого...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	138

Феогнид

«Сын Кронида, владыка...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	139
«Феб-Аполлон — повелитель...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	139
«Зевсова дочь, Артемиды-охотница!...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	139
«Зевсовы дочери, Хариты и Музы!...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	139
«Кири! Пусть будет печать на этих моих сочиненьях...». <i>Перевод С. Анга</i>	140
«С умыслом добрым тебя обучу я тому, что и сам я...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	140
«Город беременен наш...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	140
«Город все тот же, мой Кири...». <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	141
«Лжет гражданин гражданину...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	141
«Кири, не завязывай искренней дружбы ни с кем из тех граждан...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	141
«К пиаким людям, о Кири...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	141
«Если бы даже весь мир обыскать...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	142
«Что мне в любви на словах...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	142
«Если тебя человек восхваляет...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	142
«Низкому сделав добро...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	142
«Милых товарищей много найдешь за питьем и едою...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	143
«Самое трудное в мире, о Кири...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	143
«Золото ль, Кири...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	143
«Кири! Выбираем себе лошадей мы...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	143
«Если от Зевса богат человек...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	144
«Нет в богатстве предела...». <i>Перевод С. Анга</i>	144
«Для легкомысленной черни твердынею служит и бапней...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	144
«Пьют не вино в мою честь...». <i>Перевод С. Анга</i>	144
«Бедность, даже чужую...». <i>Перевод С. Анга</i>	145
«Вот что, поверь мне...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	145
«Что справедливо, что нет...». <i>Перевод С. Анга</i>	145

«Друг мой, с доверьем в душе...». <i>Перевод С. Анга</i>	145
«Граждане наши настолько к дурным порицаньям привыкли...». <i>Перевод С. Анга</i>	145
«Ныне несчастья добрых стаповятся благом для низких...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	146
«Льву и тому не всегда угощаться случается мясом...». <i>Перевод С. Анга</i>	146
«Кто болтлив...». <i>Перевод С. Анга</i>	146
«Если в беде человек...». <i>Перевод С. Анга</i>	146
«Люди дурные не все на свет явились дурными...». <i>Перевод С. Анга</i>	146
«Пусть за столом человек всегда умно себя держит...». <i>Перевод С. Анга</i>	146
«Множество низких богато...». <i>Перевод С. Анга</i>	147
«Кирн, благородный везде сохраняет присутствие духа...». <i>Перевод С. Анга</i>	147
«Если бы мы на друзей за любую провинность сердились...». <i>Перевод С. Анга</i>	147
«Быстро умный догонит...». <i>Перевод С. Анга</i>	147
«Так же спокойно, как я...». <i>Перевод С. Анга</i>	147
«Кирн, ни в чем не усердствуй...». <i>Перевод С. Анга</i>	147
«Сделать с врагами расчет...». <i>Перевод С. Анга</i>	148
«Вовремя, Зевс-Олимпиец...». <i>Перевод С. Анга</i>	148
«Кирн, будь стоек в беде...». <i>Перевод С. Анга</i>	148
«Кирн! При великом несчастье слабеет душа человека...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	148
«Злись про себя...». <i>Перевод С. Анга</i>	148
«Мыслей сограждан моих уловить я никак не умею...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	149
«Кирн, если я не хочу...». <i>Перевод С. Анга</i>	149
«Милый Зевс! Удивляюсь тебе я...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	149
«...Все-таки, горя не зная, богаты...». <i>Перевод С. Анга</i>	149
«Бедными низкий подлец и муж благородный и честный...». <i>Перевод С. Анга</i>	150
«Слишком ни в чем не усердствуй...». <i>Перевод С. Анга</i>	150
«Многое мимо ушей пропускаю...». <i>Перевод С. Анга</i>	150
«Двери у многих людей к языку не прилажены плотно...». <i>Перевод С. Анга</i>	150
«Лучшая доля для смертных...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	150
«Смертного легче родить и вскормить...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	151
«Глупый, мысли мои он вздумал держать под охраной...». <i>Перевод С. Анга</i>	151

«Есть невозможные вещи...». <i>Перевод С. Анга</i>	151
«То, от чего никому ни жарко...». <i>Перевод С. Анга</i>	151
«Не заставляй никого против воли у нас вставаться...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	151
«Легко становится мыслью любой человек...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	152
«Вот и пришел ты, Клеарист...». <i>Перевод С. Анга</i>	153
«Нет, голова раба никогда не держится прямо...». <i>Перевод С. Анга</i>	153
«Кирн, линейка и циркуль должны разрешить это дело...». <i>Перевод С. Анга</i>	153
«Злом никогда никого принуждать не старайся...». <i>Перевод С. Анга</i>	153
«Вестник безмолвный, мой Кирн...». <i>Перевод С. Анга</i>	153
«Нужно в тяжелой беде оставаться по-прежнему стойким...». <i>Перевод С. Анга</i>	154
«Будь осторожен...». <i>Перевод С. Анга</i>	154
«Лучше всего человеку не быть чрезмерно богатым...». <i>Перевод С. Анга</i>	154
«Гостем явившись на пир...». <i>Перевод С. Анга</i>	154
«Добрый, добро получай!...». <i>Перевод С. Анга</i>	154
«Нет, не враги...». <i>Перевод С. Анга</i>	154
«Сделать низкого добрым труднее...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«Слишком на бсды не сетуй...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«О человек!...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«Скрыться ты не сумел...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«То, от чего магнесийцы погибли...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«Сытость чрезмерная больше людей погубила...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«Есть поначалу во лжи какая-то польза...». <i>Перевод С. Анга</i>	155
«Трудно разумному долгий вести разговор с дураками...». <i>Перевод С. Анга</i>	156
«Те, у кого рассудок слабее души...». <i>Перевод С. Анга</i>	156
«Цену одну у людей имеют Надежда и Дерзость...». <i>Перевод С. Анга</i>	156
«Сверх ожидания подчас дела удаются людские...». <i>Перевод С. Анга</i>	156
«Кто расположен к тебе и кто настроен враждебно...». <i>Перевод С. Анга</i>	156
«Верных заступников ты и товарищей мало отыщешь...». <i>Перевод С. Анга</i>	156
«С тем, кому плохо пришлось...». <i>Перевод С. Анга</i>	156

«Клясться не следует в том...». <i>Перевод С. Анга</i>	157
«Если бы я, Симонид...». <i>Перевод С. Анга</i>	157
«Знания нет у одних...». <i>Перевод С. Анга</i>	157
«Только одну признает большинство людей добродетель...». <i>Перевод С. Анга</i>	157
«Зевс-повелитель, пусть боги пошлют невоздержность бес- честным...». <i>Перевод С. Анга</i>	158
«Зевс, живущий в эфире...». <i>Перевод С. Анга</i>	158
«Вестник муз и слуга...». <i>Перевод С. Анга</i>	159
«Благоволя к Алкафою...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	159
«Некогда быть самому мне пришлось и в земле Сицилий- ской...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	159
«Пусть никогда у меня другой не будет заботы...». <i>Перевод</i> <i>С. Анга</i>	160
«Радость не в том...». <i>Перевод С. Анга</i>	160
«Нет на земле никого...». <i>Перевод С. Анга</i>	160
«Быть точнее, чем циркуль...». <i>Перевод С. Анга</i>	160
«То, что случилось со мной...». <i>Перевод С. Анга</i>	160
«Бык могучей пятой наступил на язык мой...». <i>Перевод</i> <i>С. Анга</i>	161
«Кирн, что нам суждено...». <i>Перевод С. Анга</i>	161
«Вот и накликали мы себе же горс...». <i>Перевод С. Анга</i>	161
«В ком уважения нет к своим родителям старым...». <i>Перевод</i> <i>С. Анга</i>	161
«Как же дерзаете вы распевать беззаботно под флейту?...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	161
«К гибсли, к воронам все наше дело идет!...». <i>Перевод В. Ве-</i> <i>ресаева</i>	161
«Смело ногами топчи...». <i>Перевод С. Анга</i>	162
«Зевс-Олимпиец пускай человека погубит...». <i>Перевод С. Анга</i>	162
«Это и раньше я знал...». <i>Перевод С. Анга</i>	162
«Как уже часто наш город...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	162
«Если меня друзья в каком-нибудь видят несчастье...». <i>Пе-</i> <i>ревод С. Анга</i>	162
«Две для несчастных смертных с питьем беды сочетались...». <i>Перевод С. Анга</i>	162
«Многим нестоящим людям дается богами богатство...». <i>Пе-</i> <i>ревод С. Анга</i>	163
«Сверху пусть на меня падет огромное небо...». <i>Перевод</i> <i>С. Анга</i>	163
«Радуйся жизни, душа...». <i>Перевод С. Анга</i>	163
«Выпей вина, что под сенью высокой Тайгетской верши- ны...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	163

«Если уж рядом война оседлала коней быстроногих...». <i>Перевод С. Анга</i>	163
«Горе мне, я бессилён...». <i>Перевод С. Анга</i>	163
«Разум — прекрасней всего...». <i>Перевод С. Анга</i>	164
«Если б Кронид за все на людей на смертных сердился...». <i>Перевод С. Анга</i>	164
«Кто расходы свои со своим соразмерил богатством...». <i>Перевод С. Анга</i>	164
«Лучше всего бережливость...». <i>Перевод С. Анга</i>	165
«Мало кому из людей красота и доблесть присущи...». <i>Перевод С. Анга</i>	165
«Он в почете у всех...». <i>Перевод С. Анга</i>	165
«Громко, как соловей...». <i>Перевод С. Анга</i>	165
«Буду идти по прямой...». <i>Перевод С. Анга</i>	165
«Родину буду беречь...». <i>Перевод С. Анга</i>	165
«Крови не пил я, как лев...». <i>Перевод С. Анга</i>	166
«Ежели ты за добро благодарностью мне не заплатишь...». <i>Перевод С. Анга</i>	166
«Ты не хвали человека...». <i>Перевод С. Анга</i>	166
«Это что за заслуга...». <i>Перевод С. Анга</i>	166
«Только лишь скроет земля любого из смертных и только...». <i>Перевод С. Анга</i>	166
«Вот они, доблесть и подвиг...». <i>Перевод С. Анга</i>	166
«Людам дам я совет...». <i>Перевод С. Анга</i>	167
«Счастлив, удачлив, блажен...». <i>Перевод С. Анга</i>	167
«Пот обильный с меня начинает катиться ручьями...». <i>Перевод С. Анга</i>	167
«Шею свою врагам никогда под ярмо не подставляю...». <i>Перевод С. Анга</i>	167
«В подлости гнусной своей суетится и мечется низкий...». <i>Перевод С. Анга</i>	167
«Чтобы напакостить, Кири...». <i>Перевод С. Анга</i>	168
«Сердце, спокойно терпи...». <i>Перевод С. Анга</i>	168
«Тот глупец и дурак...». <i>Перевод С. Анга</i>	168
«Кто на этом пиру уснул...». <i>Перевод С. Анга</i>	168
«Я, как ребенку отец, тебе наставленья благие...». <i>Перевод С. Анга</i>	168
«Кончим наш разговор...». <i>Перевод С. Анга</i>	168
«Нрав человека узнать...». <i>Перевод С. Анга</i>	169
«В юности можно всю ночь провести со сверстницей мплой...». <i>Перевод С. Анга</i>	169
«Те дураки и глупцы...». <i>Перевод С. Анга</i>	169

«Очень трудно судить о конце несвершенного дела...». <i>Перевод С. Анга</i>	169
«Как бы мыслей своих ни менял человек благородный...». <i>Перевод С. Анга</i>	169
«Многое трудно тебе...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Лучше теперь поищи другого...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Время придет, погоди...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Тот человек, что меня пред тобой очернил и заставил...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Кирн, погубила уже Колофон...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Кирн, благородный вчера...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Будучи с деньгами сам...». <i>Перевод С. Анга</i>	170
«Всех ты божеств, о богатство...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	171
«Фоб-Аполлон, Летоид...». <i>Перевод С. Анга</i>	171
«Бедствия лучше забыть...». <i>Перевод С. Анга</i>	171
«Кирн, несчастья друзей губить в зародыше будем...». <i>Перевод С. Анга</i>	171
«Люdiam одно божество благое осталось...». <i>Перевод С. Анга</i>	171
«Если умен человек...». <i>Перевод С. Анга</i>	172
«Слово достойных людей не расходится с делом хорошим...». <i>Перевод С. Анга</i>	172
«Самое лучшее, Кирн...». <i>Перевод С. Анга</i>	172
«Если позора ты сам не терпел и других не позорил...». <i>Перевод С. Анга</i>	172
«Ум и язык — это благо...». <i>Перевод С. Анга</i>	172
«Птицы пронзительный крик услышал я...». <i>Перевод С. Анга</i>	173
«Можешь остаться у нас...». <i>Перевод С. Анга</i>	173
«Родом я неизвестный...». <i>Перевод С. Анга</i>	173
«Рядом с рыдающим, Кирн...». <i>Перевод С. Анга</i>	173
«Трудно заставить врага-ненавистника вскричать обману...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	173
«Слово приносит обычно великий урон человеку...». <i>Перевод С. Анга</i>	173
«Нет справедливости в гнев...». <i>Перевод С. Анга</i>	174
«О Киферся-Киприда...». <i>Перевод В. Вересаева</i>	174

Симонид Кеосский

Отрывок элегии. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	175
Анакреонту	
1. «Гроздьев живительных мать...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	175
2. «Мил'стью муз песнопевца бессмертного...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	176

Дар Павсания Аполлону. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	176
Зевсу-Освободителю. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	176
Защитникам Тегеи. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	176
Дар афинян Афине Палладе. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	177
«Помер я — рад Феодор...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	177
«Лишь погляжу на надгробье Мегакла...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	177
Мегарская надпись. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	177
Молитва коринфянок Афродите. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	177
«В этой могиле лежит Симонида Кеосского спасший...». <i>Пе-</i>	
<i>ревод Л. Блуменау</i>	178
Пап Мильтиада. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	178
Фермопильские надписи	
1. «Некогда против трехсот мириад здесь сражались че-	
тыре...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	178
2. «Славных покрыла земля...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	178
3. «Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лаке-	
демонее...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	178
Лев на могиле Леонида. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	179
«Памятник это Мегистия славного...». <i>Перевод Л. Блу-</i>	
<i>менау</i>	179
«О потерпевших здесь гибель от персов в борьбе за Элла-	
ду...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	179
Коринфянам, павшим на Саламине. <i>Перевод Л. Блу-</i>	
<i>менау</i>	179
Спартапцам, павшим при Платее. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	179
Афинянам, павшим на Эвбее. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	180
Павшим афинянам. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	180
Эпитафия Архедике. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	180
Эпитафия Никодику. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	180
На смерть Гиппарха. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	180
Погибшим в море. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	181
Эпитафия бедняку. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	181
Эпитафия Тимокреонту. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	181
Эпитафия купцу-критянину. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	181
Эпитафия убитому. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	181
Эпитафия собаке. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	181
Победителю на Олимпийских играх. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	182
О себе. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	182
Геракл и Несс. <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	182
В честь павших при Фермопилах. <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	183
Дапая и Персей. <i>Перевод Вяч. Иванова</i>	184

К с е н о ф а н

«Чистый лоснится пол...». Перевод А. Пушкина	185
«Что среди смертных позорным слывет и клеймится ху- люю...». Перевод Ф. Зелинского	185
«Если быки, пли львы...». Перевод Ф. Петровского	185
«Черными пинут богов и курносыми все эфиопы...». Пере- вод Ф. Зелинского	186

П а р р а с и й

«Муж, ревнитель добра...». Перевод Д. Усова	187
«Пусть не поверят, но все же скажу...». Перевод Д. Усова	187
На изображение Геракла. Перевод Д. Усова	187

Х е р и л

На гроб Сардапала. Перевод Л. Блуменау	188
--	-----

Э в е н П а р о с с к и й

«Лучшая мера для Вакха...». Перевод Л. Блуменау	189
«Если и ненависть нам и любовь причиняют страданья...». Перевод Л. Блуменау	189
«Смелость, с умом сочетаясь...». Перевод Л. Блуменау	189

А н т и м а х

На статую вооруженной Киприды. Перевод Л. Блуменау	190
--	-----

И о н Х и о с с к и й

Випо. Перевод А. Пушкина	191
«Юноша! скромно пируй...». Перевод А. Пушкина	191

И о н Э ф е с с к и й

Эврипиду

1. «Спи без тревог в Пиерийской...». Перевод Л. Блу- менау	192
2. «Хоть и плачевный удел...». Перевод Л. Блуменау	192

Агатону. <i>Перевод О. Румера</i>	193
«Яблоко это тебе я кидаю...». <i>Перевод О. Румера</i>	193
«Яблоко я. Меня бросил тобою плененный...». <i>Перевод О. Румера</i>	193
Астеру	
1. «Ты на звезды глядишь...». <i>Перевод О. Румера</i>	193
2. «Ты при жизни горел средь живущих денницей...». <i>Перевод О. Румера</i>	194
Дяону Сиракузскому. <i>Перевод О. Румера</i>	194
«Стоило мне лишь однажды назвать Алексея красавцем...». <i>Перевод О. Румера</i>	194
Эретрийцам, умершим в Персии	
1. «Родом мы все эретрийцы...». <i>Перевод О. Румера</i>	194
2. «Шумно бурлящие волны Эгейского моря покинув...». <i>Перевод О. Румера</i>	194
«Золото некто напел...». <i>Перевод О. Румера</i>	195
«Золото этот напел...». <i>Перевод О. Румера</i>	195
Музы и Киприда. <i>Перевод О. Румера</i>	195
Пан	
1. «Тише, источники скал и поросшая лесом вершина!...» <i>Перевод Л. Блуменау</i>	195
2. «Сядь отдохнуть...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	195
Эпитафии	
1. «В этой могиле лежит потерпевший кораблекрушение...». <i>Перевод О. Румера</i>	196
2. «Море убilo меня и бросило на берег...». <i>Перевод О. Румера</i>	196
3. «Мимо могилы моей...». <i>Перевод О. Румера</i>	196
Аристофану. <i>Перевод О. Румера</i>	196
Дар Лайды. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	196
Саифо. <i>Перевод О. Румера</i>	197
Пиядару. <i>Перевод О. Румера</i>	197
Надписи	
1. «Пять коровок пасутся на этой маленькой яшме...». <i>Перевод О. Румера</i>	197
2. «Вакхов сатир вдохновенной рукою изваян и ею...». <i>Перевод О. Румера</i>	197
3. «Я — Диониса служитель...». <i>Перевод О. Румера</i>	197
4. «Точно не отлит сатир...». <i>Перевод Н. Краснова</i>	198
5. «Образ служанки наяд...». <i>Перевод О. Румера</i>	198

На «Афродиту» Праксителя	
1. «В Книдос однажды пришла по вспенённому морю Киприда...». <i>Перевод О. Румера</i>	198
2. «Нет, не Праксителем создана ты...». <i>Перевод О. Ру- мера</i>	198
«Время всеяльно...». <i>Перевод О. Румера</i>	198
«Горькая выпала мне...». <i>Перевод О. Румера</i>	199
«Только в тенистую рощу воили мы...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	199

Гегесипп

Утонувшему. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	200
На гроб Тимона. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	200

Эвеп Аскалонский

Троя. <i>Перевод В. Печерина</i>	201
--	-----

Демодок

«Вот Демодоково слово: милетяне...». <i>Перевод В. Лагышева</i>	202
«Вот Демодоково слово: хносцы...». <i>Перевод В. Лагышева</i> .	202
«Все киликийцы — прескверные люди...». <i>Перевод В. Лагы- шева</i>	202
«Каппадокийца ужалила злая ехидна и тут же...». <i>Перевод В. Лагышева</i>	202

Кратет Фиванский

Пародия на эпиграмму-эпитафию Херила. <i>Перевод Л. Блу- менау</i>	203
--	-----

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА
(IV—I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

Менандр

«Честь вам, два сына Неокла...». <i>Перевод Д. Усова</i>	207
--	-----

Э р и н а

«Рыба помпил!...». Перевод В. Вересаева	208
На портрет Агафархиды. Перевод Л. Блуменау	208
Эпитафии Бавкиде	
1. «Это могила Бавкиды...». Перевод Л. Блуменау	208
2. «Вы, о колонны мои...». Перевод В. Вересаева	209
«Оттуда, из жизни...». Перевод В. Вересаева	209

А д е й

Эврипиду. Перевод Л. Блуменау	210
На Певкеста. Перевод Л. Блуменау	210
На гемму Трифона. Перевод Л. Блуменау	210

Ф а л е к

На памятник Ликона. Перевод Л. Блуменау	211
О мореходстве. Перевод Л. Блуменау	211

Ф и л е т К о с с к и й

Умершему другу. Перевод Л. Блуменау	212
«Никто из нас не говорит...». Перевод Л. Блуменау	212
Отрывок элегии. Перевод Л. Блуменау	212

П о с и д и п п

Эпитафия Дорихе. Перевод Я. Голосовкера	213
Застольная. Перевод Л. Блуменау	213
Девушке. Перевод Л. Блуменау	213
На гетер	
1. «Чтимая Кипром, Киферой, Милетом...». Перевод Л. Блуменау	214
2. «Нет, Филенида!...». Перевод Л. Блуменау	214
Душа и страсть. Перевод Л. Блуменау	214
Эпитафии утонувшим	
1. «Архианакт, ребенок трех лет...». Перевод Л. Блу- менау	214
2. «Что, моряки, меня близко к воде вы хороните?..» Перевод Л. Блуменау	215

На бюст Александра Македонского. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	215
На храм Арсиной-Киприды. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	215
На Фаросский маяк. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	215
О жизни. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	216

Фео крит

«С белою кожею Дафнис...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	217
«Этот пишовник в росинках и этот пучок повилики...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	217
К статуе девяти муз. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	217
К треножнику. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	218
«Это не плотский Кириды кумир...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	218
«Дафнис, ты дремлешь, устав...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	218
«Тирсис несчастный, довольно!...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	218
«Друг мой, прошу, ради муз...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	219
Меняльный стол Кайка. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	219
«Этой тропой, козопас...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	219
К статуе Анакреонта. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	220
К статуе Эпихарма. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	220
К статуе Архилоха. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	220
К статуе Писандра. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	220
К статуе Асклепия. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	221
Эпитафия Эвримедонту. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	221
Эпитафия девочке. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	221
Эпитафия Ортону. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	221
Эпитафия Эвстенею. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	222
Эпитафия Гиппонакту. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	222
Смерть Адониса. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	222

Каллимах

Приношение Серапису. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	224
Вереничке. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	224
Гетере. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	224
«Счастлив был древний Орест...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	225
«Ищет везде Эпикид...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	225
«Не выпошу я поэмы киклической...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	225
Поэту Гераклиту. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	225

На поэму Креофила. Перевод Л. Блуменау	226
На Архилоха. Перевод Л. Блуменау	226
Автопитафия. Перевод Л. Блуменау	226
Эпитафия Батту. Перевод Л. Блуменау	226
Эпитафия утонувшему. Перевод Л. Блуменау	226
Саону. Перевод Л. Блуменау	227
Феряду. Перевод Л. Блуменау	227
Крефиде. Перевод Л. Блуменау	227
Астакиду. Перевод Л. Блуменау	227
Клеомброту. Перевод Л. Блуменау	227
На Тимопа-мизантропа. Перевод Л. Блуменау	228
На могиле Хариданта. Перевод Л. Блуменау	228
Фезетету. Перевод Л. Блуменау	228
«Если ты в Кизик придешь...». Перевод Ю. Шульца	228
«Если бы не было быстрых судов...». Перевод Ю. Шульца	228
«Может ли кто наверное знать наш завтрашний жребий?..». Перевод Ю. Шульца	229
«Пьяницу Эрасиксена винные чаши сгубили...». Перевод Ю. Шульца	229
«Здесь, Артемида, тебе эта статуя...». Перевод Ю. Шульца	229

Г е д и л

Эпитафия флейтисту Феону. Перевод Л. Блуменау	230
Приношение Киприде. Перевод Л. Блуменау	230
Застольная. Перевод Л. Блуменау	230

А с к л е п и а д С а м о с с к и й

«Тихо, венки мои, здесь на двустворчатой двери висите...». Перевод Л. Блуменау	231
«Трижды, трескучее пламя...». Перевод Л. Блуменау	231
«Если бы, крылья себе золотые достав и повесив...». Пере- вод Л. Блуменау	231
«Лука еще не носящий...». Перевод Л. Блуменау	231
«Страсти улика — вино...». Перевод Л. Блуменау	232
«Прежде, бывало, в объятьях душил Археад меня...». Перевод Л. Блуменау	232
«Снегом и градом осыпь меня...». Перевод Л. Блуменау	232
«Брось свою девственность...». Перевод Л. Блуменау	232
«Сладок холодный напиток для жаждущих в летнюю пору...». Перевод Л. Блуменау	232

«Я наслаждался однажды игрою любви с Гермионой...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	233
«Долгая ночь, середина зимы...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	233
«Чары Дидимы пленили меня...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	233
«Сбегай, Деметрий, на рынок к Аминту...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	233
«Наннион и Битто...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	233
«Археанасса, гетера, зарыта здесь...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	234
О самом себе	
1. «Двадцать два года прожить не успев...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	234
2. «Пей же, Асклепиад!..». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	234
Эпитафия моряку. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	234
На гроб Аянта. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	235
На бюст Александра Македонского. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	235
На статую Вереники. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	235
Господу. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	235
На «Лиду» Антимаха. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	235
На поэму Эринны. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	236

Александр Этолийский

Алкман. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	237
--	-----

Леонид Тарентский

Приношения тарентинцев Афине	
1. «Восемь высоких щитов...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	238
2. «Эти большие щиты от лукавов...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	238
Приношение Пирра Афине. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	238
К Афродите. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	239
Афродита в Спарте. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	239
«Эрот» Праксителя. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	239
«Афродита Анадиомена» Апеллеса. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	239
«Прочь от лачуги моей убегайте...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	240
«Не подвергай себя, смертный...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	240
Призыв Приапа. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	240
Анакреонту. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	241
Гомеру. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	241
Эринне. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	241

Теллену. Перевод Л. Блуменау	241
Диогену. Перевод Л. Блуменау	241
Автоэпитафия. Перевод Л. Блуменау	242
На киника Сохарей. Перевод Л. Блуменау	242
Эпитафия Фидону. Перевод Л. Блуменау	242
Дорога в Аид. Перевод Л. Блуменау	243
Жертва критских пиратов. Перевод Л. Блуменау	243
Жертва акулы. Перевод Л. Блуменау	243
Эпитафия рыбаку Фериду. Перевод Л. Блуменау	244
Могила пастуха. Перевод Л. Блуменау	244
Зарытым при дороге	
1. «Кто тут зарыт на пути?..». Перевод Л. Блуменау	244
2. «Кости мои обнажились...». Перевод Л. Блуменау	245
«Молча проследуйте мимо этой могилы...». Перевод	
Ю. Шульца	245
«Гроба сего не приветствуй...». Перевод Д. Дашкова	245
Эпитафия ткачихе. Перевод Л. Блуменау	245
Эпитафия пьянице Марониде. Перевод Л. Блуменау	246
Эпитафия бедняку. Перевод Л. Блуменау	246
Скорь матери. Перевод Л. Блуменау	246
Смерть старого Горга. Перевод Л. Блуменау	247
Козел и виноград. Перевод Л. Блуменау	247

С и м м и й

Софоклу

1. «Сын Софилла, Софокл...». Перевод Л. Блуменау	248
2. «Тихо, о плоть, у Софокла расти на могиле и вей- ся...». Перевод Л. Блуменау	248
Платону. Перевод Л. Блуменау	248

Д и о с к о р и д

«Сводят с ума меня губы речистые...». Перевод Л. Блуменау	249
«В белую грудь ударяя себя на ночном твоём бденье...». Пе- ревод Л. Блуменау	249
«Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану...». Перевод Л. Блуменау	249
«Восемь цветущих сынов послала на брапь Деменета...». Пе- ревод Л. Блуменау	250

Эпитафия Феспиду. Перевод Л. Блуменау	250
Эсхилу. Перевод Л. Блуменау	250
Софоклу. Перевод Л. Блуменау	250
Эпитафия Анакреонту. Перевод Ю. Шульца	251
Сосифею. Перевод Л. Блуменау	251
Махону. Перевод Л. Блуменау	251
Жалоба актера. Перевод Л. Блуменау	252
Эпитафия рабу. Перевод Л. Блуменау	252

А н т и

«Плачу о девушке я Алкибии...». Перевод Ю. Шульца	253
«Кто бы ты ни был...». Перевод П. Кострова	253
«Видишь, как важно и гордо на свой подбородок лохматый...». Перевод Л. Блуменау	253
«Мальчики, красной уздечкой козла зануздав и наморд- ник...». Перевод Л. Блуменау	253
На статую Афродиты у моря. Перевод Л. Блуменау	254
На статую Пана. Перевод Л. Блуменау	254
Мертвому петуху. Перевод Л. Блуменау	254
Убитому коню. Перевод Л. Блуменау	254
«В недрах Лидийской земли схорощён сын Филиппа...». Пе- ревод Л. Блуменау	254
«В битве отвага, Проарх...». Перевод Л. Блуменау	255
«Перед кончиной, обняв дорогого отца и роняя...». Перевод Л. Блуменау	255
Трем милетским девушкам, убившим себя при нашествии галатов. Перевод Л. Блуменау	255
Эпитафия рабу. Перевод Л. Блуменау	255

А л к е й М е с с е н с к и й

Гесиоду. Перевод Л. Блуменау	256
«Я ненавижу Эрота...». Перевод Ю. Шульца	256
«Без похорон и без слез...». Перевод Л. Блуменау	256
«Не одного лишь тебя...». Перевод Л. Блуменау	257

С и м о н и д М а г н е с и й с к и й

Галл и лев. Перевод Л. Блуменау	258
---	-----

Биоги

«Коль хороши мои песни...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	259
«Геспер, ты светоч златой Афродиты...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	259

Москва

Плач о Бионе. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	260
«Факел и лук отложив...». <i>Перевод В. Латышева</i>	264

Антипатр Сидонский

Нерсиды на развалинах Коринфа. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	265
На храм Артемиды в Эфесе	
1. «Видал я стены твои...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	265
2. «Кто перенес парфенон твой...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	266
Нибое. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	266
На «Феспиад» Праксителя. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	266
«Малая эта могила — Приама отважного...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	266
На «Телку» Мирона. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	267
На «Некпию» Никия. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	267
Родина Гомера. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	267
Стесихору. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	267
Пиндару. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	267
Антимаху. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	268
Эринне. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	268
Сапфо. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	268
Селевку. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	269
Эпитафии Анакреонт	
1. «Анакреонт, среди почивших ты спишь...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	269
2. «Анакреонта гробница...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	269
Эпитафия воинам. <i>Перевод Д. Дашкова</i>	269
Эпитафия Аристомену. <i>Перевод Д. Дашкова</i>	270
На смерть двух коринфянок. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	270
На могилу Лаиды. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	270

Молитва о плаванье. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	271
Молитва Киприде. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	271
Девушке-подростку. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	271
На гетер	
1. «Прежде любил я Демб...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> . .	272
2. «Ростом мала и чернява Филенион...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	272
3. «Ярко свети, о Селена...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> . .	272
4. «О, эта пожка! О, голень!...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> .	272
5. «Речи, лукавые взгляды...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> .	273
6. «Лампу, немую сообщницу тайп...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	273
7. «Платит за раз пять талантов прелестнице некоей некий...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	273
8. «Я не гопись за венком из левкоев...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	273

М е л е а г р Г а д а р с к и й

К Зенофиле

1. «Спишь ты, я вижу...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	274
2. «Быстрый мой вестник, комар...». <i>Перевод В. Печерина</i>	274
3. «Паном аркадским клянусь...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> .	274
4. «Вот уж левком цветут...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> . .	275
5. «Винная чаша ликует и хвалится тем...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	275
6. «Пусть на власах, Зенофила...». <i>Перевод Д. Дашкова</i> .	275
7. «Прелести дал Зенофиле Эрот...». <i>Перевод Д. Дашкова</i> .	275
8. «Всем объявляю о бегстве Эрота...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	275
«Знаю! К чему твои клятвы...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	276
Эпитафия Клеаристе. <i>Перевод В. Печерина</i>	276
Стрелы Эрота. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	276
Цикаде. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	276
Фанкон. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	277
Тимо. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	277
Демо	
1. «Утро, враждебное мне! Что так рано ты встало над ложем...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	277

2. «Утро, враждебное мне! Что так тихо ты кружишь над миром...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	278
Асклепиаде. <i>Перевод Ф. Петровского</i>	278
Ликениде. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	278
Неизвестной. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	278
Гелиодоре	
1. «В мяч он умеет играть...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> . .	279
2. «Сжался, Эрот, дай покой...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	279
3. «Пчелка, живущая соком цветов...». <i>Перевод Л. Блу- менау</i>	279
4. «Мать небожителей, Ночь!..». <i>Перевод Л. Блуменау</i> .	280
5. «Кубок налей и опять и опять назови дорогу...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	280
6. «Слезы сквозь землю в Лид я роняю...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	280
Эпитафия Эсигену. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	280
«Ночь, священная ночь...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	281
Весна. <i>Перевод К. Масальского</i>	281
Автоэпитафии	
1. «Тир, окруженный подою...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	282
2. «Путник, спокойно иди...». <i>Перевод Л. Блуменау</i> . .	282

Архий Митиленский

«Надо бежать от Эрота...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	283
О жизни. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	283

Галл

На кубок с изображением Таптала. <i>Перевод Ю. Шульца</i> . .	284
---	-----

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЭТЫ РИМСКОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХ (I—VI ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ)

Антипатр Фессалоникский

Водяная мельница. <i>Перевод Ф. Земиского</i>	287
О девяти поэтессах. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	287
Сапфо. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	288
Аристофану. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	288

Пантомиму Пиладу. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	288
Гермес и Геракл. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	288
«Все хорошо у Гомера...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	288
«Может за драхму Европу...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	289
«Утро настало, Хрисилла...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	289
Киприде от Киферы. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	289
Остров Делос. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	289
Августу, идущему в восточный поход. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	290

А л ф е й

На «Илиаду» Гомера. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	291
На гроб Фемистокла в Магнесии. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	291
Аргос. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	291
Рим. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	292
Микены. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	292
Остров Делос. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	292

Р у ф и и

Родоклео

1. «В дар посылаю тебе...». *Перевод В. Печерина* 293
2. «Боги! Не знал я...». *Перевод Л. Блуменау* 293

Мелите

1. «Очи, Мелита, твои...». *Перевод В. Печерина* 293
2. «Где я Праксителя нынче найду?». *Перевод Л. Блуменау* 294

Неизвестной. *Перевод Л. Блуменау* 294

Тщетная мольба. *Перевод Л. Блуменау* 294

Наказанной. *Перевод Л. Блуменау* 294

Эроту

1. «Если в обоих, Эрот...». *Перевод Л. Блуменау* 295
2. «Против Эрота мне служит оружием верным рассудок...». *Перевод Л. Блуменау* 295

«Бедность и страсть — мои беды...». *Перевод Л. Блуменау* 295

«Все я люблю у тебя...». *Перевод Ю. Шульца* 295

А н т и ф и л В и з а н т и й с к и й

«К милым отчизны брегам приближаясь...». *Перевод В. Печерина* 296

«Нивы ужель не осталось другой для сохи селянина?». *Перевод Д. Дашкова* 296

Иссякший ключ. <i>Перевод Д. Дашкова</i>	296
Леонид Спартанский и персы. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	297
Дикеархия. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	297
О мореходстве. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	297
Смерть старого моряка. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	298
На «Медео» Тимомаха. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	298
Диогену. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	298

О н е с т

О сатиrowsкой драме. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	299
«На Геликон восходя...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	299

А в т о м е д о н т

«Жизнь береги, человек...». <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	300
«По вечерам, за вином...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	300
«Я пообедал вчера козляной ногою и спаржей...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	300

Ф и л и п п Ф е с с а л о н и к с к и й

На Фидиева «Зевса». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	301
«Старая гримза Нико увенчала могилу Мелиты...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	301
«Груп Леонида кровавый увидевши...». <i>Перевод В. Печерина</i>	301
«Прежде погаснет сияние вечных светил небосклона...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	301

А п о л л о н и д

«Критским стрелком уязвленный...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	302
На орла, появившегося на острове Родосе при Тиберии. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	302

Л о л л и й Б а с с

«Золотом течь не хочу...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	303
«Кифотарида-болтунья под бременем лет поседела...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	303

Лукилий

На астролога. <i>Перевод Ф. Зеллинского</i>	304
На врачей	
1. «Раз астролог Диофант напророчил врачу Гермогену...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	304
2. «Если желаешь ты зла...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	304
На кпннков. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	305
На скупых	
1. «Скряге Гермону приспилось...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	305
2. «Аскленпад, увидав в своем доме однажды мышонка...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	305
На женщины	
1. «Лгут на тебя...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	305
2. «Мед покупаешь ты с воском...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	305
На размахивающего руками. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	305

Никарх

«Вызвал однажды на суд глухой глухого...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	306
--	-----

Дионисий Софист

Продавицине роз. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	307
Возлюбленной. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	307
Пьянице, увавшему под дождем. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	307

Лукиан

«Делая зло...». <i>Перевод М. Михайлова</i>	308
«Гратить разумно не бойся добро свое...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	308
«Нет, не Эрот обижает людей...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	308
«Смертных владение смертно...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	308
«Будешь любезен ты смертным...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	309
«Горше на свете никто досадить человеку не может...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	309
«Все, что обдуманно зрело...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	309
«Мосьт индуса зачем?...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	309
«Целая жпзнь коротка для счастливых людей...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	309

«Следует класть на язык свой печать...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	309
О богатстве	
1. «Только богатство души настоящее наше богатство...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	310
2. «Артемидор, обладая десятками тысяч...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	310
О грамматике. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	310
На врача. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	310
«Трезвым в компании пьяных старался остаться Аквиндин...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	311
Морским богам. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	311
«Волосы — ум у тебя...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	311
На свою книгу. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	311

Метродор

О жизни. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	312
---	-----

Император Юлиан

На пиво. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	313
---	-----

Паллад

«Наг я на землю пришел...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	314
«Всякая жепщина — зло...». <i>Перевод М. Лозинского</i>	314
Ипатий. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	314
На статую Геракла, опрокинутую христианами. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	314
На статуи богов, перенесенные для христианского культа в дом некоей Марины. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	315
Грекам	
1. «Мне кажется, давно мы, греки, умерли...». <i>Перевод С. Анга</i>	315
2. «О, худшее из зол...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	315
На грамматику	
1. «Книги, орудия муз...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	315
2. «Целый пептастих проклятый грамматике служит началом...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	316
3. «С гибельным гневом связался...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	316

«Зевс отплатил нам огнем за огонь...». Перевод Л. Блуменау	316
«Чужд я надежде...». Перевод Л. Блуменау	316
«Солнце -- наш бог лучезарный...». Перевод Л. Блуменау .	316
«Полон опасностей путь нашей жизни...». Перевод Л. Блуменау	317
«С плачем родился я...». Перевод Л. Блуменау	317
«Сцена и шутка вся жизнь...». Перевод Л. Блуменау . . .	317
«Много тяжелых мучений несет ожидание смерти...». Перевод Л. Блуменау	317
«Золото, лести отец...». Перевод Ю. Шульца	317
«Злого и свиньи кусают...». Перевод Л. Блуменау	317
«Мне кажется порой и бог философом...». Перевод Л. Блуменау	318
«Спал, говорят, под стеной обветшалой однажды убийца...». Перевод Л. Блуменау	318
На скупого. Перевод Л. Блуменау	318
На хирурга. Перевод Л. Блуменау	318
На актеров	
1. «Мемфис курносый играл в пантомиме Ниобу и Дафну...». Перевод Л. Блуменау	319
2. «Комику Павлу приснился Менандр и сказал...». Перевод Л. Блуменау	319
На монахов. Перевод Л. Блуменау	319
«Эта любовь твоя — ложь...». Перевод Ю. Шульца	319
«Няку печальную некто вчера в нашем городе видя...». Перевод Ю. Шульца	319

Феои Александрийский

О планетах. Перевод Л. Блуменау	320
Погибшему в море. Перевод Ю. Шульца	320

Мариан Схоластик

Горячий ключ. Перевод Л. Блуменау	321
Предместье Амасии. Перевод Л. Блуменау	321

Юлиан Египетский

На «Телку» Миропа. Перевод Л. Блуменау	322
На Демокрита. Перевод Л. Блуменау	322

На Анакреонта. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	322
Подражанье Анакреонту. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	322
Эпитафия Ипатииу	
1. «Это Ипатиев холм...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	323
2. «Гневался сам повелитель на волны мятежного моря...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	323
Дом бедняка. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	323
На медную статую Икара, стоящую в бане. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	323

А г а ф и й

Посвящение Афродите. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	324
«Смерти ль страшиться, о други...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	324
«Влажные девичьи губы под вечер меня целовали...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	324
«Я не любитель вина...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	325
Винодели. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	325
Новый Полемон. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	325
Жалоба женщины. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	326
На статую Плутарха. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	326
«Некий рыбак трудился на ловле...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	326

М а к е д о н и й

«Из года в год виноград собирают и, гроздья срезая...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	327
«Льющую слезы Ниобу увидев...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	327
«Ночью привиделось мне...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	327
«Верность» — имя тебе...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	328
«Благословенны да будут равно и Забвенье и Память...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	328
«Был нездоров я вчера...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	328
«Скряга какой-то, заснув...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	328
На дом в Кибире. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	329
«Золотом я привлекаю Эрота...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	329
«Меч мне зачем обнажать?...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	329

П а в е л С и л е н ц и а р и й

Золото и женщины. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	330
Запретная любовь. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	330

«Слово «прости» тебе молвить хотел я...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	330
«Сеткой ли волосы стянешь...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	331
«Кто был однажды укушен собакою бешеной...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	331
«Больше пугать не должны никого уже стрелы Эрота...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	331
«Видел я мучимых страстью...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	331
Стареющей подруге. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	332
Заколдованный венок. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	332
На сады Юстиниана. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	332
«Долго ли будем с тобой распаленные взоры украдкой...». <i>Перевод Д. Усова</i>	333
«Ох, даже власть неболатать не дает нам злобная зависть...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	333
«Как-то, вздремнув вечером и загнув за голову руку...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	333
«Имя мне... Это зачем?...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	333
На статую вакханки в Византии. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	334
«Только твою красоту передал живониссец...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	334
«Тот, кто заносчивым был и сводил надменные брови...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	334
«Ночью вчера Гермонасса...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	334
«Двери ночью порой захлопнула вдруг Галатей...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	334

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Эпиграммы

Родина Гомера. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	337
На «Илиаду» и «Одиссею». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	337
На «Эрота» Праксителя. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	337
На «Александру» («Кассандру») Ликофрона. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	338
Памятник Эврипиду. <i>Перевод Д. Дашкова</i>	338
Могила Диогена. <i>Перевод Д. Дашкова</i>	338
Тимону. <i>Перевод И. Кострова</i>	338
Гераклиту и Демокриту. <i>Перевод Д. Дашкова</i>	339
Эпнтафия Гераклиту. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	339
Семь мудрецов. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	339
Менандру. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	339
Гиппократу. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	340

Геродоту. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	340
Колосс Родосский. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	340
«С битвы обратно к стенам...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	340
«Гектора кровью обрызганный щит...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	340
Приношение Кибеле. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	341
На баловня судьбы. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	341
Спартанцам, павшим при Фирее. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	341
Девять лириков	
1. «Муз провозвестник священный...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	341
2. «В Фивах клецтал величаво Пиндár...». <i>Перевод Л. Блуменау</i>	342
На «Причины» Каллимаха. <i>Перевод Л. Блуменау</i>	342
Эпитафия старику Амиптиху. <i>Перевод Д. Шестакова</i>	342
Надпись на бесшумном водоподъёмнике. <i>Перевод Ф. Петровского</i>	343
«Роза недолго блистает красой...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	343
«В младости беден я был...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	343
«— Знай, я люблю и любим...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	343
«С мерой, с уздою в руках...». <i>Перевод Д. Дашкова</i>	343
«К холму Аянта приди бесстрашного...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	343
«Это владыка эдонян...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	344
Оракул, данный мегарянам. <i>Перевод Ф. Петровского</i>	344
Оракул Аполлона Пифийского врачу Орибасию. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	344

*Анакреонтика в вольных переводах
русских поэтов XVIII—XIX веков*

«Мне неть было о Трос...». <i>Перевод М. В. Ломоносова</i>	345
«Мне девушки сказали...». <i>Перевод М. В. Ломоносова</i>	345
«Мастер в живописстве первой...». <i>Перевод М. В. Ломоносова</i>	346
«Б час полуночный недавно...». <i>Перевод Н. А. Львова</i>	347
«У юноши недавно...». <i>Перевод Н. А. Львова</i>	348
«Некогда в стране Фригийской...». <i>Перевод Н. А. Львова</i>	348
«Почто витиев правил...». <i>Перевод Г. Р. Державина</i>	349
«О счастливец, о кузнечик...». <i>Перевод П. И. Гнедича</i>	349
«Узнают коней ретивых...». <i>Перевод А. С. Пушкина</i>	350
Весна. <i>Перевод Л. Мея</i>	350
К Эроту. <i>Перевод Л. Мея</i>	351
Розе. <i>Перевод Л. Мея</i>	351

ЛИРИКА РИМА

ПОЭТЫ РИМА I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ — I ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Валерий Катулл

«Плачь, Венера...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	357
«Будем, Лесбия, жить...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	357
«Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	358
«Катулл измученный, оставь свои бредни...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	358
«Фурий, ты готов и Аврелий тоже...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	359
«Всех полуостровов и островов в мире...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	360
«В посвященье Диане мы...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	360
«Хлам негодный, Волюзия анналы...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	361
«Плохо стало Катуллу, Корнифиций...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	361
«Вы сюда, мои ямбы, поспешите...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	362
«Добрый день, долгопосая девчонка...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	362
«Акму нежно обняв, свою подругу...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	363
«Вот повеяло вновь теплом весенним...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	363
«Друг Лициний! Вчера в часы досуга...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	364
«Кажется мне тот богоравным или...». <i>Перевод С. Ошерова</i>	364
«Тот, кто все рассмотрел огни необъятного мира...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	365
«Милая мне говорит...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	367
«Нет, ни одна среди женщин такой похвалиться не может...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	367
«Если о добрых делах вспоминать человеку отрадно...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	368
«И ненавижу ее и люблю...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	368
«Квинтию славят красивой...». <i>Перевод Адр. Пиотровского</i>	368

«Лесбия вечно ругает меня...». Перевод Адр. Пиотровского	369
«Если желанье сбывается свыше надежды и меры...». Перевод Адр. Пиотровского	369
«Жизнь моя! Будет счастливой любовь наша...». Перевод Адр. Пиотровского	369

К в и н т Г о р а ц и й Ф л а к к

Оды

«Славный внук, Меценат...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	370
«Вдostaль снега слал и зловещим градом...». Перевод И. Гинцбурга	371
«Пусть Киприда хранит тебя...». Перевод Я. Голосовкера	373
«Что за щеголь...». Перевод Я. Голосовкера	374
«Пусть тебя, храбрца многопобедного...». Перевод Г. Церетели	375
«Ради богов бессмертных...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	375
«Смотри: глубоким снегом засыпанный...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	376
«Всцпий впуск Атланта...». Перевод И. Гинцбурга	377
«Ты гадать перестань...». Перевод С. Шервинского	377
«Как похвалишь ты, Лидия...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	378
«О корабль, вот оная в море несет тебя...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	378
«Вез Елену Парис по морю в отчий дом...». Перевод Я. Голосовкера	379
«Мать страстная страстей людских...». Перевод Я. Голосовкера	380
«Буденья у меня ты вино простое...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	381
«Пой Диане хвалу, нежный хор девичий...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	381
«Кто душою чист и незлобен в жизни...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	382
«Что бежишь от меня...». Перевод Я. Голосовкера	382
«Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	383
«Реже по ночам в запертые ставни...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	384
«Во славу музам горесть и груз тревог...». Перевод Я. Голосовкера	384

«Не для сражений чаши назначены...». <i>Перевод И. Голо- совкера</i>	385
«О царица Книда...». <i>Перевод А. Семенова-Тян-Шанского</i>	386
«Что просит в новом храме поэт себе...». <i>Перевод А. Семенова-Тян-Шанского</i>	386
«Лира! Нас зовут...». <i>Перевод Н. Гилицбурга</i>	387
«Альбий, полно терзать память Гликерою...». <i>Перевод Я. Голо- совкера</i>	387
«Пока, безумной мудрости преданный...». <i>Перевод Я. Голо- совкера</i>	388
«Теперь — пируем!...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	388
«Ненавистна, мальчик, мне роскошь персов...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	389
«За мудрость духа!...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	390
«Ксантий, нет стыда и в любви к рабыне!...». <i>Перевод Я. Го- ловсовкера</i>	391
«Ты со мною рад и к столпам Геракла...». <i>Перевод А. Семенова-Тян-Шанского</i>	391
«В дни бурь и бедствий, друг неразлучный мой...». <i>Перевод Б. Пастернака</i>	392
«Будень жить ладной, не стремись, Лициний...». <i>Перевод А. Семенова-Тян-Шанского</i>	393
«О Постум! Постум! Льются, скользят года!...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	394
«Земли уж мало плугу оставили...». <i>Перевод А. Семенова- Тян-Шанского</i>	395
«Мира у богов при дыханье инквала...». <i>Перевод Я. Голосов- кера</i>	395
«Я Вакха видел...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	397
«Взнесусь на крыльях мощных...». <i>Перевод Г. Церетели</i>	398
«Противна чернь мне...». <i>Перевод Н. Гилицбурга</i>	398
«Военным долгом призванный, юнона...». <i>Перевод А. Семенова-Тян-Шанского</i>	400
«Гиг вернется, не плачь!...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	401
«— Мил доколе я был тебе...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	402
«Если б даже струя Дона далекого...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	403
«О Меркурий, мог Амфион кифарой...». <i>Перевод Я. Голосов- кера</i>	403
«О, как грустно, Небула...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	405
«Ключ, звенящий хрусталь...». <i>Перевод Я. Голосовкера</i>	405
«Фавн, о нимф преследователь пугливых!...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	406

«Вакх, я полон тобой!..». Перевод Г. Церетели	407
«Девницам долго знал я, чем нравиться...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	407
«Пусть напутствует нечестивых криком...». Перевод Я. Голосовкера	408
«Как отпраздновать веселей...». Перевод Я. Голосовкера	410
«Создал памятник я...». Перевод С. Шервинского	410
«Тот, держась на крыльях...». Перевод Н. Гинцбурга	411
«Снег покидает поля...». Перевод А. Тарковского	413
«Поверь, погибнуть рок не судил словам...». Перевод И. Гинцбурга	414
«Есть кувшин вина у меня...». Перевод Я. Голосовкера	415
«Уже веют весной ветры фракийские...». Перевод Я. Голосовкера	416
«Я богов заклинал, Лика...». Перевод Я. Голосовкера	417
«Хотел я грады петь полоненные...». Перевод Г. Церетели	418
Юбилейный гимн. Перевод И. Гинцбурга	419

Эподы

«Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	421
«Куда, куда вы валите, преступные...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	423
«Идет корабль, с дурным отчалив знаменьем...». Перевод И. Гинцбурга	424
«Ночью то было...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	424
«Вот уже два поколения томятся гражданской войною...». Перевод А. Семенова-Тян-Шанского	425

О к т а в и а н

«О сотрапезники! Ныне угрюмые бросьте заботы...». Перевод Ю. Шульца	427
Эпнталама. Перевод Ю. Шульца	427

А л ь б и й Т и б у л л

Элегии

«Кто же тот первый, скажи...». Перевод Л. Остроумова	428
«Гений Рождения идет к алтарям...». Перевод Л. Остроумова	430

Элегии Лигдама

«С сердцем железным был тот...». Перевод Л. Остроумова	430
--	-----

Элегии

- «Кинфий глазки меня впервые пленили...». Перевод Л. Остроумова 432
- «Там, где блаженствуешь ты...». Перевод С. Шервинского 433
- «Эти пустыни молчат и жалоб моих не расскажут...». Перевод Л. Остроумова 434
- «Кто бы впервые ни дал Амуру обличье ребенка...». Перевод Л. Остроумова 434
- «Тайну хотите узнать своего вы последнего часа...». Перевод Л. Остроумова 435

Публий Овидий Назон

Любовные элегии

- «Жарко было в тот день...». Перевод С. Шервинского 436
- «Значит, я буду всегда виноват в преступлениях новых?...». Перевод С. Шервинского 437
- «Ты, что способна создать хоть тысячу разных причесок...». Перевод С. Шервинского 437
- «В цирке сегодня сижу я не ради коней знаменитых...». Перевод С. Шервинского 438
- «Если над Мемноном мать и мать над Ахиллом рыдала...». Перевод С. Шервинского 440
- «Так как супруга моя из страны плодородной фалисков...». Перевод С. Шервинского 442

Тристихи

- «Будешь читать — не забудь...». Перевод Я. Голосовкера 443
- «Только предстанет очам той ночи печальной картина...». Перевод Я. Голосовкера 444
- «Если в столице у вас об изгнаннике помнят...». Перевод Я. Голосовкера 447
- «Год на исходе...». Перевод Я. Голосовкера 449
- «Если с плющом на челе мой портрет у тебя сохранился...». Перевод Я. Голосовкера 450
- «Что ты злорадно, наглец...». Перевод Я. Голосовкера 451

Понтийские элегии

- «Негодовать или молчать?...». Перевод Я. Голосовкера 453
- «Как-то в кругу томитян...» (Фрагмент элегии). Перевод Я. Голосовкера 454
- «Это письмо — о поэте!...». Перевод Я. Голосовкера 456

Эпиграммы

«Всё, что мы видим вокруг...». Перевод М. Грабарь-Пассек	458
«Корсика, землю твою заселил пришлец из Фокеи...». Перевод М. Грабарь-Пассек	458
«Корсика дикая сжата скалою крутой отовсюду...». Перевод М. Грабарь-Пассек	458
К лучшему другу. Перевод Ю. Шульца	459
О простой жизни. Перевод Ю. Шульца	459
Родные о себе. Перевод Ю. Шульца	460
О благе простой жизни. Перевод Ю. Шульца	460
О богатстве и бесчестии. Перевод Ю. Шульца	460
О смерти друга. Перевод Ю. Шульца	461
О развалинах Греции. Перевод Ю. Шульца	461
О начале и конце любви. Перевод Ю. Шульца	461
О звоне в ушах. Перевод Ю. Шульца	462
О ревнивице. Перевод Ю. Шульца	462

Марк Валерий Марциал

Эпиграммы

«Песа птички Катулловой резвее...». Перевод Ф. Петровского	463
«Фений на вечную честь посвятил могильному праху...». Перевод Ф. Петровского	464
«Я предпочел бы иметь благородную...». Перевод Ф. Петровского	464
«Что за причина тебя пль надежда в Рим привлекает...». Перевод Ф. Петровского	464
«И лица твоего могу не видеть...». Перевод Ф. Петровского	464
«Малый Юлия садик Марциала...». Перевод Ф. Петровского	465
«Мать Флакцилла и ты...». Перевод Ф. Петровского	466
«Вот что делает жизнь вполне счастливой...». Перевод Ф. Петровского	466
«В Анксуре мирном твоём...». Перевод Ф. Петровского	466
«Спит в преждевременной здесь могиле Эротия-кроника...». Перевод Ф. Петровского	467
«Странно, Авит, для тебя...». Перевод Ф. Петровского	467
«Флаву нашему спутницею будь, книжка...». Перевод Ф. Петровского	467
«Благой Венеры берег золотой, Байи...». Перевод Ф. Петровского	468

«Ты теперь, Ювенал...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	468
«Гощица эта, ключи...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	469
«Целых тридцать четыре жатвы прожил...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	469
«Уник, ты носишь со мной единое кровное имя...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	469

Эпиграммы, приписывавшиеся Марциалу

О сельской жизни. <i>Перевод Ф. Петровского</i>	470
Золотая середина. <i>Перевод Ф. Петровского</i>	470

РИМСКИЕ ПОЭТЫ II—VI ВЕКОВ

Децим Магн Ассоний

Розы. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	473
К своей жепе. <i>Перевод В. Брюсова</i>	474
К Галле, уже стареющей девушке. <i>Перевод В. Брюсова</i>	474
Живонисцу о портрете Биссулы. <i>Перевод Ф. Петровского</i>	475

Эпиграммы

Эхо. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	475
«Люди тебя называют уродливой...». <i>Перевод Ю. Шульца</i>	475

Клавдий Клавдиан

Галльские мулы. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	476
О старце, никогда не покидавшем окрестностей Вероны. <i>Перевод М. Грабарь-Пассек</i>	477

Поэты «Латинской антологии»

Вступление. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	478
---	-----

Тукциан

«Песни рождают любовь...». <i>Перевод М. Гаспарова</i>	478
--	-----

Пентадий

О приходе весны. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	478
Нарцисс. <i>Перевод В. Брюсова</i>	479
Могилы Ациды. <i>Перевод В. Брюсова</i>	479

Модестики

Спящий Амур. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	480
--	-----

Регииан

Купанье в Байях. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	480
--	-----

Линдий

О возрасте. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	481
--	-----

Флор

О том, какова жизнь. <i>Перевод В. Брюсова</i>	481
«Два есть бога-огненосца...». <i>Перевод М. Гаспарова</i>	481

Тибериан

«По долине, по поляне пробегал...». <i>Перевод М. Гаспарова</i>	482
«Птица, влажной застигнутая тучей...». <i>Перевод М. Гаспарова</i>	482

Сулъниций Луперк Сервасий-младший

О тленности. <i>Перевод В. Брюсова</i>	483
--	-----

Луксорий

Похвала саду Евгеция. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	483
О ручном ведре, вскормленном при обеденном зале. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	484
О Нарциссе. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	484
Красивой женщине, преданной целомудрию. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	484
Хвала розе в сто лепестков. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	484
О женщине по имени Маринна. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	485

О страсти и вине. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	485
--	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ РАЗНЫХ ВЕКОВ

Хвала Солнцу. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	489
Хвала Луне. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	490
Хвала Океану. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	491
Ночное празднество Венеры. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	492
Песня гребцов. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	494
Влюбленный Амур. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	495
К Дульцини. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	495
Отказ от серьезной поэзии. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	495
О водах. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	496
О купальнях. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	496
Восхваление времен года. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	496
О пантомиме. <i>Перевод Ю. Шульца</i>	497
<i>Змеиные стихи</i>	
Геро и Леандр. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	497
К Аполлону и читателю. <i>Перевод М. Гаспарова</i>	497
<i>Эпиграфические стихотворения</i>	
«Нимфа здешних я мест...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	497
«Я — Урс, кто первый из носящих тогу стал...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	498
«Родным была мила...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	498
«Веселись, живущий, в жизни...». <i>Перевод Ф. Петровского</i>	498
Примечания <i>С. Анга, Ю. Шульца</i>	501

На суперобложке:

«Сфинкс», фрагмент афинского кратера, VII в. до н. э. (Афины, Музей керамики);
 «Персей и Андромеда» из Помпей (Неаполь, Национальный музей).

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Том 4

АНТИЧНАЯ ЛИРИКА

*

Редактор Т. Блантер
Оформление «Библиотеки»

Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
М. Фридкина

Корректор Г. Аслапаянц

*

Сдано в набор 5/XI 1967 г. Подписано
к печати 18/I 1968 г. Бумага типограф-
ская № 1. 60×84¹/₁₆. 39 печ. л. = 36,387
усл. печ. л. 25,763 уч.-изд. л. + 7 пакидок
= 26,6 л. Тираж 300 000 экз.

Заказ № 2126. Цена 1 р. 29 коп.

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28

